

В. А. АЛЕКСАНДРОВ

ОБЫЧНОЕ ПРАВО
КРЕПОСТНОЙ
ДЕРЕВНИ
РОССИИ

XVIII - начало XIX в.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ДРУЖБЫ НАРОДОВ ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
ИМ. Н. П. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

В. А. АЛЕКСАНДРОВ

ОБЫЧНОЕ ПРАВО
КРЕПОСТНОЙ
ДЕРЕВНИ
РОССИИ

XVIII - начало XIX в.

Ответственный редактор
В. К. ГАРДАНОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1984

Работа представляет собой монографическое исследование, посвященное обычно-правовым нормам, на основе которых осуществлялось общинное землепользование и поддерживались имущественные внутрисемейные отношения. Показано значение этой работы для дальнейших исследований социально-экономической истории русской деревни, ее хозяйства и быта.

А 0505000000-158 25-84-П
042(02)-84

© Издательство «Наука», 1984 г.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР И ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

§ 1. Обычное право в отечественной науке XIX — начала XX в.

Дворянская и буржуазная историко-правовая наука в России обратила внимание на неписанные нормы, определявшие повседневную внутреннюю жизнь русской деревни, в первой половине XIX в. Русские правоведы второй половины XVIII — начала XIX в. (М. Артемов, Терлаич, Кукольник) сближали русское гражданское право с римским¹, а потому не задумывались о каких-либо национальных началах отечественного права. В других историко-правовых трудах гражданские законодательные нормы рассматривались в сословном аспекте в соответствии с социальным строем государства, а потому в них и речи быть не могло о каких-то правах податного населения, прежде всего крепостного крестьянства, которыми оно руководствовалось в своей жизни².

В первой половине XIX в. в связи с развертывавшейся острой теоретической борьбой о путях развития общественных отношений и государства с древнейших времен в русской историко-правовой литературе было обращено большое внимание на обычай как источник писаного права в процессе его становления и кодификации. Вместе с тем по мере развития начал буржуазного права историко-правоведы в России обратили также внимание на нормы гражданских взаимоотношений, бытовавшие в среде крестьянства и не совпадавшие с действовавшим законодательством. «Открытие» обычного права породило многочисленные споры, продолжавшиеся вплоть до начала XX в. Эти споры имели как теоретический характер, когда они касались сущности обычного права и возможности его изучения на разных этапах сложения писаного права, так и практическую направленность — о применимости обычных правовых норм в судебной и административной практике пореформенной России.

Крупный русский правовед первой половины XIX в. Ф. Морошкин в своем панегирике Соборному уложению 1649 г. рассматривал право «безусловной принадлежностью народа», «делом его совести»³. «Право живет в народных обычаях...», — писал он⁴.

¹ Мейер Д. И. Русское гражданское право. СПб., 1861, с. 20.

² Хавский П. О наследстве завещательном, родственном и выморочном... М., 1817—1820. Кн. 1—5.

³ Морошкин Ф. Об Уложении и последующем его развитии. М., 1839, с. 17.

⁴ Морошкин Ф. Об Уложении..., с. 16.

Ф. Морошкин рассматривал обычай как основной источник Уложения, принятие которого, по его мнению, диктовалось усложнением гражданских отношений, в результате чего «законодатели начали двигать народными убеждениями» и «открылся в истории законодательства период переселения обычая в положительное законодательство, период прехождения права в закон»⁵. Этому периоду, по убеждению Ф. Морошкина, «принадлежит честь освящения древнего обычая в судебный приговор, утверждавший самодержавие царей и беспредельное повиновение народа»⁶. «В домашнем быту русского селянина можно изучить в малом виде все основные идеи, все обычаи, весь процесс государственной жизни, принятый Уложением. А народность законов не есть ли первое условие их действительности!» — восклицал Ф. Морошкин⁷. Провозглашая Соборное Уложение и Новоуказные статьи 1670-х годов законодательством «в высшей степени народным»⁸, Ф. Морошкин все же отмечал, что далеко не все «народное убеждение», «юридические истины, положения и обычаи из гражданской жизни народа» вошли в состав Уложения⁹, объясняя это невозможностью законодательно исчерпать «богатый источник обычного права, этот неиссякаемый запас народных убеждений, народной совести»¹⁰.

В концепции Ф. Морошкина несложно заметить отражение официальной доктрины николаевского времени — «самодержавие, православие, народность». Вместе с тем в обращении к народным обычаям как источнику законодательной мысли следует видеть определенный этап развития русской историко-юридической науки, проявившейся в 1820—1830-х годах. В частности, обращает на себя внимание мысль Ф. Морошкина о том, что далеко не каждая обычно-правовая норма законодательно кодифицировалась. Ф. Морошкин полагал, что законодательство было просто не в состоянии исчерпать «неиссякаемый источник» обычного права.

Значительно более четко к этому вопросу подошел Д. И. Мейер в курсе лекций, читанных в Казанском университете. Рассматривая обычай как «выражение юридического воззрения народа по существу своему»¹¹, он даже считал, что «законодательная власть не может прямо устранить действие обычного права... Да притом же обычай так могуществен в юридическом быту, что, пожалуй, выведет из употребления закон, направленный против его применения. Путем обычая юридическое воззрение прокладывает себе дорогу к действительности в особенности на низшей ступени общественного быта»¹². Таким образом, Д. И. Мейером прямо

⁵ *Морошкин Ф.* Об Уложении..., с. 17.

⁶ *Морошкин Ф.* Об Уложении..., с. 25.

⁷ *Морошкин Ф.* Об Уложении..., с. 57—58.

⁸ *Морошкин Ф.* Об Уложении..., с. 57.

⁹ *Морошкин Ф.* Об Уложении..., с. 21.

¹⁰ *Морошкин Ф.* Об Уложении..., с. 22.

¹¹ *Мейер Д. И.* Русское гражданское право, с. 70—71.

¹² *Мейер Д. И.* Русское гражданство..., с. 26.

ставился вопрос о противоборстве законодательной деятельности и функционировавшего обычного права.

Некоторые правоведы значение обычая в истории права прослеживали в развитии судебного процесса. Так, Ф. М. Дмитриев полагал, что до XV в. в России развитие права, в частности судебного процесса, определялось почти исключительно влиянием обычая¹³. Много позднее к той же мысли приходил В. О. Ключевский после ознакомления с Судебником 1589 г. «Обычное право различными путями, между прочим, посредством отдельных судебных решений, нередко с доклада государю, становившихся обязательными прецедентами, проникало в практику московских судов, постепенно накапливая запас юридических норм, образовавших судебный обычай»¹⁴, — писал он.

С другой стороны, ученые, исследовавшие значение византийских памятников светского и духовного происхождения в истории становления законодательства на Руси, признавали большую роль обычно-правовых норм в процессе переработки византийского права на русской почве. Еще в 1829 г. Розенкампф отмечал, что при киевском князе Владимире после принятия христианства епископы и старейшины увидели «неудобность вдруг совершенно искоренить столь давно существовавшие обычаи» и считали нужным их сохранить. «Сие доказывает, — писал Розенкампф, — сколь трудно искоренять народные установления. Потому и мы находим оныя в древнем Собрании законов, или, лучше сказать, судных обычаев, известном под названием Русская Правда»¹⁵. По его мнению, древние уголовные и гражданские узаконения сохранились в судебниках 1498 и 1550 гг., в Соборном Уложении 1649 г. и Новоуказных статьях второй половины XVII в.¹⁶ То же мнение высказывал в 1846 г. Н. В. Калачев. «В нашем древнем законодательстве, с одной стороны, вследствие установления в теории узаконений византийских, а с другой стороны, вследствие удержания на практике прежних народных обычаев является замечательная двойственность, которая невольно проглядывает во всех источниках до самого Уложения царя Алексея Михайловича. Этой двойственности не чужды даже и те узаконения, которые издавались при содействии духовенства, ибо, повторяю, оно было не в силах сломить вдруг все обычаи, глубоко укорененные веками, и, напротив, только постепенно достигало своей цели... Поэтому в высшей степени трудно решить, какое значение на практике и с какого именно времени получил и у нас тот или другой источник византийского права»¹⁷, — писал он. Мнения об изменении визан-

¹³ *Дмитриев Ф. М.* История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от судебного приказа до учреждения о губерниях. М., 1859, с. 5—6.

¹⁴ Судебник царя Феодора Иоанновича 1589 г. М., 1900, с. XXXVIII.

¹⁵ *Розенкампф.* Обзорение Кормчей книги в историческом виде. М., 1829, с. 104.

¹⁶ *Розенкампф.* Обзорение..., с. 105—107.

¹⁷ *Калачев Н. В.* О значении Кормчей в системе древнего русского права. — ЧОИДР, 1847, № 3, I, с. 9.

тйских гражданских норм на русской почве и пополнении их чисто русскими юридическими обычаями, в том числе существовавшими и до принятия христианства на Руси, придерживался и И. Д. Беляев¹⁸. Эта мысль последовательно проводилась им при анализе семейно-имущественных отношений и регулировавших их правовых норм в древнерусском обществе¹⁹.

В историко-юридической литературе второй половины XIX в. вопрос о соотношении роли обычая и иноземного влияния в древнерусском праве разрешался по-разному. Исследователь канонического права А. С. Павлов, занимаясь изучением Кормчих в связи с вопросом о влиянии греко-римского права на русское до XIII в., приходил к выводу о «естественном преобладании» в XI—XII вв. в русской церкви «национальных юридических воззрений и обычаев»²⁰ и о включении дополнительных статей русского происхождения в списки Кормчих²¹. Компильтивным источником, в котором наряду с византийскими нормами содержались положения чисто русского происхождения, признавал Кормчую книгу и Н. П. Загоскин. Влияние византийского права на Соборное уложение 1649 г. он усматривал значительным лишь в области уголовного и лишь в поверхностной форме в области гражданского права²². П. Н. Мрочек-Дроздовский, исследуя Русскую Правду, также считал, что «византийские законы, будучи неприменимы к русской жизни, вызвали потребность в однопредметных постановлениях, основанных на обычном праве»; если же эти заимствования были прямые, то они так или иначе видоизменялись под местным влиянием²³. Мысль его сводилась к тому, что в Русской Правде были отражены законоположения, подтверждавшие «коренные обычаи народа», которые вступали в противоречие с проникшими на Русь после принятия христианства византийскими правовыми нормами. Гражданское право было почти не затронуто в Русской Правде, «очевидно, потому, что для возникавших в этой области правоотношений и тяжб были применены соответствующие статьи Судного Закона»²⁴, т. е. памятника византийского происхождения. Несравненно большую роль со времени принятия христианства и вплоть до XVII в. византийскому заимствованию, особенно в семейно-имущественных правовых отношениях отводил В. И. Сергеевич. По его мнению, это обуславливалось подсудностью духовным судам вопросов брачного права

¹⁸ Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства. М., 1879, с. 258, 259, 262, 263, 332.

¹⁹ Беляев И. Д. О наследстве без завещания по древним русским законам до уложения царя Алексея Михайловича. М., 1858, с. 26, 33, 40—43, 62, 68, 69, II (§ 7, 9, 10).

²⁰ Павлов А. С. Первоначальный славяно-русский Номоканон. Казань, 1869, с. 70.

²¹ Павлов А. С. Первоначальный... Номоканон, с. 61, 81.

²² Загоскин Н. П. История права Московского государства. Казань, 1877, т. 1, с. 84—88.

²³ Мрочек-Дроздовский П. Н. История русского права. М., 1892, с. 260.

²⁴ Мрочек-Дроздовский П. Н. История..., с. 253—254.

и права наследственного, при решении которых духовенство обращалось не к народным обычаям, а к византийским нормам²⁵.

Наиболее широко в русской историко-правовой науке XIX в. проблема обычного права была поставлена в 1840—1860-х годах К. Д. Кавелиным. Бытование его норм он связывал с особенностями общественного и семейного строя народа. Его схема исторического развития России, сыгравшая существенную роль в разработке «государственной школой» концепции о ведущей роли государства в историческом процессе, хорошо известна, и нет необходимости подробно останавливаться на ее содержании и критическом разборе²⁶. Существеннее сейчас уделить внимание схеме К. Д. Кавелина постольку, поскольку в ней отражены его взгляды на историю права. Противопоставляя самостоятельный путь развития России историческому развитию Запада, К. Д. Кавелин доказывал принципиальное отличие русского права от права западноевропейских государств, в частности от права римского²⁷. Историю права он пытался связать с процессом развития государства (конечно, в своем понимании) и объяснить особенности правовых норм на разных этапах истории разнообразными причинами политического, семейного и бытового характера. Разумеется, история права подчинялась К. Д. Кавелиным его общей схеме исторического развития России. По его мнению, вплоть до XVII в. в жизни народа господствовал патриархально-родовой быт, основывавшийся на обычае. После возникновения Московского государства при Иване IV необходимость создания прочного государства «рано обнаружила несостоятельность кровных начал в политической жизни. Но в гражданской сфере они не подвергались такой строгой критике и могли жить спокойно, не тревожились ничем; они и жили, как будто рассчитывая на бесконечное существование»²⁸. В Соборном Уложении 1649 г. обычнo-правовые установления еще преобладали, но в дальнейшем «древняя русская жизнь исчерпала себя вполне»²⁹; не только в политической и административной сфере, но и в гражданском быту «юридические отношения начали брать верх над кровными, родственными»; гражданские отношения (имущественные и личные), ранее вытекавшие из свято соблюдаемого обычая, стали определяться государством, которое в лице Петра I брало на себя разрешение всех давно назревших вопросов народной жизни³⁰.

²⁵ *Сергеевич В. И.* Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1910, с. 39, 44, 563—569, 575—578.

²⁶ *Кавелин К. Д.* Взгляд на юридический быт древней России.— *Современник*, 1847, т. 1; *Очерки истории исторической науки в СССР*. М., 1955, т. 1, с. 346, 347; *Цамугали А. Н.* Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX в. Л., 1977, гл. I, гл. III, § 2.

²⁷ *Кавелин К. Д.* Взгляд на историческое развитие русского порядка законного наследования...— *Современник*, 1860, № 2.

²⁸ *Кавелин К. Д.* Взгляд на юридический быт..., с. 37.

²⁹ *Кавелин К. Д.* Взгляд на юридический быт..., с. 44.

³⁰ *Кавелин К. Д.* Взгляд на юридический быт..., с. 43, 44, 47; *Он же.* Собр. соч. СПб., 1900, т. 4, стб. 209—211, 349—350.

Обращаясь к XVIII—XIX вв., К. Д. Кавелин уже в формально-юридическом аспекте полностью подчинял «народную жизнь» с ее обычно-правовыми устоями воле самодержавного государства. Вместе с тем он принципиально расходился со взглядами славянофилов, видевших в реформах Петра I насильственный разрыв с устоями древнерусской жизни.

В этой хорошо известной схеме обращает на себя внимание несколько выдвинутых К. Д. Кавелиным теоретических вопросов, существенных для развития историко-правовой и этнографической наук. Дело в том, что с момента организации Русского географического общества (1845 г.) и на протяжении 1850-х годов К. Д. Кавелин совместно с К. М. Бэрром и Н. И. Надеждиным играл руководящую роль в активной деятельности одного из его отделений — отделения этнографии³¹. Именно в это время деятелями РГО, в том числе и К. Д. Кавелиным, определялись «впервые не только в истории русской, но и в истории мировой науки задачи этнографии, место ее в системе человеческого знания»³². К. Д. Кавелин считал необходимым изучать народные обычаи, исходя из истории народа, а не объяснять их бытование заимствованием даже в случае внешнего сходства с обычаями других народов³³. В народных обычаях К. Д. Кавелин видел ценный, но весьма сложный источник, сложившийся постепенно из разнородных элементов, скрупулезное изучение которого может объяснить важные исторические явления в прошедшей жизни народа³⁴. «Словом, ищите в основании обрядов, поверий, обычаев — былей, когда-то живых фактов, ежедневных, нормальных, естественных условий быта, и вы откроете целый исторический мир, которого тщетно будем искать в летописях, даже в самых преданиях», — писал К. Д. Кавелин³⁵.

В отличие от историков права (прежде всего К. А. Неволлина), пытавшихся на основе анализа только юридических материалов восстановить логическую связь между законодательными положениями, зафиксированными в древнерусских письменных памятниках, К. Д. Кавелин считал, в частности, что порядок наследования по закону следует изучать на основе всей совокупности быта, «посреди которого возникают исследуемые отрывочные юридические факты, и в нем, через него искать между ними единства за недостатком непосредственной связи»³⁶. Основными «условиями быта», под влиянием которых сложился в древней Руси законодательный порядок наследования, К. Д. Кавелин считал постепенное развитие «общественности» (государственного строя), поземельной собственности и «рода» (или семьи). В этой связи он

³¹ Токарев С. А. История русской этнографии. М., 1966, с. 216, 217, 239; Кавелин К. Д. Соч. М., 1859, т. 4, с. 201—214.

³² Токарев С. А. История..., с. 266, 267.

³³ Кавелин К. Д. Соч., т. 4, с. 38, 42—47.

³⁴ Кавелин К. Д. Соч., т. 4, с. 4, 7, 36, 37, 39, 53, 80.

³⁵ Кавелин К. Д. Соч., т. 4, с. 56, 57.

³⁶ Кавелин К. Д. Взгляд на историческое развитие..., с. 458.

пытался проследить состояние личности социально-имущественного права в сфере разных, по его мнению, форм общественного и частного быта — общинного на Севере, в Пскове и Новгороде и вотчинного в остальной части Руси.

В том же историческом аспекте К. Д. Кавелин ставил не менее существенный для истории права вопрос о причинах отличия юридических бытовых норм, сохранявшихся в народной среде, от существовавшего законодательства. Это отличие он объяснял разной степенью воздействия государственной власти на общественный и семейный быт разных слоев общества. «В массах народа долго продолжали жить старые основы первоначального быта, медленно уступая новым условиям общественности... Но в семьях и родах, выделившихся почему-либо из народных масс и принимавших деятельное участие в государственной и политической жизни, новые начала должны были водвориться раньше и быстрее», — писал он, имея в виду «княжеские и другие знатные роды», из которых образовалось «московское вельможество и служилые чины Московского государства»³⁷. В этих слоях общества К. Д. Кавелин усматривал специфичность имущественных и семейных отношений («индивидуальность членов семей и родов, личная по-земельная собственность, юридические отношения между членами родов и семей по началам родства») и делал вывод, что именно «к ним почти исключительно относились древние законодательные постановления гражданского права»³⁸. По мнению К. Д. Кавелина, по мере того, как межкняжеские вотчинные отношения послужили первообразом для юридического оформления имущественных отношений при Иване III, «быт народных масс мало-помалу заслоняется высшими слоями общества; законодательство относится преимущественно к последним, а первые продолжают жить стародавними обычаями. Это замечание применяется в особенности к гражданскому праву, которое с XV в. до начала XIX носит на себе заметную печать служилых разрядов общества»⁴⁰.

Мысль К. Д. Кавелина о социальном характере законодательства и его своеобразии по сравнению со старыми правовыми нормами, сохранявшимися на основе обычая среди народных масс, об обусловленности таких норм общественными и семейными условиями была безусловно плодотворна для разработки истории права. Почти одновременно с К. Д. Кавелиным И. Д. Беляев также отмечал социальную сторону законодательства с XVI в. применительно к наследственному праву: «Вообще Судебник (1550 г.— В. А.) и последующее законодательство обращали внимание относительно порядка наследования только на вотчинников, на высший класс общества, общинников же оставили относительно сего предмета при старых обычаях, по которым они и теперь живут»⁴¹.

³⁷ Кавелин К. Д. Взгляд на историческое развитие..., с. 465.

³⁸ Кавелин К. Д. Взгляд на историческое развитие..., с. 465, 469, 470, 474.

³⁹ Кавелин К. Д. Взгляд на историческое развитие..., с. 465.

⁴⁰ Кавелин К. Д. Взгляд на историческое развитие..., с. 477.

⁴¹ Беляев И. Д. О наследстве..., с. 79.

Однако этот социальный аспект почти не получил развития в русской буржуазной историко-правовой науке; в равной степени не получила широкого развития в этнографической науке XIX — начала XX в. мысль К. Д. Кавелина о необходимости изучать обычаи прежде всего на основе истории конкретного народа, а не объяснять их результатом заимствования⁴².

В дальнейшем в общих курсах истории права и отдельных исследованиях русские буржуазные историки-правоведы второй половины XIX — начала XX в. рассматривали обычаи лишь в ракурсе становления и развития законодательного отечественного права, хотя постоянно подчеркивали существование обычно-правовых норм в повседневной жизни народа. Так, Д. Я. Самоквасов писал: «Каждому, кто сколько-нибудь знаком с сельским бытом русского народа, хорошо известно, что крестьянин в большинстве его семейных и общественных отношений не знает постановлений нашего законодательства, а определяет свои отношения к семье и общине понятиями о праве, может быть, регулировавшими семейные и общественные отношения русского народа за тысячу лет назад»⁴³. Не менее определенно писал Н. П. Загоскин: «Обычное право не утрачивало жизненного значения своего и в последующие эпохи русской жизни; известно, что почти исключительно обычным правом и до наших дней регулирует свою правовую жизнь наше крестьянство, т. е. огромное большинство русского народа»⁴⁴. Наконец, М. Ф. Владимирский-Буданов со своей стороны свидетельствовал: «Несравненно большая масса жителей России и теперь подчиняется не началам свода, а тем нормам, которые мы иногда отказываемся допустить в седой старине. Эти „древности права“ суть весьма живая новость»⁴⁵.

Попытка Б. Н. Чичерина доказать, что только законодательная власть с Петра I подчинила себе господствовавший до этого времени хаос «личной воли», не встретила поддержки⁴⁶.

Единогласно, но в самом общем виде признавая самостоятельное существование обычного права в крестьянской среде вплоть до XX в., историки-правоведы по-разному подходили к возможности его познания и к оценке его значения на разных этапах сложения писаного права. Как правило, не обращаясь к специальному исследованию обычного права, они лишь исходили из общей посылки о его значении в общем кодификационном процессе. Так, Н. Л. Дювернуа, рассматривая соотношение значения обычая и установлений церкви и княжеской власти в процессе становления писаного права на Руси, исходил из мысли, что «в непре-

⁴² Токарев С. А. История..., с. 273.

⁴³ Самоквасов Д. Я. История русского права. Варшава, 1878, т. 1, вып. 1, с. 245.

⁴⁴ Загоскин Н. П. История права русского народа. Казань, 1899, т. 1, с. 186.

⁴⁵ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. СПб., 1907, с. 684.

⁴⁶ Чичерин Б. Н. Опыты по истории русского права. М., 1858, с. 274, 366, 368.

рельным движением почти никакого право не может оставаться дол-
гое время неизменным»⁴⁷. Он относил господство обычая к заре
государственности, когда на общину опиралась охрана личности
и собственности и в ней «должна была первоначально определять-
ся и мера права и способ его защиты для всякого ее члена»⁴⁸.
Эти обычно-правовые нормы, по его мнению, определяли положен-
ия Русской Правды, но в дальнейшем ее догмы развивались уже
под влиянием не только обычая, но и церкви и княжеской вла-
сти⁴⁹. Н. Л. Дювернуа допускал и в этих условиях не только со-
хранение, но и развитие обычая. Эта мысль четко прослеживается
у него в трактовке истории наследственного права. «Для вся-
кого очевидно,— писал он,— что по своему составу наследство в
практике XIV и XV века представляет собой нечто совершенно
непохожее на тот статок, о котором говорит Русская Правда»⁵⁰.
Тем не менее Н. Л. Дювернуа продолжал рассматривать обычай
источником наследственного права, который, по его мнению, про-
слеживался в нормах, содержащихся в духовных грамотах. По
мысли Н. Л. Дювернуа, коллизии, содержащиеся в духовных гра-
мотах, опирались на обычно-правовые представления, бытовав-
шие и признававшиеся судебной практикой: «Духовные грамоты
фиксируют понятие и состав наследства, которые не определяет
никакой закон»⁵¹.

Первостепенное значение обычного права в истории русского
права последовательно доказывал Н. П. Загоскин. Он писал:
«Отношения юридической жизни всякого народа... далеко не
исчерпываются, да и не могут быть исчерпаны писанным правом;
наряду с последним в жизни всякого народа действуют также
нормы права неписаного, права не закрепленного письменностью,
но твердо и неизменно живущего в народной памяти. Совокуп-
ность подобных норм неписаного права, действующего в среде
известного народа, составляет *обычное право* (курсив оригинала.—
В. А.) его»⁵². Поставив вопрос о существовании архаического
права славянского права, Н. П. Загоскин обосновывал методику его
изучения путем сравнительного анализа существовавших у раз-
ных славянских народов юридических символов, формул, терми-
нологии, норм обычного права и законодательных памятников⁵³.

Наряду с памятниками законодательства Н. П. Загоскин весь-
ма расширительно рассматривал обычное право как источник,
определявший «значительную массу отношений и институтов
не только частного гражданского права, но даже весьма обшир-
ный круг отношений и институтов, относящихся к различным
сферам прав государственного, административного, уголовного и

⁴⁷ Дювернуа Н. Л. Источники права и суд в древней России. М., 1869, с. 29.

⁴⁸ Дювернуа Н. Л. Источники..., с. 29.

⁴⁹ Дювернуа Н. Л. Источники..., с. 204, 328.

⁵⁰ Дювернуа Н. Л. Источники..., с. 238.

⁵¹ Дювернуа Н. Л. Источники..., с. 249.

⁵² Загоскин Н. П. История..., 1877, т. 1, с. 29.

⁵³ Загоскин Н. П. История..., 1899, т. 1, с. 184—197, 439—472.

судебного процесса»⁵⁴. Русскую Правду Н. П. Загоскин считал кратким сборником записанных норм обычного права, а во всем дальнейшем законодательстве, воплотившемся в псковской и погребальской Судных грамотах и Судебниках 1497 и 1550 гг., видел строго национальное развитие русского права, постепенно кодифицировавшего положения права обычного⁵⁵. По его убеждению, на протяжении «московского периода» русской истории (1462—1703) действовавшие нормы «изстаринного обычного права» были основным источником для правительства в его законодательной деятельности вплоть до Соборного Уложения 1649 г. и Новоуказных статей 1670-х годов; этот источник развивался и дополнялся «самой жизнью», причем государство, воплощавшее неписаное обычное право в форму закона, регламентировало гражданские нормы в тех редких случаях, когда затрагивались его интересы, в частности в сфере прав наследственных, вотчинных и поместных, опеки и состояний⁵⁶. Не соглашаясь с К. Д. Кавелиным, Н. П. Загоскин считал, что в дальнейшем генетическая цепь с глубины закрытых для исследователя веков, связывавшая все памятники законодательства, лишь до некоторой степени была нарушена при Петре I западноевропейскими заимствованиями, а потому законодательство «московского периода» в значительной степени сохраняло свое значение и в XIX в.⁵⁷ Поэтому, полагал Н. П. Загоскин, брачные, наследственные, общинные и земельные нормы прежде всего дают «основания искать в современном обычном праве русского народа переживаний его древнего юридического быта»⁵⁸.

Совершенно с иных позиций одновременно с Н. П. Загоскиным подходил к возможности изучения обычного права другой крупный историк права Д. Я. Самоквасов. По существу, он не принимал идею К. Д. Кавелина искать ключ к пониманию русской истории в «нашем внутреннем быте, т. е. в обычном праве», и скептически относился к возможностям познания обычного права в его историческом существовании. Он был крайне осторожен в отношении результата сравнительного историко-юридического изучения письменных памятников и обычного права, известного в XIX в., в целях выявления архаических обычаев. По его мнению, «решения вопросов древнейшего периода истории русского права встречали до настоящего времени непреодолимую трудность в том, что по отношению к общественным, уголовным и имущественным отношениям наука не располагает такою несомненною мерою древности обычаев, встречаемых в позднейших памятниках русского права и в современном обычном праве русского народа, какой она располагает по отношению к вышесказанным погребальным и семейным обычаям и обрядам. За отсутстви-

⁵⁴ Загоскин Н. П. История..., 1877, т. 1, с. 29—30.

⁵⁵ Загоскин Н. П. История..., т. 1, с. 134—138.

⁵⁶ Загоскин Н. П. История..., т. 1, с. 8, 30—32.

⁵⁷ Загоскин Н. П. История..., т. 1, с. 138.

⁵⁸ Загоскин Н. П. История..., 1899, т. 1, с. 196.

ем такой меры в настоящее время нет никакой возможности отделить в позднейшем русском праве архаические обычаи от обычаев, возникших в позднейшие исторические эпохи»⁵⁹. Эту осторожность он аргументировал ссылкой в виде примера на разное понимание учеными происхождения Русской Правды — была ли она сборником законов или имела неофициальное значение. Отсюда, по мнению Д. Я. Самоквасова, вытекала и трактовка ее статей — «представляют собой эти статьи нормы обычного права, действовавшие в известной местности, или на всем пространстве древней Руси, законоположения, предписанные верховной властью, или, наконец, отдельные случаи, взятые составителем из судебной практики?»⁶⁰. Сам Д. Я. Самоквасов склонялся к мнению о частном происхождении Русской Правды и исходя из этого, во-первых, считал памятник при тогдашнем состоянии его изученности почти бесполезным для решения вопроса «о началах политико-юридической организации русских славян в дорюриковскую эпоху и в эпоху призвания Рюрика»⁶¹; во-вторых, признавая Русскую Правду чрезвычайно важным источником познания русского права древнейшего христианского периода и не сомневаясь в том, что она содержит нормы права языческого периода⁶², Д. Я. Самоквасов, однако, не видел «верных средств, при посредстве которых было бы возможно отличить обычаи древнейшего происхождения от обычаев происхождения позднейшего»⁶³. Поэтому, писал он, «современное нам обычное право остается до настоящего времени почти бесполезным источником в деле решения вопросов о семейных отношениях и совершенно бесполезным в решении вопросов об отношениях общественных, уголовных и имущественных наших предков»⁶⁴.

Весьма своеобразно и, быть может, еще более расширительно, чем кто-либо из дореволюционных историков права, толковал обычаи В. И. Сергеевич. Он признавал обычаи исходным источником правовых норм, трактуя его возникновение и функционирование в сугубо идеалистически внеклассовом аспекте⁶⁵.

По его представлению, вплоть до установления самодержавия в России понятия «закон» и «обычай» представлялись синонимами, а потому именно на обычае был основан весь правопорядок общественных отношений. По этому поводу он писал: «Частные и государственные права подчинялись его (обычая.— В. А.) действию: права князей и народа, право наследования, мести, выкупа, право собственности и т. д.— все было основано на обычае»⁶⁶. Отсюда вытекало и отрицание В. И. Сергеевичем значе-

⁵⁹ Самоквасов Д. История..., с. 221.

⁶⁰ Самоквасов Д. История..., с. 224—225.

⁶¹ Самоквасов Д. История..., с. 228.

⁶² Самоквасов Д. История..., с. 228, 229.

⁶³ Самоквасов Д. История..., с. 231.

⁶⁴ Самоквасов Д. История..., с. 231—232.

⁶⁵ Сергеевич В. И. Лекции..., с. 24.

⁶⁶ Сергеевич В. И. Лекции..., с. 22.

ния Русской Правды как государственного законодательного документа и лишь частичное признание таковым княжеских уставов и судебныхников.

Весьма характерным для русской историко-юридической буржуазной школы был подход к трактовке обычая другого крупного историка-правоведа М. Ф. Владимирского-Буданова. Историю русского права он определял как науку, «излагающую прогрессивное развитие юридических норм в жизни русского народа», справедливо полагая, что только путем исторического изучения может быть уяснена взаимная связь норм государственного (государственное устройство, управление и законодательство) и частного права⁶⁷. Под понятием «история права» он подразумевал «изложение не только норм, установленных в законе, но и существовавших помимо закона (в обычном праве)»⁶⁸. Он признавал обычай одним из источников права и отдавал должное существенности сохранявшихся и в XIX в. обычно-правовых норм. В своей схеме исторического развития русского права М. Ф. Владимирский-Буданов намечал три периода (IX—XIII вв., XIV—XVII вв., XVIII—XIX вв.), на протяжении которых шел последовательный процесс от господства обычного права в первом, земском периоде, с которым не могла конкурировать законодательная деятельность власти, к сосуществованию «в равной силе» обычая и закона во втором, московском периоде, и, наконец, к господству закона в период империи⁶⁹.

Стремление сопоставить значение обычного права и законодательной деятельности государства на разных этапах истории даже в ограниченных рамках формально-юридической школы было привлекательной стороной схемы М. Ф. Владимирского-Буданова; он определял важнейшие формы выражения обычного права (акты юридических сделок, судебные акты, словесные формулы в пословицах и т. п.), отмечал существенную роль обычая, когда та или иная норма образовывалась лишь постепенно во времени⁷⁰. На этом положительная сторона исследования М. Ф. Владимирского-Буданова в интересующем нас аспекте исчерпывалась. Следуя взглядам формально-юридической школы, возникновение любых норм он объяснял не социально-экономическими условиями, а природой человека. М. Ф. Владимирский-Буданов прежде всего анализировал памятники законодательного происхождения. Все, что выходило за границы законодательства, особенно в период империи, что не кодифицировалось, его уже не интересовало. Тем самым утверждение автора о том, что большая часть народа руководствовалась в своей жизни обычаями, а не Сводом законов, вступала в противоречие со схемой.

С М. Ф. Владимирским-Будановым солидаризировался в периодизации истории русского права А. Н. Филиппов; по его мнению,

⁶⁷ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор..., с. 1.

⁶⁸ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор..., с. 1.

⁶⁹ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор..., с. 4, 5, 87.

⁷⁰ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор..., с. 488.

до образования Московского государства обычное право было самостоятельным и важнейшим источником права, а закон играл лишь второстепенную роль; в период империи, с Петра I, закон господствует⁷¹. Право Московского государства А. Н. Филиппов характеризовал, следуя за Н. П. Загоскиным: закон «лишь санкционирует в своих нормах то, что соответствует основным народным правовоззрениям, т. е. продолжает ту же работу возведения в закон народных юридических обычаев, которая началась в предыдущий период...»⁷².

Итак, русские историки-правоведы уже на первых этапах «открытия» обычного права в первой половине XIX в. не могли не обратить на него внимания как на исторический источник, и в попытках найти его место в общей истории права стали искать соотношение обычая и закона. Они довольно единодушно сходились в признании обычая первоначальной формой правовых установлений, регулирующих нормы общественных и бытовых отношений и длительно сохранявшихся в жизни народа, определяли источники, по которым можно было бы проследить бытование обычно-правовых норм; делались попытки и разработки методики их изучения. Признание источниковедческого значения обычая было успехом в изучении обычного права. Однако если К. Д. Кавелин поставил вопрос о необходимости изучения обычаев для раскрытия многообразия народной жизни на разных этапах ее истории, причин их возникновения и бытования, об их подверженности к изменениям и трансформации своего существа, то в дальнейшем историко-правовая наука в России пошла по сугубо формально-юридическому пути. Историки права, представлявшие «государственную школу», в объяснении права в целом в равной степени были далеки от понимания социальных и экономических причин его возникновения и существования⁷³. В тех случаях, когда они обращались к обычному праву, их интересовало только соотношение обычно-правовых и законодательных гражданских норм на разных этапах развития писаного права. При всех расхождениях в оценках этого соотношения в разные периоды истории России, в отдельных попытках установить его этапность, в трактовке понимания обычая и закона историки-правоведы вне связи с классовой направленностью права рассматривали обычай только в аспекте становления и кодификации писаного права, но не анализировали обычай как источник правовых норм, бытовавших сами по себе и определявших жизнь крестьянства. Весьма показательно, что, добившись безусловных успехов в изучении

⁷¹ Филиппов А. Н. История русского права. Юрьев, 1906, вып. II, с. 3, 5.

⁷² Филиппов А. Н. История..., с. 4—5.

⁷³ В буржуазной науке по истории права в России установилось несколько в равной степени идеалистических направлений в определении происхождения обычного права (см.: Мейер Д. И. Русское гражданское право, с. 23—27; Сергеевич В. И. Лекции..., с. 5; Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор..., с. 88—90; Филиппов А. Н. История... М., 1905, ч. 1, с. 41—43; Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. СПб., 1912, с. 13).

кодификации гражданского права и улаживая влияние на него обычно-правовых норм на ранних этапах, историки-правоведы рассматривали историю права в XVIII и XIX вв. исключительно в ракурсе государственных законоположений и в своих исследованиях обходили функционирование в это же время обычного права в крестьянской среде. Поэтому, когда во второй половине XIX в. началась активная работа по изучению бытовавших тогда обычно-правовых норм, труды историков-правоведов, представлявших «государственную школу», не могли послужить скольконибудь серьезной основой для исследователей, пытавшихся выяснить сущность обычного права, тем более в его историческом развитии.

* * *

В процессе подготовки реформы 1861 г., а тем более после ее принятия при сохранении общинного мирского устройства и особого суда для крестьян проблема обычного права приобрела практическое значение. В частности, по положению реформы 19 февраля 1861 г. (статьи 21, 38, 107) крестьянам дозволялось руководствоваться своими обычаями при разрешении наследственных имущественных отношений, дел, связанных с опекой и попечительством, и т. д. Тем самым произошло фактическое узаконение функционирования обычного права в государственно-правовой практике России. Объяснялось это тем, что коллизии общинной хозяйственной жизни, а также многие стороны гражданских отношений в крестьянской среде или вовсе не предусматривались действовавшим сводом законов, или не могли быть разрешены в силу своего своеобразия⁷⁴.

Признание за обычаями силы действующих юридических норм тотчас породило насущную необходимость изучения правоотношений, существовавших в крестьянской среде. Неизбежно возникали вопросы о соотношении обычно-правовых норм с действовавшими или разрабатывавшимися соответственными положениями государственного гражданского права, об их применимости в судебной и административной практике. Закон от 12 июля 1889 г. об обязательном применении обычного права при судебном разрешении крестьянских дел⁷⁵ тем более стимулировал изучение местных обычаев.

На протяжении второй половины XIX в. этнографами и юристами, специализировавшимися в области гражданского права, научными организациями и государственными учреждениями была проведена значительная работа по сбору материала, содержащего многообразные нормы обычного права, по его систематизации и осмыслению. Еще в конце 1840-х годов министерство государственных имуществ по 44 губерниям России собрало све-

⁷⁴ Илларионов Н. С. К вопросу о разработке обычного права.— ВП, 1899, № 1, с. 78—85.

⁷⁵ Илларионов Н. С. К вопросу..., с. 78.

дения о семейно-имущественных отношениях в среде государственных крестьян, которые были обобщены и в 1862 г. опубликованы Ф. Ф. Барыковым⁷⁶.

На протяжении 1860—1870-х годов по инициативе руководителя отделения этнографии Русского географического общества Н. В. Калачева разрабатывались программы по сбору народных юридических обычаев, была организована этнографо-статистическая экспедиция в «западнорусский край», собравшая на основании решений волостных судов множество данных о таких обычаях. РГО опубликовало большое количество изданий, посвященных обычному праву. В 1872 г. правительственная комиссия исследовала в 15 губерниях положение волостных судов и зафиксировала нормы обычного права, применявшиеся в них при разборе гражданских дел, и другие юридические обычаи. Изданные материалы этой комиссии стали предметом целого ряда юридических и этнографических исследований. Вопрос о разработке обычного права был поставлен петербургским юридическим обществом; применимость его норм обсуждалась на съездах юристов и в прессе⁷⁷. Только за 1876—1889 гг. было опубликовано более 3500 книг и статей, либо посвященных обычному праву, либо содержащих материал о нем⁷⁸. В этой научной и публицистической литературе отражалась борьба различных общественных лагерей о путях социального и хозяйственного развития деревни и судьбе сельской общины. Постановка проблемы обычного права усложнялась тем, что государственные феодально-сословные правовые установления в процессе осуществления буржуазных реформ 1860—1870-х годов преодолевались далеко не последовательно, и государственная юридическая мысль так и не преодолела в определении гражданского состояния крестьянства груза прошлого.

Подробный историографический обзор общественно-политической борьбы в данном аспекте может служить предметом особого исследования. Для историографии же проблемы обычного права представляет интерес прежде всего подход исследователей второй половины XIX — начала XX в. к постановке основных задач в его изучении. Они верно проводили связь между хозяйственным и семейным строем, с одной стороны, и правовыми представлениями крестьянства — с другой. Многие были сделаны также в систематизации разнообразных данных обычного права.

Обширная полемика развертывалась в двух направлениях — теоретическом (о соотношении законодательства и обычного права и значении последнего в жизни деревни и его роли в общинной организации крестьянства) и практическом (о применимости норм обычного права в судебно-административной практике и

⁷⁶ Барыков Ф. Ф. Обычаи наследования у государственных крестьян. СПб., 1862.

⁷⁷ Илларионов Н. С. К вопросу..., с. 78—91; Токарев С. А. История русской этнографии. М., 1966, с. 288—291.

⁷⁸ Токарев С. А. История..., с. 290.

возможности их кодификации). В этой полемике определительно два связанных между собой вопроса, представляющих наибольший историографический интерес: во-первых, о «разрыве» между писаным и обычным правом в процессе их исторического развития и, во-вторых, о существовании имущественных семейных и общинных крестьянских отношений по обычному праву, т. е. фактически о жгучем для того времени вопросе о крестьянской собственности.

Одни исследователи видели в обычаях, зафиксированных во второй половине XIX в., самобытное развитие юридических норм, другие сближали их с установлениями государственной власти. Так, в конце 1870-х — начале 1880-х годов И. Тютрюмов, опираясь на труды комиссии, изучавшей обычное право в практике волостных судов, в серии статей настаивал на существовании непрерывной связи между современными ему обычаями и обычаями древней Руси. Ссылаясь на нормы, воплотившиеся в Русской Правде и псковской Судной грамоте и сохранившиеся в крестьянском быту XIX в. (пожизненное пользование вдовы при детях всем семейным имуществом; оставление родительского дома младшему сыну; право матери завещать личное имущество; дочери, при наличии братьев, не участвуют в разделе наследства и т. д.), он писал: «Обращаясь к народно-обычному праву, мы не можем не заметить той непрерывной связи, которая существует между современными обычаями крестьян и обычаями древнерусского быта»⁷⁹. Непрерывность этой связи, по убеждению И. Тютрюмова, «придает особенную силу и значение юридическим обычаям крестьян»⁸⁰. По его мнению, игнорирование законом крестьянской жизни началось в «московский период» русской истории, когда государство обращало внимание только на служилое сословие, определяло порядок владения им вотчинных и поместных земель и «совершенно игнорировало крестьянскую жизнь, как не затрагивающую его полицейско-финансовых интересов»⁸¹. Поэтому у крестьянства, по мнению И. Тютрюмова, сохранялась своя система наследственного права, существовавшая со времен древней Руси и развивавшаяся совершенно самостоятельно⁸². И. Г. Оршанский также придерживался мысли о сохранении у крестьян древнерусских законов, которые были «некогда общие русскому праву, без различия сословий»⁸³.

Идея о принципиальном отличии обычного права от права государственного была развита А. Я. Ефименко. Она писала:

⁷⁹ Тютрюмов И. Крестьянское наследственное право: (Очерки народного обычного права).— Слово, 1881, февр., с. 56.

⁸⁰ Тютрюмов И. Имущественные отношения супругов по обычному праву русского народа.— РР, 1879, февр., с. 297.

⁸¹ Тютрюмов И. Крестьянская семья: (Очерк обычного права).— РР, 1879, апр., с. 271 (см. также: Тютрюмов И. Крестьянское наследственное право..., февр., с. 54, 55).

⁸² Тютрюмов И. Крестьянское наследственное право..., февраль, с. 46, 57; Он же. Крестьянская семья..., апр., с. 271.

⁸³ Оршанский И. Г. Исследования по русскому праву обычному и брачному. СПб., 1879, с. 76.

«Народное обычное право и право культурное представляют собой два строя юридических воззрений, типически отличных один от другого, и потому всякая попытка систематизировать народное право по нормам юридической теории есть самое неблагоприятное дело»⁸⁴. Точка зрения о самостоятельном существовании и развитии обычного права была поддержана в начале XX в. А. А. Леонтьевым и особенно К. Р. Качоровским. По мнению А. А. Леонтьева, бытование обычного права было результатом правового обособления крестьянства со стороны государства со времен установления крепостного права; если до того крестьяне «стояли лицом к лицу с государственной властью», то в дальнейшем законодательство обнимало собой отношения «правлящих классов» и все более и более «удалялось от цели нормировать имущественные отношения трудящегося народа»⁸⁵. В результате крестьянство, изолированное от регулирующего влияния законодательных норм, само выработало целый строй гражданско-правовых отношений⁸⁶, «который крепко связан в их правосознании с их чувством справедливости и который является правовой оболочкой их экономических отношений»⁸⁷.

Еще дальше в своих теоретических построениях пошел К. Р. Качоровский. В обычном (по терминологии автора — народном) праве К. Р. Качоровский видел не только особый, но и единственно прогрессивный тип развивавшихся правовых отношений, отражающий правосознание и политическую программу народных масс⁸⁸; по его мнению, эти отношения отражали общинно-трудовой быт, сложившийся до создания крепостнического государства, которое не смогло «за отсутствием сильной культуры в социальных верхах» разрушить народную «первобытную культуру»⁸⁹. Весьма любопытно, что, запальчиво доказывая социальное существо народного права и отказывая в этом законодательству, К. Р. Качоровский вступал в противоречие с самим собой в основном пункте своих теоретических взглядов, так как в другой книге — «Русская община», изданной одновременно с книгой «Народное право», он склонялся к государственному происхождению крестьянской общины!⁹⁰

Разумеется, путем сличения отдельных правовых норм в памятниках разных эпох, на двух хронологических полюсах — в древней Руси и в современное для исследователей время, можно было лишь крайне поверхностно проследить их многовековое существование. Совершенно не случайно обычное право позднего средневековья не привлекало их внимания. Это объяснялось не

⁸⁴ Ефименко А. Я. Исследования народной жизни. М., 1884, вып. 1, с. 171 (см. также: с. 136, 138, 174, 179).

⁸⁵ Леонтьев А. А. Крестьянское право. СПб., 1914, с. 4.

⁸⁶ Леонтьев А. А. Крестьянское право, с. 19.

⁸⁷ Леонтьев А. А. Крестьянское право, с. 20.

⁸⁸ Качоровский К. Р. Народное право. М., 1906, с. 5, 9, 99, 231, 249.

⁸⁹ Качоровский К. Р. Народное право, с. 16, 17, 84, 102, 137.

⁹⁰ Об этом см.: Александров В. А. Сельская община в России (XVII — начало XIX в.). М., 1976, с. 21, 22.

только скудостью материала. То же самое в буржуазной историографии наблюдалось и в отношении сельской общины, история которой была органически связана с историей обычного права. И в том и в другом случае представители буржуазной и мелкобуржуазной исторической мысли абстрагировались от системы общественных отношений, в условиях которой община и обычное право существовали на протяжении веков и были далеки от диалектического подхода к анализу исторических явлений.

Впрочем, исторические корни бытования обычного права привлекали внимание исследователей не столь уж значительно, и его история прослеживалась иллюстративно. Только в отдельных случаях огромный материал по обычному праву, собранный на протяжении второй половины XIX в., систематизировался и привлекался для сравнительно-исторических исследований и в хронологическом и в этническом аспектах. Так, А. Г. Смирнов выпустил основанную на значительном фактическом материале работу, о сравнительно-историческом анализе семейного обычного права, где он прослеживал в семейно-брачных отношениях древние формы брака⁹¹. Несравненно более существенное место в литературе второй половины XIX в. занимала полемика о существе имущественных отношений у крестьянства по нормам обычного права и его применимости в практике крестьянских волостных судов. Вопрос первостепенной важности для истории общинной деревни, а именно — о праве собственности и распоряжении имуществом и порядке его наследования в крестьянской среде органично был связан с вопросом о сущности крестьянской семьи. Исследователи, даже придерживавшиеся разных направлений, довольно единодушно и не без основания полагали, что крепостное право и общинное землепользование задерживали развитие понятия «частная собственность»; но на этом единство и кончалось. Во второй половине XIX в. получила широкое распространение теория, согласно которой крестьянская семья рассматривалась лишь как трудовая ассоциация. Обширная полемика, возникшая по поводу этой теории, заслуживает внимания постольку, поскольку в ней отразились различные взгляды на «природу» крестьянского двора.

Еще в 1859 г. Н. В. Калачев высказал мысль о том, что крестьянская семья представляет собой хозяйственный союз родственных и неродственных принятых в него лиц, имущественные отношения которых определяются по вложенному каждым из них труду в накопление имущества, т. е. трудовым началом⁹². Вскоре Ф. Ф. Барыков попытался обосновать это положение самобытностью народной жизни. «Нельзя не заметить резкой разницы между порядком наследования по своду законов и по

⁹¹ Смирнов А. Г. Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа. М., 1877.

⁹² Калачев Н. В. Юридические обычаи крестьян в некоторых местностях. — В кн.: Архив исторических и практических сведений, относящихся к России. М., 1859.

обычая крестьян... крестьянские обычаи выработались самобытно из самой народной жизни, причину этой разницы, и притом, как нам кажется, главную, можно отыскать в самом имущественном и хозяйственном положении крестьян, которое наложило свою печать и на характер крестьянской семьи и на понятие о крестьянском имуществе»⁹³, — писал Ф. Ф. Барыков. Далее он развивал свою мысль: «Вообще, главный фактор в крестьянском хозяйстве составляет не капитал, а личный труд... Семья по его (крестьянина.— В. А.) понятиям, по крайней мере юридическим, есть не только личный союз родства, но и рабочий хозяйственный союз, связанный общностью средств, потребностей и обязательств; это, если можно так выразиться, кровная артель. Имущество крестьянина не есть личная его собственность, а общий хозяйственный инвентарь всей семьи, который большей частью не может быть разделен без расстройство хозяйства и остается в общем владении под распоряжением старшего в доме, а если и делится, то не по родственному распорядку степеней и линий, а по мере участия в общем заработке. Из этого проистекает и главное различие между порядком наследования по своду законов и по крестьянским обычаям. Первый основан исключительно на началах: родовом, семейном и отчасти сословном; во втором к ним примешивается и преобладает начало экономическое, артельное»⁹⁴. Итак, по мнению Ф. Ф. Барыкова, специфика имущественных отношений в крестьянской среде определялась хозяйственным положением крестьянской семьи и ее прежде всего артельным характером. «Крестьянское имущество есть общая принадлежность дома, семьи, находящаяся в заведывании домохозяина; отдельной личной собственности у членов семьи почти нет, и потому по смерти их наследство не открывается», — заключал свои теоретические построения Ф. Ф. Барыков⁹⁵.

В 1870—1880-х годах этот взгляд получил развитие в трудах П. С. и А. Я. Ефименко, И. Тютрюмова, И. Г. Оршанского, а в начале XX в. — в работах А. А. Леонтьева и К. Р. Качоровского. Авторы этой «трудовой теории» все явления, так или иначе определявшие или характеризовавшие крестьянскую семейную жизнь (от браков до разделов), весь ее строй подчиняли хозяйственно-имущественным отношениям; акцентировка внимания на равных возможностях, но не правах, всех работников-мужчин в получении доли семейного добра, нажитого ими общим трудом, проистекала из народнических воззрений на общину, якобы гарантировавшую всем крестьянским хозяйствам равные условия в обеспечении средством производства — землей.

По мнению теоретиков «трудового начала», крестьянская семья представляла трудовую ассоциацию или трудовую ячейку, в которой кровная связь была элементом второстепенным. В такой

⁹³ Барыков Ф. Ф. Обычай..., с. 6.

⁹⁴ Барыков Ф. Ф. Обычай..., с. 7—8.

⁹⁵ Барыков Ф. Ф. Обычай..., с. 9.

ассоциации всякий ее член вне зависимости от родственных отношений являлся совладельцем земли и имущества; таким образом устанавливалась связь между коллективной собственностью на имущество в крестьянской семье и общинным правом собственности на землю в целом.

В оценке отношений, складывавшихся внутри такой «ассоциации», сторонники «трудовой теории» не были едины. П. С. Ефименко, исследовавший обычаи северорусского крестьянства, утверждал, что семейная ассоциация, основанная на материальных интересах, «связывается не особенно возвышенными чувствами, чаще всего, с одной стороны, — насилем, принуждением, с другой — страхом, внушаемым деспотическим обращением»⁹⁶. Особенно настойчиво П. С. Ефименко проводил мысль о приниженном положении в среде русского крестьянства женщины, о «варварском обращении» с ней главы семейства — домовладыки, господина и повелителя⁹⁷. Последняя мысль получила развитие со стороны других авторов, акцентировавших внимание на патриархальных нравах в многолюдных семьях, члены которых были фактически бесправны перед их главами⁹⁸. Другие сторонники «трудовой теории», оценивая внутрисемейные крестьянские отношения, впадали в иную крайность. Так, в работах И. Тютрюмова наиболее прямолинейно отразились идеалистические положения «трудовой теории». По его представлению, принципы «трудового начала», заложенные в обычном праве, — безусловное достижение народной мудрости, несовместимое как с домостроевскими патриархальными воззрениями, так и началами кровной родственной связи, принятыми законодательством⁹⁹. Как домостроевские порядки, так и начала кровной родственной связи считались автором анахронизмом. Объявляя мерилom всех отношений не только в семье, но и в деревне труд, И. Тютрюмов создавал идиллическую картину семейного строя, зиждившегося на личном труде и общей собственности всего имущества, приобретенного трудом работников¹⁰⁰. «Участие в общей собственности по мере труда, вложенного на приобретение этой собственности, — вот основной принцип крестьянского наследственного права», — в свою очередь утверждала А. Я. Ефименко, считая, что этот принцип основан на разумности, справедливости и здоровом нравственном инстинкте¹⁰¹. Трудовое право на имущество предусматривало, по наблюдению А. Я. Ефименко, не равное, а пропорционально вложенному труду участие в наследовании, причем преимущество могло оказаться не на стороне сына, а на стороне зятя, приемыша или

⁹⁶ Ефименко П. С. Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии. Архангельск, 1869, с. 244.

⁹⁷ Ефименко П. С. Сборник..., с. 244 и след.

⁹⁸ Об этом см.: Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963, с. 73—75.

⁹⁹ Тютрюмов И. Крестьянская семья..., апр., с. 288.

¹⁰⁰ Тютрюмов И. Крестьянское наследственное право..., янв., с. 47, 51; Он же. Имущественные отношения..., с. 285, 294, 299.

¹⁰¹ Ефименко А. Я. Исследования..., вып. 1, с. 153.

пасынка¹⁰². Коль скоро, по ее жеманению, земля, не будучи продуктом труда, ценилась крестьянами постольку, поскольку в нее вложен труд, то на нее распространялось лишь право пользования, но не собственности.

В системе доказательств у теоретиков трудового начала одним из наиболее слабых звеньев было объяснение существа женского приданого, которое представляло собой безусловно личное имущество. Поэтому, чтобы придать стройность своей теории, А. Я. Ефименко и И. Тютрюмов, ссылаясь на высказывания крестьян, доказывали случайность и временность связи женщины с любой семьей, где она находится (в семье отца — до выхода замуж; будучи замужем, она только привязана к семье мужем и детьми), а также непроизводительность ее труда, который не содействовал якобы накоплению семейного имущества. Поэтому в неразделенной семье снóхи при разделе по воле ее главы могли быть только «вознаграждены» за свой труд, а в малой семье вдовы, оставшиеся без детей, обладали правом претендовать на хозяйство лишь в случае длительного сожительства с мужем, на протяжении которого они опять-таки не имели возможности вложить в него свой труд¹⁰³. И. Тютрюмов даже писал, что в историческом развитии права устранение женского пола от наследования при наличии в семье мужчин «есть результат последовательного проведения системы семейной собственности, основанной на общем личном труде»¹⁰⁴.

Сторонники «трудового начала» распространяли его принципы на всю жизнь сельской общины и, основываясь на них, приняли активное участие в полемике о целесообразности деятельности крестьянских волостных судов. П. С. Ефименко связывал господство в сельских обществах богачей-мироедов с установившимися домостроевскими порядками семейной жизни¹⁰⁵. По-иному к волостным судам и к обычному праву подошли И. Г. Оршанский и особенно И. Тютрюмов. Если И. В. Калачев в своей речи на первом съезде русских юристов в 1875 г., рассматривая в прямой связи функционирование волостных судов и существование народных обычаев, ставил вопрос о всемерном изучении этих обычаев и необходимости их узаконения¹⁰⁶ с целью устранения произвольных судебных решений, а И. Г. Оршанский видел в волостных судах меньшее зло по сравнению с государственным правом, неспособным понимать организацию крестьянской семьи как производительного товарищества с общим имуществом¹⁰⁷, то И. Тютрюмов безоговорочно видел в деятельности этих судов проявление

¹⁰² Ефименко А. Я. Исследования..., вып. 1, с. 154, 156.

¹⁰³ Ефименко А. Я. Исследования..., вып. 1, с. 158—160.

¹⁰⁴ Тютрюмов И. Имущественные отношения..., с. 296 (см. также: с. 289, 295, 298, 299).

¹⁰⁵ Ефименко П. С. Сборник..., с. 238, 239, 281, 282.

¹⁰⁶ Калачев Н. В. Об отношении юридических обычаев к законодательству.— ЗРГО по отд-нию этнографии, 1878, т. 8, с. 3—11.

¹⁰⁷ Оршанский И. Г. Исследования по русскому праву обычному и брачному. СПб., 1879, с. 70, 210.

правовой мудрости, отражавшейся во всем многообразии обычно-правовых норм.

Существование крестьянской семьи в виде «рабочей трудовой ассоциации», в которой человек ценится прежде всего как трудовая сила, а отношения построены на «взаимной пользе», «взаимной выгоде», «доверии» и «согласии», по убеждению И. Тютрюмова¹⁰⁸, основывались на правовых представлениях, господствовавших в сельской общине. «Сельское общество никогда не допустит, чтобы личный труд какого-либо члена семьи остался без всякого вознаграждения»¹⁰⁹, а волостной суд почти всегда накажет главу семьи за самодурство и всевластие¹¹⁰, — убеждал И. Тютрюмов. Придерживаясь этих идиллических народнических воззрений, И. Тютрюмов лишь констатировал социально-экономические процессы, проходившие в русской деревне во второй половине XIX в.¹¹¹, но вовсе не задавался вопросом, насколько они отражались на нормах обычного права и практике волостных судов.

Несколько иначе формулировали свои положения другие сторонники «трудовой теории». Ф. Щербине крестьянская семья представлялась «союзом настолько же родовым, насколько и экономически производительным... Каждый ее отдельный член представляет своего рода пайщика, заинтересованного в общем экономическом предприятии. Короче, это артель родственных между собой лиц, экономическая община в малом виде, прототип самих общинных союзов»¹¹². Е. Т. Соловьев полагал, что кровное родство, причем только по мужской линии, «в глазах народа является первостепенным, главным, коренным родством»¹¹³, но «значение семьи в крестьянском быту кровное и хозяйственное и сожитие общее по происхождению и по труду»¹¹⁴; крестьянская семья, будучи союзом кровным и нравственным, представляет собой экономически производительную единицу, и юридические отношения внутри нее строятся тем не менее на принципах трудового начала¹¹⁵. П. А. Матвеев, признавая кровное происхождение основной связью в крестьянской семье, также считал, что экономическое (трудовое) начало играло значительную роль в определении имущественных прав¹¹⁶. По мнению же Н. Бржеского, до освобождения крестьян в их семейной сфере господствовало трудовое начало, но после 1861 г. стало усиливаться кровное. До этого крестьянин, не имевший никаких личных и по его со-

¹⁰⁸ Тютрюмов И. Крестьянская семья..., апр., с. 274, 275, 289, 293; окт., с. 309—312, 317.

¹⁰⁹ Тютрюмов И. Крестьянское наследственное право..., янв. с. 42.

¹¹⁰ Тютрюмов И. Крестьянская семья..., июль, с. 142—143; окт., с. 295, 296.

¹¹¹ Тютрюмов И. Крестьянское наследственное право..., янв., с. 71.

¹¹² Щербина Ф. Русская земельная община.— РМ, 1880, кн. X, с. 38.

¹¹³ Соловьев Е. Т. Гражданское право: Очерки народного юридического быта. Казань, 1888, вып. 1, с. 6 (см. также: Казань, 1893, вып. 2, с. 99).

¹¹⁴ Соловьев Е. Т. Гражданское право..., вып. 1, с. 19.

¹¹⁵ Соловьев Е. Т. Гражданское право..., вып. 1, с. 99, 108.

¹¹⁶ Матвеев П. А. Очерки народного юридического быта Самарской губернии.— ЗРГО по отд-нию этнографии, 1878, т. 8, с. 35.

стоянию присвоенных ему прав и преимуществ, был лишен возможности передавать свои права по наследству; после смерти главы семьи имущественные права переходили к новому руководителю рабочего союза, каким представлялась Н. Бржескому крестьянская семья¹¹⁷.

«Трудовая теория» получила свое завершение в книгах К. Р. Качоровского и А. А. Леонтьева. К. Р. Качоровский настаивал на том, что трудовое начало должно послужить ни больше, ни меньше как основой «нового народно-государственного права», отражавшего коренные интересы «социально однородной» крестьянской массы¹¹⁸.

Теоретические положения А. А. Леонтьева, высказанные в книге «Крестьянское право», мало чем отличались от положений, высказанных И. Тютрюмовым более чем 30 лет назад. Целый строй правовых отношений, выработанных крестьянами, связанных с их чувством справедливости, основывался на порядках землевладения, на экономической деятельности; центральным элементом их правосознания был взгляд на землю как на объект применения трудовой силы, а потому право на землю прокинуто трудовым началом, при котором каждый общинник равноправен в общинном землевладении, а каждый член семейного союза — в семейной собственности и владении семейным участком. Таковы основные посыпки, с которыми А. А. Леонтьев подходил к обычному праву¹¹⁹, не желая признавать, как и К. Р. Качоровский, очевидные факты социального расслоения русской деревни конца XIX — начала XX в.

Можно думать, что исходным моментом в появлении теории «трудового начала» была славянофильская теория об общине как изначальной и самобытной форме русской народной жизни, искаженной правительственным вмешательством в начале XVIII в. В дальнейшем эта теория развивалась под влиянием народнических идей о значении общинной организации в жизни крестьянства. Нет необходимости подробно говорить о том, что авторы теории «трудового начала» и их последователи, доказывая самобытность обычного права, игнорировали социальные и хозяйственные процессы, столь бурно протекавшие в деревне и, безусловно, отражавшиеся в правовых воззрениях крестьян-общинников. В. И. Ленин очень метко отметил, что, «в праве на труд» русского крестьянина XX века есть, кроме ложной социалистической теории, реальное буржуазное содержание»¹²⁰. Один из крупнейших советских этнографов М. О. Косвен отмечал, что сторонники «трудовой теории» подходили к крестьянской семье односторонне и выпускали из поля зрения многие бытовые, этнографические, сугубо жизненные и крайне существенные черты внутренних и

¹¹⁷ Бржеский Н. Очерки юридического быта крестьян. СПб., 1902, с. 60, 64—68, 152.

¹¹⁸ Качоровский К. Р. Народное право, с. 21, 251.

¹¹⁹ Леонтьев А. А. Крестьянское право, с. 20.

¹²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 378.

внешних семейных отношений, аstaticностью экономического и юридического рассмотрения семьи снимали необходимость ее исторической трактовки. «Можно сказать, таким образом,— заключал М. О. Косвен,— что, оказав сильное влияние на конкретные описания русской большой семьи, сводя их в большей мере к схемам, теория трудового начала принесла больше вреда, чем пользы»¹²¹.

Взгляды сторонников «трудовой теории» в научной литературе и публицистике второй половины XIX в. оспаривались преимущественно юристами, которые настаивали, с одной стороны, на господстве в крестьянской семье отношений, основанных на кровном родстве, а с другой стороны, на определенной связи между бытовавшими нормами обычного права и положениями кодифицированного гражданского права. Раньше других на этом стал настаивать С. В. Пахман. В 1870-х годах, опираясь на материалы Комиссии по преобразованию волостных судов, С. В. Пахман в обширном двухтомном труде впервые наиболее полно обобщил данные об обычном праве и описал целую систему его норм, функционировавших в корпоративной жизни сельской общины и определявших семейный строй крестьянства в самых разных проявлениях (хозяйственном, морально-воспитательном, гражданском). Он критически относился к точке зрения о самобытном развитии обычного права как совокупности начал, «составляющих исстари произведение самобытной жизни народа, без примеси тех воззрений и начал, которые навеяны влиянием права писаного... и противны „духу“ народного быта и правосознания»¹²². Он признавал бытование чисто народных особенностей юридического быта, которые можно проследить в древнерусских памятниках и которые сохранялись в современном быту. Однако, заключал С. В. Пахман, для того, чтобы выяснить юридические начала, которые существуют и соблюдаются в сфере народного гражданского права¹²³, следует иметь в виду, что «обычное право, несмотря на относительную стойкость в сравнении с законодательством, не остается в абсолютной неподвижности, а также с течением времени изменяется, развивается: не могли же, в самом деле, народные понятия и обычаи остаться неизменными поныне в том же виде, в каком они были, например, во времена „Русской Правды“»¹²⁴. «Условия народного быта не остаются в неподвижности, а с изменением их развивается и изменяется самое правосознание народа: взгляды его по многим вопросам далеко ушли вперед в сравнении с теми воззрениями, какие были ему свойственны при прежних, даже еще весьма недалеких условиях хозяйственного и юридического его быта»,— писал далее С. В. Пахман¹²⁵.

¹²¹ Косвен М. О. Семейная община..., с. 34.

¹²² Пахман С. В. Обычное гражданское право в России. СПб., 1879, т. II, с. 19.

¹²³ Пахман С. В. Обычное гражданское право... СПб., 1877, т. I, с. XI—XII.

¹²⁴ Пахман С. В. Обычное гражданское право..., т. II, с. 20.

¹²⁵ Пахман С. В. Обычное гражданское право..., т. II, с. 21—22.

Он приходил к выводу об известной зависимости законодательства от юридических начал, выработавшихся веками в сфере частного народного быта, которыми руководствовалось большинство населения и за которыми закон признавал силу действующих юридических норм¹²⁶. По его мнению, в крестьянской среде существуют те же институты гражданского права, что и в действующем государственном праве, при наличии особенностей юридического быта, составлявших исключительную принадлежность права обычного (общинное землевладение, артели). Поэтому, по мнению С. В. Пахмана, представления о семейном быте крестьян как «особом мире», не имеющем ничего общего с бытом других классов и с началами права писаного, не выдерживают научной критики¹²⁷. С. В. Пахман настаивал на том, что во второй половине XIX в. в обычном праве происходила борьба новых воззрений с отживающими старыми, что прежде всего проявлялось в существовании понятий как общности, так и раздельности имущества в семье¹²⁸. Исходя из этого, С. В. Пахман доказывал, что в принципе крестьянству вовсе не чуждо понятие о собственности как исключительной принадлежности имущества определенному лицу, но под давлением не столько общинного владения, сколько податных тягот, лежавших на общине, это понятие не успело еще развиться¹²⁹. В целом же, мысль С. В. Пахмана сводилась к тому, что семейная собственность в крестьянской среде отживает свой век и не имеет будущности.

В известной степени взгляды С. В. Пахмана, как можно предполагать, отразились в уже упоминавшейся работе Е. Т. Соловьева, видевшего в семейно-имущественных обычаях, в их состоянии на конец XIX в. «дух законности», внесенный административной и судебной властью¹³⁰.

В критике «трудовой теории» С. В. Пахман был поддержан В. Ф. Мухиным, также доказывавшим, что личный труд сам по себе еще не устанавливал наследственных прав в крестьянской семье¹³¹. Труд им признавался важнейшим фактором крестьянского хозяйства, но рассматривался, с одной стороны, «в значении нравственной обязанности, вызываемой общими интересами и потребностями целой семьи», а с другой стороны, как обеспечение повинностей, падавших на семью¹³². Признавая основой имущественных отношений в крестьянской семье кровное начало, В. Ф. Мухин приходил к иным выводам о природе этих отношений. В отличие от С. В. Пахмана он считал обычное право явлением самобытным, с «самой отдаленной эпохи народного право-

¹²⁶ *Пахман С. В.* Обычное гражданское право..., т. I, с. VII, 12, 389—394.

¹²⁷ *Пахман С. В.* Обычное гражданское право..., т. II, с. VI, 19.

¹²⁸ *Пахман С. В.* Обычное гражданское право..., т. II, с. 18, 19.

¹²⁹ *Пахман С. В.* Обычное гражданское право..., т. I, с. 2—5, 43, 44; т. II, с. 3 и след.

¹³⁰ *Соловьев Е. Т.* Гражданское право..., вып. 1, с. 112; вып. 2, с. 108.

¹³¹ *Мухин В. Ф.* Обычный порядок наследования у крестьян. СПб., 1888, с. 13—28.

¹³² *Мухин В. Ф.* Обычный порядок..., с. 60 (см. также: с. 93, 94).

сознания вплоть до настоящего времени»¹³³, а семейное начало — коренным институтом крестьянской собственности¹³⁴. В. Ф. Мухин видел в обычном праве право сословное, «в том смысле, что оно составляет исключительно достояние и продукт крестьянского быта»¹³⁵, стойко сохраняющееся, и изменение которого возможно только впредь под влиянием «общегосударственной народной жизни»¹³⁶.

Следует отметить, что при всей этой полемике о «природе» крестьянского двора, о применимости обычного права в административной и судебной сфере и возможности кодификации его положений царское правительство, сохранявшее полукрепостнические порядки в деревне, неуклонно придерживалось сословного подхода в определении общественного состояния крестьянства начиная с реформы 1861 г.; затем рядом решений сената в сугубо фискальных целях было подтверждено существование коллективной собственности в русской крестьянской семье, глава которой признавался ее представителем и распорядителем имущества¹³⁷. Эта официальная позиция подвергалась критике со стороны некоторых юристов, доказывавших необходимость последовательного претворения в жизнь принципов буржуазного права и даже сомневавшихся в историческом существовании семейной крестьянской собственности¹³⁸.

Таким образом, одни исследователи, изучавшие обычное право второй половины XIX в., видели в нем явление самобытное, типически отличающееся от права государственного; другие в его появлении видели результат правового обособления крестьянства, осуществленного государством, и, наконец, третьи настаивали на известной связи между писаным и обычным правом и, отрицая исконную архаичность последнего, вовсе не считали возможным рассматривать его в застывшем состоянии. Участники возникшего спора о «природе» крестьянского двора так или иначе преследовали практическую цель — либо обосновать действительность обычно-правовых установлений как правовой системы и необходимость ее применения, либо доказать применимость лишь отдельных бытовавших норм в общей системе государственного гражданского права.

* * *

Историографический обзор основных направлений, по которым развивалось изучение обычного права, свидетельствует о значительном разнообразии теоретических построений и взглядов на проблему. Определенные успехи в изучении обычного права,

¹³³ Мухин В. Ф. Обычный порядок..., с. 303.

¹³⁴ Мухин В. Ф. Обычный порядок..., с. 76—77, 97, 98, 302.

¹³⁵ Мухин В. Ф. Обычный порядок..., с. 313.

¹³⁶ Мухин В. Ф. Обычный порядок..., с. 304.

¹³⁷ Ср.: Косвен М. О. Семейная община..., с. 77, 78.

¹³⁸ Лозина-Лозинский А. М. Крестьянское право.— ВП, 1899, № 2; *Он же*. Крестьянский двор.— Там же, 1899, № 3, 5 (возражения на эти статьи см.: Лыкошин А. И. О семейной собственности у крестьян.— ЖМЮ, 1900, № 5, 6).

безуловно, были достигнуты. Во-первых, с первой половины XIX в. историки-правоведы довольно единодушно признали обычай одним из источников писаного права, хотя и сильно расходились во взглядах на степень его влияния на разных этапах развития законодательства; во-вторых, они признавали комплекс обычаев, определявших жизнь деревни, живой реальностью; этнографы и специалисты в области гражданского права пришли к заключению, что в основе исследования обычного права должно быть изучение обычаев, регулирующих повседневную деятельность сельской общины и жизнь крестьянской семьи. Собранный обширный материал вызвал длительную полемику о практической применимости норм обычного права в административном управлении деревни и в судебной сфере в условиях послереформенной действительности. Разноречивость точек зрения о соотношении писаного и обычного права на разных этапах истории страны могла быть преодолена путем сравнительного историко-юридического изучения норм, отраженных в государственных актах и изустно бытовавших в народной среде, и причин их функционирования. Однако до таких исследований русские историки права XIX в. не могли прийти в силу ряда причин и в своих спорах опирались почти исключительно на известный им в большом количестве материал, характеризовавший обычное право, свойственное второй половине XIX в., но не более раннему времени.

Методологическая слабость буржуазных исследователей заключалась не только в идеалистическом понимании причин возникновения обычая. Русская буржуазная историческая наука была далека от признания социально-экономических формаций, определявших исторический процесс, и функционирование обычно-правовых норм не связывала с правовым положением крестьянства на разных этапах развития феодальных и капиталистических отношений в России. При этом изучение истории обычного права органически не связывалось с историей важнейшего института, в условиях которого протекала повседневная жизнь крестьянства,— с сельской общиной.

Если у государственного северорусского крестьянства существование соседской общины было законодательно оформлено на рубеже XVIII—XIX вв., то у крепостного крестьянства община существовала вне законодательного признания как социальный и хозяйственно-бытовой институт вплоть до реформы 1861 г., и историки законодательства не считали нужным исследовать нормы, на основе которых регулировались внутريدеревенские общественные и хозяйственные взаимоотношения крестьян-общинников. Добившись определенных успехов в исследовании сложения и развития писаного права, но не ставя вопроса о социальной сущности феодального законодательства, историки права не исследовали причин расхождения существа тех или иных обычно-правовых и государственных норм, по-разному определявших внешне сходные явления, например, в семейно-имущественных отношениях в среде разных классов.

Русская буржуазная историческая мысль была занята прежде всего вопросом происхождения общины, этапами ее существования и значительно менее — взаимосвязью между ее историей и обычным правом¹³⁹. Исследование этих проблем усложнилось разной типологией сельской общины у русского населения в разных регионах страны, в чем буржуазная наука вовсе не разобралась¹⁴⁰.

Правоведы считали, что обычное право уже в XVIII в. было подавлено законодательной деятельностью государства. Приблизительно то же самое можно заметить и относительно изучения сельской общины; ее судьбам в эпоху крепостничества внимание уделялось очень скромное. В результате, как правило, община и обычное право рассматривались не во взаимосвязи, а в большей степени параллельно: история общины — историкам, а история права — юристам. Этот параллелизм еще более проявился, когда во второй половине XIX — начале XX в. исследованием обычного права занялись этнографы и юристы, специализировавшиеся в области гражданского права. При этом в изучении сельской общины и обычного права в целом можно заметить одну и ту же направленность. Несмотря на идейно-политические противоречия, раздиравшие буржуазную историческую науку, она так или иначе стремилась разрешить прежде всего проблему происхождения общины, в основе которой стоял вопрос о земельной собственности крестьян. Этнографы и юристы в свою очередь сосредоточивали внимание на проблеме собственности в крестьянской семье. Полемика, разгоревшаяся между авторами «теории» и их противниками о природе крестьянского двора, была связана с вопросом первостепенной важности для истории общинной деревни, а именно — о праве собственности и распоряжения имуществом и о порядке его наследования. Разрешить этот вопрос можно было только путем конкретного исследования процесса функционирования обычного права в среде общинного крестьянства на разных этапах истории феодальной и капиталистической России.

§ 2. Марксистская постановка проблемы обычного права

В советской исторической и историко-правовой науке теоретической основой понимания права является формулировка К. Маркса, данная им в Предисловии к «Критике политической экономии», что «правовые отношения, так же точно как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, что, наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях...»¹⁴¹

¹³⁹ Александров В. А. Сельская община..., с. 24, 25.

¹⁴⁰ Александров В. А. Типы сельской общины в позднефеодальной России (XVII — начало XIX в.). — ПТВЭ.

¹⁴¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 6.

Классовую государственную и права, или соответствие социально-экономическому базису, их порождающему,— основа анализа истории юридических явлений. Не вызывает сомнения, что первоначальным источником права являлся обычай. Ф. Энгельс писал: «На известной, весьма ранней ступени развития общества возникает потребность охватить общим правилом повторяющиеся изо дня в день акты производства, распределения и обмена продуктов и позаботиться о том, чтобы отдельный человек подчинился общим условиям производства и обмена. Это правило, вначале выражающееся в обычае, становится затем *законом*»¹⁴².

Рассматривая процесс общественного упрочения определенного способа производства, К. Маркс писал, что «если форма просуществовала в течение известного времени, она упрочивается как обычай и традиция и, наконец, санкционируется как *положительный закон*»¹⁴³.

В процессе своего развития законодательно установленное право становится системой общеобязательных норм, охраняемых государством, выражающих волю господствующего класса, являющихся государственным регулятором общественных отношений и обеспечиваемых в случае их нарушения государственным принуждением¹⁴⁴.

Советская юридическая мысль в теоретическом обобщении сущности права отводит обычаю ведущую роль в становлении писаного права на ранних этапах классового общества¹⁴⁵. В трудах советских историков этот вопрос рассматривается в том же аспекте. Так, А. А. Зимин, анализируя по Русской Правде становление феодальной государственности, приходил к выводу, что в «период законодательной деятельности первых русских князей X в. не были разрушены и основные устои общинного права», с Ярослава Владимировича «феодальное право, выработавшееся в княжеской и дружинной среде, начинает воздействовать на обычай, разлагая и приспособляя его к изменившимся социальным условиям»; по мнению А. А. Зимина, Пространная Правда Ярославичей отражала «полное торжество феодальных основ древнерусского законодательства», хотя большинство статей Устава о наследстве князя Владимира Мономаха «уходит своими корнями в старинное (обычное) право наследования»¹⁴⁶. Для истории права на Руси представляют ценность исследования Я. Н. Щапова, свидетельствующие о сложнейшем процессе складывания в древней Руси писаного права, его этапах, взаимодействии различных правовых документов и, что представляет особый интерес,

¹⁴² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 18, с. 272.

¹⁴³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 357.

¹⁴⁴ Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Основные институты и понятия. М., 1970, с. 375; Явич Л. С. Общая теория права. Л., 1976, с. 58, 87.

¹⁴⁵ Явич Л. С. Общая теория..., с. 38, 228; Черниловский З. М. Всеобщая история государства и права. М., 1970, с. 99, 125, 172—180.

¹⁴⁶ Зимин А. А. Феодальная государственность и Русская Правда.— ИЗ, 1965, № 76, с. 239, 246, 261, 268.

об областных особенностях, обуславливавшихся местными политическими обстоятельствами. Для истории обычного права представляется существенным аргументированный вывод Я. Н. Щапова о самостоятельном пути развития древнерусского права, как церковного, так и светского (княжеского, общинного, городского), о развитии систем гражданского права (наследственного, имущественного и др.) на основе местных корней раннеклассового общества¹⁴⁷.

Однако история функционирования обычного права на Руси в дальнейшем, на разных этапах развития феодального общества исследовалась слабо и даже подвергалась сомнению. Только Ю. Г. Алексеев, характеризуя псковскую Судную грамоту, приходил к выводу, что «обычное право сельских общин является одним из источников псковской пошрины»¹⁴⁸.

В юридической литературе значение обычая на отдельных этапах развития права в феодальном обществе оценивалось по-разному. В «Общей теории государства и права», написанной коллективом ленинградских ученых, Г. П. Гальперин, характеризуя феодальный тип права «как сословное право, как право-привилегию»¹⁴⁹, различал три этапа его истории; на раннефеодальной стадии, по его мнению, при существовании общих сводов обычного права и княжеского законодательства, функционировании племенных обычаев, зарождении вотчинной юрисдикции и вотчинного права обычное право являлось преобладающей формой; в период феодальной раздробленности развивается местный правовой партикуляризм, отражавшийся в местных сборниках обычного права; наконец, в процессе ликвидации феодальной раздробленности создаются единые кодексы национального права (в России — Соборное Уложение 1649 г.), регулирующие в масштабе всей страны феодальные отношения. На этом этапе преобладающей формой права становится закон, который вытесняет обычное право¹⁵⁰. Другие авторы считали, что, хотя создание централизованных государств подрывало партикуляризм права, многочисленные вопросы правовой жизни «по-прежнему решались на основе норм местного, обычного права»¹⁵¹. Л. С. Явич, далекий от положительной оценки обычного права, коль скоро оно, по его мнению, исключает активно-творческую роль правового регулирования¹⁵², тем не менее допускал, что «даже в развитых формациях действует, и подчас достаточно интенсивно, так называемый встречный правообразовательный процесс», когда система объективного права может существенно дополняться судебным

¹⁴⁷ Щапов Я. Н. Византийское и южнославянское наследие на Руси в XI—XIII вв. М., 1978, с. 236.

¹⁴⁸ Алексеев Ю. Г. Псковская Судная грамота и ее время. Л., 1980, с. 230.

¹⁴⁹ Общая теория государства и права. Л., 1974, т. 2, с. 63.

¹⁵⁰ Общая теория..., с. 61, 68, 69.

¹⁵¹ Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Исторические типы государства и права. М., 1971, с. 235—236. См. также: Явич Л. С. Общая теория..., с. 79.

¹⁵² Явич Л. С. Общая теория..., с. 80.

(административным) правотворчеством и обычаями, санкционированными государством¹⁵³. Наконец, третьи историки-правовики отводят существенную роль обычаю только на раннефеодальной стадии развития права и безоговорочно признают обычай по природе своей консервативным, отражающим лишь в известной степени общие моральные и духовные ценности народа и в значительной мере — обывательские предрассудки, расовую и религиозную нетерпимость, неравноправие полов и т. п.¹⁵⁴

Приобрело также распространение мнение, что обычное право — не что иное, как совокупность норм, образовавшихся в результате санкционирования государством обычаев. Такую трактовку обычного права следует считать очевидным недоразумением. Государственная власть может допускать бытование обычая, но допущение — не синоним санкционирования; санкционированный же обычай становится законом, и при таком подходе само существование обычного права ставится под сомнение¹⁵⁵. При ограниченном толковании значения обычая в праве феодального общества, особенно развитого, его функционирование все же признается в регулировании взаимоотношений между феодалами и крестьянами (в сфере землепользования, форм и объема феодальной ренты)¹⁵⁶.

В целом же в теории государства и права обычное право рассматривается лишь как источник писаного права, а правоотношения, определявшиеся нормами обычного права и бытовавшие в социально разных слоях общества, прежде всего общинного крестьянства, или игнорируются, или рассматриваются как явление статичное, не подверженное в классовом обществе влиянию экономики, политической ситуации и даже объективного права.

Между тем положения классиков марксизма-ленинизма не оставляют сомнения в необходимости творческого осмысления обычно-правовых норм и их роли в феодальном обществе на всех этапах его существования. Основа такого анализа заключается в сословности феодального общества, которая была характернейшей чертой его социальной структуры. Сословное деление населения «сопровождалось установлением особого *юридического* места в государстве для каждого класса»¹⁵⁷. Правовая обособленность сословий определяла, разумеется, и элементы гражданской жизни, придавала им сословное своеобразие и отражалась на мировоззрении членов сословий. По словам К. Маркса, в феодальном обществе собственность, семья, способ труда «были возведены на высоту элементов государственной жизни в форме сеньориальной

¹⁵³ Явич Л. С. Общая теория..., с. 76—77.

¹⁵⁴ Марксистско-ленинская общая теория... Основные институты..., с. 587.

¹⁵⁵ Валеев Д. Ж. Обычное право и начальные этапы его генезиса. — Правоведение, 1974, № 6, с. 72.

¹⁵⁶ Марксистско-ленинская общая теория... Основные институты..., с. 233, 239.

¹⁵⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 311.

власти, сословий и корпораций. В этой форме они определяли отношение отдельной личности к *государственному целому*, определяли, значит, её *политическое* положение, т. е. положение изолированности и обособленности по отношению к другим составным частям общества»¹⁵⁸. При сословно-корпоративной организации общества жизненные функции и жизненные условия гражданского общества, писал К. Маркс, «отделяли индивида от государственного целого, превращали *особое* отношение его корпорации к государственному целому в его собственное всеобщее отношение к народной жизни...»¹⁵⁹ Вполне очевидно, что феодальное право, будучи правом сословным, правом-привилегией, в процессе становления и развития политико-правовых институтов допускало кодификацию только тех обычаев, которые отвечали экономическим и политическим потребностям господствующего класса. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал экономико-политическую обусловленность процесса узаконения воли господствующего класса¹⁶⁰.

С другой стороны, феодальное право далеко не всегда могло вторгаться во все детали внутрисословной жизни. Разграничение социально-правового положения отдельных сословных групп феодального общества (не говоря уже об официальном или фактическом их бесправи), учитывая особенности их хозяйственного и семейного быта, придавало специфичность возникавшим и бытовавшим обычаям внутри этих групп. Поэтому логика развития феодального права не всегда могла совпадать с правовыми принципами, определявшимися в форме обычая или прецедента в среде сословий и корпораций. Подчеркивая материальную обусловленность права во всех его аспектах, Ф. Энгельс писал: «Если государство и государственное право определяются экономическими отношениями, то само собой понятно, что теми же отношениями определяется и гражданское право, роль которого в сущности сводится к тому, что оно санкционирует существующие, при данных обстоятельствах нормальные, экономические отношения между отдельными лицами»¹⁶¹. В условиях сословности феодального общества эти гражданско-правовые отношения, порожденные прежде всего фактическими общественными отношениями, касались индивидов как членов определенных сословий. Это обстоятельство в свою очередь способствовало выработке своеобразия правового мировоззрения членов отдельных сословий, и в обычном праве, функционировавшем в среде тех или иных сословий, тем более отражались элементы социальной психологии¹⁶².

Как бы ни подрывался централизованным феодальным государством партикуляризм права, как бы ни интегрировались, ни

¹⁵⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. I, с. 403.

¹⁵⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 403—404.

¹⁶⁰ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 17, с. 164; т. 30, с. 99; т. 32, с. 340.

¹⁶¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 311.

¹⁶² Палеса Д. Ж. Обычное право..., с. 77.

ассимилировались, ни подавлялись писаным правом обычно-правовые нормы, экономическая замкнутость хозяйства при его областных особенностях и социальная обособленность групп населения не могли не обуславливать бытования специфических норм гражданско-правовых отношений в среде разных сословий в качестве реально действовавшего фактора социальной жизни. К. Маркс писал, что даже при смене форм производства право публичное и уголовное более непосредственно отражают в себе изменения классовой структуры и природы государства, нежели право гражданское, нормы которого могут сохраняться или приспособляться к новым обстоятельствам экономики и социальных отношений¹⁶³. Сохранность гражданских обычно-правовых отношений на протяжении длительного времени представляется тем более реальной при учете различного уровня экономической, культурной и бытовой жизни разных сословий. При этом следует учитывать наблюдение Ф. Энгельса о роли производства в жизни общества, особенно на докапиталистических этапах его истории. Он писал, что тогда «еще не было таких богатых средств производства материальной жизни людей» и тогда, «следовательно, необходимость этого производства неизбежно должна была в еще большей степени господствовать над людьми»¹⁶⁴. В этой же связи заслуживает внимания меткое замечание К. Маркса в «Критике Готской программы»: «Право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества»¹⁶⁵.

Наконец, в том же общетеоретическом плане нельзя не пройти мимо вопроса о роли обычая не только как регулятора экономических и гражданских отношений, но и опоры социальных групп феодального общества в борьбе за свои политические и юридические права, в борьбе за удовлетворение своих жизненных интересов и даже за социальное существование, в борьбе с феодальным произволом вне зависимости от того, санкционирован он законом или имел ничем не прикрытый характер. По мере развития законодательства, разносторонне кодифицировавшего привилегии и нормы господства феодалов, обычаи могли все более и более вступать в противоречие с законами. В статье «Дебаты по поводу закона о краже леса», посвященной германской действительности XIX в., К. Маркс четко отметил эту особенность: «...Обычные права бедноты — это права, противоречащие обычаям позитивного права»¹⁶⁶. В этом противоборстве обычая с законом, безусловно, можно уловить степень развитости обычно-правовых представлений угнетенных сословий, их взгляды на частно- и публично-правовые нормы, соответствующие их интересам, взгляды на учреждения и лица, которые должны воплощать эти нормы в жизнь.

¹⁶³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 12, с. 736.

¹⁶⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 310.

¹⁶⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 19.

¹⁶⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 127.

Таким образом, на различных этапах феодальной эпохи законодательная власть, стремившаяся к регулированию отношений в государственном масштабе в интересах господствовавшего класса, сталкивалась с правовыми представлениями иных сословий. Именно поэтому законодательная власть даже в позднефеодальную эпоху выпущдена была допускать или существование обычаев, имевших правовой характер, или санкционировать их применение, апробируя через судебную практику, и, наконец, кодифицировать. Именно поэтому так или иначе писаное право находилось в постоянной взаимосвязи с обычаями.

В свою очередь, правоотношения, существовавшие вне законодательных установлений, могли уживаться с ними или противостоять им. В собирательном смысле они в своей совокупности могут быть названы обычным правом с некоторой долей условности, ибо далеко не всегда оно могло зиждиться на обычае в прямом его понимании. Правоотношения, составлявшие обычное право, могли иметь типологически весьма разное и сложное происхождение — собственно устоявшийся обычай, прецедент (бытовой, хозяйственный и т. п.), трансформированная норма закона и т. п., но этот вопрос связан с историей обычного права и его соотношением с правом, санкционированным государством, что может быть предметом специального исследования. Вполне очевидно, что обычное право, в свою очередь, находилось в сложной и противоречивой взаимосвязи с кодификационным правовым процессом, и глубоко ошибочно рассматривать его лишь архаически сохранившимися пережитком.

Неприкрытый социально-экономический антагонизм феодального общества порождал необходимость существования обычного права, которое, как и кодифицированное право, по своей природе было неизбежно социальным и по сути своей правом внутрисословным.

Функционирование обычного права в русской деревне второй половины XIX в. было доказано еще в дореволюционной историко-правовой и этнографической литературе. Уже тогда было ясно, что оно представляло собой весьма сложное и многофункциональное явление, исследование которого далеко выходит за пределы историко-правовой науки и не может быть сведено к формально-юридическому анализу. Изучение всего спектра отношений, отраженных в обычном праве на протяжении его существования и исторического развития в феодальную эпоху, не может быть исчерпано одним исследованием. Оно может быть осуществлено в социально-политическом, фискальном, хозяйственном, гражданском, семейном, мировоззренческо-этическом аспектах. Однако при всем многообразии этих аспектов так или иначе внимание к ним фокусируется на двух основных общественных институтах деревни — сельской общине и крестьянской семье, определявших всю повседневную жизнь крестьянства.

Большое внимание к истории сельской общины в России,

проявившееся в советской исторической литературе (особенно в 1970-х годах), привело и к первым опытам исследования обычного права позднефеодальной и пореформенной деревни. Эта проблема обсуждалась на XVIII и XIX сессиях (1980, 1982) Всесоюзного симпозиума по аграрной истории. Первоначально она рассматривалась в общей связи с определением функциональной значимости сельской общины. Так, М. М. Громыко в своей работе, посвященной сибирской деревне, рассматривала повседневную практику общинной крестьянской жизни сквозь призму обычно-правовых норм и представлений, бытовавших в XVIII—XIX вв.¹⁶⁷ П. Н. Зырянов попытался проследить изменения, происходившие в обычном праве деревни после реформы 1861 г.¹⁶⁸ В дальнейшем проблематика обычного права стала связываться с вопросом об общественном сознании крестьянства, с его борьбой за социальные и материальные права и рассматриваться в ракурсе сословного права¹⁶⁹. В частности, на сессиях симпозиума было уделено большое внимание обычному праву как действенному средству борьбы крестьянства с правительственным аграрным законодательством, административной практикой и произволом. Начала определяться возможность историко-сравнительных типологических обобщений на основе уже проведенных исследований¹⁷⁰.

В целом же до настоящего времени в советской исторической, этнографической и историко-правовой литературе к обычному праву как надстроечному явлению, к сожалению, обращались нечасто и имеющиеся исследовательские возможности использовались слабо.

¹⁶⁷ Громыко М. М. Община в обычном праве сибирских крестьян XVIII — 70-х годов XIX в. — В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1971. Вильнюс, 1974, с. 388—396.

¹⁶⁸ Зырянов П. Н. Обычное гражданское право в пореформенной общине. — ЕПАИ, с. 91—101.

¹⁶⁹ Громыко М. М. Этнографические и фольклорные источники в исследовании общественного сознания русских крестьян Сибири XVIII — первой половины XIX в. — В кн.: Источниковедение отечественной истории, 1976. М., 1977, с. 120—122; Социально-политический и культурный облик деревни в его историческом развитии. XVIII сессия симпозиума по изучению проблем аграрной истории: Тезисы докладов и сообщений. М., 1980, II (тезисы В. А. Александрова, В. А. Маркиной, А. В. Камкина, Э. С. Острась, с. 186—209); XXVI съезд КПСС и проблемы аграрной истории СССР: (Социально-политическое развитие деревни); XIX сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории: Тезисы докладов и сообщений. М., 1982, II (доклады А. М. Траат, А. А. Пушкаренко, Д. И. Раскина, А. К. Мальцевой, А. В. Камкина, У. Х. Рахматуллина, М. В. Волковой и др., с. 157, 184—194, 199, 209, 243).

¹⁷⁰ Галбен А. И. Развитие обычного права феодальной Молдавии (XVIII — первая половина XIX в.): Автореф. дис. на соискание учен. степени канд. ист. наук. Кишинев, 1982; Траат А. М. Волостной суд в Эстонии с середины XVIII в. до реформы 1866 г.: Автореф. дис. на соискание учен. степени д-ра ист. наук. Таллин, 1978; Traat A. M. Vallakohus eestis. Tallinn, 1980.

Настоящая книга органически связана с опубликованным автором исследованием, посвященным сельской общине в крепостной деревне России XVII — начала XIX в., в котором основное внимание было уделено функциональной деятельности общины в условиях разных форм ее подчиненности помещикам и крепостническому хозяйству¹⁷¹. Как бы определенно ни представлялись функционирование общинного аппарата внутри вотчин и противоречивость дуалистического существа самой общины, остается много неясного в общественно-хозяйственных связях между сельской общиной и крестьянской семьей, во взаимозависимости и взаимообусловленности их существования, степени устойчивости этих связей и их изменчивости под давлением социально-экономической действительности. Нормы сложившихся внутри общины общественных, хозяйственных, семейных и личных взаимоотношений крестьян представляются весьма существенным, а порой и единственным источником для раскрытия этих связей во внутренней жизни крепостной деревни.

Взгляды крестьян на общественную и хозяйственную жизнь сельского мира и их повседневные имущественные и семейные отношения, раскрывающиеся по обычному праву, представляются источником, позволяющим углубить представления об особенностях сельской общины в условиях крепостничества и степени интенсивности социально-экономических процессов, протекавших в ней. Совершенно справедливо писал А. Л. Шапиро, что, «ломаю старое право собственности крестьянской общины и отдельного крестьянина на землю и сохраняя общину и крестьянина в качестве владельца наделной земли, феодализм порождает различные виды соединения феодальной собственности и крестьянского владения»¹⁷². В результате в условиях разных форм феодальной зависимости крестьянства возникали разные типы сельской общинной организации, имевшие к тому же региональное распространение¹⁷³. Специфика земельной структуры была свойственна каждому типу сельской общины и может быть понята только в сравнении с другими типами общин, существовавшими в России. Бытование того или иного типа определялось социальным статусом, на котором основывалось существование тех или иных групп крестьян, которое в свою очередь подкреплялось системой традиционных представлений и правовых норм. До настоящего времени все еще не вполне ясно, как длительно внутри крепостной общины сохранялось равновесие в ее хозяйственном дуализме, как в союзе «по владению наделной землей»¹⁷⁴ соотносилось

¹⁷¹ Александров В. А. Сельская община...

¹⁷² Шапиро А. Л. О природе феодальной собственности на землю. — ВИ, 1969, № 12, с. 60.

¹⁷³ Александров В. А. Типы сельской общины в позднефеодальной России (XVII — начало XIX в.). — ПТВЭ, с. 92—104.

¹⁷⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 406.

и функционировало собственно общинное земельное владение и на его основе — индивидуальное использование земли, на основе каких норм землепользования община обеспечивала свое существование и выполнение тяглых обязательств. Сложность этого вопроса усугубляется неясностью происхождения общинно-передельной системы и причин, ее породивших¹⁷⁵. По этому поводу мной было уже выдвинуто предположение, что истоки передельного типа поземельной общины следует искать с конца XV в. и на протяжении XVI в., когда резко возрастали поместные и вотчинные владения; в дальнейшем развитие этого типа происходило под давлением частнофеодалного землевладения, приобретающего в средней полосе России господствующее (политически и структурно) положение и замыкавшего хозяйство подвластных ему деревень определенными границами, а также в силу собственно хозяйственных и агротехнических причин, прежде всего трехполья, как наиболее рациональной системы полеводства при все более сужаемом помещиком количестве удобной для хлебопашества земли у крестьян¹⁷⁶. Вновь обращаясь к этому вопросу, представляется целесообразным проявившиеся в сельской общине общие принципы по регулированию земельного хозяйства связать с представлениями крестьян-общинников об их праве на земельное и иное имущественное владение в пределах общины и двора.

При такой общей постановке вопроса можно уловить не только специфику землепользования крестьянской общины, но и общие для всего русского крестьянства понятия о правовых основах существования и трудовой деятельности низовой единицы феодального общества — крестьянской семьи.

По словам Ф. Энгельса, семья для крестьянина являлась «важнейшим, решающим общественным отношением...»¹⁷⁷ Если представления крестьян о порядке землепользования в большей степени отражали общественную сторону их миропонимания, обусловливаемого конкретными условиями общинной жизни деревни, то понятия о распорядке имущественных отношений внутри семьи, о семейной и личной собственности связаны были с их индивидуалистическим подходом к хозяйству двора и заключенному в нем имуществу. Поэтому свойственный сельской общине общественный и хозяйственный дуализм связывается с крестьянскими обычно-правовыми представлениями об общем и частном и позволяет уловить соотношение в крестьянской семье понятия о владении имуществом и имущественной собственности с традициями по обеспечению деятельности хозяйства мелкого производителя и существования отдельных членов его семьи. Особенности землепользования и понятий об имущественной собствен-

¹⁷⁵ Об этом см.: Александров В. А. Сельская община..., с. 182; Прокофьева Л. С. Крестьянская община в России во второй половине XVIII — первой половине XIX в. Л., 1981, с. 54—56.

¹⁷⁶ Александров В. А. Сельская община..., с. 182.

¹⁷⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 5, с. 508.

ности, рассмотренные в ракурсе крестьянской семьи, имеют прямое отношение к процессам имущественной и социальной дифференциации крестьянства. До сих пор значение обычного права в процессе разложения феодального крестьянства как класса-сословия не рассматривалось.

Источниковедческая база исследования обычного права в крепостной деревне имеет свои типологические особенности и заслуживает особого исследования. Поиски точно фиксированных норм обычного права вряд ли возможны и могут привести к положительному результату сугубо случайно. По всей вероятности, записи таких норм в XVIII — начале XIX в. вообще не делались. Поэтому такие нормы можно выявить, только исходя из повседневной практики общинной и семейной жизни крестьянства, из систематического опыта разрешения тех или иных сходных по внутреннему существу ситуаций. Для этой цели первостепенное значение приобретает различная документация, содержащаяся в сохранившихся вотчинных фондах. Помещичьи инструкции по управлению имениями и мирские приговоры, раскрывающие деятельность сельской общины с точки зрения ее функций, не содержат сколько-нибудь подробных данных о нормах внутрисемейной и бытовой жизни деревни. Крестьянские прошения в мирские правления и общинные решения по ним могут лишь корректировать уже выявленные нормы. В свою очередь помещичьи «кодексы», регулировавшие жизнь крепостных вотчин, и приказы по имениям позволяют судить, насколько тот или иной помещик учитывал в управлении своими владениями необходимость поддержания таких норм. Значительно существеннее для выявления обычно-правовых распоряжков в деревне вотчинная документация, отражающая тяглые обязательства крестьян и практику общинной земельно-тяглово́й переверстки. Именно эта документация позволяет установить обычно-правовые общинные земельные нормы, обеспечивавшие функционирование общинного хозяйства в целом и в разных локальных ситуациях. Повседневные хозяйственные и семейные коллизии проследить еще сложнее. Они раскрываются главным образом по актовому материалу. В отдельных вотчинных архивах сохранились, причем иногда в значительном количестве, крестьянские акты XVIII — начала XIX в., среди которых наибольшую ценность представляют документы, фиксирующие условия разделов крестьянских семей, наследования разного рода имущества, отдельных имущественных сделок. На основании этих актов выявляются принципы, на которых основывались общинные и семейные имущественные отношения, и их специфика. Однозначность разрешения сходных ситуаций свидетельствует о наличии устоявшихся традиций в правовом подходе к той или иной деревенско-семейной коллизии, иначе говоря, о наличии определенных норм обычного права. Само собой разумеется, что имущественные отношения могли сопровождаться конфликтами, спорами и целыми трагедиями. Нередко

подобные бытовые явления можно уловить в письменных документах (актах), которые и составлялись ради пресечения или редотвращения конфликтов. Таким образом, неписаные нормы бычая опосредованно облекались в письменную форму. При сооставлении наблюдений, касающихся крепостной деревни, с данными о жизни северной и сибирской государственной деревни может создаться общее впечатление о значении обычного права как надстроечного явления в истории всего русского крестьянства. Тем самым «проникновение» в сферу обычного права феодальной деревни позволяет исследователю проникнуть в ее внутреннюю жизнь, посмотреть на эту жизнь как бы «изнутри», во всемообразии ее повседневных проявлений — хозяйственных, семейных, морально-этических, с учетом национальных традиций религиозных представлений.

Настоящее исследование, посвященное крепостному русскому крестьянству XVIII — начала XIX в., преследует относительно граниченную цель — проследить обычно-правовые установления, егулировавшие основу материальной жизни деревни — ее землепользование и семейно-имущественные отношения.

ТИПОЛОГИЯ КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬИ

В феодальном обществе основной производящей единицей была крестьянская семья. Для истории производительных сил страны и истории крестьянства огромное значение имеет вопрос — силами какого родственного коллектива осуществлялось крестьянским двором сельскохозяйственное производство. Методологически этот вопрос существен для определения типа семьи, характерного для сельской общины на разных этапах истории феодального общества, фактологически он связан абсолютно со всеми сторонами жизни деревни. Множество явлений деревенского быта и обычно-правовых норм, регулировавших внутриобщинное землепользование и внутрисемейные имущественные отношения, а также весь комплекс вопросов, связанных так или иначе с сельской производственной деятельностью и феодальной рентой, невозможно исчерпывающе объяснить без конкретного представления о типологии крестьянской семьи.

Типология семьи определяется ее численностью и внутренней структурой. Ее основными показателями являются поколенный, половозрастной и родственный состав. Типологию крестьянской семьи, тем более функционировавшей в разных регионах огромной страны, отличающихся друг от друга и климатическими условиями, и особенностями хозяйства, можно определить только располагая материалами, охватывающими максимально длительный хронологический период; только при этом условии создается реальная перспектива уловить общее и особенное в типологии семьи в разные периоды истории феодального общества и избежать ошибочных представлений, когда особенности могут быть приняты за явления общего порядка.

Ради достижения возможно более широкой перспективы в рассмотрении проблемы¹ прежде всего целесообразно выяснить основные выводы относительно состояния крестьянской семьи в эпоху феодализма, к которым приходили буржуазные и советские историки, и проследить их понимание эволюции семейного строя в целом.

В дореволюционной отечественной исторической науке было выдвинуто несколько точек зрения о семейном строе русского

¹ Некоторые историографические аспекты проблемы см.: *Косвен М. О.* Семейная община и патронимия. М., 1963, гл. 1, § 1; *Бакланова Н. Е.* Крестьянский двор и община на Русском Севере. М., 1976, с. 24—48; *Александров В. А.* Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964, с. 119—120; *Миненко Н. А.* Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск, 1979, с. 3 24 (в этой же книге см. источниковедческий обзор — с. 24—41).

крестьянства с древнейших времен и вплоть до XIX в. Исследователи XIX — начала XX в. не могли прийти к единому мнению о его характере из-за непонимания закономерности исторического развития общины и семьи; в частности, придерживаясь различных представлений о формах общественного строя, они неизбежно смешивали такие понятия, как род, семья, соседская община и т. п.² Для сторонников родовой, общинной и задружной теории при всех их разногласиях так или иначе общим было одно — убеждение в длительно и неизменно сохранявшемся бытовании большесемейной формы в среде русского крестьянства. Это убеждение подкреплялось этнографическими наблюдениями второй половины XIX в., когда после отмены в 1861 г. крепостного права в среде бывшего крепостного крестьянства усилились разделы семей, поэтому исследователи заострили свое внимание на формах семьи. Однако, как справедливо писал М. О. Косвен, «исследователи русского народного быта занялись скорей описанием и трактовкой этого процесса, чем исследованием большой семьи»³.

Впрочем, в дореволюционной литературе приходили и к иным выводам о составе крестьянской семьи уже в древней Руси. Так, А. Е. Пресняков предложил вместо задружной семейной формы основным явлением древнего славянского быта считать неразделенную семью, «различая два момента в ее бытии: семью отцовскую, патриархальную, и семью братскую с их, особенно последней, в правовом отношении несущественными осложнениями в личном составе»⁴. В. О. Ключевский также приходил к мнению о том, что «в строе частного гражданского общежития старинный русский двор, сложная семья домохозяина с женой, детьми и неотделенными родственниками, братьями, племянниками, служил переходной ступенью от древнего рода к новейшей простой семье и соответствовал древней римской фамилии»⁵. Как увидим ниже, другие ученые в конкретных исследованиях, посвященных русской истории XVI—XVII вв., также приходили к выводам о малой населенности крестьянского двора, но их наблюдения не оказали серьезного влияния на убеждение, укоренившееся в историко-этнографической и этнографическо-публицистической литературе во второй половине XIX в.⁶

До недавнего времени в советской исторической науке крестьянской семье феодального времени уделялось очень незначитель-

² Косвен М. О. Семейная община..., с. 24—29.

³ Косвен М. О. Семейная община..., с. 17.

⁴ Пресняков А. Е. Книжное право в древней Руси: Очерки по истории X—XII столетий. СПб., 1909, с. 12.

⁵ Ключевский В. О. Соч. М., 1956, т. 1, с. 118—119.

⁶ Например, Е. Т. Соловьев писал о крестьянской семье XIX в.: «В большой семье мы видим остаток древнего родового быта...» (Соловьев Е. Т. Гражданское право: Очерки народного юридического быта. Казань, 1888, вып. 1, с. 39); в другом выпуске той же работы (Казань, 1893, вып. 2, с. 102) он рассматривал такие семьи лишь как намек на родовой строй. При этом он же отмечал, что под словом «род» в народе обозначается «потомственное продолжительное существование какой-нибудь семьи» (вып. 1, с. 6), а «большая» семья разрастается из малой (вып. 2, с. 100).

ное внимание. Только за последние два десятилетия в исторической и историко-этнографической литературе эта проблема стала приобретать самостоятельное значение.

Преимущественно в послевоенное время разгорелся до настоящего времени неисчерпанный спор о генезисе на Руси феодальных отношений и существовании древнерусской верви, в котором так или иначе затрагивался вопрос о формах семьи. Точка зрения С. В. Юшкова о верви как общине-задруге и главенстве большесемейной формы в жизни древнерусского общества, о сохранении «больших патриархальных семей» на севере России до XVI—XVII вв. («дворище», «печище»), а в полуразложившемся виде — и до XIX в.⁷ не привлекла последователей.

Широкое признание завоевала концепция Б. Д. Грекова, одно из положений которой заключалось в том, что в процессе утверждения соседской общины основной формой крестьянской семьи становилась семья малая, т. е. состоящая из супружеской пары и их детей, наряду с которой до XI в. продолжала существовать патриархальная семейная община, или большая семья. Рассматривая древнерусскую вервь как сельскую общину, Б. Д. Греков признавал, что на Руси «и при сельской общине, отнюдь не противореча ей, в течение длительного периода продолжает существовать и сохранять свою силу патриархальная семейная община, или большая семья»⁸. При этом он устанавливал довольно ранний хронологический рубеж, после которого патриархальная семейная община утрачивала свое значение: «Если родовой строй в VIII—IX вв. сохранился в пережитках, то к XI в. почти исчезли и эти следы»⁹, — писал Б. Д. Греков. Как можно заметить, это определение этапности развития семейного строя у древнерусского крестьянства мало чем отличалось от приводимого выше мнения В. О. Ключевского. Последовательно доказывая складывание сельской (соседской) общины на Руси к IX—X вв., Б. Д. Греков логично делал вывод о том, что ее характерной чертой было хозяйство индивидуальных семей¹⁰.

Основным оппонентом Б. Д. Грекова по вопросу о существовании верви и генетической преемственности большесемейных форм с эпохи разложения первобытнообщинного строя и до XIX в. выступил с конца 1940-х годов М. О. Косвен. Его книга «Семейная община и патронимия» представляет собой единственное обобщающее историко-этнографическое исследование последнего времени, посвященное этапам развития форм семейного строя. Разработав понятие о патронимии как универсальном явлении в истории патриархально-родового строя вплоть до его разложе-

⁷ Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939, с. 8—12; *Он же*. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, с. 87.

⁸ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. М., 1952, кн. 1, с. 64.

⁹ Греков Б. Д. Крестьяне..., кн. 1, с. 81.

¹⁰ Греков Б. Д. Крестьяне..., кн. 1, с. 69.

ния, М. О. Косвен доказывал, что вервь Русской Правды представляла собой патронимию, наряду с которой уже существовала и соседская община¹¹. На разных фазах своего существования и развития патронимия состояла из того или иного числа семей. «Архаически это были большие семьи. С распадом большесемейного уклада в патронимии оказывались и малые семьи, так что патронимия могла состоять как из больших, так и из малых семей одновременно. Наконец, еще позже патронимия могла состоять только из малых семей», — писал М. О. Косвен¹². Критикуя ученых второй половины XIX в. за статичный подход к истории большесемейной формы крестьянского быта, М. О. Косвен предложил свою трактовку проблемы существования большой семьи и ее генезиса: «Большая семья, большая патриархальная семья, родовая семья, нераздельная или неразделенная, соединенная, сложная, сводная семья, семейная или большесемейная община, домовая или домашняя общины — таковы различные литературные наименования той родственной группы, которая составляет основную общественную ячейку патриархально-родового строя. Наиболее удачными из приведенных наименований являются: *семейная община и большая семья*»¹³. Рассматривая семейную общину (большую семью) основной общественной ячейкой патриархально-родового строя, численность которой могла доходить до нескольких сот человек, относившихся к ряду поколений, М. О. Косвен полагал, что этот институт весьма стойко сохранялся и на более высоких ступенях общественного развития, в классовом обществе; ячейками соседской общины могли быть одновременно как малые семьи, так и сохранившиеся еще большие семьи¹⁴. Постепенно в процессе исторического развития семейная община изменилась структурно и численно, приобретала разные формы; в силу экономической необходимости, обусловленной развитием классовых начал и производительных сил, сегментируясь и перерождаясь из первобытнообщинной демократической формы в отцовскую большую семью, характерную всевластием ее главы и падением внутри нее власти мужа — отца малой семьи, семейная община на этом этапе состояла из трех — пяти прямых нисходящих поколений, а по своей численности неизменно уменьшалась до 40 — 15 человек¹⁵. В дальнейшем, при распаде такой отцовской семьи большая семья, по мысли М. О. Косвена, сохранялась, но на новых, особых условиях; после смерти главы этот пост переходил не к его сыну, а к другому брату. «Братская семья», в качестве особого типа, при общности имущества и иных начал семейного коллективизма сохраняла создавшуюся уже дифференцированность малых семей с их «особиной», т. е. собственным добром.

¹¹ Косвен М. О. Семейная община..., с. 98, 136 и след., 153, 157.

¹² Косвен М. О. Семейная община..., с. 118.

¹³ Косвен М. О. Семейная община..., с. 6.

¹⁴ Косвен М. О. Семейная община..., с. 4, 6 — 7, 118.

¹⁵ Косвен М. О. Семейная община..., с. 49, 56, 65, 70 — 72.

М. О. Косвен крайне осторожно судил о хронологических этапах истории семейной общины. «К сожалению, в литературе не сохранилось определенных данных о существовавших, очевидно, в прошлом (в древней Руси? — В. А.) и в Великороссии семейных общин архаического демократического типа. Трудно вместе с тем, за тем же отсутствием данных, что-либо сказать о том, в какую эпоху здесь начался и в каких условиях шел распад этой архаической семейной общины», — писал он¹⁶. По отдельным замечаниям автора можно судить, что в XVI—XVIII вв. на русском Севере, Украине и Белоруссии «семья была преимущественно малая»; в Центральной же России малая семья являлась формой эпизодической; в XIX в. отцовская большая семья как тип сохранялась в некоторых местностях (Тульская губ., Урал)¹⁷.

В схеме эволюции семейного строя М. О. Косвена существенно отметить два момента: во-первых, он не настаивал на отсутствии в древней Руси самостоятельно существовавшей малой семьи; можно предполагать, что ее существование он допускал. Во-вторых, что сейчас для нас наиболее существенно, М. О. Косвен генетически связывал большесемейные формы семьи у русского крестьянства в позднефеодальную эпоху с существовавшей в первобытности архаической семейной общиной, которая в процессе исторического развития могла изменяться структурно и численно, но не менять своего семейно-общинного существа. Предположение о возможности искусственного образования семейной общины как продукта феодально-крепостнических отношений и фискальной политики, М. О. Косвен расценивал как домысел. «Феодальная и помещичья власть действительно играла немалую роль, однако не в создании, а в консервации семейной общины, притом уже в эпоху ее распада», — писал он¹⁸.

Схема М. О. Косвена, отражающая состояние изученности проблемы к 1960-м годам, нашла отражение и в других этнографических трудах. В частности, в обобщающем издании серии «Народы мира» характерной особенностью русского народного быта признавалось длительное сохранение большой семьи¹⁹. В этом издании В. Ю. Крупянской, правда, делалась попытка на ограниченном материале проследить особенности состояния семейного строя в разных регионах европейской части России и у разных групп крестьян; в частности, отмечалось преобладание малых семей в наиболее промыслово развитых районах, которые в первой четверти XIX в. разрастались в неразделенные, и широкое распространение (вплоть до реформы 1861 г.) большой семьи в среде барщинного крестьянства, особенно в черноземной полосе²⁰. В учебном пособии для Высшей школы «Основы этнографии» сохранение у восточнославянского, особенно у русского и

¹⁶ Косвен М. О. Семейная община..., с. 73.

¹⁷ Косвен М. О. Семейная община..., с. 73, 80, 184.

¹⁸ Косвен М. О. Семейная община..., с. 44.

¹⁹ Народы европейской части СССР. М., 1964, т. I, с. 462.

²⁰ Народы европейской части СССР, т. I, с. 463.

берлорусского, сельского населения архаических форм семейной организации (больших семей, состоявших из родителей и женатых детей, а иногда и женатых внуков, или из нескольких братьев, общей численностью до 40—60 человек) признавалось вплоть до XIX в.²¹

Книга М. О. Косвена вызвала немало откликов и придала новый импульс дискуссии о верви и древнерусской семье. Привлекательные, в том числе археологические материалы, интерпретируя уже известные данные, ученые приходили к различным выводам.

Анализируя по церковным памятникам имущественные отношения в древнерусской семье, Б. А. Романов еще в 1946 г. склонялся к мысли, что, «по-видимому, церковь застала на Руси оба вида семьи — большую и малую»²². А. А. Зимин, анализируя преимущественно по Русской Правде процесс становления феодальной государственности на Руси, полагал, что отраженный в статье первой Краткой Правды принцип кровной мести свидетельствовал о большой семье (славянской большой семейной общине) как основе общества²³.

После длительных колебаний В. В. Мавродин в свою очередь пришел к выводу о распространенности на Руси малых семей и лишь в виде исключения допускал существование «больших семей» («дворищ», «печищ») как пережиток родового строя, сохранявшийся до XVII—XIX вв.²⁴ Более альтернативный вывод предложил Ю. М. Рапов. Развивая взгляд Б. Д. Грекова на вервь как на соседскую общину, он категорически отвергал существование архаических семейных общин в домонгольское время²⁵. «Крестьянская община, — писал он, — могла полностью состоять из малых семей, в большей или меньшей степени родственных между собой, и все же быть соседской территориальной при условии, что соседские связи внутри нее преобладали над родственными и являлись главными»²⁶. Осторожнее подходил к этому вопросу Я. Н. Шапов. Не принимая положений об универсальности как индивидуальной малой, так и большой семьи в основе микроструктуры общества и производственных связей, он писал: «По письменным (и археологическим) свидетельствам можно проследить существование в IX—XII вв. обоих типов семей, однако основными производственными общностями, микроструктурами, объединенными в одном жилищем, в это время все явственнее становились малые семьи.

²¹ Основы этнографии. М., 1968, с. 269.

²² Романов Б. А. Люди и нравы древней Руси: (Историко-бытовые очерки XI—XIII вв.). Л., 1947, с. 279.

²³ Зимин А. А. Феодальная государственность и Русская Правда. — Памятники русского права. М., 1952, вып. 1, с. 86.

²⁴ Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971, с. 27—28.

²⁵ Рапов Ю. М. Была ли вервь «Русской Правды» патронимией? — СЭ, 1969, № 3, с. 117.

²⁶ Рапов Ю. М. Была ли вервь «Русской Правды» патронимией?, с. 109.

Большая семья утратила к XI—XII вв. производственный характер, но сохраняла определенную управленческо-правовую общность; члены ее имели наследственные права, традиционно обладали обязанностью и правом кровной мести, неперменной чертой этой организации была ее экзогамия»²⁷.

Мнение Ю. М. Рапова было резко оспорено И. Я. Фрояновым. Он предложил рассматривать типологически отдельно общину сельскую и общину соседскую. «Вервь Русской Правды очевидно сочетала в себе и родственные, и соседские связи, занимая промежуточное положение между общиной семейной и территориальной, т. е. была общиной сельской, а не соседской. Она совмещала признаки семейной и соседской общины, будучи переходной формой от общины родственной к общине территориальной»²⁸. При явно неудачном разделении понятий — сельская и соседская общины — ввиду их тавтологичности, мысль И. Я. Фроянова о верви как переходном этапе в общественном развитии сельского населения древней Руси подкреплялась анализом данных о состоянии форм семьи. «Вряд ли мы ошибемся, если скажем, что изменения общинных форм сопряжены с развитием семьи, и наоборот: смена форм семьи может служить известным показателем внутриобщинной перестройки», — отмечал И. Я. Фроянов²⁹. Первоначально, признав наличие «большой семьи» на Руси X—XII вв. («заурядным явлением»³⁰), И. Я. Фроянов вскоре пришел к представлению о чрезвычайной сложности семейных связей в древней Руси. «Формы семьи в ту пору варьировались от большесемейных союзов до малой семьи, отрицать вообще существование которой было бы безрассудно. Но контуры последней источниками очерчены столь невыразительно, что мы можем с полным основанием отклонить утверждение Б. Д. Грекова о доминирующей роли индивидуальной семьи на Руси XI—XII вв. ...нам обстановка представляется достаточно определенной: большие семьи вместе с переходными своими формами (неразделенные семьи) являлись наиболее распространенными в Киевской Руси», — писал И. Я. Фроянов³¹.

Мысль о сложности и многообразии форм семейного строя в древней Руси развивалась также В. И. Горемыкиной. В предложенной схеме общественного развития восточного славянства первым видом территориальной земледельческой общины, пришедшей на смену родовой, была община-мир, состоявшая, по ее мнению, первоначально из братских, а затем патриархальных

²⁷ Шапов Я. Н. О функциях общины в древней Руси. — В кн.: Общество и государство феодальной России. М., 1975, с. 15; *Он же*. Большая и малая семья на Руси в VIII—XIII вв. — В кн.: Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972, с. 180—193.

²⁸ Фроянов И. Я. Семья и вервь в Киевской Руси: (По поводу статьи Ю. М. Рапова). — СЭ, 1973, № 3, с. 97; *Он же*. Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974, с. 26.

²⁹ Фроянов И. Я. Киевская Русь..., с. 26.

³⁰ Фроянов И. Я. Семья и вервь..., с. 95.

³¹ Фроянов И. Я. Киевская Русь..., с. 43.

семей³²; формировавшиеся в мирах в результате сегментации патриархальных семей патронимии придавали земледельческой общине иную типологическую структуру: «в рамках мира патронимии могли существовать вместе с братскими и патриархальными семьями старого типа»³³. Появление малой семьи с индивидуальным хозяйством В. И. Горемыкина объясняла имущественным неравенством среди свободного населения, перерождением коллективного производства в результате дробления патронимии и обособлением «богатых семей», становившихся там «инородным телом»; эту хозяйственную индивидуализацию и появление малой семьи на Руси В. И. Горемыкина относил к X в. Такое разнообразие семейных форм — от домашней общины до малой семьи — В. И. Горемыкина усматривала вплоть до начала XX в.³⁴

Наконец, в последнее время положения Б. Д. Грекова на накопленном археологическом материале и с более широким привлечением древнерусских письменных памятников были развиты М. Б. Свердловым. Проследивая типологию семьи в древней Руси, М. Б. Свердлов пришел к выводу о типологическом господстве в это время малой семьи, которая «была самостоятельной семейно-хозяйственной ячейкой, обладающей правом наследования по завещанию и без него»³⁵; «...только индивидуум и малая семья учитывались в законодательстве как субъекты семейного и частного права. Не исключена возможность, что вследствие неравномерности исторического развития восточнославянских племен в глухих районах Древнерусского государства сохранялись пережиточные формы архаической большой семьи, однако по письменным памятникам XI—XIII вв. ее существование не прослеживается», — писал М. Б. Свердлов³⁶.

Разноречивость оценок степени распространенности малой семьи определялась разным пониманием интенсивности процесса разложения патриархально-родовых отношений, что прежде всего занимало исследователей. Однако как бы она ни трактовалась в советской исторической науке, большинство исследователей приходило к заключению о том, что уже в древней Руси малая семья в деревне, состоявшая из родителей и детей, или становилась господствующей, или уже существовала.

В то же самое время, что не менее существенно, сохранялось представление о том, что встречавшиеся в дальнейшем большеfamilialные формы суть не что иное, как архаические пережитки патриархальной семейной общины. Вполне вероятно, что именно в силу традиционно определившегося взгляда на большеfamilialные формы как на архаические вопрос о формах семьи у русского

³² Горемыкина В. И. Об общине и индивидуальном хозяйстве в древней Руси.— История СССР, 1973, № 5, с. 136, 138.

³³ Горемыкина В. И. Об общине..., с. 138.

³⁴ Горемыкина В. И. Об общине..., с. 139, 148.

³⁵ Свердлов М. Б. Семья и община в древней Руси.— История СССР, 1981, № 3, с. 104.

³⁶ Свердлов М. Б. Семья..., с. 104—105.

населения в позднефеодальной России в общетеоретическом отношении, помимо М. О. Косвена, до недавнего времени не затрагивался.

Только в 1960-х годах автор настоящей книги впервые обратился к исследованию семейного строя сибирского крестьянства в XVII — начале XVIII в., используя массовый материал переписных книг и текущей административной документации. В дальнейшем эта проблематика была развита З. Я. Бояршиновой, И. В. Власовой, Н. А. Миненко, о работах которых и содержащихся в них выводах речь будет идти ниже. В 1977 г. К. В. Чистов, признавая настоятельной необходимостью исследовать реальный ход развития семейного строя от больших семей к малым, обратился к данным фольклора — сказкам и текстам причитаний, записанных в северо-русских губерниях в 40—60-х годах XIX в.³⁷ Многочисленные исследования по истории населения России и истории крестьянства, содержащие множество фактических данных о крестьянской семье в разных областях европейской части страны, тем более позволяют предпринять опыт обобщающей характеристики ее типологии и прийти к вполне определенным выводам. Представляется реальным на демографическом материале, относящемся почти к четырем столетиям (с конца XV — начала XVI в. и до середины XIX в.), проследить среднюю численность крестьянской семьи и характерные черты ее структуры. Наиболее определено это отражается на материалах, относящихся к позднефеодальному периоду истории России. Правда, в ряде случаев о структуре семьи приходится судить только на основании средних данных о ее численности; тем не менее и этот показатель может быть достаточным для общего вывода о состоянии круга родства внутри основной массы семей.

Конкретное представление о типологии семьи, характерной для членов сельской общины на разных этапах феодальной эпохи, позволяет установить прямую связь между обычно-правовыми нормами, на основе которых протекала повседневная жизнь деревни и крестьянского двора, и особенностями семейного строя.

По справедливому замечанию Я. Е. Водарского, много сделавшего для изучения демографии России, «выяснение состава и средней численности крестьянской семьи в XVI—XVII вв. имеет важное значение для изучения не только истории населения, но и для социально-экономической истории в целом. Хотя отдельные исследователи касались этой темы и собрали много частных данных, они еще не обобщены»³⁸.

³⁷ Чистов К. В. Северо-русские причитания как источник для изучения крестьянской семьи XIX в. — В кн.: Фольклор и этнография: Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л., 1977, с. 131—133.

³⁸ Водарский Я. Е. Население России в конце XVII — начале XVIII в. М., 1977, с. 47.

Достаточно давно ученые, исследовавшие наиболее древние новгородские писцовые книги, не могли не обратить внимания на относительно малую населенность дворов новгородских и северорусских крестьян. «В большинстве случаев мы имели дело с одним семейством, во главе которого стоит отец; иногда это две, много три семьи родных братьев, иногда это семьи отца и его сыновей. Два последних случая представляют семейную общину, но весьма различную по числу членов и по организации от южнославянской задруги... Большого числа членов мы не можем допустить в этих общинах, потому что все дело ограничивается соединением двух, много трех семей. Да и эти случаи довольно редкие», — писал В. И. Сергеевич³⁹. По его мнению, систематические выделы сыновей или разделы братьев после смерти отца породили право каждого члена семьи на имущество⁴⁰. К тому же выводу пришел А. М. Гневушев при изучении сельского населения Новгородской области по писцовым книгам 1495—1505 гг.: «Обычно в крестьянском дворе отмечается отец с одним сыном, гораздо реже — с двумя, еще реже — с тремя сыновьями. Три поколения в одном дворе встречаются очень редко... Большие семьи, таким образом, не уживались в одном дворе и стремились по возможности выделиться»⁴¹. По наблюдению А. М. Андрияшева, в конце XV — начале XVI в. крестьянский двор в Шелонской пятине населяла малая семья, состоявшая в среднем из шести человек — родителей, двух сыновей и двух дочерей⁴². По данным И. Л. Перельман, относящимся к четырем погостам Обонежской пятины, также прослеживается малая населенность крестьянских дворов (в среднем в 1496 г. на двор приходилось от 1,1 до 2,0 глав малых семей, а в 1563 г. — от 1,1 до 1,6)⁴³. В Заонежских погостах, по вычислениям М. В. Витова и И. В. Власовой по писцовой книге 1583 г., на один двор приходилось в разных погостах от 1,0 до 1,2 дворохозяев; к началу второй четверти XVII в. (1628 г.) в тех же погостах на двор в среднем приходилось 1,2—1,7 взрослых мужчин⁴⁴.

³⁹ Сергеевич В. И. Древности русского права. СПб., 1903, т. 3, с. 65.

⁴⁰ Сергеевич В. И. Древности..., с. 66.

⁴¹ Гневушев А. М. Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения Новгорода к Москве. Киев, 1915, т. 1, ч. 1, с. 191.

⁴² Андрияшев А. М. Материалы по исторической географии Новгородской земли: Шелонская пятина по писцовым книгам 1496—1566 гг. — ЧОИДР, 1914, т. 3, с. LXV.

В. Ф. Загорский при изучении писцовых книг Шелонской пятины 1498—1505 гг. пришел к несколько иному выводу, полагая, что крестьянский двор населяла одна крупная семья, в составе которой было трое-четверо мужчин в рабочем возрасте (Загорский В. Ф. История землевладения Шелонской пятины в конце XV и XVI вв. — ЖМЮ, 1909, № 8, с. 299, 314).

⁴³ Перельман И. Л. Новгородская деревня в XV—XVI вв. — ИЗ, 1948, № 26, с. 161—162 (подсчет мой. — В. А.).

⁴⁴ Витов М. В., Власова И. В. География сельского расселения западного Поморья в XVI—XVIII вв. М., 1974, с. 153—154.

ТАБЛИЦА 1

СРЕДНЯЯ НАСЕЛЕННОСТЬ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВОРА (ЛИЦ М. И Ж. ПОЛА)
В ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛЕ, НОВГОРОДСКИХ ПЯТИНАХ И НА СЕВЕРЕ В КОНЦЕ
XV — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.

Территория	Конец XV в.	Середина XVI в.	1580-е годы	1621—1640-е годы
Псковская земля *	—	—	5,2	—
Новгородские пятныны: *				
Бежецкая	5,3	5,1—5,2	5,0—5,3	5,0—5,2
Водская	6,3	5,3	5,2	5,0
Деревская	5,2	5,1	5,1	5,0
Обонежская	—	5,5	5,0	—
Шелонская	6,3	5,1—5,3	5,5—5,7	6,2—6,4
Поморские уезды:				
Чарондская округа 2*	—	—	—	6,8
Каргопольский 3*	—	5,5—6,0	—	5,0—5,5
Тотемский 2*	—	—	—	6,3
Устьянские волости 2*	—	—	—	6,8
Важский 4*	—	5,0—5,3	—	5,8—6,5
Двинский	—	5,5 5*	5,8 5*	6,8 2*
Кеврольский (Пинега) 5*	—	—	5,3	6,5
Мезенский 5*	—	—	5,3	6,3

* Аграрная история северо-запада России XVI в. Л., 1978, с. 143 (табл. 50).

** Колесников П. А. Северная деревня в XV — первой половине XIX в. Вологда, 1976, с. 117.

** Аграрная история северо-запада России XVI в., с. 47 (табл. 14).

** Аграрная история северо-запада России XVI в., с. 68 (табл. 25).

** Аграрная история северо-запада России XVI в., с. 10.

Вычисление средней численности семьи, по данным писцовых книг 1621—1640-х годов, путем примененной методики может быть спорным, так как Ю. В. Готье считал, что в книгах этого периода учитывались все лица мужского пола, а не только женатые. Поэтому, по мнению Ю. В. Готье, средняя численность мужчин в крестьянских семьях «замосковных» уездов (Звенигородского, Волоколамского, Верейского, Дмитровского, Угличского, Владимирского, Шуйского, Костромского, Устюжского, Новоторжского) в 1621—1640-х годах была ниже, колеблясь от 1, 2 до 2, 3 душ (Готье Ю. В. Замосковский край в XVII в. М., 1937, с. 60).

Массовая статистическая обработка ранее уже исследованных писцовых книг XV—XVI вв., проведенная коллективом ленинградских ученых под руководством А. Л. Шапиро⁴⁵, под-

⁴⁵ О методике вычисления см.: Аграрная история северо-запада России: Вторая половина XV — начало XVI в. Л., 1971, с. 17—20.

При фиксации в писцовых книгах только женатых мужчин численность отдельного двора можно вычислить, конечно, лишь с определенной долей условности. Могущие возникнуть сомнения в представительности данных писцовых и переписных книг в связи с возможностью сокрытия крестьянами сведений о действительном составе их семей вряд ли основательны уже потому, что средние данные, которые приводятся в данной главе, вполне сопоставимы в хронологическом и в региональном отношении и подтверждаются документацией более частного характера.

твердила наблюдения указанных выше исследователей о состояниях семейного строя в среде новгородского и северорусского крестьянства в рассматриваемое время.

Не отличалось по количественному составу от новгородских и северорусских крестьянских семей в конце XVI в. и южнорусское сельское население. По подсчетам П. П. Смирнова, в Орловском уезде по писцовой книге 1594—1595 гг. на крестьянский двор приходилось 6,1 души обоего пола; к середине XVII в. «семьянистые» дворы насчитывали до 7,4 души⁴⁶.

Возможности для выяснения средней численности крестьянских семей в XVII в. значительно расширяются, ибо необходимые сведения содержатся не только в писцовых книгах, но и в других источниках. Так, в отписных, отдельных и отказных книгах Поместного приказа 1610—1620-х годов содержатся данные о всем взрослом мужском населении, не только женатом, но и близком к брачному возрасту; в 1630-х и особенно в 1640-х годах контингент учитываемых лиц расширялся за счет детей, достигших 10—15 лет. В. Д. Назаров и Ю. А. Тихонов, по-видимому, справедливо полагают, что по сравнению с дозорными и писцовыми книгами в документах указанных типов учет крестьянского населения отражался с большей точностью⁴⁷. Указанные авторы в своем исследовании по этим, хотя и далеко не исчерпывающим, источникам, относящимся к 1614—1645 гг., проанализировали по числу мужских душ состояние населения в 88 имениях, находившихся в 14 уездах средней полосы России. По их подсчетам, средняя численность лиц мужского пола в крестьянских дворах в Московском уезде равнялась 2,5 душам, в других центральных уездах — 1,7, в поволжских и заволжских (Галицком, Костромском, Ярославском) — 2,1, в юго-восточных (Арзамасском, Нижегородском, Рязанском) — 1,8 душам и т. д.⁴⁸ Таким образом, с учетом малолетних детей и лиц женского пола, не фиксировавшихся в этих документах, общая средняя численность крестьянской семьи могла достигать 3,5—5 душ. Некоторое возрастание плотности населения дворов в 1630—1640-х годах В. Д. Назаров и Ю. А. Тихонов связывали с изменением системы государственного налогообложения (введение «живущей четверти»), при котором помещики не препятствовали естественному увеличению населенности дворов⁴⁹.

Еще более точные и территориально представительные данные содержатся в переписных книгах XVII в., в которые заносились вне зависимости от возраста все лица мужского пола. По наблю-

⁴⁶ Смирнов П. Орловский уезд в конце XVI в. по писцовой книге 1594—1595 гг. Киев, 1910, с. 72—74.

⁴⁷ Назаров В. Д., Тихонов Ю. А. Крестьянский и бобыльский двор в светских владениях центральных уездов первой половины XVII в. — История СССР, 1977, № 4, с. 152—154.

⁴⁸ Назаров В. Д., Тихонов Ю. А. Крестьянский и бобыльский двор..., с. 154—155.

⁴⁹ Назаров В. Д., Тихонов Ю. А. Крестьянский и бобыльский двор..., с. 156.

СРЕДНЯЯ НАСЕЛЕННОСТЬ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВОРА В РОССИИ В 1678 Г.
(ЛИЦ М. И Ж. ПОЛА)

Район	Во владениях			У черно- сошного крестьян- ства
	Светских феодалов	духовен- ства	дворца	
I. Западный район (5 уездов)	6,8	7,0	7,6	—
II. Северо-западный район (8 уездов)	7,8	6,6	6,2	—
III. Нечерноземный центр (50 уездов)	7,6	6,8	7,4	—
IV. Северный и северо-восточный районы (Поморье, 20 уездов)	7,0	7,4	5,2	6,6
V. Восточный и юго-восточный районы (28 уездов)	6,8	6,8	5,6	—
V. Черноземный центр (42 уезда)	8,8	9,0	9,4	—

* Водарский Я. Е. Население . . . , с. 221—231 (Прилож. 5—9; подсчет мой. — В. А.).

дению М. М. Богословского в Поморье «по переписям 70-х годов XVII столетия, тщательно перечисляющим все мужское население двора, взрослое и малолетнее, средняя цифра душ мужского пола в крестьянском и половничьем дворе колеблется по уездам от 2,2 до 4, причем гораздо большая часть уездов ближе к первому, чем ко второму пределу»⁵⁰. Подсчеты других исследователей по отдельным северным уездам на материалах 1670—1680-х годов привели приблизительно к тем же результатам. В Кеврольском уезде в 1686 г. средняя населенность крестьянского двора составляла 3,7 души м. п.⁵¹, а в заонежских погостах в 1678 г. она колебалась от 3,4 до 4,1 души⁵², т. е. с лицами женского пола — от 6,8 до 8,2 человека на двор.

Исходя из численности дворов и общего количества людей в них, зафиксированных в переписных книгах 1678 г. и обработанных Я. Е. Водарским по 153 уездам европейской части России, среднюю численность населения в крестьянских семьях можно представить по отдельным регионам страны (см. табл. 2).

Некоторый рост населенности крестьянского двора, прослеживающийся во второй половине XVII в., связывался учеными с введением подворного обложения⁵³. Причины различия в плотности населенности дворов в различных регионах страны, прежде

⁵⁰ Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909, т. 1, с. 154.

⁵¹ Иванов П. Заметка о размере окладной пашни и населенности дворов в Кеврольском уезде XVII в. — ТАКМАО, 1900, вып. 1, т. 2, стб. 156—158.

⁵² Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII вв. М., 1962, с. 129.

⁵³ Лаппо-Данилевский А. С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времени смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890, с. 250. О том же выводе см.: Водарский Я. Е. Население..., с. 47.

всего повышенные данные по Черноземному центру, заслуживают дальнейшего изучения. Н. А. Горская в своем исследовании, посвященном монастырским крестьянам Центральной России, на основании материалов последней четверти XVI в. — первых лет XVIII в. пришла к выводу об увеличении населенности крестьянских дворов в последнее тридцатилетие XVII в., полагая, что дворы с повышенной населенностью во владениях духовных феодалов сохранялись, с одной стороны, из-за запрещения семейных разделов, а с другой — из-за стремления самих крестьян вести хозяйство силами семейной кооперации, которую они разрушали разделами лишь в крайнем случае, когда это сулило им непосредственное уменьшение владельческого тягла⁵⁴. По данным Н. А. Горской, в крестьянских дворах Донского и приписных к нему монастырей, находившихся на отработочной и денежной ренте в Московском, Малоярославском, Тверском, Брянском, Мещовском и Перемышльском уездах, в 1670—1680 гг. средняя подворная населенность в разных местностях довольно существенно колебалась от 2,8 до 4,7 душ м. п., а к 1701—1702 гг. — от 2,4 до 4,9, оставаясь вместе с тем довольно стабильной; только в наиболее южном Белевском уезде она достигала в 1684 г. 4,9 и в 1701 г. 5,1 душ м. п.⁵⁵ Таким образом, общая населенность дворов колебалась от 4,8 до 10,2 человек. Тогда же, в 1701—1702 гг., средняя населенность дворов в 32 селениях, принадлежавших Медведевой пустыни в Дмитровском уезде, также колебалась от 2,5 до 6 душ м. п., достигала 3,9 душ м. п.⁵⁶ При этом по отдельным данным можно судить, что даже «семьянистые» крестьяне в разных уездах (Дмитровском, Московском) не имели особо многочисленных домочадцев; их семьи в среднем насчитывали 6,4—9,2 души обоего пола⁵⁷. В 1701—1702 гг. в вологодских вотчинах Спасо-Прилуцкого монастыря средняя населенность двора достигала 7,8 душ обоего пола, а в вотчинах Пафнутьево-Боровского монастыря, расположенных в центральных уездах — Малоярославском, Оболенском, Тарусском, Серпуховском, Каширском и Московском — колебалась от 8 до 9,8 души⁵⁸.

Рост населенности крестьянского двора во второй половине XVII в., что нетрудно также заметить при сравнении таблиц 1 и 2, прослеживается далеко не повсеместно. Так, в ряде поморских уездов этот процесс не наблюдается; например, в Кеврольском и Мезенском уездах в 1678 г. средняя численность двора равнялась соответственно 5,4 и 4,0 душам м. и ж. п.⁵⁹, т. е. была даже

⁵⁴ Горская Н. А. Монастырские крестьяне Центральной России в XVII в. М., 1977, с. 228, 337.

⁵⁵ Горская Н. А. Монастырские крестьяне..., с. 308.

⁵⁶ Горская Н. А. Монастырские крестьяне..., с. 174—175.

⁵⁷ Горская Н. А. Монастырские крестьяне..., с. 224.

⁵⁸ Булыгин И. А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII в. М., 1977, с. 247—249, 293—295.

⁵⁹ Водарский Я. Е. Население..., с. 231. Правда, П. Иванов по данным 1686 г. вычислил иную среднюю величину для Кеврольского уезда — 7,4 (Иванов П. Заметка..., стб. 157—158).

меньше, чем в 1620—1640-х годах. В Двишском уезде в 1620—1640-х и 1670-х годах средняя цифра осталась фактически неизменной (6,8 и 6,6).

Наблюдавшийся рост крестьянской семьи на протяжении XVII в. не может, однако, повлиять на выводы о ее структуре. К тому же выводу пришел и Я. Е. Водарский; по его мнению, объединения в один двор нескольких хозяйств «не могли существенно изменить среднюю населенность двора ни в целом по стране, ни по ее отдельным крупным районам»⁶⁰.

С введением при Петре I подушной подати фискальные органы при учете тяглового населения прежде всего стали интересоваться количеством не дворов, а душ м. п., и уже при первой ревизии 1719 г. дворы не учитывались вовсе. Изменение характера официальной документации, разумеется, затрудняет определение средней населенности дворов в масштабе всей страны. Тем не менее даже по частным данным можно судить об уровне населенности крестьянских дворов в отдельных уездах. Численный анализ 428 семей вологодских крестьян Кубенской трети на 1717 г., осуществленный Е. Н. Баклановой, показал, что наиболее многочисленные — от 10 до 19 душ обоего пола — семьи не намного превосходили семьи, состоявшие только из супружеских пар; первых было 40, вторых — 30. Наиболее же распространенными были семьи в 4—6 душ м. и ж. пола; они составляли почти половину (209 из 428) всех учтенных семей⁶¹. Подобное же соотношение существовало в 1730-х годах в вотчине А. И. Румянцева с центром в с. Чеберчино (Алатырский уезд). По подворной описи 1731 г., из 247 дворов в 31 проживали многолюдные семьи (11—15 и более человек), а в 27 — малолюдные (1—3 человека); основная часть семей (149) состояла из 4—7 человек каждая; 40 семей насчитывали по 8—10 человек⁶². Другие данные за вторую половину XVIII в. также свидетельствуют, что на двор в среднем приходилось от 6,4 до 8 человек обоего пола⁶³.

В целом по России на протяжении XVIII в. и вплоть до 1858 г., как можно видеть из табл. 3, не произошло сколько-нибудь серьезных изменений в средней численности семей. Порайонные колебания наблюдались, и выяснение причин, их вызывавших, в том числе интенсивности естественного прироста, требуют специальных исследований с учетом населенности сельских поселе-

⁶⁰ Водарский Я. Е. К вопросу о средней численности крестьянской семьи и населенности двора в России в XVI—XVII вв. — В кн.: Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в.: Очерки по исторической географии XVII в. М., 1974, с. 123.

⁶¹ Бакланова Е. Н. Крестьянский двор..., с. 38.

⁶² Клеянкин А. В. Крестьянский двор и семья первой трети XVIII в. (По подворным переписям в селениях Алатырского у.). — В кн.: Вопросы социально-экономической и политической истории Среднего Поволжья и Приуралья периода феодализма: Научная сессия. Тезисы докладов. Научно-исследовательский институт при Совете министров Чувашской АССР. Чебоксары, 1973, с. 46.

⁶³ Водарский Я. Е. К вопросу..., с. 123.

СРЕДНЯЯ НАСЕЛЕННОСТЬ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВОРА В РОССИИ В 1710—1858 Г.
(ЛИЦ М. И Ж. ПОЛА)

Район		1710 г.	1858 г.
I.	Западный район	10,6	8,0
II.	Северо-западный район	?	6,8
III.	Нечерноземный центр	7,4	6,8
IV.	Северный район (Поморье)	6,8	7,4
V.	Поволжье	6,6	8,2
VI.	Черноземный центр	7,8	10,2

* Водарский Л. Е. К вопросу . . . , с. 122—123.

ний, их истории, характера хозяйственной деятельности крестьян, форм феодальной ренты, владельческой принадлежности, а также, по-видимому, экономического состояния районов.

Итак, с конца XV в. и вплоть до середины XIX в., т. е. на протяжении трех с половиной веков, крестьянская семья по своей численности не претерпевала принципиальных изменений. В северо-западных районах она находилась в стабильном состоянии, колеблясь в среднем от 5 до 7 душ обоего пола; в западных районах — от 7 душ в 1678 г. до 8 душ; в Нечерноземном центре с начала XVII в. она возросла с 4—5 душ до 7 душ; в Поморье колебания с середины XVI в. наблюдались с 5 до 7 душ; в Поволжье — между 5 и 8 душами и, наконец, в Черноземном центре ее численность со второй половины XVII до середины XIX в. была наибольшей — 8—10 душ.

* * *

Опираясь на данные о средней подворной населенности в конце XV — второй четверти XVII в., можно прийти к очевидному выводу о том, что именно малая семья, существование которой, как указывалось, в древней Руси никем не отрицается, к позднефеодальному времени, безусловно, преобладала в среде сельского населения, в частности в северных областях, где, по представлениям некоторых ученых, будто бы наиболее долго сохранялись архаические черты семейного строя. Несколько возросшая с XVII и до середины XIX в. численность крестьянского двора тем не менее не дает основания думать о существовании каких-либо сложных большесемейных форм.

Наиболее ранние материалы, на основе которых можно конкретно представить структуру крестьянской семьи, содержатся в «долговой книге» Иосифо-Волоколамского монастыря за июнь—июль 1532 г. В этот документ, где фиксировались долги крестьян, заносились не только имена должников, возглавлявших дворы, но

и членов их семей — жен и сыновей. Правда, в книге, по-видимому, не учитывались дети женского пола, а также жены бездетных сыповей. Анализ «долговой книги», проведенный Я. Е. Водарским, показал, что среди задолжавших семей преобладали семьи малые; так, в учтенных 598 дворах проживало 46 одиночек, 50 супружеских пар, не имевших детей или имевших только дочерей, и 278 семей с малолетними сыновьями. Остальные 224 семьи можно отнести к разряду неразделенных, т. е. состоявших из родителей и взрослых сыновей⁶⁴, хотя возможно, что часть этих семей, где сыновья не были женаты, также структурно были семьями малыми. Вполне вероятно также, что по своей внутренней численности неразделенные семьи составляли большую часть этого населения; однако данное обстоятельство не меняет существа типологического соотношения семей.

Писцовые книги первой четверти XVII в. позволяют еще более определенно судить о структуре семей черносошного северного крестьянства. При обработке и анализе писцовых книг 1623 г. А. И. Копанев в определении структурно-демографической семейной ситуации допустил досадную неточность, безоговорочно рассматривая все семьи, состоявшие из родителей и сыновей, в том числе и женатых, как семьи малые и не допуская различия между ними и семьями отцовскими, состоявшими из трех поколений.

Малой семьей следует считать супружескую пару, не имевшую детей или с малолетними и даже взрослыми, но не женившимися сыновьями. Родители с женатыми сыновьями (вне зависимости от их количества), а также совместно жившие женатые братья составляли более сложную семейную организацию, а именно — неразделенную семью двух видов — отцовскую и братскую⁶⁵.

В тех случаях, когда писцы фиксировали только женатых мужчин, к малой семье можно отнести семьи, состоявшие из «одного хозяина»; в этом случае можно предположить в их составе наличие малолетних или неженатых сыновей; отцы с одним—четырьмя сыновьями, непременно женатыми, составляли уже неразделенную отцовскую семью. Именно при такой перекомпановке материала, приведенного в книге А. И. Копанева, и составлена табл. 4. Нетрудно заметить, что и при этом, более правильном понимании термина «малая семья», она была преобладающей формой. Поэтому следует согласиться с общим выводом А. И. Копанева о том, что на севере «основной хозяйственной ячейкой была малая крестьянская семья»⁶⁶. На Пинеге неразделенные семьи — отцовские и братские — в сумме своей несколько превосходили малые семьи, но были несложного состава. В писцовых книгах 1623 г. только в виде исключения указывались внуки. Поэтому можно думать, что неразделенные отцовские семьи в три положе-

⁶⁴ Водарский Я. Е. К вопросу..., с. 120—121.

⁶⁵ М. В. Витов без особых оснований неразделенные семьи также относит к большим семьям (*Витов М. В. Историко-географические очерки...*, с. 129).

⁶⁶ Копанев А. И. Крестьянство..., с. 122.

СТРУКТУРА СЕМЕЙ У СЕВЕРНОРУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVII В. (В %)

Тип семьи	Район и количество учтенных дворов		
	на Двине, Калесский стан, 1622—1623 г. — 181	на Пинеге, 1623 г. — 1636	на Мезени, 1623 г. — 1027
1. Малая семья (отец с малолетними или холостыми сыновьями или без них)	53	46,7	78,5
Неразделенные семьи:			
2. а) отцовская (отец — женатые сыновья, возможно, внуки)	30	39,5	14,2
б) «братская» (женатые братья, в том числе с сыновьями)	12,2	12,0	6,8
в) дяди — племянники (возможно, с сыновьями)	3,3	1,2	0,3
3. Прочие	1,5	0,6	0,2

* Таблица составлена на основании цифровых данных, приведенных в кн.: Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1973, с. 120—121 (табл. 3—4).

ния (отец — сыновья — внуки) не были распространены, а если и существовали, то с неженатыми представителями третьего поколения (внуками). Становится очевидным, во-первых, безусловное господство семьи в два поколения (отец — сыновья или братья — племянники), а во-вторых, полное отсутствие сложных семейных союзов. А. И. Копанев отмечал ничтожное число «сложных семей», к которым он относил совместно проживавших разнофамильцев⁶⁷. В табл. 4 такие семьи отмечены в рубрике «Прочие», и судить об их структуре затруднительно. Скорее всего, как полагает и А. И. Копанев, это были семьи складников, не состоявшие друг с другом в родстве, во всяком случае прямом.

На северо-западе страны, на территории Шелонской пятины в первой половине XVII в. существовали также две основные формы семьи — малая (отцовская) и неразделенная (отцовская и братская). По данным 1646 г., неразделенные семьи составляли треть всех семей. К 1668 г. за счет сокращения семейных разделов их удельный вес значительно вырос, особенно братских семей, которых стало в 2,5 раза больше (с 15 до 37%). В целом к 1678 г. в неразделенных семьях концентрировалось до 69% всего крестьянского населения пятины⁶⁸.

Весьма подробно структура и формы семьи за 1678—1717 гг. были исследованы Е. Н. Баклановой в среде вологодской группы севернорусского крестьянства. На основе анализа 1000 семей мо-

⁶⁷ Копанев А. И. Крестьянство..., с. 120—121.

⁶⁸ Воробьев В. М., Дегтярев А. Я. Основные формы сельского расселения на Северо-Западе Руси в XVI—XVII вв. — История СССР, 1980, № 5, с. 176.

пастырских крестьян по данным всеобщей подворной переписи 1678 г. и 428 семей по дапным аналогичной переписи («ландрантской») 1717 г. Е. Н. Бакланова пришла к выводу о том, что «преобладающей формой являлась малая семья... Господствующим ее типом была индивидуальная семья супругов с их неженатыми сыновьями», на долю которой в последней четверти XVII в. приходилось 80,3%, а в первой четверти XVIII в. — 54,5% всех семей⁶⁹. Другой формой была неразделенная семья — отцовская и братская, а также образовавшаяся на основе последней семья, состоявшая из дядьев и племянников. Братские семьи были явлением распространенным. Они составляли половину всех неразделенных семей. Особо сложных семейных форм с прямым и боковым родством у вологодских крестьян не наблюдалось. В общей массе преобладали семьи всего лишь в два поколения (в 1678 г. — 64,5%, в 1717 г. — 67,2%); семьи в три поколения занимали второстепенное положение (соответственно, 14,8 и 23,9%), а четырехпоколенных семей, причем только с прямым родством, было ничтожное количество⁷⁰.

Не менее четко о соотношении малых и неразделенных семей можно судить по массовому материалу, содержащемуся в переписной книге 1672 г. по дворцовому с. Лыскову с прилегающими к нему селениями (Нижегородский край)^{70а}. По обобщающим данным, приведенным в заключительной части книги, в Лыскове, пяти его приселках и 11 деревнях, насчитывалось 689 пашенных крестьянских и 327 оброчных бобыльских дворов, всего 1017 дворов^{70б}. В переписной книге женский состав крестьянских семей не учитывался, поэтому семейная структура достаточно определенно прослеживается в 900 дворах. Подавляющая часть семей состояла из семей малых — 719 (отец или мать-вдова с малолетними сыновьями — 613; отцы с подрастающими 15—16-летними сыновьями — 39; главы семей с малолетними братьями или племянниками, супружеские пары, не имевшие детей мужского пола, — 67). Среди 181 неразделенной семьи основную часть составляли отцовские семьи — 110 (деды — сыновья — внуки, либо отцы — женатые сыновья); братских семей насчитывалось только 52 (женатые братья; дядья с взрослыми племянниками) и, наконец, примацких семей, состоявших из примака с женой и семейных пар ее близких родственников — 19.

⁶⁹ Бакланова Е. Н. Крестьянский двор..., с. 39.

⁷⁰ Бакланова Е. Н. Крестьянский двор..., с. 34.

По форме и структуре от крестьянской семьи мало чем отличалась городская семья того же времени. По подсчетам М. Г. Рабиновичем писцовых книг Балахны 1674—1676 гг. и переписной книги Устюжны Железнопольской 1713 г., среди населения этих городов преобладали двухпоколенные семьи (родители — дети), трехпоколенных было немного (соответственно 7, 8 и 19%). По форме господствовала малая семья (Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города: Горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978, с. 180—191).

^{70а} Хозяйство крепостного крестьянина XVII в. Переписная книга 1672 г. по с. Лыскову с приселками и деревнями. М.; Л., 1982. Вып. I—II.

^{70б} Хозяйство крепостного крестьянина..., вып. II, с. 271.

Некоторые данные о структуре крестьянской семьи средней полосы России в первой половине XVII в. содержатся в исследовании В. Д. Назарова и Ю. А. Тихонова. Поскольку в использованных ими отказных, отдельных и отписных книгах Поместного приказа женское население, как и в писцовых книгах, не фиксировалось, состав семьи ими определялся также по количеству мужских душ и указаниям об их брачно-семейном положении. На основании наблюдений по 36 имениям они пришли к выводу о том, что не менее 75—90% (а в отдельных случаях и более) семей были трехпоколенного или, в меньшей мере, двухпоколенного состава с прямым нисходящим родством. Братские семьи, преимущественно двухпоколенные, состоявшие из семьи старшего брата и из неженатых или женатых, но не имевших еще детей младших братьев, были значительно более редки. Семьи с родством по свойству и по женской линии уникальны⁷¹. Таким образом, по этим данным прослеживаются те же структурные формы — малая и неразделенная семья, среди которых по сравнению с северорусским крестьянством братские семьи занимали более скромное место.

Разумеется, возникает вопрос о генетической связи между двумя существовавшими в крестьянской среде формами семьи — преобладающей малой и неразделенной в разных ее видах. Если рассматривать неразделенную семью архаическим, т. е. постоянно существовавшим пережитком первобытно-родового строя, то придется признать параллельное и самостоятельное существование как малой, так и неразделенной семей вне их генетической связи. Такое явление в сельской среде, так сказать, на одной деревенской улице было бы странным и невероятным. Повсеместное длительное и преобладающее бытование малой семьи не вызывает сомнения; поэтому ее существование не могло быть результатом распада большесемейных форм в рассматриваемое время. Представляется очевидным иной процесс — создание неразделенных семей на основе малой семьи и затем их раздел на те же малые. Именно так, но не иначе прослеживается генетическая связь между семьей малой и сколько-нибудь большесемейными коллективами, которые существовали в рассматриваемые века в форме неразделенных семей. К этой мысли приходил еще В. И. Сергеевич; имея в виду новгородских крестьян XV—XVI вв., он писал, что крестьянские разделы — явление не только нового времени⁷². В настоящее время та же мысль развивается А. И. Копаневым. Его наблюдения над писцовыми материалами Русского Севера XVI в. сводятся в этом отношении, во-первых, к тому, что в крестьянских семьях оставался преимущественно один, сравнительно редко — два сына, а остальные выделялись, и, во-вторых, к неустойчивости существования братских семей. «Дельные грамоты,

⁷¹ Назаров В. Д., Тихонов Ю. А. Крестьянский и бобыльский двор..., с. 156.

⁷² Сергеевич В. И. Древности..., с. 66.

а почти 70% из них фиксируют именно разделы братьев, свидетельствуют, что братские семьи переходили опять-таки в семьи отцовского типа»⁷³, — заключает свои выводы А. И. Копанев. Далее, полемизируя с А. Я. Ефименко, видевшей в одной северной сложной семье, состоявшей из 12 родственников (дяди с племянниками и двоюродными братьями) и делившейся в 1530—1531 гг., «чистый тип настоящей задруги», А. И. Копанев пишет: «Как показывают наши данные, таких семей в XVI в. на Двине были единицы. Они создавались естественным путем — в результате затянувшегося почему-либо раздела хозяйства между братьями — и в XVI в., и позднее, и даже в XIX в.»⁷⁴ Далее, обращая внимание на неустойчивость земельных владений таких больших семей, он вновь обратился к своей мысли: «Поэтому вряд ли возможно и первоначальную семью, запечатленную в дельной 1530—1531 гг., считать архаической задругой. Вернее считать ее случайным образованием»⁷⁵.

О разделах среди вологодских крестьян выразительные сведения содержит перепись 1717 г. По наблюдению Е. Н. Баклановой, в первой четверти XVIII в. по сравнению с последней четвертью XVII в. в результате усиления феодально-крепостнической эксплуатации и роста ренты заметно повысилось число трехпоколенных семей⁷⁶; тем не менее к 1717 г. «в Кубенской трети из 428 семей монастырских крестьян разделилось 66 семей, или 15,4%; из 636 семей помещичьих крестьян разделилось 92, или 14,4%»⁷⁷. Эти разделы происходили прежде всего в братских семьях, а также между дядьями и женатыми племянниками; разделы между отцами и женатыми сыновьями были редки. На основе образовавшихся малых семей начиналась регенерация неразделенных семей. По сравнению с 1678 г. к 1717 г. почти в полтора раза сократился процент семей, состоявших из супругов с малолетними детьми, и соответственно на столько же возрос процент семей, состоявших из супругов с женатыми сыновьями и внуками. Так же возрастал процент неразделенных братских семей⁷⁸.

История структуры крестьянской семьи отчетливо прослеживается во вновь заселяемых районах. Под влиянием опыта хозяйствования и традиций русские переселенцы сохраняли на вновь осваиваемых землях известные им формы семьи, хотя под давлением местных условий эти формы обретали своеобразные черты. В Среднем Поволжье, сельскохозяйственное освоение которого русским населением началось с XVI в., по данным 1597 г., уже существовали крупные по численности и сложные по структуре семьи. В дальнейшем в Закамье и на территории Казанского

⁷³ Копанев А. И. Крестьянство..., с. 122.

⁷⁴ Копанев А. И. Крестьянство..., с. 125.

⁷⁵ Копанев А. И. Крестьянство..., с. 125.

⁷⁶ Бакланова Е. Н. Крестьянский двор..., с. 36, 39.

⁷⁷ Бакланова Е. Н. Крестьянский двор..., с. 166.

⁷⁸ Бакланова Е. Н. Крестьянский двор..., с. 36, 39.

уезда в русских селениях получили распространение родственные семейные группы от двух до девяти дворов, образовавшиеся путем деления семей, разросшихся из малых⁷⁹. По этим отдельным данным, относящимся к Среднему Поволжью, можно судить, что первоначальное освоение земель там начиналось малыми семьями, которые разрастались в неразделенные, а затем распались вновь на малые. С конца XVI и до середины XIX в. в Среднем Поволжье прослеживались наряду с малой разные типы неразделенных семей — отцовские в три, иногда в четыре поколения, братские, а также сложные, производные из братских. В целом на протяжении всего этого времени неразделенные семьи преобладали над малыми, причем среди них наибольшее распространение имели семьи отцовские⁸⁰. Это явление порождалось хозяйственной необходимостью — трудностью поднятия новых пашен — и было свойственно не только Поволжью.

Аналогичный процесс четко прослеживается на протяжении XVII — первой половины XIX в. и в Сибири, где крестьянский семейный строй к настоящему времени изучен весьма обстоятельно. К концу XVII — началу XVIII в. русские переселенцы в Сибири, прежде всего крестьяне, попадая туда весьма часто без семей, восстановили их; по своей средней численности они не уступали крестьянским семьям европейской части страны. По данным 1699 г., как в Западной, так и в Восточной Сибири в среднем семьи насчитывали 5,8 человек обоего пола, а по переписи 1710 г. они возросли до 7,2 человек при абсолютном равенстве численности лиц мужского и женского пола⁸¹. К 1719 г. в отдельных уездах Сибири средняя численность крестьянских семей продолжала повышаться; например, в Енисейском уезде она достигала 9,8 человек⁸². В Западной Сибири, где сельскохозяйственное освоение началось прежде всего в Верхотурском, Тюменском, Туринском, Тарском, Томском, Кузнецком уездах, во второй половине XVII в. и вплоть до XVIII в. малые двухпоколенные семьи занимали доминирующее положение (до 70—90%), хотя и отличались по средней численности друг от друга⁸³. В начале XVIII в. там стал наблюдаться рост неразделенных семей. Освоение земель требовало максимальной концентрации рабочих рук в крестьянских дворах, а потому образование неразделенных

⁷⁹ Бусыгин Е. П., Зорин Н. В., Михайличенко Е. В. Общественный и семейный быт русского сельского населения Среднего Поволжья. Казань, 1973, с. 91—92, 103.

⁸⁰ Столяров А. А. К вопросу изучения структуры русских сельских семей Среднего Поволжья в XVI — начале XX в. — В кн.: Вопросы этнографии Среднего Поволжья. Казань, 1980, с. 110—115.

⁸¹ Водарский Я. Е. Население..., с. 232 (подсчеты средней численности мн.-в. А.); Он же. Численность русского населения Сибири в XVII—XVIII вв. — В кн.: Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). М., 1973, с. 209, 213.

⁸² Александров В. А. Русское население..., с. 137.

⁸³ Миненко Н. А. Русская крестьянская семья..., с. 44—48; Власова И. В. Структура и численность семей русских крестьян Сибири в XVII — первой половине XIX в. — СЭ, 1980, № 3, с. 39—43.

семей порождалось хозяйственными соотношениями. Уже в 1719—1720 гг. в Тюменском и Томском уездах неразделенные семьи явно преобладали в деревне⁸⁴; на юге Кузнецкого уезда неразделенные, преимущественно братские семьи, насчитывавшие до 7 душ м. п., составляли до 60% всех крестьянских семей⁸⁵. То же явление наблюдалось и в более восточных районах Сибири. В Енисейском крае уже в 1660—1680-х годах при господствовавшей малой семье шел процесс превращения ее значительной части в неразделенную; в начале XVIII в. этот процесс усилился. Развитие неразделенных семей в XVII — начале XVIII в. происходило и в других районах Восточной Сибири — на Илимке и Лене, в Нерчинском уезде⁸⁶.

С середины XVIII в. в истории сибирской крестьянской семьи наметился новый этап — в среде старожильческого сельского населения начались распады неразделенных семей. Такие распады, будучи уже вторичными явлениями в истории семьи, объяснялись укреплением крестьянского хозяйства, уровнем освоенности земель и, в частности, отменой в 1760-х годах натуральной повинности по обработке государевой десятинной пашни. Несмотря на противодействие властей, запрещавших разделы, даже, по официальным данным конца XVIII — первой половины XIX в., распады неразделенных семей становились системой. В конце XVIII в. в старозаселенных тюменских и тобольских районах по-прежнему господствовала двухпоколенная малая семья, хотя ее удельный вес снизился по сравнению с первым этапом заселения Сибири в XVII в.⁸⁷ Только в отдельных районах в первой половине XIX в. в значительном количестве сохранялись неразделенные семьи (на юге Западной Сибири, в Приангарье и в Забайкалье)⁸⁸.

Увеличение подворной населенности могло быть результатом разных причин социального, хозяйственного и демографического характера. В отдельных регионах страны и в разное время эти причины в силу местной специфики порождали типологические отклонения или особенности семейного строя, что заслуживает дальнейшего исследования. В частности, семейные разделы у государственных крестьян с конца XVIII и на протяжении первой

⁸⁴ Бояршинова З. Я. Крестьянская семья Западной Сибири феодально-го периода. — ВИС, 1967, вып. 3, с. 13—14, 19.

⁸⁵ Миненко Н. А. Русская крестьянская семья..., с. 46, 49; Власова И. В. Структура..., с. 44.

⁸⁶ Александров В. А. Русское население..., с. 133—137; Власова И. В. Структура..., с. 43; Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Иркутск, 1949, т. 1, с. 226—229; Сафронов Ф. Г. Русские крестьяне в Якутии (XVII — начало XX в.). Якутск, 1961, с. 31.

⁸⁷ Миненко Н. А. Русская крестьянская семья..., с. 51—53, 57—64, 70; Бояршинова З. Я. Крестьянская семья..., с. 16—18; Власова И. В. Структура..., с. 44—45.

⁸⁸ Лебедева А. А. К истории формирования русского населения Забайкалья, его хозяйственного и семейного быта (XIX — начало XX в.). — В кн.: Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М., 1969, с. 157—158; Власова И. В. Структура..., с. 45; Миненко Н. А. Русская крестьянская семья..., с. 54—55, 71—72.

половины XIX в. пытались торжествовать или регламентировать власть⁸⁹. Разделы семей у крепостного крестьянства сплошь и рядом происходили только с разрешения помещика⁹⁰.

Тем не менее эти административные меры не достигали цели даже в среде крепостного крестьянства. Подворные описи многих десятков имений средней полосы России, исследованные И. Д. Ковальченко, не оставляют сомнения в характере структуры крестьянской семьи в первой половине XIX в. Как следует из табл. 5, составленной на основе выборочных, по характерных данных, населенность крестьянских дворов отражала бытование малых и несложных по составу неразделенных семей⁹¹.

Сохранившиеся в вотчинных фондах дела о крестьянских разделах, прежде всего отдельные акты, фиксировавшие условия деления имущества, свидетельствуют, что распадение семей чаще всего аргументировалось «многосемейностью» или их «умножением», затруднявшим ведение хозяйства либо усложнявшим внутрисемейные отношения. Такие разделы происходили между отцами и сыновьями, еще чаще — между братьями или дядьями и племянниками; случалось, что в неразделенных семьях выделялись снохи-вдовы с сыновьями-подростками. Динамика таких разделов или выделов, однако, была различной в разных по имущественному положению семьях.

Можно заметить, что средняя населенность двора и средние данные о количестве рабочих рук в отдельных дворах возрастали в среде разных имущественных слоев — у бедного, среднего и зажиточного крестьянства, как барщинного, так и оброчного. Отсюда нетрудно сделать вывод, что различные типы семьи преобладали в среде разных имущественных групп крепостного крестьянства — малые семьи у бедных и отчасти средних крестьян, неразделенные — у средних и зажиточных. Исследование вопроса о хозяйственной взаимосвязи между рабочими возможностями крестьянского двора и его состоятельностью не входит в число задач, стоявших перед автором настоящей книги. Следует лишь отметить, что определение типологии крестьянских семей имеет существенное значение для дальнейшего изучения состояния крестьянского хозяйства и феодальной ренты уже потому, что если типология семей находится в известной связи с имуществен-

⁸⁹ Миненко Н. А. Русская крестьянская семья..., с. 53—54, 57—60, 324—325.

⁹⁰ Александров В. А. Сельская община в России (XVII — начало XIX в.). М., 1976, с. 300—302.

⁹¹ На основании данных фольклора XIX в. приблизительно к тому же пришел К. В. Чистов. По его наблюдению, в русских сказках «вне зависимости от района и времени записи — это всегда малая семья» (Чистов К. В. Северно-русские причитания..., с. 133); причитания, записанные в 1840—1860-х годах в северно-русских губерниях, свидетельствуют о сосуществовании разных типов семей — больших, малых, неразделенных, при преобладании малых, причем применяемая в причитаниях терминология родства отражает «позднюю стадию существования «большой» семьи (Там же, с. 136, 140, 142—143), т. е. по существу — неразделенную семью несложного состава (родители, дети, братья, дядья, племянники).

СРЕДНЯЯ НАСЕЛЕННОСТЬ КРЕСТЬЯНСКИХ ДВОРОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Имена, основные занятия крестьян	Год	Средняя населенность дворов и наличие работников в семьях разных имущественных групп крестьян		
		бедное	среднее	зажиточное
Ивановское Шереметевых (состояло из двух половин) (Шуйский уезд) Промыслы Населенность на двор м. ж. В том числе работников м. ж.	1836			
		1,8—2,0	2,3—2,7	2,3—3,0
		2,3—2,3	2,5—3,2	3,1—3,2
		1,0—1,0	1,3—1,7	1,3—1,5
		1,3—1,2	1,6—1,8	1,8—1,7
Вышгородское Шуваловых (Верейский уезд). Земледелие Населенность на двор м. ж. В том числе работников м. ж.	1844			
		2,6	3,6	4,7
		2,6	3,8	5,4
		1,5	1,9	2,5
		1,4	2,3	3,1
Безводное Юсуповых (Нижегородский уезд). Промыслы и земледелие Населенность на двор м. ж. В том числе работников м. ж.	1851			
		1,8	2,9	3,4
		2,4	3,1	3,9
		1,0	1,6	1,9
		1,5	1,9	2,3

* Таблица составлена на основании таблиц 42, 48, 51 книги И. Д. Ковальченко «Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в.» (М., 1967, с. 214, 247, 248, 254).

ными группами крестьян, то возможно выявить и преобладание в деревне общей людности того или иного имущественного слоя. Без учета же рабочих возможностей деревни и отдельных дворов, принадлежавших к разным имущественным слоям, т. е. без учета семейной и семейно-имущественной демографии, нельзя конкретно судить об интенсивности развития сельского хозяйства и приведения земель в культурное состояние, о посильности роста повинностей и предельности объема феодальной ренты, о минимальной численности семьи, способной поддержать уровень и объем

сельскохозяйственной производств в определенных условиях земельного обеспечения и ренту, и, наоборот, об утилизации вне деревни избыточной рабочей силы как самими крестьянами, так и помещиками и государством в своих, разумеется, целях; рассматривая рабочий состав крестьянской семьи и обращение его части к иным сферам производства, существенно знать, за счет чего происходит отход — за счет избыточности населения в семье или интенсификации эксплуатации в сельском хозяйстве в тот или иной период⁹².

В. И. Ленин на основе подворных исследований земской статистики конца XIX в. отмечал, что «многосемейность является одним из факторов крестьянского благосостояния»⁹³, причем «езде состав семей у зажиточного крестьянства оказывается выше, а у несостоятельного — ниже среднего»⁹⁴. Эта зависимость, следует думать, тем более была свойственна крестьянству феодального времени. Исследователи уже обращали внимание на прямую взаимосвязь между «прожиточностью», что обычно ассоциировалось с «семьянистостью» крестьянского двора, и размером тягла в XVII—XVIII вв.⁹⁵ Табл. 5 также не оставляет сомнений о прямой взаимосвязи в первой половине XIX в. между населенностью и состоятельностью дворов. При этом следует иметь в виду, что в это время как в оброчной, так и в барщинной деревне хозяйство подавляющей части даже зажиточных крестьян базировалось не на наемной силе, а на имеющихся во дворах рабочих руках⁹⁶. Безусловно, демографические исследования семей у разных в имущественном отношении слоев крестьянства необходимо продолжать и углублять.

* * *

Итак, определение типологии крестьянской семьи имеет огромное значение для дальнейшего исследования хозяйственных, имущественных, социальных и демографических процессов в русской деревне.

⁹² Удачный опыт исследования вопроса о соотношении рабочих возможностей крестьянской семьи и объема феодальных повинностей у вологодских владельческих крестьян в последней четверти XVII — первой четверти XVIII в. принадлежит Е. Н. Баклановой (*Бакланова Е. Н. Крестьянский двор...*, с. 39, 95, 100, 101, 193, 194). Об утилизации рабочих возможностей семей монастырями на протяжении XVII в. путем сдачи крестьянам на оброк земли подробно пишет Н. А. Горская (*Горская Н. А. Монастырские крестьяне...*, с. 42, 51—52, 72, 77, 83).

⁹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 83.

⁹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 127.

⁹⁵ Шапиро А. Л. Переход от повытной к повенечной системе обложения крестьян владельческими повинностями. — В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1960 г. Киев, 1962, с. 212; Тихонов Ю. А. Помещичьи крестьяне в России. Феодальная рента в XVII — начале XVIII в. М., 1974, с. 155—156; Назаров В. Д., Тихонов Ю. А. Крестьянский и бобыльский двор..., с. 155—156 (примеч. 12); Миненко Н. А. Русская крестьянская семья..., гл. II, § 1.

⁹⁶ Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство..., табл. 21, 24, 27, 30, 33, 39, 45.

Приведенные выше историко-демографические данные свидетельствуют о том, что повсеместно в среде сельского русского населения на протяжении более трех столетий (с XVI и до середины XIX в.) основой семейного строя оставалась малая семья. Многовековое, почти тысячелетнее существование в условиях классового общества крестьянской семьи не могло не отразиться на пути ее развития. Определившись еще во времена Древнерусского государства в качестве самостоятельно функционировавшей общественной ячейки, малая семья в дальнейшем, безусловно, преобладала в общей структуре семейного строя и своим существованием отражала стадиальный этап в развитии семьи русского крестьянства. Повышавшаяся с конца XV—XVI вв. и до середины XIX в. средняя численность крестьянской семьи в ряде регионов и в стране в целом⁹⁷ (в том числе и в результате роста численности неразделенных семей) не может изменить вывода о существовании генетической связи между малой семьей и более сложными формами семейного строя, бытовавшими в среде русского населения. Прослеживаемая пульсация изменчивости форм семьи — малой и неразделенной, причем в разных регионах страны не всегда синхронная, — объяснялась социально-экономическими условиями жизни крестьянства. Под давлением внешних факторов (разные формы феодальной ренты, помещичий и административный надзор, рекрутчина, специфика отраслей хозяйства — извоз, отходничество и т. п.) тормозился и ускорялся как распад неразделенных семей, так и их дальнейшая регенерация.

Конкретные описания большесемейной организации в крестьянском быту второй половины XIX в. (Д. Я. Самоквасов, С. М. Пономарев и др.)⁹⁸ давались вне какой-либо семейно-демографической статистики, а потому в них следует видеть исключение, а не господствовавшее явление. Нельзя не согласиться с К. В. Чистовым, который предостерегал от опасности рассматривать те или иные внешне сходные формы народной культуры в непосредственной генетической взаимосвязи. Он писал: «Повторяемость сходного (подобного), тем более в какой-то хронологической последовательности, на первый взгляд всегда представляется проявлением устойчивой традиции»⁹⁹; между тем «вторичные» формы «возникают в социально-экономических и культурных условиях, не сходных с теми, в которых складывались и развивались формы, связанные с архаической традицией»¹⁰⁰. Такие регенерированные формы не являются простым продолжением традиции и вместе с тем «они столь же естественны и исторически неизбежны, как и формы «первичные», т. е. возникшие в результате непрерывно-

⁹⁷ Водарский Я. Е. Население..., табл. 1.

⁹⁸ Косвен М. О. Семейная община..., с. 16, 73—75.

⁹⁹ Чистов К. В. Традиционные и «вторичные» формы культуры.— РИН, 1975, с. 32.

¹⁰⁰ Чистов К. В. Традиционные и «вторичные» формы..., с. 37.

го развития традиций, уходящих своими корнями в давние, архаические слои человеческой истории»¹⁰¹.

История неразделенных семей — отцовских и братских — как явлений вторичных свидетельствует об их подчиненности семье малой. Именно поэтому сложную семью в эпоху феодализма наиболее целесообразно называть неразделенной, тем самым не связывая ее генетически и терминологически с большой семьей периода разложения первобытнообщинного строя.

Принципиальная, отнюдь не формальная разница между большой патриархальной семьей или семейной общиной и неразделенной (отцовской и братской), известной в XVI — середине XIX в., заключается в том, что первая форма в условиях более ранних общественных отношений бытовала постоянно как определенный институт, а вторая — в эпоху феодализма систематически регенерировалась на основе малой, но, не будучи неизменно существующей, в зависимости от местных обстоятельств через относительно короткое время распадалась. Коль скоро неразделенные семьи были новообразованием, то нет оснований в их существовании видеть архаику семейного строя. Этот вывод представляется ключевым при подходе к изучению земельно-общинных и семейно-имущественных отношений в деревне. Сельская община была социальным, хозяйственным и бытовым институтом, отражавшим интересы определенных типов семей — малых и неразделенных. Только учитывая типологию крестьянской семьи, можно рассматривать нормы обычного права, регулировавшие сложившиеся хозяйственные и семейные отношения.

¹⁰¹ Чистов К. В. Традиционные и «вторичные» формы..., с. 40—41.

ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЕ ПО ОБЫЧНОМУ ПРАВУ

Судьбы сельской общины по-разному складывались в разных регионах России. Нет никаких оснований думать о каком-либо затухании ее деятельности в рассматриваемое время. В эпоху феодализма сельская община в России была инкорпорирована в господствующую феодальную социально-экономическую систему в виде сословного института, регулировавшего, с одной стороны, общественную, хозяйственную, семейную и бытовую жизнь крестьян и отражавшего их интересы, а с другой стороны, обеспечивавшего феодальную ренту и поддерживавшего в интересах господствующего класса порядок отношений между крестьянством и помещиками¹. При этом установившемся дуализме социально-экономической сущности сельской общины неизменно и повсеместно сохранялась ее функциональная значимость, несмотря на то, что в разных регионах страны, как увидим, прослеживались разные порядки общинного землепользования, на основе которых виждилась повседневная хозяйственная практика феодальной деревни. Именно землепользование прежде всего определило типологию сельской общины.

Землепользование сельских общин и их членов — крестьян-тяглов, осуществлявшееся в пределах, допускавшихся феодальными владельцами или государством, поддерживалось обычаями, воплощавшимися в целую систему норм неписаного права. От поддерживаемого этими нормами порядка общинного землепользования зависела структура земельного хозяйства каждого крестьянина-дворовладельца. Порядок землепользования определялся обычно-правовым статутом отдельных видов угодий, эксплуатируемых крестьянским двором. Земельно-правовые нормы в разные периоды истории крестьянства в свою очередь отражали этапы эволюции сельской общины как сословного института.

До последнего времени советская историческая наука не пришла к единому мнению о типологической схеме развития соседской сельской общины в эпоху феодализма. В равной степени не разрешен еще окончательно вопрос о возникновении, этапах существования и даже сущности передельной системы в сельских общинах Центральной России. Совершенно справедливо относи-

¹ Александров В. А. Сельская община в России (XVII — начало XIX в.). М., 1976, с. 314 и след.

тельно недавно, в 1977 г., авторы обзора литературы по истории сельского хозяйства и крестьянства отмечали, что «особого внимания требует также вопрос о причинах и этапах установления общинно-передельного землевладения в стране в целом и на черносошном Севере в частности»². Проблема общинного землепользования в России возникла еще в середине XIX в. и имеет более чем вековую историографию.

§ 1. Крестьянское землепользование

(основные историографические и типологические аспекты вопроса)

В дореволюционной отечественной литературе вопрос о земельных распорядках в русской деревне был подчинен более общей проблеме — происхождения сельской общины, которую в более чем полувековом ожесточенном мучительном споре так и не смогла разрешить буржуазная наука³. Эта проблема была решена советской марксистской исторической наукой, но до настоящего времени сохраняют значение предпринимавшиеся во второй половине XIX — начале XX в. попытки определить существо земельно-общинных распорядков, проследить и выявить причины их эволюции. Имевшийся актовый материал и этнографические наблюдения второй половины XIX в. способствовали особому вниманию, которое было уделено в это время исследователями землепользованию северорусской и сибирской деревни. Их наблюдения и выявленный фактический материал имели существенное значение для теоретических попыток дать обобщающую характеристику эволюции общинного землепользования. Главным образом из-за недоступности вотчинных архивов, находившихся в то время в частном владении, исследования, посвященные крестьянскому землепользованию в центральной части России в XVI — первой половине XIX в., имели более частный характер.

Само собой разумеется, что исследования, посвященные общинному землепользованию, отражали теоретические взгляды их авторов на историю сельской общины в целом. Так, в середине XIX в. идеологом «государственной школы» Б. Н. Чичериным было выдвинуто положение о позднем возникновении передельной общины, преемственно якобы не связанной с предшествовавшими общинными формами и учрежденной государственной властью в XVIII в. в связи с введением подушного обложения. Отрицая в принципе право крестьян на землю, Б. Н. Чичерин доказывал, что крестьянство наделялось землей государством и помещиками⁴. Точка зрения Б. Н. Чичерина была поддержана

² Горская Н. А., Маньков А. Г., Панеях В. М. и др. Советская литература 1970—1975 гг. по истории сельского хозяйства и крестьянства IX—XVII вв. — История СССР, 1977, № 3, с. 95.

³ Об этом см.: Александров В. А. Сельская община..., гл. 1, § 1.

⁴ Чичерин Б. Опыты по истории русского права. М., 1858.

другими представителями «государственной школы» (В. И. Сергеевич, М. А. Дьякопов и др.) и оказала влияние на ряд ученых либерально-народнического направления. В частности, В. Якушкин, не принимавший точку зрения Б. Н. Чичерина и полагавший, что происхождение общины следует объяснять экономическими и сельскохозяйственными условиями жизни деревни, в специальном исследовании, посвященном истории поземельной политики в России⁵, все крестьянское землепользование в XVIII—XIX вв. тем не менее подчинял только законодательной деятельности правительства и доказывал, что оно постоянно заботилось о состоянии поземельного надела крестьянства и, в частности, «о действительном обеспечении душевого надела за помещичьими крестьянами»⁶. При таком подходе к истории общинного землепользования вопрос об обычно-правовых нормах, отражавших земельные распорядки внутри деревни, разумеется, исключался.

Более плодотворно подходили к проблеме исследователи, рассматривавшие историю общины в ракурсе эволюционной смены форм землепользования. Не без доли иронии Д. Я. Самоквасов, прослеживая судьбы общинного крестьянского землевладения в новгородских землях с древних времен, писал, что община у разных групп крестьян (поместных, оброчных и тяглых, удельных, государственных) «представляла собой настолько обычное явление в земледельческой массе русского народа, что его не замечали законодатель и русские ученые до времени, когда западноевропейский ученый, барон Гакстгаузен, остановился с удивлением пред этой оригинальной для него, неизвестной ныне западноевропейским государствам формой землевладения»⁷. Исследователи северорусской деревни доказывали существование там на разных этапах истории различных форм землепользования (А. Лалош, П. П. Иванов, П. А. Соколовский, С. Щепотьев, А. Я. Ефименко, М. М. Богословский, М. Островская). Одни из них объясняли специфику этих форм хозяйственными условиями жизни и изменением в деревне общественных отношений, другие отводили государственному воздействию на формы земельных отношений в деревне роль ускоряющего фактора. Трудami прежде всего А. А. Кауфмана был введен в научный оборот большой материал, характеризовавший землепользование сибирской деревни. На его основе автор доказывал, что общинно-уравнительная форма в принципе представляла собой явление позднее, вызванное прежде всего прогрессирующим земельным «утеснением»⁸. Труды этих исследователей показали разнообразие форм крестьянского землепользования и способствовали появлению теоретических обобщений.

⁵ Якушкин В. Очерки по истории русской поземельной политики в XVIII и XIX вв. М., 1890, вып. 1, с. 158.

⁶ Якушкин В. Очерки..., с. 173.

⁷ Самоквасов Д. Я. Происхождение поместного права и общинного крестьянского землевладения Московского государства. М., 1904, с. 65—66.

⁸ Подробнее см.: Александров В. А. Сельская община..., с. 15, 18—20.

Одна из попыток такого объяснения принадлежала крупному русскому буржуазному историку и социологу М. М. Ковалевскому.

В своей схеме последовательной естественноисторической смены первобытных стадий человеческого общества с коллективными формами собственности М. Ковалевский доказывал, что исходной точкой генезиса сельской общины является родовая община⁹. В поисках аргументации положения о развитии права собственности из общинного владения он обращался и к трудам своих современников, русских ученых (А. Я. Ефименко, С. А. Щепотьев, Г. Н. Потанин и др.), занимавшихся исследованием землепользования северорусских крестьян. Опираясь на их наблюдения, М. Ковалевский писал, что история северного крестьянства подтверждает одно из основных положений его схемы, а именно — о самопроизвольном развитии сельской общины в процессе распада семейной общины. Он подчеркивал, что в силу необходимости коллективной расчистки земель крестьяне объединялись в сельские общины и считали всю необработанную землю, относящуюся к их селениям, «общинной», находящейся в их совместном владении, ревниво оберегая права каждого хозяйства на причитающуюся ему долю земли¹⁰. Такое подворно-наследственное владение М. Ковалевский рассматривал как один из этапов развития сельской общины. В дальнейшем, по его мысли, в результате продаж и обменов этих долей, а также новых расчисток равенство в земельном обеспечении утрачивалось; возникало противоречие между владельцами крупных и мелких долей, которое при исчезновении запаса свободной, никем не занятой земли припринуждало к единственному выходу — введению уравнительной разверстки. В результате появилась новая организация землепользования — равенство наделов, которое по мере роста населения удерживалось путем уже периодически повторявшихся переделов пашен и лугов¹¹. Такое самопроизвольное возникновение сельской общины как следствие разложения общины семейной М. Ковалевский усматривал также в южнорусских областях с XVI—XVII вв.¹² и допускал его существование у центральнорусского крестьянства. Материалы об общинном землепользовании у незакрепощенного русского крестьянства на Севере привлекали внимание М. М. Ковалевского как аргумент в борьбе с западноевропейскими учеными и отечественными сторонниками Б. Н. Чичерина, доказывавшими искусственное насаждение сельской общины феодалами при закрепощении крестьян; «...необходимо, по крайней мере, доказать,— писал М. М. Ковалевский,— что только

⁹ Ковалевский М. Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения. М., 1879. Ч. 1; *Он же*. Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом. СПб., 1905, с. 89; *Он же*. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М., 1939.

¹⁰ Ковалевский М. Очерк..., с. 144—145.

¹¹ Ковалевский М. Очерк..., с. 146.

¹² Ковалевский М. Очерк..., с. 147—148.

у крепостных существовало пользование общинной землей, что никогда, ни в эпоху феодализма, ни до нее подобного порядка не было в свободных общинах»¹³. В итоге он приходил к существенному выводу, что «сельская община, основанная на периодическом переделе земли, вовсе не является архаической формой землевладения, а представляет собой, напротив того, форму сравнительно позднего происхождения»¹⁴. М. М. Ковалевский полагал, что в эпоху феодализма изменение социального состояния крестьянства не повлияло на его земельное хозяйство и землепользование общин. По его мнению, это объяснялось тем, что государство «сочло нужным требовать от феодального владельца обязательного оставления в руках крестьян определенной части общинного леса и общинных пастбищ»¹⁵. Подчеркивая социально приниженное положение в феодальную эпоху крестьянства, М. М. Ковалевский тем не менее доказывал, что «феодализм не привел к разложению сельской общины, он только изменил ее характер, и из свободной, какой она была вначале, община сделалась крепостной. Крестьянин сохранил пользование своей землей, он остался общинником, каким он был в предшествующую эпоху; совершенно изменилось только его личное положение, и его общинные права должны были подчиниться требованиям службы и платежей, которые возложил на него его сеньор»¹⁶. М. М. Ковалевский писал: «Несмотря на полное закрепощение крестьян уже при последних Рюриковичах, сохранились периодические переделы и система обмена участками, как и бесплатный выпас скота и пользование общинными лесами и пастбищами»¹⁷. Правда, он отмечал «разлагающее влияние крепостного права» на «общественный строй» русского крестьянства¹⁸, но отнюдь не конкретизировал, в чем оно проявлялось. Окончательное разложение сельской общины (прекращение переделов и переход наделов в частную собственность) М. М. Ковалевский целиком относил к эпохе буржуазных отношений¹⁹, но и в этом случае полагал, что хранителем сельской общины могло по-прежнему оказаться государство. Фактически этой идеей М. М. Ковалевский завершал свою книгу «Очерк происхождения и развития семьи и собственности»²⁰.

Таким образом, по схеме М. М. Ковалевского, переделный механизм общинного землепользования был явлением относительно поздним, сменившим подворно-наследственное владение и возникшим до закрепощения крестьян в России, которое не повлияло на уже установившуюся форму землепользования.

¹³ Ковалевский М. Очерк..., с. 154.

¹⁴ Ковалевский М. Очерк..., с. 149.

¹⁵ Ковалевский М. Очерк..., с. 171.

¹⁶ Ковалевский М. Очерк..., с. 171.

¹⁷ Ковалевский М. Очерк..., с. 171.

¹⁸ Ковалевский М. Очерк..., с. 143—144.

¹⁹ Ковалевский М. Очерк..., с. 171 и след.

²⁰ Ковалевский М. Очерк..., с. 174—175.

Другая попытка проследить в исторической перспективе эволюцию земельных обычно-правовых форм в России была предпринята Ф. Щербиной. Эту эволюцию он попытался связать с особенностями истории культивации земель в разных климатических зонах европейской части страны — Севера, Центра и Юга. Ф. Щербина считал, что формы землепользования и экономические отношения определялись прежде всего принципами обычного права, которые были выработаны народом на основе исторической жизни и опыта, а природа (топография, почвы, климат, флора и фауна) и история страны как факторы внешние, придавали этим отношениям лишь определенные формы²¹. Естественные условия России, по его мнению, составляли ту канву, по которой русский земледелец-общинник выводил «оригинальные узоры», исходя из своего основного, «трудового», начала и принципа «общей солидарности»²². В своей эволюционной схеме первую фазу земельного права он видел в повсеместно распространенном обычае свободной заимки. Этот обычай, по утверждению Ф. Щербины, сам по себе не способствовал образованию частной земельной собственности, ибо был подчинен контролю самобытно развившихся общинных союзов (волостей). Обычай свободной заимки господствовал в экономической жизни народа вплоть до начала XVII в. Когда право свободного выбора земель приходило в столкновение с общинными интересами, под давлением «трудового» фактора и «общественной солидарности» обычай заимки трансформировался в более сложный акт, и община начинала регулировать культивирование пустопорожных земель и их периодические переделы²³. «Переход от широкой, ничем не стесняемой практики обычая (свободной заимки.— В. А.) к полнейшему подчинению его общинному началу был делом лишь органического развития общинно-земельных отношений, а не следствием произвола или каких-либо регламентаций, лежавших вне сферы народного обычного права»²⁴, — писал Ф. Щербина. В Центральной России, где, по его мнению, до XVI в. продолжала господствовать волостная община, с этого времени начался процесс ее разложения, обусловливавшийся ростом населения и «осложнением государственной жизни»; в результате государственно-фискального и административного влияния на общинную жизнь стали образовываться разнообразные деревенские общинно-земельные формы²⁵. «Внешнее», т. е. государственное, влияние Ф. Щербина усматривал лишь в разрушении общин-волостей в центральных областях и идеалистически полагал, что на разных этапах истории русский крестьянин неуклонно руководствовался общинно-земельными правовыми нормами, целиком исходя из потребностей своей жизни.

²¹ Щербина Ф. Русская земельная община.— РМ, 1880, кн. VIII, с. 90; 1880, кн. X, с. 36.

²² Щербина Ф. Русская земельная община, кн. VIII, с. 95.

²³ Щербина Ф. Русская земельная община, 1880, кн. VI, с. 94, 99, 122; 1880, кн. VII, с. 2, 35.

²⁴ Щербина Ф. Русская земельная община, кн. VII, с. 24.

²⁵ Щербина Ф. Русская земельная община, кн. VIII, с. 105, 116—117.

С пных позиций к истории общины и возникновению переделной формы как определенной стадии ее развития подошел Н. П. Павлов-Сильванский. С большой долей уверенности можно считать, что на его взглядах о стадиальности истории общины и, в частности, о позднем появлении ее переделной формы отразилось влияние А. А. Кауфмана и других исследователей сибирского землепользования второй половины XIX в., доказывавших на примерах «живой истории» сибирской действительности, что общинно-уравнительное землепользование развивалось под влиянием прогрессирующего земельного «утеснения» как формы, последовательно возникшей в общем ряду естественной эволюционной смены порядка землепользования²⁶.

Н. П. Павлов-Сильванский в своей схеме феодальной истории России основное внимание уделил процессу насильственного подчинения ранее свободной общины крупному землевладению (боярщине), захвату феодалами важнейших ее функций; в общине и боярщине он усматривал два основных элемента государственного устройства в средние века. Хорошо известно, что Н. П. Павлов-Сильванский историю России расчленил на три последовательно сменявшихся этапа — до XII в. господство общины, с XIII до середины XVI в. — господство боярщины, с XVI до начала XIX в. — сословное государство. В рамках этой схемы Н. П. Павлов-Сильванский прослеживал обычно-правовые основы крестьянского землевладения. Следуя за исследователями сибирской общины, он видел в вольном захвате первоначальную форму землепользования, которая под давлением усиливавшейся территориальной власти общины сменялась захватом ограниченным или вовсе уничтожалась, а земледелец терял право свободного земельного распоряжения²⁷. Н. П. Павлов-Сильванский безоговорочно настаивал на том, что земля, освоенная по праву захвата, являлась источником полной собственности. Появление крестьянской земельной собственности как результата захвата Н. П. Павлов-Сильванский относил еще к временам Киевской Руси²⁸. При сгущении населения община устанавливала ограничения в захвате земель. Свободные земли могли быть заняты только с разрешения волостной общины²⁹. По мере усиления личных связей домохозяев, а вместе с тем и территориальной власти общин «земли связывались в одно целое, в территорию союза-общины. Кроме земель, освоенных отдельными хозяевами, в территорию эту включалось и много незанятых земель... Эта высшая территориальная власть союза, общины или мира, лежащая над правом частной

²⁶ Кауфман А. А. Документы и живая история русской общины. СПб., 1904; *Он же*. Русская община в процессе ее зарождения и роста. М., 1908; *Он же*. Крестьянская община в Сибири. СПб., 1897; *Он же*. К вопросу о происхождении русской земельной общины. М., 1907.

²⁷ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910, с. 108—120.

²⁸ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси, с. 119.

²⁹ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси, с. 120.

собственности, с течением времени все усиливается. Сначала она ничем не стесняет частных собственников в их последственных правах на земли и в их новых займках по праву вольного захвата. Затем, во имя общего блага союза, она ограничивает это право захвата, усиливаясь в отношении незапятнанных земель, а на следующей ступени налагает некоторое ограничение и на занятые земли, посягая на право собственности. Из этих ограничений сначала захвата, затем собственности и вырастает высшее ограничение собственности, проявляющееся в общем переделе земель», — формулировал свое понимание эволюции землевладения и землепользования Н. П. Павлов-Сильванский³⁰.

Таким образом, главной причиной происхождения общинно-уравнительного землевладения оставалось земельное «утеснение» и, как его следствие, правотворчество общины. При этом прямой связи между изменением порядка землепользования и наступлением на общину боярщины он не усматривал, хотя констатировал, что «средневековые крупные земледельцы, подчиняя своей власти общины, прежде всего накладывали свою тяжелую руку на общинные угодья, леса, поля и другие земли»³¹. Несмотря на это, как подчеркивал Н. П. Павлов-Сильванский, обычное право в эпоху «средних веков» господствовало, и внутри вотчин мирское самоуправление неизменно сохранялось, как бы ни были придавлены частновладельческие общины господской рукой. Только в период «сословной монархии», по его представлению, «правотворческая сила власти» становилась определяющей силой³².

По логике предложенной Н. П. Павловым-Сильванским схемы, общий передел земель как этап «высшего ограничения собственности» должен был проявиться в период «господства» общины, т. е. до XII в. Однако данными о таких переделах Н. П. Павлов-Сильванский не располагал; не известны они исторической науке до сих пор. Он сам признавал, что в Московском княжестве переделы лишь изредко появлялись в XIV в., но «отодвигать их возникновение дальше, к XIII веку, уже очень трудно, если принять во внимание решающие условия колонизации»³³ и земельное «утеснение» как необходимые условия возникновения переделов. Поэтому тезис о высшем развитии общинного начала до XII в. противоречил конкретному материалу, свидетельствовавшему о действительности обычного права, которое в свою очередь даже в период «сословного государства» проявляло себя в практике крестьянского землепользования. Если при общей формулировке своей схемы Н. П. Павлов-Сильванский исходил из представления о земельном «утеснении» как основной причины переделов, то, рассматривая конкретный материал XVII и последующих веков, он по-разному объяснял их возникновение, отдавая дань «силь-

³⁰ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси, с. 114—115.

³¹ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси, с. 259.

³² Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в древней Руси. М.; Пг., 1923, гл. 4 (см. также с. 178).

³³ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси, с. 125.

ному воздействию правительства» на государственных землях на Севере и в Сибири и «вотчинного права» на землях владельческих³⁴. При этом, по мнению Н. П. Павлова-Сильванского, прослеживалась тесная связь земельного уравнения с уравнением податным, в котором «главное значение для крестьян имеет не уравнение выгод пользования землей, а уравнение податного бремени»³⁵. На передельном этапе Н. П. Павлов-Сильванский завершал рассмотрение обычно-правового крестьянского земельного распорядка и не считал нужным вдаваться в подробности крестьянского передельного землепользования в крепостной вотчине.

Автор другой обобщающей схемы развития общинного землепользования — К. Р. Качоровский в отличие от Н. П. Павлова-Сильванского стремился доказать, что захват земли таил в себе «корень коллективного владения»³⁶, а победа личного или общинного начала по мере сгущения населения зависела от деятельности государства. В России, по мнению К. Р. Качоровского, государство передавало в той или иной степени свое право земельной собственности общинам, которые начали усиливаться и вытеснять личное начало³⁷. К. Р. Качоровский полагал, что образование общины определялось сокращением земельного фонда у крестьянства. При многоземелье наблюдалось дообщинное захватное землевладение, по мере роста населения и сокращения земельных площадей развивалось общинное право³⁸ и наступало регулирование земельных захватов. Община начинала распоряжаться выморочными участками, укоренялся общинный отвод земли с правом пользования, но не владения, а с наступлением земельной тесноты он из постоянного превращался во временный, при систематическом перераспределении земли³⁹. Этот процесс К. Р. Качоровский трактовал как закономерную трансформацию земельного владения, происходившую под влиянием одних лишь естественно-экономических условий (возрастание населения, сокращение размеров землевладения), почти вне зависимости от социально-законодательного и административного воздействия⁴⁰. «Итак, сгущение населения необходимо и оно уже достаточно, чтобы крестьянское землевладение из неограниченного семейно-захватного трансформировалось через ограниченно-захватное и общинно-отводное в общинно-передельное», — писал он⁴¹. Эта трансформация, в процессе которой в борьбе много- и малоземельных крестьян одерживала победу основная их масса, рассматривавшая землю как общее достояние и в своем миропонимании руководствовавшаяся принципом права на труд⁴², «пред-

³⁴ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси, с. 124—134.

³⁵ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси, с. 135.

³⁶ Качоровский К. Р. Русская община. М., 1906, с. 109.

³⁷ Качоровский К. Р. Русская община, с. 115—116.

³⁸ Качоровский К. Р. Русская община, с. 79—80.

³⁹ Качоровский К. Р. Русская община, с. 117, 130—131.

⁴⁰ Качоровский К. Р. Русская община, с. 137.

⁴¹ Качоровский К. Р. Русская община, с. 212.

⁴² Качоровский К. Р. Русская община, с. 144.

ставляет чистой или почти чистой внутриобщинную эволюцию обычного крестьянского права»⁴³. Дальнейшее развитие общинного самосознания крестьянства К. Р. Качоровский подчинял влиянию государственного и социального фактора. «Установлением государственной собственности па все земли и началом междовлостного межевания оно (государство.— В. А.) как бы не дало расти побегам личной земельной собственности и тем облегчило и ускорило разрастание общинного права»⁴⁴,— писал он. Разрабатывая свою схему, К. Р. Качоровский пытался уловить своеобразие земельной трансформации у разных групп крестьянства. У государственного крестьянства, по его мнению, установившееся общинное передельное уравнение растворялось затем в ревизской разверстке; он даже допускал у них искусственное, государственное насаждение общины ревизиями⁴⁵. Не менее противоречиво К. Р. Качоровский трактовал обычно-правовые нормы землепользования у крепостных крестьян. Общину у них он считал искусственной формой, при которой крестьяне «вовсе не знали, строго говоря, никаких мало-мальских самостоятельных общих уравнительных переделов»⁴⁶, все земельные распределения осуществлялись по воле помещика, и ни один росток обычного крестьянского права пробиться не мог⁴⁷. В крепостной деревне царствовало представление о «ревизской душе», и «ревизское право» препятствовало установлению уравнительно-передельной системы, а крепостное состояние отвращало крестьян от общинного землепользования⁴⁸.

К. Р. Качоровский видел в русской крестьянской земельной общине самые разнообразные, причем несоизмеримые формы и трансформации, «для которых не может быть одной общей формулы закона причинности как для прошлого и настоящего, так и для будущего»⁴⁹. Закономерность трансформации земельных форм и их существования была в конце концов К. Р. Качоровским подчинена «политическим условиям». Именно они, по его мнению, с одной стороны, допускали существование у государственных и удельных крестьян, у казачества и в «ипородческой» среде крестьянской общины с развитым обычным правом, а с другой — придавали землевладению помещичьих крестьян в большей степени государственно-юридический, а не обычно-правовой статус⁵⁰. Тем самым крепостному крестьянству вне какой-либо связи с его историческими судьбами вообще отказывалось в обычно-правовых нормах, регулировавших внутреннюю жизнь деревни. Поэтому судить о принципах землепользования в крепостной позднефео-

⁴³ Качоровский К. Р. Русская община, с. 202—203.

⁴⁴ Качоровский К. Р. Русская община, с. 267.

⁴⁵ Качоровский К. Р. Русская община, с. 228, 267.

⁴⁶ Качоровский К. Р. Русская община, с. 230.

⁴⁷ Качоровский К. Р. Русская община, с. 269, 270, 316.

⁴⁸ Качоровский К. Р. Русская община, с. 271, 319, 324, 337.

⁴⁹ Качоровский К. Р. Русская община, с. 359.

⁵⁰ Качоровский К. Р. Русская община, с. 359—360.

дальней русской деревне по объективному труду К. Р. Качоровского затруidнительно. Можно лишь догадываться о том, что в ней существовал подворный принцип, коль скоро, по утверждению автора, крестьяне после их освобождения от крепостной зависимости в 1861 г. следовали именно ему в своем внутридеревенском землеустройстве⁵¹. В результате основная идея К. Р. Качоровского о естественности возникновения земельно-коллективистической психологии крестьянства не распространялась на его крепостную массу, а сложение у него общинно-передельного землепользования относилось им уже к пореформенному времени⁵².

Наконец, еще один сторонник позднего возникновения земельно-передельного механизма Н. Огановский концентрировал внимание именно на крепостной русской деревне. Основная его идея заключалась в том, чтобы представить нивелировку земельного распределения в деревне как нормальный тип аграрной эволюции⁵³. Этот, по его мнению, определявший эволюцию процесс он пытался доказать анализом форм крестьянского землепользования в среде преимущественно крепостного крестьянства, привлекая для сравнения северную деревню и поселения южнорусских однодворцев в «московскую эпоху» (XVI—XVII вв.) и в «крепостной России» (XVIII—первой половины XIX в.). Схема Н. Огановского сводилась к следующему. В «московскую эпоху» развитие крепостного права он не без основания считал основным фактом в истории центральнорусского крестьянства, следствием чего был распад волостных общин на сельские, границы которых определялись размерами поместий. По аналогии с северорусской деревней он считал, что в волостных общинах Центральной России господствовала захватная форма землепользования. По мере распада волостных общин на сельские в последних упрочивалось индивидуальное подворное землепользование. Сельские общины даже в условиях крепостного права по своему усмотрению устанавливали земельные распорядки. По мере развития «прожиточных» крестьян основная масса крестьянства начинала стремиться к ограничению их землевладения и добиваться установления уравнительных переделов. В результате совершалась трансформация общины из захватной, т. е. существовавшей на подворном праве, в уравнительную. По мнению Н. Огановского, для такого перехода были необходимы два условия: 1) развитие паровой зерновой системы полеводства с трехпольным севооборотом как результат «сгущения» населения и ограничения земельных ресурсов; 2) укрупнение поселений, в которых могла возникнуть потребность в равномерном распределении земли. Такая организация передельного механизма по паям, дворам, тяглам, «по силе» возникала уже в XVI в.⁵⁴ В XVIII—первой половине XIX в.

⁵¹ Качоровский К. Р. Русская община, с. 317, 336, 357.

⁵² Качоровский К. Р. Народное право. М., 1906, с. 78.

⁵³ Огановский Н. Закономерность аграрной эволюции. Саратов, 1911, с. 612—613.

⁵⁴ Огановский Н. Закономерность..., с. 154, 171—179, 197, 212, 325.

в результате недостатка угодий среди крестьян всех категорий Центральной России земельная привилегия усиливалась и волюнтаризировалась в общинно-передельном механизме с более или менее уравнительным землепользованием⁵⁵. По мнению Н. Огановского, передельная община явилась продуктом «самостоятельного стремления крестьян к более уравнительному распределению земли, стремления, проявившегося под влиянием усилившейся земельной тесноты и истощения почв»⁵⁶; и помещики, и правительство старались не вмешиваться в поземельные дела крестьян (например, ревизиями), которые регулировали их по обычному праву, исходя из принципа трудовой нотягольной разверстки⁵⁷.

Таким образом, эволюция обычного крестьянского земельного права, по схеме Н. Огановского, протекала от ограничения неурегулированного захвата, сменного разверсткой по дворам (по их «силе»), до тягловой разверстки, получившей распространение в XVII — первой половине XVIII в. Последующий, по мысли Н. Огановского, этап земельно-общинной трансформации — землепользование по потребителскому типу намечался в течение XVIII — начале XIX в. лишь у оброчных и государственных крестьян; в барщинной же деревне помещики «задавили свободное творчество» общины⁵⁸; коренные переделы, зависевшие от воли помещиков, были редки, с усилением малоземелья они вовсе прекращались, а тягло в свою очередь превращалось в «недвижимый участок».

Таким образом, в конце концов Н. Огановский трансформацию обычно-правовых основ землепользования у разных групп крестьянства ставил в зависимость от форм феодальной зависимости крестьян.

В более ограниченных хронологических рамках рассматривал различные формы общинного землепользования в XVIII в. В. И. Семевский. На большом фактическом материале В. И. Семевский попытался проследить судьбы этих форм в разных областях страны. Следуя своим народническим воззрениям, он явно отдавал предпочтение общинному землевладению с переделами, которое, по его мнению, было наиболее желательно для крестьянства в его хозяйственной жизни⁵⁹. Будучи последовательным сторонником естественного происхождения общины, В. И. Семевский считал, что ее эволюционное развитие происходило именно в сторону передельной формы. Так, на Севере, где у черносошных крестьян община существовала в XV—XVI вв. без переделов, в дальнейшем свободное обращение земли вело к имущественному неравенству, и основная масса крестьянства в борьбе с богатыми элементами сама стала искать в XVIII в. у правительства законо-

⁵⁵ Огановский Н. Закономерность..., с. 325—327, 344—345.

⁵⁶ Огановский Н. Закономерность..., с. 332.

⁵⁷ Огановский Н. Закономерность..., с. 332, 334—335.

⁵⁸ Огановский Н. Закономерность..., с. 335, 340.

⁵⁹ Семевский В. И. Казенные крестьяне при Екатерине II. 1762—1796.— РС, 1879, т. 24, с. 1—3; 1879, т. 25, с. 243.

дательного утверждения одинакового обесчещения земель. В результате вплоть до первой половины XIX в. там происходил переход к передельной форме как путем самодеятельности самих общин, так и под давлением правительства⁶⁰. По утверждению В. И. Семевского, во второй половине XVIII — первой половине XIX в. правительственная деятельность оказывала «полезное влияние на распространение общинного землевладения с передельными землями от центра России к ее окраинам... дело правительства состояло в том, что оно подмечало созревающую народную необходимость и, по крайней мере относительно черносошных крестьян, содействовало ее удовлетворению (хотя и впадало иногда при этом в ошибки), помогая таким образом распространению центрального типа общины к окраинам России. Но оно таким образом только ускоряло процесс, который и без того завершился бы переходом к новому типу общины или даже к новой форме землевладения»⁶¹.

Таким образом, переход к передельной форме землепользования у северорусского крестьянства представлялся В. И. Семевскому явлением естественным, ускорявшимся внутридеревенскими социальными процессами и поддерживаемым правительством, которое смотрело на эту форму «как на главное условие уравнительного и спокойного пользования землей членами крестьянской общины»⁶².

Процесс установления передельного землевладения в Центральной России В. И. Семевский не рассматривал. Он лишь констатировал давнее существование этой формы, ее очевидное преобладание в середине XVIII в. у различных групп крестьян (помещичьих, государственных, дворцовых и экономических) и их приверженность к ней⁶³. Вскользь В. И. Семевский отмечал, что помещики при всем своем самовластии весьма редко уничтожали передельное землевладение; только в барщинных имениях они «имели значительное влияние на общинное пользование землей» и даже вводили подворное владение⁶⁴.

Иной акцент характеру крестьянского землевладения в России в XVIII в. придавал А. Васильчиков. Доказывая «исконность» и национальную специфичность мирской организации в среде русского народа, А. Васильчиков даже в период, по его же периодизации, «полной неволи» крестьянства (XVIII в. — 1861 г.) усматривал только в «подмосковном крае» строгий контроль помещиков над общинами. Вне этого края землевладение частновладельческих крестьян было «неограниченным и самовольным»⁶⁵. Мирской

⁶⁰ Семевский В. И. Казенные крестьяне..., т. 25, с. 377, 632.

⁶¹ Семевский В. И. Казенные крестьяне..., т. 25, с. 238.

⁶² Семевский В. И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1903, т. I, с. 106; СПб., 1901, т. II, с. XII, XIII, XXXI, XXXIII, 35, 78, 613, 626, 659, 678, 721.

⁶³ Семевский В. И. Крестьяне..., т. I, с. 103, 106; т. II, с. XV, 144, 175.

⁶⁴ Семевский В. И. Крестьяне..., т. I, с. XIII, 127, 128, 134—135.

⁶⁵ Васильчиков А. Землевладение и земледелие в России и других европейских странах. СПб., 1876, с. 400—462.

быт, по его мнению, фактически основывался на праве поземельной собственности⁶⁶. «Наш русский мир имеет в виду не общее владение и пользование, а, напротив, общее право на надел каждого домохозяина отдельным участком земли»⁶⁷, — писал А. Васильчиков. Поэтому переделы миром избегались или производились крайне редко, от ревизии до ревизии в целях уравнивания тягла, а если наблюдалось их частое бытование, то это было «неотвратимым последствием помещичьей эксплуатации», как результат наложения тягла на каждого возможного работника⁶⁸.

Как ни парадоксально, но по существу в трактовке вопроса о происхождении передельной формы землепользования ближе к сторонникам ее искусственного, нежели естественно-эволюционного происхождения стояла А. Я. Ефименко. Она полагала, что перед деревней, в которой разлагались родовые начала, было два пути: утверждение подворного владения или передельного порядка, который мог наступить в случае «отобрания у деревенских совладельцев их вековых и, конечно, высоко ценимых ими прав полной, хотя и условно понимаемой собственности на деревенскую землю». Последний вариант, осуществившийся в конце концов на Севере и в Центре России, был возможен, когда «верховный собственник земли — государство — непосредственно ли, как это имело место на Севере, или посредством помещичьей власти, как в Средней России, предъявит свои права на землю и, так сказать, конфискует в свою пользу исторически сложившиеся и фактически признаваемые им до сих пор права крестьян»⁶⁹. Близко к этой точке зрения стояла М. Островская. Она писала, что происхождение общинного землевладения на Севере лишь косвенно связано с хозяйственными организациями населения; параллельно с разложением складничества «шла выработка понятий о нормах земельных наделов для государевых жильцов»⁷⁰; таким образом первостепенное значение в данном процессе М. Островской придавалось тяглу.

Еще более прямолинейно о роли правительства высказался В. И. Сергеевич. Он считал, что подушная подать, введенная при Петре I, «коренным образом» изменила порядки крестьянского землепользования в северорусской деревне. По его мнению, после введения этой подати крестьяне, до того владевшие землей на личном, но не общинном праве, сами пришли к мысли о равенственном разделе земли, так как проявилось «вопиющее неравенство податной тягости»; против этого возражали только обеспеченные крестьяне, но правительство пошло навстречу основной массе крестьянства — межевой инструкцией 1754 г. отменило право личного распоряжения землей и ее наследование, а к 1781 г.

⁶⁶ Васильчиков А. Землевладение..., с. 731.

⁶⁷ Васильчиков А. Землевладение..., с. 732.

⁶⁸ Васильчиков А. Землевладение..., с. 745.

⁶⁹ Ефименко А. Южная Русь. М., 1905, т. 1, с. 374.

⁷⁰ Островская М. Земельный быт сельского населения Русского Севера в XVI—XVIII вв. СПб., 1913, с. 161—162 (см. также с. 23).

санкционировало введение переделов, что привело к образованию общинного землевладения⁷¹.

Столь различная трактовка причин, определявших формы крестьянского землевладения, объяснялась крайне противоречивым подходом в русской буржуазной исторической науке к происхождению и существу сельской общины⁷². Буржуазная и мелкобуржуазная историческая мысль в России не дошла до понимания сельской общины как явления, подверженного на протяжении всей своей истории изменениям под влиянием социально-экономических процессов, протекавших в обществе. Общим, органическим для всей буржуазной исторической мысли пороком было прежде всего непонимание процесса происхождения частной собственности и игнорирование социального фактора при анализе причин смены форм сельского землепользования. Трансформация этих форм объяснялась прежде всего демографическим «сгущением» и вытекавшим из него «земельным утеснением» либо правительственно-административным давлением. Тем не менее сами попытки проследить и объяснить изменения земельных деревенских распорядков представляют существенную значимость для исследования прежде всего типологии сельской общины на разных этапах ее истории, а также обычно-правовых норм, обуславливавших стойкость существования тех или иных внутриобщинных земельных отношений среди крестьян и тем самым влиявших на аграрную историю страны. С историографической точки зрения эти попытки были безусловным шагом вперед в преодолении славянофильских воззрений о неизменности на протяжении веков существа сельской общины как нравственного союза, характерного для русского народа. Для большинства исследователей было типично стремление установить определенную этапность в развитии форм землепользования, причем представители эволюционного направления исходили из мысли об однолинейности этого развития. Анализируя источники, они улавливали повсеместное бытование в крестьянской среде до XVI в. подворного владения. Разумеется, вопрос о подворном владении имеет принципиальное значение, коль скоро его бытование характеризует степень и возможность распорядительности земель дворохозяином, а отсюда и этап развития сельской общины и ее дуализма. Однако относительно правовых норм, определявших земельное подворное держание крестьянина, взгляды расходились, что, конечно, объяснялось разным пониманием не столько истории общины, сколько более общей проблемы — истории собственности. Н. П. Павлов-Сильванский допускал наличие крестьянской собственности на землю, которая подавлялась общиной, Н. Огановский — наличие подвор-

⁷¹ *Сергеевич В. И.* Крестьянские права и общинное землевладение в Архангельской губернии в половине XVIII в. — ЖМЮ, 1907, февр., с. 1, 7—10, 13—15.

⁷² Некоторые историографические аспекты проблемы крестьянского землевладения были отражены в издании: *Сергеевич В. И.* Древности русского права. СПб., 1903, т. 3, с. 385 и след.

ного права, К. Р. Качоровский, с оговорками, — «личного начала», а Ф. Щербина рассматривал правовые нормы в рамках общинной крестьянской психологии.

Переделный общинный механизм признавался отнюдь не первоначальной формой земельных отношений, причем его возникновение относилось, хотя и по-разному, но в целом к позднему периоду истории крестьянства — XVI—XVIII вв. Этот вывод подтверждался выявленным материалом о подворном крестьянском землепользовании на черносошном Севере, в Сибири и на белорусских и украинских землях⁷³.

Сложение переделного механизма объяснялось по-разному (внутренняя деятельность общины, эволюционная смена порядка землепользования, воздействие государственной и помещичьей власти). М. М. Ковалевский, в частности, полагал, что переделы, хотя и были явлением поздним, но возникли до установления крепостного права, которое, по его мнению, не повлияло на формы крестьянского землепользования. К. Р. Качоровский, наоборот, настаивал на том, что в среде крепостного крестьянства формы землепользования определялись помещиками. Во всех этих спорах наличие переделной системы лишь констатировалось, но никто подробно не исследовал ни ее механизма, ни его составных частей.

* * *

В советской исторической науке проблема сельской общины, ее происхождения и исторических судеб рассматривалась прежде всего в социальном аспекте. Правда, далеко не на всех этапах развития советская историческая наука уделяла должное внимание этой проблематике, что имело свои последствия как для изучения истории общины, так и обычного права. Вплоть до настоящего времени огромное внимание уделялось проблеме генезиса феодализма на Руси, и в этой связи затрагивались вопросы о судьбах сельской общины и крестьянском землепользовании. Однако обобщающих исследований, посвященных формам крестьянского землепользования на протяжении всей феодальной эпохи, не было.

Б. Д. Греков, намечая процесс эволюции русской общины в Киевской Руси, концентрировал внимание на ее социальном разложении уже в то время — имущественном неравенстве общинников, выходе бедняков из общины под гнетом общинных обязанностей и пополнении ими барской челяди; он констатировал, что члены общины вели свое индивидуальное хозяйство, «с первоначаль-

⁷³ В частности, М. Ф. Владимирский-Буданов на материалах писцовых книг, ревизий и люстраций подробно охарактеризовал существовавший до первой половины XVI в. порядок потомственного землевладения белорусскими крестьянами на праве совладения дворищ (родовых общин), сельских и волостных общин (*Владимирский-Буданов М. Ф. Формы крестьянского землевладения в Литовско-Русском государстве XVI в.* — В кн.: Киевский сборник в помощь пострадавшим от неурожая. Киев, 1892, с. 357—386; *Он же. Крестьянское землевладение в Западной России до половины XVI в.* — *ЧИОНЛ*, 1893, кн. 7, с. 12—89).

чально периодическим, а затем окопчательным переделом пахотной земли и лугов»⁷⁴. Доказывая, что древнерусская община — вервь XI—XII вв. — уже на ранней стадии процесса феодализации играла страдательную роль, Б. Д. Греков писал, что все же «огромная масса сельского населения в это время еще не испытала этой участи (т. е. не попала в личную зависимость. — В. А.) и продолжала жить свободно под защитой своих общин»⁷⁵, но тем не менее «под влиянием частной собственности на землю сильно изменила свою структуру»⁷⁶. Это изменение, по мысли Б. Д. Грекова, заключалось в том, что индивидуальное крестьянское хозяйство становилось единицей обложения и попадало под сильное воздействие государства (платило подати, несло военную и многие натуральные повинности)⁷⁷. В дальнейшем, по мысли Б. Д. Грекова, возникновение вотчины и ее развитие до XV в. сыграло решающую роль в истории сельского населения, в результате чего определилась грань между классом привилегированных земледельцев и массой сельского населения, продолжавшего жить в своих общинах. С захватом феодалами значительной части общинной земли и установлением зависимости от вотчины значительная часть земледельцев вынуждена была покинуть общину и перейти под юрисдикцию вотчины⁷⁸. В схеме Б. Д. Грекова существенным представляется тезис о сохранении общины не только у черносошных, но и попавших во владельную зависимость крестьян. При этом, вовсе не упоминая о каких-либо правах крестьян в их внутриобщинной жизни, Б. Д. Греков делал акцент на влиянии образующейся феодальной собственности на состояние общины, что, как можно понять, выразилось в появлении индивидуального хозяйства, ранее неизвестного родовой общине, и «вымывании» из нее бедняков. Логика этой схемы нарушалась констатацией появления внутри общины переделов пахотной и луговой земли. Причинная обусловленность этого явления и его характера оставалась без объяснения за неимением данных об организации и жизни общины⁷⁹.

К еще более раннему времени — IX—X вв. (и вовсе не случайно) — начало разложения сельской общины относил С. В. Юшков. Если Б. Д. Греков допускал длительность существования общины, несмотря, по его мнению, на ее разложение, то С. В. Юшков ставил в прямую зависимость интенсивность процесса общинного разложения от генезиса феодальных отношений и финансово-административной деятельности государственной власти — киевских князей. С. В. Юшков альтернативно полагал, что при переходе к классовому обществу сельская община как этап общественного строя становилась анахронизмом и должна была

⁷⁴ Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1949, с. 85 (см. также с. 77, 83, 91, 92).

⁷⁵ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси. М., 1952, кн. 1, с. 82.

⁷⁶ Греков Б. Д. Крестьяне..., кн. 1, с. 81.

⁷⁷ Греков Б. Д. Крестьяне..., кн. 1, с. 81.

⁷⁸ Греков Б. Д. Крестьяне..., кн. 1, с. 110, 213.

⁷⁹ Греков Б. Д. Крестьяне..., кн. 1, с. 283.

разлагаться, что началось еще в феодальный период⁸⁰. Специфичность генезиса русского феодализма С. В. Юшков усматривал в том, что феодализм в Киевской Руси «возникает в результате разложения родо-племенных отношений, в частности — сельской общины», сначала путем медленной экспроприации земель общинников элементами, возникшими внутри самой общины, затем князьями, дружинниками и церковью⁸¹. При подобном подходе к истории сельской общины ни Б. Д. Греков, ни тем более С. В. Юшков при всем различии их взглядов не затрагивали вопрос об обычно-правовых нормах землепользования, бытовавших внутри общины. В результате создавалось впечатление, что прослеживаемый много веков спустя земельно-передельный механизм — не что иное, как анахронизм, сохранившийся со времен разложения общины. Справедливости ради следует отметить, что в дальнейшем и другие ученые, изучая проблему феодальной собственности в России, обходили вопрос о значении обычно-правовых норм общинного землевладения в общей системе феодализма. Так, Л. В. Черепнин в исследованиях, посвященных становлению и развитию феодализма на Руси, обращаясь к истории общины, развивал высказывавшиеся еще Б. Д. Грековым положения о разложении общины в процессе становления феодальных отношений. В этом отношении показательна сама постановка вопроса, отразившаяся в заголовке первого же параграфа исследования Л. В. Черепнина «Вотчинное право на Руси XIV—XV вв.» — «Крестьянин-аллодист — исторический предшественник вотчинника-феодала»⁸². В этой работе, несмотря на скудость источников, Л. В. Черепнин попытался проследить складывание землевладения светских феодалов в процессе трансформации крестьянского аллода в боярскую вотчину-сеньорию. Л. В. Черепнин признавал древнерусского крестьянина XII в. аллодистом, обладавшим при подворном владении угодьями правом распоряжения своей собственностью⁸³. «Возникновение аллодов как отчуждаемой частной собственности открывало путь дальнейшему социальному расслоению общины и появлению на одном полюсе лиц, имеющих условия для эксплуатации чужого труда, на другом — людей, лишенных средств производства и попадающих в зависимость от земельных собственников. Иначе говоря, создавались предпосылки роста феодальных вотчин. Сочетание же двух процессов — «окняжения» территории соседских общин и выделения из среды общинников аллодов порождает тот статус «черных волостей», который хорошо известен из документов XIV—

⁸⁰ Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939, с. 12—20, 25, 42.

⁸¹ Юшков С. В. Очерки..., с. 250.

⁸² Черепнин Л. В. Вотчинное право на Руси XIV—XV вв.— ПСЭИР, с. 13 и след.

⁸³ Черепнин Л. В. Русь: Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв.— В кн.: Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М., 1972, с. 149—157.

XV вв., — «земля черная великого князя моей деревни»⁸⁴. Доказывая, что «черные земли» становились собственностью феодального государства, Л. В. Черепнин не уделял внимания судьбам сельской общины на владельческих землях, а потому вопрос не только о ее статусе, но и о самом существовании, тем более в позднейшее время, оставался открытым.

Н. Е. Носов прослеживал историю общины до XVI в. как процесс ее разложения. По его мнению, «древнерусская сельская община (вервь), базирующаяся на общинной земельной собственности, перестала существовать как социальный организм в основном еще в домонгольский период; часть общинных земель была захвачена феодалами и „обоярена“, часть же сохранилась, но образовала уже иные социально-территориальные объединения — черные миры (волости, погосты, станы) крестьян-аллодистов»⁸⁵. С XIII в. «реальной базой волостного землевладения (как и самих черных волостей) все в большей степени становится не общинная, а частная собственность черных крестьян на занимаемые ими земли»⁸⁶, причём в XVI в. черная волость сохраняла лишь административные права «на занимаемые ею земли, находящиеся как в частной собственности крестьян (в основном), так и в их общем пользовании (луга, леса, пастбища)»⁸⁷.

Своеобразным ответом на возникавшие при таком подходе к истории сельской общины вопросы о ее дальнейшей судьбе, в частности в поместных и вотчинных владениях, было выступление Л. Б. Алаева. В общетеоретическом плане им было предложено рассматривать возникновение разных типов общины в зависимости от конкретных условий, от факторов ее разлагающих или консолидирующих⁸⁸. «Итак, теоретические представления о ходе эволюции сельской общины, когда она становится элементом классового общества, нуждаются в дополнительной разработке. Всестороннее влияние окружающей среды на общину нередко приводит к смене тенденций разложения тенденцией усиления и расширения ее деятельности»⁸⁹, — писал Л. Б. Алаев; далее он конкретизировал свою мысль: «Территориально-этнические варианты сельских соседских общин могут принципиально отличаться друг от друга происхождением, социальной структурой, направлением эволюции. Возникает задача создания типологии этих вариантов на базе конкретного изучения воздействия на общину природных, демографических, экономических, социальных, правовых и этнических факторов»⁹⁰. Множественность этих факторов

⁸⁴ Черепнин Л. В. Русь..., с. 157.

⁸⁵ Носов Н. Е. О двух тенденциях развития феодального землевладения в Северо-Восточной Руси в XV—XVI вв.: (К постановке вопроса). — ПКЗИВР, с. 67.

⁸⁶ Носов Н. Е. О двух тенденциях..., с. 65.

⁸⁷ Носов Н. Е. О двух тенденциях..., с. 66.

⁸⁸ Алаев Л. Б. Проблема сельской общины в классовых обществах. — ВИ, 1977, № 2, с. 108.

⁸⁹ Алаев Л. Б. Проблема..., с. 109.

⁹⁰ Алаев Л. Б. Проблема..., с. 110.

и их своеобразие, по мнению Л. Б. Алаева, определяло и историю русской общины: «Путь, который прошла Алаева, русская община в средние века и новое время, является уникальным, а потому и объяснения его должны быть специфическими. Их надо искать в особенностях (социальных, экономических, а может быть, и политических) России. Это не значит, что внешние по отношению к общине факторы обязательно были решающими. Возможности самостоятельного социального творчества народных масс даже в условиях политического и экономического господства чуждой им силы не следует преуменьшать»⁹¹.

Применительно к России Л. Б. Алаев, ссылаясь на позднее возникновение передельной формы, считал возможным говорить о том, что община прошла путь от «союза частных собственников до организации, подчинившей себе и даже отменившей частную собственность на землю»⁹², о торжестве, хотя и временном, даже в условиях классового общества, общинного землевладения над частным⁹³. Таким образом, «русский вариант» эволюции общины Л. Б. Алаев рассматривает как эволюцию от частной к общинной собственности крестьянина на землю, фактически повторяя точку зрения Н. П. Павлова-Сильванского. В другой своей, чуть более ранней работе Л. Б. Алаев более прямолинейно полагал, что передельная форма, появившаяся в XVII—XVIII вв., могла представлять собой «возрождение» общины⁹⁴.

Иначе к истории общинного землевладения в России подходил М. О. Косвен. Рассматривая сельскую общину как последний этап первобытнообщинного строя, форму сельского быта, существовавшую в том или ином состоянии у всех народов, при дуалистическом сочетании частной и общинной собственности, М. О. Косвен считал, что сельская община «стойко сохранялась в условиях даже развитого классового строя, причем она, естественно, глубоко проникалась классовыми чертами»⁹⁵. При этой стойкости община в своих нормах землепользования прошла определенный путь раз-

⁹¹ Алаев Л. Б. Проблема..., с. 107.

⁹² Алаев Л. Б. Проблема..., с. 103.

⁹³ Алаев Л. Б. Проблема..., с. 107.

⁹⁴ Алаев Л. Б. Проблема сельской общины в классовых обществах: (Историкогеография вопроса). — В кн.: Тезисы докладов и сообщений XIV сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1972, вып. II, с. 171—172. В этой связи справедливости ради полезно вспомнить, во-первых, что понятие «возрождение» общины применялось Н. П. Павловым-Сильванским в ином смысле. Он писал, что община не исчезла, будучи подавлена господской властью, но при благоприятных обстоятельствах, наоборот, возрождала свои функции (Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси, с. 240); во-вторых, Л. Б. Алаев безосновательно «большой заслугой» представителей «государственной школы» считал признание факта позднего появления переделов (Алаев Л. Б. Проблема... (Историкогеография вопроса), с. 103). Как было показано выше, этот факт признавался представителями разных направлений в русской буржуазной историографии.

⁹⁵ Косвен М. О. Очерки истории первобытной культуры. М., 1953, с. 199—200.

вития — от частной собственности на усадьбную и пахотную землю и коллективной общинной собственности на сенокосы, выгоны, пастбища и разные угодья к разделу большей части земель в частное владение, так что в общем владении оставались только угодья⁹⁶. В критическом примечании к труду М. Ковалевского «Очерк происхождения и развития семьи и собственности» М. О. Косвен, следуя своим представлениям об этапах истории семьи, следующим образом характеризовал эволюцию общинного землепользования: «Соседская община, образовавшаяся из родовой и состоящая из больших семей, так сказать, наследует от родовой общины начало равенства в землепользовании и существовавший там искони порядок периодических переделов родовой земли. В дальнейшем в соседской общине в условиях растущего недостатка свободных земель в связи с происходящей общественной дифференциацией и в силу неравномерного роста отдельных семей создается неравенство наделов, причем все время идет борьба древнего принципа равенства и нового развивающегося частнособственнического начала. Отсюда переделы становятся все более затрудненными, и попытки провести в сказанной борьбе уравнительность все менее достигают цели. Растущие в соседской общине классовые силы оказываются всегда сильнее, и настоящей „уравнительности“ никогда не достигается. Наконец, иное дело представляет собой окончательный раздел земли в соседской общине, происходящий уже в распадающейся самой соседской общине, состоявшей на данном этапе, как было сказано, преимущественно из малых семей, и потому происходящий между этими последними»⁹⁷. В России же, по мнению М. О. Косвена, наблюдались наиболее архаические нормы: «Замечательной особенностью русской соседской общины, сохранявшейся вплоть до начала XX века, было то, что в ней и пахотная земля оставалась общинной, подвергаясь периодическим переделам, — порядок, именованный в русской литературе „уравнительным землепользованием“»⁹⁸. Одним из коренных принципов соседской общины было объединение «всех соседей, связанных коллективным, общинным владением всей территорией как самого села, так в особенности окружающих село земель, полей, лугов, выгонов, леса и прочих угодий»⁹⁹. М. О. Косвен допускал, что внутри сельской общины в «более отдаленном» от XVIII и XIX вв. времени могли существовать патронимические владения, в которых наделы земли «подвергались в общем порядке, свойственном общинному землевладению и землепользованию, периодическим переделам», а менее интенсивно используемые наделы — лес и иные угодья — оставались в общем пользовании патронимии (выти)¹⁰⁰. Поэтому сви-

⁹⁶ Косвен М. О. Очерки..., с. 199.

⁹⁷ Ковалевский М. Очерк..., с. 158—159.

⁹⁸ Косвен М. О. Очерки..., с. 200.

⁹⁹ Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963, с. 156.

¹⁰⁰ Косвен М. О. Семейная община..., с. 165—166 (см. также с. 112—114, 167).

детельства Русской Правды, Полицкого статута и материалов русского происхождения XVI—XIX вв. об общинном землепользовании М. О. Косвен связывал с патронимическими и даже родовыми реликтами (право выкупа надела, предпочтительной покупки земли, земельного наследования). Таким образом, переделы признавались М. О. Косвеном постоянно существовавшим архаическим элементом общинного землепользования в России.

Распространяя данные о землепользовании конца XIX — начала XX в. на всю историю русской общины, С. Д. Сказкин также видел ее характерную особенность в том, что она «на всем протяжении своего существования сохранила принцип периодического уравнительного передела...»¹⁰¹.

Возросший к 1970-м годам интерес к истории сельской общины способствовал появлению общих схем последовательного ее развития в период феодализма. Так, в 1972 г. Ю. Г. Алексеев на XIV сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы предложил по сути дела четырехэтапную схему исторического развития сельской общины до эпохи капитализма; предфеодальный период — община как территориальный союз свободных равноправных аллодистов на разных стадиях развития аллода или на разных стадиях его разложения; община в период раннего феодализма как территориально-административный союз непривилегированных аллодистов, противостоящая привилегированной земельной собственности феодала; «наряду со „свободной“ крестьянской общиной в этот период возникает и существует зависимая община на землях феодальной вотчины»; наконец, «крепостническая община», представлявшая собой союз мелких, с конца XVI в. закрепощенных держателей, живших на земле феодала при специфически новых условиях землепользования — искусственно созданном безземельи и переделах¹⁰². При очевидном стремлении проследить историю общины как неизменно сохранявшегося института, но в зависимости от социально-экономических этапов развития феодального общества, приобретающего новые черты, к сожалению, в тезисах своего доклада Ю. Г. Алексеев ограниченно отразил специфичность форм общины на разных этапах ее существования и их причинную обусловленность.

Другая схема трансформации сельской общины, неизменно существовавшей в средневековье, была предложена В. Ф. Инкиным в исследовании, посвященном общинному строю в Галицком Прикарпатье вплоть до XVIII в. При территориально-локальном подходе В. Ф. Инкин ставил широкую задачу обосновать «общность путей развития украинской, великорусской и в целом

¹⁰¹ Сказкин С. Д. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. М., 1968, с. 82.

¹⁰² Алексеев Ю. Г. Основные этапы развития русской общины. — В кн.: Тезисы докладов и сообщений XIV сессии межреспубликанского симпозиума..., вып. II, с. 205—207.

восточноевропейской общины»¹⁰³ и охарактеризовать этапы существования поземельных крестьянских союзов. В. Ф. Инкин стремился показать, что специфические черты этих этапов определялись целым рядом обстоятельств социального, хозяйственного и демографического характера. Сущность экономического дуализма общины заключалась, по его мнению, в сочетании дедичного (родового) права на дворовый участок с продолжающей его полосой земли с общинным правом на остальные земли общественного, заимочного или подворно-передельного пользования. С утверждением полевых систем земледелия и разграблением земель феодалами волостная община трансформировалась в сельскую общину двух видов — долевою и подворною. При усилении несоответствия между дедичным правом и принципом распределения земли по труду возникали земельно-передельные тенденции в форме частичных поравнений, которые представлялись первым этапом на пути возникновения собственно земельно-передельной общины. В дальнейшем этот тип общины развивался под давлением целого ряда причин как общего свойства, так и специфических для Галичины. К ним В. Ф. Инкин относил дальнейшую экспроприацию общинных лугов и пастбищ и нарушение необходимых пропорций между земледелием и скотоводством, рост феодального гнета, невозможность интенсификации земледелия в условиях барщинно-фольваркового режима, относительную перенаселенность, качественную дифференцированность земельного фонда и рост дефицита хороших земель, сословную замкнутость общины¹⁰⁴. При этом В. Ф. Инкин доказывал, что при нехватке земли общинная уравнительность в конце концов могла взять верх, но дедичное право проявляло огромную стойкость, почему всеобщие, регулярные и равные переделы, отражавшие полное поглощение дедичных прав общиной, возникали поздно и практиковались редко. Отмечая роль общины в контроле над обрабатываемостью земли с целью нейтрализации имущественного расслоения и пауперизации крестьян, В. Ф. Инкин писал, что обращение земли внутри общины было средством поддержания равновесия между трудовыми и земельными ресурсами и не отражало развития частного-собственнического начала¹⁰⁵.

Другой опыт характеристики типологии крестьянского землевладения в XIV—XVI вв. был осуществлен Д. И. Раскиным, И. Я. Фрояновым и А. Л. Шапиро на материалах, относящихся к северорусскому черносошному крестьянству. Одна из основных посылок авторов заключалась в том, что поземельные права черной волости и волощан «дополняли друг друга и переплетались,

¹⁰³ *Инкин В. Ф.* Крестьянский общинный строй в Галицком Прикарпатье. (Опыт сравнительного изучения поземельных союзов): Автореф. дис. на соискание учен. степени д-ра ист. наук. Львов, 1978, с. 9. Слѣсок статей автора, тематически отражающих отдельные положения рассматриваемой проблемы, см. там же на с. 32.

¹⁰⁴ *Инкин В. Ф.* Крестьянский общинный строй..., с. 10, 29—30.

¹⁰⁵ *Инкин В. Ф.* Крестьянский общинный строй..., с. 31—32.

создавая пеструю картину правовых отношений»¹⁰⁶. Волость XIV—XVI вв. выступала активной силой в поземельных отношениях, обладала правом наделять припслых крестьян землей, сдавать волостные земли в аренду, выкупать отошедшие к другим землевладельцам земли¹⁰⁷. Право черной волости, по мнению авторов, генетически восходило к первоначальному строю и сохранялось в силу того, что «волостное распоряжение альмендой и пустыми землями было важно для крестьянского производства»¹⁰⁸. Формы же земельного владения членов волостной общины были разнообразны: аллод, явившийся результатом распада древней общинной собственности на землю, но несколько ограничиваемый в распоряжении владельцем правами родичей, общины и государства, захват свободной земли, складничество и долевое землевладение. Дальнейшее развитие земельных форм характеризовалось авторами противоречиво. С одной стороны, проводилась мысль о том, что переделы пришли в северную деревню из светских, церковных и дворцовых вотчин, причем поздно, и их развитие «самым существенным образом связано с владельческими и государственными податями»¹⁰⁹; с другой стороны, доказывалась ограниченность развития переделов на Севере, которые в XVIII—XIX вв. подорвали подворное аллодиальное землевладение, так как богатая часть крестьянства не в силах была «вытравить в сознании крестьянской массы старинные идеи трудового права и права на труд»¹¹⁰. В другой своей работе А. Л. Шапиро несколько иначе развивал мысль об органичности возникновения переделов. Он писал, что «уравнительное землепользование с переделами нельзя выводить только из интересов помещика и помещичьего государства... Мне представляется, что уравнительные переделы были древнейшим обычаем в домашней общине — большой семье» и, хотя и не были типичны для XIV—XVI вв., тем не менее отражали архаичные обычно-правовые представления периода возникновения большой семьи и распада рода¹¹¹. Предварительно в тезисах данной работы указанная мысль формулировалась А. Л. Шапиро следующим образом: «Переделы были знакомы русскому обычному праву, очевидно, с древнейших времен. Они были связаны с разделением больших семей; право на передел сохранялось при разделе имущества и в малых семьях

¹⁰⁶ Раскин Д. И., Фроянов И. Я., Шапиро А. Л. О формах черного крестьянского землевладения XIV—XVII вв. — ПКЗИВПр, с. 31.

¹⁰⁷ Там же, с. 28—29.

¹⁰⁸ Раскин Д. И., Фроянов И. Я., Шапиро А. Л. О формах крестьянского землевладения XIV—XVII вв. — В кн.: Тезисы докладов и сообщений XIII сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1971, с. 59.

¹⁰⁹ Раскин Д. И., Фроянов И. Я., Шапиро А. Л. О формах черного крестьянского землевладения..., с. 28—29, 37; Раскин Д. И., Фроянов И. Я., Шапиро А. Л. О формах крестьянского землевладения, с. 59.

¹¹⁰ Раскин Д. И., Фроянов И. Я., Шапиро А. Л. О формах черного крестьянского землевладения..., с. 36, 38.

¹¹¹ Шапиро А. Л. Проблемы генезиса и характера русской общины в свете новых изысканий советских историков. — ЕПАИ, с. 43 (см. также с. 42, 46).

после распада больших... право переделов между родственниками распространялось и на членов сельской общины. Переделы в сельских и волостных общинах XVI—XVII вв. не носили уравнительного характера. Это были переделы, приводившие землепользование крестьян в соответствие с их вытным тяглом», а уравнительность переделов XVIII—XIX вв. стала возможной «благодаря живучести представлений крестьян о праве на труд и благодаря сохранению в обычном семейном праве практики переделов»¹¹². Таким образом, А. Л. Шапиро так или иначе проводил уже высказывавшуюся мысль об архаическом происхождении переделов, а их трансформация и возникновение уравнительной формы определялись фискальной причиной (тягловой раскладкой). Особое сомнение вызывает мысль о переходе от частного (подворного) к уравнительному, т. е. коллективному, землевладению в северорусской деревне, так как до сих пор специального монографического исследования, посвященного землепользованию на Севере в XVIII—первой половине XIX в., не проводилось и судить о характере переделов, а тем самым о смене там форм землепользования пока преждевременно.

Хронологически еще более широко прослеживал основные этапы развития общины у северорусского крестьянства П. А. Колесников. С его точки зрения, свободная соседская община с некоторыми реликтами родовой общинной организации складывалась в процессе славянского заселения края с X—XII вв., географические условия которого диктовали необходимость «складничества» трудовых усилий переселенцев. Они приносили на Север уже имевшиеся у них общинные и хозяйственные традиции и основывали там свое хозяйство путем свободной займки. В течение длительного времени община существовала вне воздействия или при слабом воздействии на нее феодального государства и его институтов¹¹³. Далее, подчеркивая растущую от века к веку административную, судебную и фискальную зависимость черной волости от государства и повысившуюся с XVI в. роль чернососного Севера в социально-экономической жизни страны, П. А. Колесников прослеживал, как сложившиеся в рамках общинной собственности крестьянский аллод и складничество, порождавшее долевую форму землепользования, подвергались трансформации¹¹⁴. «Поземельный механизм общины, ее социальные функции развивались и трансформировались в соответствии с ростом экономики,

¹¹² Шапиро А. Л. Проблемы генезиса и характера русской общины в свете новых изысканий советских историков.— В кн.: Тезисы докладов и сообщений XV сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1974, вып. II, с. 139—140.

¹¹³ Колесников П. А. Основные этапы развития северной общины.— ЕПАИ, с. 5—6; Он же. Основные этапы развития северной общины.— В кн.: Тезисы докладов и сообщений XV сессии межреспубликанского симпозиума..., вып. II, с. 141.

¹¹⁴ Колесников П. А. Основные этапы... (ЕПАИ), с. 8; Он же. Основные этапы... (Тезисы), с. 142.

усложнением общественной жизни», — резюмировал П. А. Колесников¹¹⁵.

«С усилением государственной власти и распространением даннических отношений аборигенные соседско-родовые коллективы Севера и свободные общины славянских переселенцев трансформировались в государственно-зависимые чернокунские общины»¹¹⁶, что было следующим, по мнению П. А. Колесникова, этапом развития общинной организации, на протяжении которого «складнически долевая форма землевладения и землепользования сначала с их идеальными, а затем и реальными долями сочеталась с расширяющейся практикой распоряжения землей на правах частной собственности»¹¹⁷. В XVI в. завершилось слияние чернокунских общин с общинами оброчными, сохранявшимися на конфискованных государственной властью землях новгородских боярских вотчин, и образовался единый тип общины — тяглой черносошной. На этом этапе земельная общинная собственность все более подчиняется государственным правовым нормам, но община-волость как специфическая форма соседской общины сохраняется, а «ранее существовавшие формы землевладения и землепользования трансформируются в форму индивидуального подворного владения крестьян-соседей в деревне»¹¹⁸, причем все заметнее изменяется соотношение между общинным землевладением и укрепляющейся собственностью крестьян внутри самих общин. В условиях активной экономической жизни края в XVII в., а затем становления абсолютизма и системы «государственного феодализма» определился дальнейший этап разложения общинных начал с обострением социальных антагонизмов в деревне¹¹⁹; это «толкало бедноту на требование пересмотра и проверки земельных прав, передела земли по тяглу. Бедноте была близка мысль о черной земле как земле общей, государственной, что совпадало со взглядами на землю и самого феодального государства»¹²⁰. В тезисах работы П. А. Колесников еще более четко сформулировал причинную обусловленность этого этапа: «Жертвуя правом аллодиального владения, бедняцко-средняцкие массы видели в общине, распоряжающейся и пахотными угодьями, единственную в тех условиях возможность удержаться в деревне» и требовали «возрождения» общины, «но уже на началах уравнительных переделов»¹²¹. Процесс превращения прежней тяглой черносошной общины в общину с уравнительными земельными переделами, по мнению П. А. Колесникова, завершился к концу XVIII в., хотя и на протяжении XIX в. эта преобразованная община не остава-

¹¹⁵ Колесников П. А. Основные этапы... (ЕПАИ), с. 8.

¹¹⁶ Колесников П. А. Основные этапы... (ЕПАИ), с. 7—8.

¹¹⁷ Колесников П. А. Основные этапы... (ЕПАИ), с. 10.

¹¹⁸ Колесников П. А. Основные этапы... (ЕПАИ), с. 15 (см. также с. 11—13).

¹¹⁹ Колесников П. А. Основные этапы... (ЕПАИ), с. 17—20.

¹²⁰ Колесников П. А. Основные этапы... (ЕПАИ), с. 19.

¹²¹ Колесников П. А. Основные этапы... (Тезисы), с. 142—143.

лась неизменной, что, по замечанию автора, оставалось незамеченным многими русскими историками¹²².

Таким образом, отдавая дань разнообразным разлагающим и консолидирующим факторам в ходе исторического развития общины у северорусского крестьянства (экономическим, географическим, демографическим, правовым)¹²³, П. А. Колесников основное значение в трансформации общины придал (по крайней мере с XVII в.) внутриобщинной социальной борьбе, а с начала XIX в. — влиянию государственной политики, отмечая, что не случайно «в северной деревне развернулась борьба против поглощения традиционного крестьянского мира системой бюрократически-полицейской опеки...»¹²⁴.

* * *

Предпринятый опыт историографической характеристики основных аспектов истории сельской общины и общинного землепользования до XVII в. позволяет прийти к некоторым заключениям, необходимым для исследования земельного хозяйства и обычно-правовых основ его существования в среде крепостного крестьянства в позднефеодальное время — XVIII — первую половину XIX в.

Мысль об архаичности земельно-передельной системы, будто бы пережиточно сохранявшейся до XX в., приходится оставить по двум соображениям: во-первых, из-за отсутствия данных, свидетельствующих о практике переделов по крайней мере до конца XV в., а, во-вторых, о невозможности представить вековую историю общинного землепользования на основе одной архаики. В равной степени приходится оставить проводившуюся учеными мысль о вековом разложении общинной организации. В этих случаях функционирование сельской общины или умаялось, или сводилось на нет. В докладе Ю. Г. Алексева, А. И. Копанева и Н. Е. Посова на XVII сессии аграрного симпозиума утверждалось, что свободная крестьянская община в центре страны погибла именно под ударами феодальной собственности в конце XV — начале XVI в.¹²⁵. Подобное утверждение порождало мысль о «возрождении» общины в центральных областях, поскольку фактические данные более позднего времени свидетельствовали о ее существовании. При этом, коль скоро советские ученые, развивая научную традицию, сложившуюся еще во второй половине XIX в., очень большое внимание уделяли (и уделяют) северорусскому крестьянству и формам его социальной и хозяйственной органи-

¹²² Колесников П. А. Основные этапы... (Тезисы), с. 143.

¹²³ Колесников П. А. Основные этапы... (ЕПАИ), с. 4.

¹²⁴ Колесников П. А. Основные этапы... (ЕПАИ), с. 25.

¹²⁵ Алексеев Ю. Г., Копанев А. И., Посов Н. Е. Мелкокрестьянская собственность при развитом феодализме. — В кн.: Место и роль крестьянства в социально-экономическом развитии общества. XVII сессия симпозиума по изучению проблем аграрной истории: Тезисы докладов и сообщений. М., 1978, с. 195.

зации, в фокус научных исследований попадала прежде всего черная волость на Севере европейской части страны, и могло сложиться впечатление об исключительности социальной и хозяйственной истории северорусской черносошной общины. Тем самым отвлекалось внимание от общих судеб этого института, и впечатление о северорусской исключительности тем более усиливалось после утверждения о гибели крестьянской общины в центре России, а потому и действительность там обычного права на позднефеодальном этапе игнорировалась.

К тому же появившиеся в последнее десятилетие исследования, посвященные истории сельской общины, общинным земельным отношениям и их статусу в структуре феодального общества на разных этапах его существования, были осложнены разгоревшейся особенно в 1970-х годах дискуссией о становлении и развитии феодальной земельной собственности на Руси и характере крестьянского землепользования¹²⁶. Поскольку в этой дискуссии отражается проблема общинного землепользования, необходимо отметить, что в современной советской исторической науке сущность черносошного землевладения в XIV—XVI вв. рассматривается по-разному. Одни исследователи рассматривают черные (волостные) земли как разновидность феодального землевладения (Л. В. Черепнин, А. Д. Горский, Н. Н. Покровский, С. М. Каштанов и т. д.), другие видят в них форму свободной крестьянской собственности (И. И. Смирнов, Н. Е. Носов, А. И. Копанев и др.) и, наконец, третьи видят в черных волостях существование расчлененной формы собственности между государством в лице великого князя и волостной общиной с крестьянами (А. Л. Шапиро).

Между тем конкретные материалы XVI в. и даже более раннего времени свидетельствуют, во-первых, о том, что существовавшая еще в то время в Центре России община-волость по своим функциям не отличалась от своей северорусской соседки и тем самым отражала явление одного и того же порядка, а во-вторых, о том, что находившийся в ее составе крестьянин обладал подворно-потомственным правом на земельное владение точно так же, как и северорусский крестьянин, некогда пришедший на север из центрально-русских земель и принесший с собой не только опыт, но и хозяйственные и общественные традиции. Так, М. Н. Тихомиров в исследовании «Россия в XVI столетии» писал: «Многие документы рисуют перед нами крестьянское самоуправление

¹²⁶ Историкографически она отражена в работе: *Черепнин Л. В.* Русь..., с. 210 и след. Основные положения дискуссии на современном этапе, кроме указанной работы, отражены в тезисах докладов: *Горский А. Д.* О сущности и формах феодальной земельной собственности на Руси XIV—XV вв.— В кн.: Место и роль крестьянства в социально-экономическом развитии общества...; *Алексеев Ю. Г., Копанев А. И., Носов Н. Е.* Мелкокрестьянская собственность..., с. 190—196; а также в работах: *Горский А. Д.* К вопросу о сущности черного землевладения на Руси в XIV—XV вв.— В кн.: Проблемы развития феодальной собственности на землю. М., 1979; *Сахаров А. М.* Феодальная собственность на землю в Российском государстве XVI—XVII вв.— Там же.

в черных государственных и дворянских волостях. Царские праведчики и доводчики спорятся непостоянно со старостой и сотскими. Крестьяне иногда ведут самостоятельные тяжбы о земле, упорно, но чаще всего безуспешно отстаивают свои земли от захватов соседних вотчинников... К тому же не только на севере, но и в центральных областях России оставались еще многие земли, населенные черными крестьянами. Конечно, количество черных земель непрерывно уменьшалось, но в XVI столетии крестьянское землевладение все-таки играло еще большую роль»¹²⁷. Не менее определенно на этот счет писал А. Л. Шапиро; по его наблюдениям, в Новгородской земле в XVI в. в ряде погостов, состоявших исключительно из поместий, «волостные люди» (крестьяне разных помещиков) выбирали погостских старост, сотских, целовальников. Эти власти сохраняли некоторые функции, присущие старинным чернокунским волостям и исчезающие в районе распространения поместной системы в XVII в.¹²⁸ Погостской (или волостной) крестьянской общине, «конечно, не были подчинены помещики погоста, но она стояла над помещичьими крестьянами»¹²⁹. Таким образом, крестьяне, попавшие уже в личную зависимость от помещиков, пытались поддержать единство своих старых территориальных общинных объединений, которые разрушались феодалами. При этом А. Л. Шапиро заметил сохранение в крестьянской среде таких правовых норм, как право «родового» (вероятно, семейно-родственного.— В. А.) выкупа земель, право раздела имущества «не по головам живущих, а по долям их отцов», право передела имущества между родственниками¹³⁰. Трактовать эти права как явление пережиточное нет оснований, ибо, как мы уже видели, структурно господствовавшая с XVI в. малая семья и возникавшая на ее основе семья нераздельная придерживались определенной системы норм, регулировавших реально существовавшие внутрисемейные и родственные имущественные отношения.

К не менее существенным выводам о порядке землепользования в черных волостях в центре страны приходил Ю. Г. Алексеев, анализируя состояние Аргуновской волости, входившей в состав Переяславского и Владимирского уездов. Он писал о том, что во второй половине XVI в. волость представляла первооснову крестьянской организации, внутри которой в каждой отдельной деревне не существовало равенства крестьянских участков, а отсюда — и вытной раскладки; каждый двор владел пашней разной величины, тягло накладывалось на волость в целом или на ее подразделение — группу деревень, а внутрикрестьянские расчеты осуществлялись волостными органами: «Хто больши пашет, тот больши и тягла платит по розчету»¹³¹. «Многодворная аргуновская

¹²⁷ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962, с. 63.

¹²⁸ Шапиро А. Л. Проблемы... (Тезисы), с. 138.

¹²⁹ Шапиро А. Л. Проблемы... (ЕПАИ), с. 38.

¹³⁰ Шапиро А. Л. Проблемы... (ЕПАИ), с. 41—42.

¹³¹ Алексеев Ю. Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. Переяславский уезд. М.; Л., 1966, с. 170, 172, 175.

деревня напоминает деревню, состоявшую из крестьянских складнических долей («вытей») и купель разной величины...», — резюмировал Ю. Г. Алексеев¹³², приходя к выводу о явно подворном характере крестьянского владения внутри общины-волости. В дальнейшем Ю. Г. Алексеев охватил своими наблюдениями другие черные волости в центре феодальной Руси, где в XV в. так же, «как общерусское явление», прослеживалась волостная организация со своими должностными лицами, выступавшими от имени крестьян и защищавшими их интересы¹³³; отдельные, сохранившиеся с XV в. акты свидетельствуют о том, что волостные земли владеются крестьянами «по старине», потомственно, «после отцов своих»; крестьяне могут распорядиться своим участком, а в случае его запустения им могут распорядиться волостные выборные лица¹³⁴. Сомнения, таким образом, о существовании подворного крестьянского владения в центральнорусской деревне в XV—XVI вв. возникнуть не могут.

Г. Е. Кочин в своем исследовании, посвященном сельскому хозяйству в Северо-Восточной и Северо-Западной Руси в XIII—XVI вв., также не менее определенно свидетельствовал: «Если во всех деревнях дворница-усадыбы, огороды, капустники, конопляники, полевая пашня и некоторые сенные покосы принадлежали, как и постройки, строго определенному хозяйству-двору, т. е. хозяину-крестьянину, то другая доля угодий была достоянием всей деревни»: леса, выгоны для скота (поскотины), сенные покосы, водные, бортные и охотничьи угодья¹³⁵. Весьма существенным следует признать наблюдение Г. Е. Кочина о земельно-хозяйственной крестьянской общности; с одной стороны, изгороди, охранявшие огороды и полевые посевы, деревенские покосы, выгоны, ближние леса считались принадлежащими и используемыми отдельной деревней; с другой стороны, «соседствующие деревни чувствовали себя живущими в едином коллективе; в волости у них было много общего: и лес мог быть общий, и поскотина, и рыбные, и сенные угодья»¹³⁶. Эти наблюдения Г. Е. Кочина относятся к крестьянским хозяйствам дворцовых, боярских, монастырских и помещичьих сел и деревень, владельцы которых — феодалы — были собственниками земли, но в большинстве своем в это время не проявляли стремления вмешиваться в хозяйственную жизнь крестьян своих владений¹³⁷. Подчеркивая, по его мнению, принципиальное отличие владельческих сел от селений черных волостей, будто бы владевших на праве собственности своими угодьями, Г. Е. Кочин тем не менее не находил какого-либо су-

¹³² Алексеев Ю. Г. Аграрная и социальная история..., с. 170.

¹³³ Алексеев Ю. Г. Крестьянская волость в центре феодальной Руси XV в. — ПКЗИВПр, с. 78—81, 101.

¹³⁴ Алексеев Ю. Г. Крестьянская волость..., с. 73, 89—90.

¹³⁵ Кочин Г. Е. Сельское хозяйство на Руси конца XIII — начала XVI в. М.; Л., 1965, с. 305.

¹³⁶ Кочин Г. Е. Сельское хозяйство..., с. 305.

¹³⁷ Кочин Г. Е. Сельское хозяйство..., с. 316, 369, 382.

цественного различия в порядке землепользования в среде черносошного центральнорусского крестьянства. Объяснялось это автором живучестью и общераспространенностью волостной сельской общины; поэтому мирское управление с его неписаными правами, хотя и в «чрезвычайно суженом» виде, оставалось и тогда, когда волость переставала быть черной и становилась владельческой¹³⁸.

Вполне определенно мысль о господстве подворного крестьянского землепользования в границах общины-волости не только на Русском Севере, но в Северо-Западной и Центральной Руси до XVI в. проводил также А. Л. Шапиро. Он писал, что в черной волости владельческие права общины и общинников на землю нельзя рассматривать как взаимоисключающие явления. «Наоборот, они могли действовать одновременно, распространяясь на различные виды угодий: усадьба, пашня, иногда сенокосы и рыбные ловли были в частном владении общинников-волощан, а лес, выгоны, охотничьи угодья, иногда рыбные ловли и сенокосы — в общем владении всей общины волости. Черная волость распоряжалась и усадьбами, но лишь тогда, когда они оказывались запустевшими», — писал он¹³⁹.

Общественная и хозяйственная значимость черносошной общины в центре страны на актовом материале XIV — начала XVI в. подробно характеризовалась также Н. Н. Покровским¹⁴⁰. Им было обращено внимание на обычно-правовую прерогативу общинных властей в центре страны с согласия волостных крестьян предоставлять землю пришельцам по своему усмотрению, причем «есть прямые доказательства, что в некоторых случаях подобные действия черной волости противоречили распоряжениям княжеской администрации, которые были известны волостным властям»¹⁴¹. Волостные власти неусыпно охраняли границы волостных земель от покушений на них феодалов и отстаивали свои земельные права на княжеском суде¹⁴². Крестьяне же обладали правом владения двором, дворовыми и папшенными, в том числе расчищенными от леса землями, отдельными сенокосными угодьями. Однако в отличие от Севера в центре страны власть волостного мира в это время начала подвергаться известным ограничениям, в частности, ни общины, ни отдельные крестьяне не имели уже права отчуждать черные земли¹⁴³.

Наконец, прослеживая внутреннюю структуру сельской общины Северо-Восточной Руси в XIV—XV в., Л. В. Данилова отмечала публично-правовые функции общинных организаций и

¹³⁸ Кочин Г. Е. Сельское хозяйство..., с. 381, 383—388, 432.

¹³⁹ Шапиро А. Л. Проблемы... (ЕПАИ), с. 40.

¹⁴⁰ Покровский Н. Н. Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV — начала XVI в. Новосибирск, 1973, с. 103—114.

¹⁴¹ Покровский Н. Н. Актовые источники..., с. 105 (см. также с. 106, 107, 109).

¹⁴² Покровский Н. Н. Актовые источники..., с. 111—112.

¹⁴³ Покровский Н. Н. Актовые источники..., с. 113—114.

связь подворного крестьянского владения с принципом трудового права¹⁴⁴, что по существу вовсе не отличалось от распрядков, бытовавших на Русском Севере. При этом весьма важно наблюдение Л. В. Даниловой о сходстве в строе внутрикрестьянских поземельных отношений как на владельческих, так и на черносошных землях¹⁴⁵.

Представляется очевидным, что к XVI в. русское крестьянство повсеместно — и на Севере и в Центре — подошло с общинно-волостной организацией и подворным обычно-правовым земельным владением, в чем следует видеть определенный этап истории общины на Руси. Тем самым представляется невозможным говорить о принципиальном своеобразии социального существа северной черносошной деревни.

Упомянутые выше авторы — Ю. Г. Алексеев, Г. Е. Кочин, А. Л. Шапиро, Н. Н. Покровский не идентично определяли этапы процесса феодализации в центральных областях страны, но все приводимые им материалы свидетельствуют о сохранении там до XVI в. черносошной общины, обладавшей известными земельными и общественными правами, и крестьян-волощан, владевших угодьями, составлявшими производственный комплекс двора, на подворном обычном праве. Как бы ни подходили исследователи к этапам истории сельской общины, подворное крестьянское землепользование пашнями и сенокосами выявляется до XVI—XVII вв. повсеместно и вполне определено.

Само собой разумеется, что после разрушения волостных общин и развития вотчинного и поместного хозяйства общинные общественные и хозяйственно-земельные традиции не могли исчезнуть бесследно. Так, А. Л. Шапиро связывал появление земельных переделов с сохранявшимися большесемейными традициями. По его мнению, в XVI—XVII вв., когда однодворные и двухдворные деревни лесной зоны стали уступать место многодворным и в результате хозяйственной политики феодалов в конце XVII в. формировалась качественно новая система сельского расселения, внутри сельских общин стали появляться переделы, но отнюдь не строго уравнительного характера. Они отражали право долевого поколенного наследования среди родственников, которое распространилось и на соседей — членов соседской общины. Такие переделы приводили землепользование крестьян в соответствие с их вытным тяглом. Важнейшей же предпосылкой появления земельно-передельного типа общины А. Л. Шапиро считал внедрение в многодворных поселениях трехпольных севооборотов, которые заставляли регламентировать право пользования землей. Появление уравнительных переделов А. Л. Шапиро датировал XVIII—XIX вв., что объяснялось им, с одной стороны, изменениями в характере эксплуатации крестьян помещиками

¹⁴⁴ Данилова Л. В. О внутренней структуре сельской общины Северо-Восточной Руси. — РНПЦ, с. 6 и след.

¹⁴⁵ Данилова Л. В. О внутренней структуре..., с. 14.

(переходом от вытной системы к потягольной) и цодушным госу- дарственнм обложением, а с другой стороны, живучестью пред- ставлений крестьян о праве на труд на земле и сохранением прак- тики переделов между родственниками ¹⁴⁶.

Объяснение возникновения земельных переделов — и теорети- чески и фактологически — всегда представляло большую сложность для исследователей, и выдвигавшийся целый ряд причин демогра- фического, агротехнического, фискального и иного характера, без- условно, заслуживает внимания, но не определяет основы вопроса.

* * *

В своей книге «Сельская община в России (XVII — начало XIX в.)», я отмечал, что в общем подходе к истории сельской общины в эпоху феодализма «представляется прежде всего су- щественным внимание к детальному раскрытию процесса инкор- порации общины в феодальную систему и ее трансформации в ходе развития этой системы. Захват феодалами общинной земли не оз- начал ликвидации общины. При изучении процесса феодальной инкорпорации общины и ее подчинения феодальной власти су- щественно проследить, *когда, какие и при каких* обстоятельствах теряла или сохраняла община те или иные права и функции, и в аналогичном плане — последовательность возложения на об- щину феодальных обязательств и повинностей» ¹⁴⁷. Основные за- дачи указанной книги заключались в том, чтобы рассмотреть сущность сельской общины в ее общественном и хозяйственном дуализме и функциональную значимость, сохранявшуюся в позд- нефеодальный период в условиях крепостнического хозяйства; при этом вопрос об общинном землевладении и землепользовании рассматривался в большей степени в ракурсе обеспечения об- щинной феодальной ренты, нежели обычно-правовых норм, регу- лировавших использование угодий как деревней, так и отдельным крестьянским двором. Несколько позднее, с учетом разных судьб сельской общины в отдельных регионах позднефеодальной России, появилась возможность прийти к более широкому выводу о том, что в масштабах всей страны типология этого института опреде- лялась прежде всего разными формами феодальной зависимости крестьянства, т. е. социальными условиями, в которых оно су- ществовало, и разными условиями, обуславливавшими использо- вание земель, тем более в процессе заселения и хозяйственного освоения южнорусских областей, Урала и Сибири ¹⁴⁸.

¹⁴⁶ Шапиро А. Л. Проблемы... (ЕПАИ), с. 42—46; Шапиро А. Л., Дегтя- рева А. Я. Развитие крестьянского хозяйства в XIV—XVI вв. и его влияние на характер расселения, землепользования и землевладения.— В кн.: Место и роль крестьянства в социально-экономическом развитии общества. XVII сессия симпозиума по изучению проблем аграрной истории: Тезисы докладов и сообщений. М., 1978, с. 198—199.

¹⁴⁷ Александров В. А. Сельская община..., с. 42.

¹⁴⁸ Александров В. А. Типы сельской общины в позднефеодальной Рос- сии (XVII — начало XIX в.).— ПТВЭ, с. 93.

Самой собой разумеется, что в прямой связи с типом общины находились и права крестьян-общинников на отдельные виды угодий. Эти права определялись, с одной стороны, социальным статутом общины, инкорпорированной в систему феодальных отношений, а с другой — внутриобщинными обычно-правовыми нормами земельных отношений.

Рассматривая формы феодальной зависимости крестьянства в виде основной причины, определявшей разные типы существовавшей у них общинной организации, можно увидеть, что крестьянство северорусское, уральское, сибирское и довольно многочисленная часть южнорусского (так называемые однодворцы), существовавшее в условиях системы «государственного феодализма» и в XVIII в. официально вошедшее в состав крестьянства государственного, хозяйствовало при подворно-потомственном землепользовании, тогда как крестьянство среднерусской полосы, попавшее в крепостную зависимость, — при передельном, раскрытие сути которого составляет сейчас основную задачу.

Совершенно очевидно, что на протяжении XVIII — начала XIX в. государственными органами управление государственной деревней все более и более бюрократизировалось и мелочно регламентировалось, а сельская община превращалась в низовую административно-фискальную и полицейскую ячейку. Однако очевидно и то, что сама система «государственного феодализма» при всем стремлении к земельной регламентации допускала за государственной деревней определенные возможности для земельного хозяйствования на основе обычаев, укоренившихся до XVII в.; в меньшей степени это проявлялось на Севере, в неизмеримо большей — в Сибири.

Впервые «государственный феодализм» как система общественных отношений в рамках феодальной формации, господствовавшей в России, был охарактеризован Н. М. Дружининым. Рассматривая отношения между феодальным владельцем — государством, единолично распоряжавшимся земельным фондом, и государственным крестьянством, складывавшимся прежде всего из крестьянства черносошного и сибирского в определенный разряд, обязанный нести ренту в пользу казны, он следующим образом характеризовал его общественный статус: «Государственные крестьяне занимали промежуточное положение между помещичьими крепостными и свободными людьми. Они признавались субъектами гражданского и публичного права и в то же время целиком зависели от феодальной государственной власти. Государство стремилось расширить и усилить феодальную эксплуатацию этой категории земледельцев и в то же время оказывалось вынужденным санкционировать и расширять их права»¹⁴⁹. Их зависимость никогда не достигала формы вещного права над личностью; прикрепление к земле носило ограниченный характер — допускалась возможность перехода крестьянина в другое податное сословие и

¹⁴⁹ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформы П. Д. Киселева. М., 1946, т. 1, с. 38.

перемены места жительства; крестьянин не был лишен права принести присягу государю, мог выступать в качестве представителя своего сословия на общегосударственных совещательных собраниях (1613, 1767 гг.). Государство допускало практику частнопроводных сделок на земельные участки, что обуславливало большую самостоятельность непосредственных производителей, «которые в известных границах являлись свободными распорядителями своих участков и не ощущали над собой такого экономического давления феодала-землевладельца, какое испытывали частновладельческие крестьяне»¹⁵⁰.

Особенности феодальной зависимости крестьян в условиях складывавшейся системы «государственного феодализма», подробно прослеженные по сибирским материалам, заключались в том, что государством допускалось замещение тягла крестьянами и их территориальное перемещение, освоение свободных земель, распоряжение участками, приведенными в культурное состояние. Допущение заимочно-захватного землепользования, развивающегося стихийно, и обращения земли приводило к двойственной правовой коллизии, при которой государственное право, провозгласившее верховного сюзерена владельцем земли, уживалось со сложившимся обычаем потомственного владения и распоряжения угодьями¹⁵¹.

Сельская община государственной деревни не только в целом, но и регионально имела свою специфику. Выше уже приводились мнения о том, что на протяжении XVIII—XIX вв. северорусское крестьянство перешло к уравнительному передельному землепользованию под воздействием правительства, опиравшегося на основную массу населения¹⁵². Мнение это следует признать слишком прямолинейным. Государственные законодательные акты, начиная с указов 1751 и 1753 гг. и межевых инструкций 1754 и 1766 г., конечно, оказали влияние на характер землепользования государственной северной деревни¹⁵³. Однако реальное состояние крестьянского землепользования во второй половине XVIII — первой половине XIX в. на Севере монографически не исследовалось, а ряд данных свидетельствует, что такие переделы проводились там с большим трудом и в ряде мест население к ним явно не было подготовлено¹⁵⁴. По наблюдениям даже второй половины XIX в., в Олонецкой губ. господствовало захватное или подворное землевладение при пользовании и трехпольными, и подсечными пашнями, и лесными сенокосами¹⁵⁵. В первой половине

¹⁵⁰ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне..., с. 33.

¹⁵¹ Александров В. А. Особенности феодального порядка в Сибири (XVII в.). — ВИ, 1973, № 8; Он же. Проблематика системы государственного феодализма в Сибири XVII в. — История СССР, 1977, № 1.

¹⁵² См. также: Сергеевич В. И. Крестьянские права..., с. 1—15.

¹⁵³ Щепотьев С. Законодательство и старинные формы землевладения на Севере. — СВ, 1886, № 2, отд. 2, с. 80—99.

¹⁵⁴ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси, с. 122—126.

¹⁵⁵ Лалов Н. Сельская община в Олонецкой губернии. — ОЗ, 1874, № 2, с. 223.

XIX в. в Архангельской губ. «коренная» земля, давпо находившаяся в пользования одного семейства, в передел не обращалась; сохранялось право обмена участками, отчуждение (продажа) земли не было окончательным и вплоть до второй половины XIX в. сохранялось право ее выкупа старыми владельцами и ближайшими их родственниками¹⁵⁶. По массовым статистическим материалам рубежа XX в. в северных губерниях — Олонецкой, Вятской, Вологодской, частично Пермской, Новгородской, Ярославской, Костромской и Нижегородской — в значительной степени сохранялись беспередельные общинные формы землепользования¹⁵⁷.

Мирская организация на Севере, характеризовавшаяся в XVI—XVII вв. весьма сложными формами вплоть до волостной и уездной, с функционированием деревенских и волостных сходов и всеуездных советов с выборными представителями¹⁵⁸, прослеживалась до второй половины XIX в., а традиционные обычно-правовые представления о подворном владении угодьями и возможности их отчуждения сохранялись вопреки правительственным указам и деятельности административных органов. Стойкость бытования на Севере обычно-земельного права великолепно отразилась в огромных пермских владениях графов Строгановых, обладавших десятками тысяч крепостных крестьян. Как бы ни централизовали там на протяжении XVIII в. владельцы вотчинную систему своего феодального управления, в начале XIX в. известный государственный деятель П. А. Строганов нашел, что «образ правления» не соответствует ни его пользе, ни «пользам подвластного ему народа», и пришел к мысли о необходимости обращения к общинной организации управления¹⁵⁹. В силу ряда причин это реформирование было претворено в жизнь только через 25 лет, но основная его идея заключалась в том, чтобы приспособиться к обычаям крестьян, «кои в них издавна укоренились и в понятиях их приняли вид законности», узаконить такие внутривотчинные нормы, «которым крестьяне пермские издавна следуют и кои считают они для себя удовлетворительными»¹⁶⁰. В результате по «Положению об управлении Пермским неразделенным имением», принятому в начале 1837 г., в общей системе вотчинного бюрократического управления мирские сходы получали широкие полномочия (выборность должностных лиц и финансовая проверка их деятельности, раскладка мирских повинностей, разрешение вопросов, связанных с земельным и лесным хозяйством), учреждались крестьянские суды с выборным составом для разрешения гражданских дел и, наконец, «узаконивалось» традиционно бытовавшее потомственно-подворное владение зем-

¹⁵⁶ *Островская М.* Земельный быт..., с. 23—24; *Семевский В. И.* Казенные крестьяне..., т. 24, с. 23—24.

¹⁵⁷ *Качоровский К. Р.* Народное право, с. 68—73.

¹⁵⁸ *Богословский М. М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909, т. 1, гл. XIII—XVII; *Копанев И. А.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978, гл. V.

¹⁵⁹ *Александров В. А.* Сельская община..., с. 107.

¹⁶⁰ *Александров В. А.* Сельская община..., с. 109.

лей; за крестьянами было признано право вынуть имена продавать, завещать в случае бездетности, закладывать свои подворные участки, а община по приговору могла отнять их только у неплательщиков оброка¹⁶¹.

Генетически с поморским типом общинной организации были связаны общинные формы в Сибири, стихийно складывавшиеся с XVII в. в процессе ее народного заселения и освоения. Переселенцы, в массе своей из северорусских областей, приносили свои традиционные представления о функциях мирской организации и порядках землепользования. Она возникла и развивалась в условиях земельного простора, при необходимости совместных усилий в сельскохозяйственном освоении земель. Образование сельской общины в Сибири прослеживается с XVII в., т. е. с начального этапа ее заселения русскими переселенцами. Они создавали свое хозяйство на основе переложной системы землепользования, последовательно вовлекая в хозяйственный оборот значительные земельные площади. На этом этапе освоения Сибири в сибирской деревне возникали своеобразные сообщества по расчистке земли и коллективные формы землевладения («вповал»), близкие к складническому, образовывавшиеся на основе известных переселенцам у себя на родине в Поморье бытовых порядков¹⁶². Под пашню крестьяне отдельных деревень выжигали сотни десятин леса. Такие расчищенные земли распределялись между крестьянами в зависимости от вложенного труда и поступали в их наследственное владение. Наследственность этого права при обилии земли и широкой возможности ее вовлечения в хозяйственный оборот путем захвата новых участков устанавливалась независимо от того, было ли оформлено крестьянское держание властями или нет, был ли поселен крестьянин на определенном месте или он поселился самовольно. Фактически, как и в Поморье, крестьяне имели возможность эти земли заложить, продать или сдать в аренду.

При установившемся подворно-наследственном пользовании пашнями и сенокосами образовавшаяся община выступала как юридическое лицо, защищавшее интересы своих членов от посягательств на их угодья посторонних, прежде всего монастырей, или при иных поземельных конфликтах, дававшее согласие на прием новых членов, разбиравшее мелкие дела и регулировавшее эксплуатацию земель и угодий, которые находились в общем пользовании. С середины XVIII в. лишь в Зауралье, когда возникала земельная теснота на ближних к селениям сенокосах и пашнях, осуществлялись переделы, которые сводились к тому, что у одних крестьян отрезали «лишки», а другим компенсировали «нехватки». В целом же до середины XIX в. господствовала вольно-за-

¹⁶¹ Александров В. А. Сельская община..., с. 109—111; ЦГАДА, ф. 1278 (Строгановых), оп. 2, д. 4232.

¹⁶² Александров В. А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964, гл. 8, § 1; Бояршинова З. Я. Земельные сообщества в Сибири в XVII — начале XVIII в. — КОВС, с. 14—32.

хватная система землепользования с залежно-шаровым землепользованием.

Сельская община в Сибири образовывалась в условиях существования централизованного феодального государства в России, поэтому она сразу же испытала его воздействие. Феодальная власть последовательно превращала сельскую общину в Сибири в орган, ответственный за фискальные сборы и иные повинности, в низовую единицу по административному управлению сельским населением и поддержанию существовавшего правопорядка, но в слабой степени воздействовала на порядок крестьянского землепользования¹⁶³.

При всей противоречивости дуализма сельской общины как сословной ячейки феодального общества в системе государственного феодализма она, как и на Севере, официально сохраняла право непосредственного общения с аппаратом власти, а тем самым обладала и функцией коллективного протеста, отражая в нем общественное мнение крестьянства и его обычно-правовые представления.

Таким образом, при государственной феодальной собственности на землю на Севере и в Сибири бытовало подворное потомственное пользование и распоряжение угодьями, основанное на обычном праве. При допущении обращения земли государство следило за тем, чтобы земля не выходила из тягла, а потому всякое отчуждение земли сопровождалось передачей тяглых обязательств. Отличие заключалось лишь в том, что с середины XVIII в. на Севере государственная власть стала ограничивать и бороться с этим правом, а в Сибири она допускала его и в XIX в. Существенное отличие в этих регионах прослеживалось и в нормах обычного права, определявших земельное владение. На Севере размер владения определялся способностью нести тягло, а в Сибири, наоборот, вследствие широкого бытования практики переложного земледелия тягло определялось той землей, в которую был вложен труд. В принципе при однозначных функциях общин и их довольно широких земельных возможностях общинные власти на Севере строго следили за тем, чтобы не нарушался порядок полеводства, особенно трехпольного; в сибирских же условиях при господстве земельно-захватной практики роль общины в регулировании землепользования и использовании угодий проявлялась слабее¹⁶⁴.

¹⁶³ Кауфман А. А. Крестьянская община в Сибири; Громыко М. М. Сельская община в Сибири XVIII — первой половины XIX в. — В кн.: Бахрушинские чтения 1973 г. Новосибирск, 1973, вып. 2; Она же. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975, гл. 4; Она же. Территориальная крестьянская община Сибири (30-е годы XVIII — 60-е годы XIX в.). — КОВС; Рабцевич В. В. Крестьянская община в системе местного управления Западной Сибири (1775—1825 гг.) — Там же; Русакова Л. М. Сельское хозяйство Среднего Зауралья на рубеже XVIII—XIX вв. Новосибирск, 1976, гл. IV.

¹⁶⁴ Власова И. В. Землепользование в Поморье и Сибири XVII—XVIII вв.: (Традиция и практика). — В кн.: Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XVII — начала XX в. М., 1979, с. 6—62.

В центральной полосе России социально-хозяйственная ситуация в результате развития поместно-вотчинного хозяйства складывалась иная. По мере того как частнофеодалное владение там социально и структурно приобретало господствующее положение, а общины-волости разрушались, земельное хозяйство сельских общин замыкалось строго определенными границами. В процессе развития собственного хозяйства помещики тем более сужали у крестьян удобную для хлебопашества землю, и в условиях трехполья перед общиной возникала хозяйственно-тяглая необходимость земельной регламентации. Поэтому трансформация общины в форму, получившую в дореволюционной литературе название «урavnительной передельной», объяснялась прежде всего ограничением основного средства производства — земельным «утеснением», которое последовало за упрочением поместной системы и развитием барщинного хозяйства. Все остальные явления, в том числе рост населения и дворности сельских поселений, как бы ни были они серьезны для истории крестьянства, представляются в рассматриваемом аспекте причинами производными.

В принципе сельской общине была свойственна огромная приспособляемость к разнообразным социальным условиям, в которые она попадала в эпоху феодализма. Поэтому различные статуты, устанавливавшиеся помещиками для своих деревень (вотчинно-полицейский режим, общинная организация управления вотчин, смешанные формы вотчинно-общинного управления)¹⁶⁵, разумеется, не могли не влиять на земельные распоряжки в деревне, на роль общины в их осуществлении и на обычно-правовые нормы, упрочивающиеся при каждом типе управления. В равной степени это касается и форм феодальной ренты — барщинной или оброчной, в условиях которых существовала деревня и ее община. Тем не менее производственные функции, т. е. повседневное хозяйственное использование наделной земли и поддержание хозяйственно-бытового распорядка жизни, чаще всего оставались за общинами. Довольно многочисленные данные, сохранившиеся с конца XVII в., свидетельствуют о сложной, развитой и повседневно регулируемой системе общинного земельного хозяйства в помещичьих имениях средней полосы России. Внешне помещики старались не затрагивать эти самые существенные, издревле существовавшие общинные прерогативы, хотя, конечно, не стеснялись с общинами, когда считали нужным проявить свое феодальное право распоряжения своими владениями¹⁶⁶. При непременно учете этих обстоятельств возникает задача — исследовать порядок крестьянского землевладения и землепользования в границах сложных общин, состоявших из многих, иногда десятков деревень и находившихся во владении одного помещика, структуру земельного хозяйства таких общин с их «общими» и междеревенскими

¹⁶⁵ Александров В. А. Сельская община..., гл. II.

¹⁶⁶ Александров В. А. Сельская община..., гл. III—IV (с. 139 — табл. 1 и др.).

угодьями, структуру такого же хозяйства низовых, сельских общин (деревенских, а также внутридеревенских групповых единиц) и, наконец, землепользование первичной сельской хозяйственной единицы — отдельного крестьянского двора. Возникают вопросы о земельном «владельческом праве» как деревни, так и двора¹⁸⁷. Ответить на эти вопросы — значит существенно продвинуться в понимании принципов землепользования, уловить путь, по которому шло его развитие в среднерусской деревне в XVII — первой половине XIX в. в условиях крепостной действительности, и, главное, раскрыть механизм «уравнительной передельной» системы, бытующей в литературе уже более столетия, по систематически не раскрытой применительно к рассматриваемой позднефеодальной эпохе (XVIII — начало XIX в.). Разрешить эту задачу представляется возможным путем выявления и анализа обычно-правовых норм, определявших внутри общины (деревни) использование отдельных видов угодий, прежде всего пашен, пустошей, сенокосов, усадебных участков. В советской исторической науке общинное землепользование крепостного крестьянства в эпоху позднего феодализма в данном ракурсе не рассматривалось. Складывается даже впечатление, что передельная система неправомерно понималась как сложившееся и не подвергавшееся изменениям явление.

В настоящем издании предпринимается именно такая попытка исследования на основе обычного права, регулировавшего крестьянское землепользование и тем обеспечивавшего за крестьянской семьей (малой или не очень сложного состава неразделенной) возможность вести хозяйство и нести тягло. Так как правоустановления, сконцентрированные в обычном праве, не являлись фикцией, а отражали мировоззрение крестьянской массы, то их роль не следует ни умалять, имея в виду крепостническую действительность, ни сводить к формально-юридическому анализу.

В этой же связи возникает возможность поставить вопрос о двухлинейном развитии сельской общины и ее землепользовании, начавшемся в XVI—XVII вв., как в черносошной (позднее — в государственной) деревне, так и в крепостной. Остается также открытым вопрос о разнице обычно-правовых норм в сфере земельной и семейно-имущественной, определявших внутреннюю жизнь государственной и крепостной деревни. Если такой разницы усмотреть нельзя, то можно говорить в принципе о едином для всего русского крестьянства процессе развития его обычного права с региональными, конечно, особенностями, или, во всяком случае, о степени нормативной общности в отдельных регионах страны.

¹⁸⁷ Барг М. А. Рец. на кн.: Александров В. А. Сельская община в России (XVII — начало XIX в.). — История СССР, 1976, № 5, с. 202, 203.

§ 2. Земельное обычное право сложной и деревенской общинной организации в крепостной деревне

Крепостническое помещичье хозяйство, достигшее в XVIII в. апогея в своем развитии, основывалось на общих принципах феодального права — монополии на основное средство производства — землю и личной зависимости крестьянина от владельца. «Осваивая» деревню и подчиняя ее своим частновладельческим установлениям, помещики в зависимости от личных взглядов на целесообразность той или иной административно-хозяйственной системы, обеспечивавшей их интересы, по-разному определяли функциональную значимость сельской общины. Однако при всей неограниченности личной воли помещики, как правило, признавали сельскую общину в большей или меньшей степени необходимым компонентом своего вотчинного управления и, судя по их многочисленным инструкциям, «положениям» и «наставлениям» XVIII — начала XIX в., определявшим повседневную жизнь деревни, молчаливо подразумевали право общины решать вопросы, связанные с крестьянским землепользованием и обеспечением тягла¹⁶⁸⁻¹⁶⁹. Заинтересованные в неукоснительном выполнении крестьянами феодальных повинностей, помещики систематически следили за состоянием их тяглоспособности и обязывали общины следовать своим «наставлениям» по обеспечению феодальной ренты в том или ином ее виде. Поэтому крепостная община сохраняла важнейшую роль исполнительного органа организации тяглового обложения крестьян и его перераспределения при полной ответственности за его результативность¹⁷⁰. Выполнить эти задачи сельская община могла только при условии регулирования своего землепользования, опираясь на совокупность обычно-правовых норм, как сохранявшихся традиционно, так и вырабатывавшихся под воздействием социально-хозяйственной действительности. Сложность этого регулирования в принципе заключалась в необходимости перестройки потомственно-подворного землепользования.

Было бы глубоко неверно все сельское землепользование XVIII — начала XIX в. сводить к тому, что крестьяне сидели на своих наделах, а община время от времени проводила их переделы. Дело обстояло намного сложнее. Землепользование крепостной деревни основывалось на дуализме общего (коллективного) и частного (индивидуального) владения при сложной коллизии, суть которой заключалась в том, что тяглое обложение обуславливалось феодальным принуждением, а использование угодий — обычно-правовыми представлениями о земельном обеспечении двора, необходимом для его хозяйственной деятельности. Поэтому представляется существенным проследить земельно-распорядительные функции и права сложной и сельской общинных орга-

¹⁶⁸⁻¹⁶⁹ Александров В. А. Сельская община..., с. 111—116.

¹⁷⁰ Александров В. А. Сельская община..., гл. IV, § 2.

низаций и права отдельного крестьянского двора на использование тех или иных угодий (пашенных земель, пустошей, рощистей, запустевших участков и т. п.).

С разрушением в средней полосе России с XVI в. черносошных общин-волостей и упрочением помещичьих владений структура сельских общин существенно изменялась. Основной ячейкой оставалась община деревенская, объединявшая крестьян одного селения. По мере роста крупных феодальных владений-вотчин и поместий в силу крестьянских представлений о необходимости существования традиционного органа управления образовывались общины сложные, объединявшие десятки селений и подчинявшиеся поместно-вотчинному аппарату. Функции таких общин в XVII — первой половине XIX в. представляются достаточно ясными, и останавливаться на них нет необходимости¹⁷¹.

Обращаясь к общинному землепользованию позднефеодального периода, следует прежде всего сказать о том, что в результате беспрерывного обращения вотчин и поместий внутри господствовавшего класса, их перехода от одного владельца к другому у крестьян тем более упрочивалось стремление сохранить «свои» угодья в составе своих общин вне зависимости от того, какому помещику в тот или иной момент они принадлежали. В этих условиях представления крестьян о землепользовании в огромной степени отражались на характере и структуре землепользования сложных общин, тем более тех, которые складывались постепенно, по мере роста владений отдельных феодалов. Внутри сложных общин стремление деревенских общин сохранить за собой «свои» угодья вступали в противоречие с податной политикой помещиков, которые требовали от вотчинного аппарата и общинных управлений «справедливого», т. е. уравнительного по имущественному состоянию крестьян распределения податей путем систематической тяглой переоброчки. Подобную практику в XVIII в. внедряли в своих имениях крупнейшие землевладельцы России (Шереметевы, Орловы, Шуваловы и др.). Для достижения этой цели было необходимо по площади и качеству разверстать угодья между деревнями, входившими в состав владения. Однако осуществить это было далеко не просто, так как каждая деревня стойко держалась за «свои» земли, а общинная практика тяглового обложения сводилась к тому, чтобы сохранить тяглоспособность каждого двора, но не нивелировать их хозяйственное состояние¹⁷². По отдельным данным видно, что уже в первой половине XVII в. земельные уравнивания осуществлялись в среде владельческих и дворцовых крестьян¹⁷³. О характере подобных уравниваний по этим данным судить трудно, хотя очевидно, что они определялись тяглым обложением.

Наиболее ранние подробные свидетельства о землеустройстве в сложных общинах относятся к концу XVII в., а более система-

¹⁷¹ Александров В. А. Сельская община..., гл. III.

¹⁷² Александров В. А. Сельская община..., гл. III, § 2, 3.

¹⁷³ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси, с. 132—134.

тические — к первой половине XVIII в. Равенственное подушное земельное разграничение прослеживается по отдельной записи 1691 г., составленной в вяземской вотчине бояр Григория и Кондратия Филимоновичей Нарышкиных¹⁷⁴. Их огромная вотчина с центром в с. Архангельском (Сычевская волость) насчитывала 4 погоста с 123 деревнями, где проживало 2340 душ м. п. По указу бояр их «приказные люди» и мирские выборные представители во главе с двумя старостами скрупулезно разделили вотчину пополам на «верхнюю и нижнюю половины» как по числу дворов, так и по площади угодий (жилая и пустая пашня, покосы и все «подлежащие» к ним угодья) — «все пополам надвое, и тем отдельным деревням и пустошам положили мы меж себя полюбовна и росписали порознь, которым быть деревням в верхней и в нижней половинах, и положили тем деревням между промеж деревень»¹⁷⁵. Спорные пустоши были определены в общемирской резерв; на случай утайки отдельными селениями «своих» угодий, предусматривалось отнести к тому же резерву пашенные земли и покосы, которые могли быть в дальнейшем обнаружены. Речки и колодцы с проездами к ним, «хоромный» лес, имевшийся только в одной «половине», были отнесены к общим владениям. Подобный междеревенский раздел, при котором тягла и земельная разверстка находились в прямом соответствии, был осуществлен в 1720 и 1725 гг. в Воцажниковской ростовской вотчине Шереметевых¹⁷⁶. В 1734 г. при земельном споре двух деревень из-за пашенной, запольной и расчищенной от леса земли в мало-ярославской Оболенской вотчине ее владелец С. Г. Нарышкин приказал разделить угодья «в равенстве против тягол», как и в прочих селениях¹⁷⁷.

Уравнительная разверстка земель между деревнями, входившими в состав одного поместья, становилась неизбежной при барщинном хозяйстве. В последней четверти XVIII в. известно об уравнительном распределении угодий между селениями в ростовском и арзамасском имениях Щербатовых. Роспись тяглою земли 1776 г. в ростовском поместье с центром в с. Воскресенском не оставляет сомнения в том, что и село и пять других деревень, помимо тяглою полевой земли, имели свои пустоши, составлявшие земельный резерв. Площадь этих пустошей точно соответствовала количеству тяглых единиц, имевшихся в каждом селении («дымов»), и не остается сомнения в равенственно тяглом распределении земли между всеми крестьянами поместья. В с. Воскресенском на 16 «дымов» имелось 88 десятин пустошей и свободной полевой земли (т. е. по $5\frac{1}{2}$ дес. на «дым»), в д. Трипиной 60 дес. на 11 «дымов» (по $5\frac{1}{2}$ дес.), в д. Слободе на

¹⁷⁴ ЦГАДА, ф. 1272 (Нарышкиных), оп. 1, д. 1219, л. 1—12.

¹⁷⁵ ЦГАДА, ф. 1272, оп. 1, д. 1219, л. 1об.—2.

¹⁷⁶ Шапиро А. Л. Крестьянская община в крупных вотчинах первой половины XVIII в.—УЗСГУ, 1939, т. 1 (XIV). Сер. ист. фак-та, вып. 1, с. 51—53.

¹⁷⁷ ЦГАДА, ф. 1272, оп. 1, д. 32, л. 25—26об.

12½ «дымов» к 56 дес. пустошей была добавлена еще одна пустошь, в деревнях Мякишевой и Сакиной на 14½ «дымов» имелось 80 дес. (по 5½ дес.), а в д. Михалковой на 13 «дымов» к 41 дес. свободной земли было разрешено еще «взять от луга»¹⁷⁸. В арзамасском поместье Щербатовых в конце 1793 г. и апреле 1794 г. в результате споров и жалоб крестьян трех сел — Козмина Усада, Слизнево и Ореховца — вся пашенная земля была детально размежевана так, что на каждую душу в каждом селении приходилось почти по 2 десятины. Споры возникли в результате имевшегося неравенства в обеспечении каждого села основной пашенной землей; оно было ликвидировано путем приписки к селению мирских пустошей, и тем самым уравнивалась «земля тяглового владения» каждого села¹⁷⁹.

Такое же подеревенское уравнивание наблюдалось в барщинных имениях Гагариных с центрами в с. Мишино (1817 г., Рязанская губ., Михайлов. уезд)¹⁸⁰ и с. Петровском (1820 г., Тамбовская губ., Борисоглебский уезд)¹⁸¹. В с. Петровском земля крестьянам «выдавалась» вотчинным правлением точно по 6 десятин на тягло, и в сохранившейся «записке» о землепользовании никаких указаний о каких-либо «правах» деревень на пустоши не содержится. Залежная и «излишняя» земли (519 дес.) оставались в руках вотчинного правления.

До 1810 г. деревенское «владение» землями сохранялось в огромном Дугинском имении Н. П. Панина (Смоленская губ., Сычевский и Бельский уезды; 7 сел, 1 сельцо, 165 деревень; 47 тыс. дес.). В 1810 г. после межевания Н. П. Панин, узнав, что многие деревни имеют «излишние» земли «во владении», а другие терпят недостаток, приказал провести «справедливейшее разделение земель по тяглам»¹⁸². По «Положению 1820 г.» все владение было разделено на две части; каждая часть состояла из нескольких вытей, а последние — из разного числа деревень, но при приблизительно равном количестве тягол (в шести вытях — от 369 до 373 тягол, в двух — 318 и 411). Через каждые 5 лет предписывалось по всему имению проводить земельную пережевку исходя из состояния тягол¹⁸³.

В результате какие-либо «права» отдельных деревень были ликвидированы и все землепользование подчинено строго тягловому распорядку. Никаких указаний на равенственные систематические или периодические общие переделы земли, используемой отдельными крестьянами, в указанных помещичьих владениях не сохранилось. Однако такие переделы могли там возникнуть именно в результате ведения помещиками своего барщинного хозяйства. Гагарины, Щербатовы и Панины во второй половине

¹⁷⁸ ЦГАДА, ф. 1289 (Щербатовых), оп. 1, д. 481, л. 1—106.

¹⁷⁹ ЦГАДА, ф. 1289, оп. 1, д. 611, л. 1—2.

¹⁸⁰ ЦГАДА, ф. 1262 (Гагариных), оп. 2, д. 76, л. 42—107.

¹⁸¹ ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, д. 161, л. 1—2.

¹⁸² ЦГАДА, ф. 1274 (Паниных-Блудовых), оп. 1, д. 1139, л. 15.

¹⁸³ ЦГАДА, ф. 1378 (Мещерских-Паниных), оп. 1, д. 739, л. 1—3, 20 об.

XVIII — начале XIX в. вели в этих имениях именно такое хозяйство, при котором сельская община жестко подчинялась вотчинным правлениям¹⁸⁴, а лучшие и наиболее близко расположенные от деревень поля обращались в барские пашни. Так, в 1820 г. в указанном выше с. Петровском эти пашни в сотни десятин у ряда деревень примыкали «к гумнам», т. е. находились сразу же за околицами. Н. П. Папин в 1810 г., собираясь увеличивать барщинную запашку, вообще приказал переселить крестьян 4 деревень в другие места, а «состоящие в их владении земли и пустоши присоединяются к господской пашне»¹⁸⁵. Лишенным основного деревенского поля крестьянам оставались менее удобные по качеству и расположению земли, и могла стать неизбежной практика систематических переделов полевых участков между отдельными дворами. Исследователь хозяйств помещичьих и удельных крестьян Симбирской губ. в первой половине XIX в. А. В. Клеянкин писал: «Как правило, поля барские отличались от крестьянских не только массивностью размеров, но и добротностью почв и удобством их расположения... Барское поле глубоко вклинивалось в крестьянское, а по краям этого клина оставались куски, которые в свою очередь дробились на мелкие деланки между крестьянами и подлежали ежегодной пережеребьевке, как и все остальное. Именно эта особенность, заключающаяся в дробности и многочисленности общинных участков, в их менее высокой качественности в сравнении с барскими вызвала необходимость частых переделов — жеребьевок в надежде получить более выгодный участок на следующий год»¹⁸⁶. Нижегородский помещик В. Бабарыкин косвенно вынужден был признать пагубные последствия барщинного хозяйства для крестьянского полеводства в первой половине XIX в. По его свидетельству, крестьяне иногда владели тяглыми полосками в пятидесяти и более местах и не могли «получить привязанности к своему участку земли»¹⁸⁷.

Такая ситуация возникала не в каждом барщинном имении. Убеденный сторонник барщинного ведения хозяйства и противник общинного управления деревней У. Карпович на опыте тридцатилетнего управления различными имениями считал целесообразным подворное крестьянское землепользование¹⁸⁸. Тем не менее вполне очевидно, что при барщинном хозяйстве земельные «права» отдельных селений на угодья ликвидировались, а распорядительные права сложной общины на использование угодий резко ограничивались. Строго регламентированное земельное «обеспечение» крестьян, осуществляемое помещичьим управительским ап-

¹⁸⁴ Александров В. А. Сельская община..., с. 85—87, 98—102.

¹⁸⁵ ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, д. 1139, л. 15.

¹⁸⁶ Клеянкин А. В. Хозяйство помещичьих и удельных крестьян Симбирской губернии в первой половине XIX в. Саранск, 1974, с. 38—39.

¹⁸⁷ Бабарыкин В. Сельцо Васильевское Нижегородской губернии Нижегородского уезда. — ЭС, 1853, вып. 1, с. 12 (см. также с. 43).

¹⁸⁸ Карпович У. Хозяйственные опыты тридцатилетней практики, или наставление для управления имениями. СПб., 1837, с. 312—315.

ператом барщинных имений, сводило до минимума «права» и деревенских и сложных общин на хозяйственное распоряжение угодьями и вело к уравнилельно-передельному крестьянскому землепользованию, которое систематически могло осуществляться между дворами общинными представителями и оставалось их единственной прерогативой. Есть основания думать, что именно такие переделы по мере развития барщинного хозяйства возникли не ранее конца XVII в.¹⁸⁹

Более стойко деревенское «право» на угодья сохранялось в оброчных крепостных общинах, управление которых концентрировалось в мирских управлениях лишь под общим надзором вотчинных контор помещиков. Обычное земельное право в таких общинах четко проявлялось при систематически проводимом ими тягловом переобложении. Характерная для таких общин ситуация прослеживалась в первой половине XVIII в. в крупной суздальской вотчине князей Долгоруких с центром в с. Лежневе¹⁹⁰. В конце первой четверти XVIII в. в состав вотчины вошли также владения, до этого времени принадлежавшие князьям Ю. Ю. Одоевскому и И. И. Бутурлину. В отдельных частях образовавшейся таким образом общины, по своим размерам приближавшейся к общине-волости, сохранялось мирское управление, имевшееся при старых владельцах (Одоевская и Бутурлинская «дачи»). Вопросы, касавшиеся всей вотчины, выносились на рассмотрение «валовых» сходов. Учреждение князем В. В. Долгоруким вотчинного управления во главе с приказчиком в конце 1720-х годов существенно не изменило порядка мирского делопроизводства. За общиной была оставлена земельно-тягловая разверстка, которая неизменно осуществлялась каждой «дачей» самостоятельно. Смена феодальных владельцев не отразилась на земельных распорядках в Одоевской и Бутурлинской «дачах», которые, что особо примечательно, не отличались ни между собой, ни от распорядков, существовавших собственно в Лежневской «даче». Мирские приговоры 1738, 1740 и 1741 гг. Одоевской «дачи» и за 1738—1741, 1746 гг. Бутурлинской «дачи» свидетельствуют о бытовании внутри «дач» твердо установившейся и довольно сложной системы земельно-тягловой разверстки¹⁹¹.

Мирское управление каждой «дачи», представлявшей по существу сложную общину, скрупулезно разверстывало тягло между деревнями с учетом ежегодных изменений их тяговых возможностей. Мирское управление обладало правом пашенную землю, имевшуюся в той или иной деревне «в лишке», передать соседней деревне, если у нее при данной тяглой раскладке земли

¹⁸⁹ Горская Н. А. Монастырские крестьяне Центральной России в XVII в. М., 1977, с. 217, 231—232.

¹⁹⁰ Об этой вотчине см.: Александров В. А. Сельская община..., с. 129 и след.

¹⁹¹ ЦГАДА, ф. 1373 (Вотчинного управления князей Долгоруких в с. Лежневе), он. 1, д. 34, л. 1—6об.; д. 35, л. 1—4, 8—11; д. 42, л. 1—10; д. 66, л. 1—9.

не хватало. В мирских приговорах, принятых по поводу очередной тягловой переобработки, неукоснительно фиксировалась правомочность такого внутриобщинного земельного перераспределения — «по разверстке нашей, у которой деревни полевой земли в остатке и к которой деревне та остаточная земля приложена, о том сочинена обо всем при сем приговоре ведомость и по очередной ведомости впредь из нас мирских людей прекословия никакого не будет»¹⁹². Необходимо подчеркнуть, что такая земельная передача имела временно-условный характер. В составлявшихся тяглых ведомостях указывалось общее количество условных земельно-тяглых единиц, падавших по общей раскладке на каждую деревню, в случае земельного избытка в них общее число таких единиц, оставшихся в остатке, и число этих единиц, передаваемых другим деревням. О правовой условности этих передач и их временном характере свидетельствует, во-первых, применяемая в ведомостях терминология — «отдать» или «приложить» землю к такой-то деревне, а во-вторых, разная площадь пашенной земли, которая в разные годы принималась одной и той же деревней от своей более обеспеченной соседки.

При этом распорядке, когда мирское правление в тяглых целях развертывало землю между всеми деревнями, каждая из них сохраняла «право» на «свою» землю и в случае необходимости могла вернуть отданную часть и, кроме того, сама определяла тяглоспособность каждого двора и свою общую потребность в земле. Валовые сходы в наказах указывали окладчикам облагать «дачи» «поддеревенно, смотря по угодьям и по семейству и по прожитку живущих крестьян», но конкретно степень обложения каждого двора обсуждалась на мирских сходах каждой деревни или села¹⁹³. Поддеревенское «владение» строго соблюдалось, и этот порядок поддерживали приказчики Долгоруких; когда в 1742 г. д. Щипоусиха обвинила крестьян деревень Лупаново и Мельники в захвате ее пашенных земель, приказчик И. Нежданов приказал им не только вернуть землю, но и денежно компенсировать ее владельцев за незаконную запашку¹⁹⁴.

О сложности такой земельно-тягловой системы можно судить уже по тому, что в Одоевской «даче» разверстка осуществлялась между 17, а в Бутурлинской — между 33 селениями. В каждой из них сохранялись особенности земельного общинного хозяйства. В Одоевской «даче» почти каждая деревня или отдавала, или принимала землю от соседей; при этом, по-видимому, происходило и поравнение земли по качеству между деревнями: в 1740 г. д. Шамшурка отдала землю на шесть условных тяглых единиц — «копеек» — д. Симонихе, а сама столько же приняла от д. Сверчковой; д. Мальчиха отдала на три «копейки» в д. Яковлево, но приняла от д. Михалевой на шесть «копеек» и от деревень Хмель-

¹⁹² ЦГАДА, ф. 1373, оп. 1, д. 34, л. 1, 3, 5об; д. 35, л. 5.

¹⁹³ ЦГАДА, ф. 1373, оп. 1, д. 48, л. 1—2.

¹⁹⁴ ЦГАДА, ф. 1373, оп. 1, д. 94, л. 2.

ники и Грива на две «копейки» от каждой. Та же практика осуществлялась и в другие годы. В 1741 г. д. Шампурга вновь отдала в д. Симониху землю, но на четыре с половиной «копейки» и приняла из Хмельников на шесть «копеек», а из д. Сверчковой — на одну «копейку» и т. д. В этой «даче» деревни, не имевшие достаточного количества земли, обеспечивались исключительно за счет «лишка» других деревень; в «даче» существовала целая группа малоземельных селений (Щипоусиха, Григорово, Симониха, Мальчиха, Яковлево, Дориха), в 1730—1740-х годах каждое из которых большую часть необходимых пашенных угодий получало от соседей. Ежегодно от деревни к деревне передавалось неодинаковое количество земли, что свидетельствует о персональных изменениях в тягловом обложении отдельных дворов. Чаще земельные передачи осуществлялись между одними и теми же, смежно расположенными деревнями.

В Бутурлинской «даче» междеревенская условная земельная переразверстка осуществлялась тем же порядком, но община отводила каждой деревне в условное владение также определенную часть общих пустошей соответственно наложенному на нее тяглу¹⁹⁵, чем отчасти избегала передач от деревни к деревне избыточных пашенных участков; если у деревни оставалась излишняя пахотная земля, то иногда пустоши ей не отводились.

В. В. Долгорукий после покупки Одоевской и Бутурлинской «дач», по-видимому, считал само собой разумеющимся общевотчинное земельное уравнивание между селениями. Своего приказчика в 1728 г. он запрашивал: «Расположились ли оне промеж себя и довольны ли оне тем, отписать тебе ко мне обстоятельно»¹⁹⁶. После смерти Петра II и катастрофы, постигшей Долгоруких, их суздальские владения были переданы в дворцовое ведомство и возвращены владельцам только Елизаветой Петровной в 1742 г. За эти годы никаких изменений в земельном хозяйстве Лежневской вотчины не произошло. Однако после ее возвращения князю В. В. Долгорукому вопрос о земельном несоответствии между «дачами» возник по инициативе «четвертого жеребья» Одоевской «дачи». Ее крестьяне жаловались, что они по общинной разверстке несут третью часть повинностей «вровень» с другими, а земель, покосами и пустошами владеют только шестой частью¹⁹⁷. По всей вероятности, в связи с этой жалобой В. В. Долгорукий в 1744 г. приказал, чтобы раскладка повинностей по вотчине в целом была уравнивающей по тяглам и душам; быть всем «в равенстве и не называться разными дачами и промеж себя вновь выбрать к тому людей добрых и совестных», — писал он¹⁹⁸. Это требование неизбежно должно было повлечь и земельное уравнивание между «дачами», но достигнуто оно было, по-видимому, не сразу. По сохранившемуся от 1759 г. приговору валового схода

¹⁹⁵ ЦГАДА, ф. 1373, оп. 1, д. 42, л. 1, 2, 4об. — 10.

¹⁹⁶ ЦГАДА, ф. 1373, оп. 1, д. 1а, л. 40—40об.

¹⁹⁷ ЦГАДА, ф. 1373, оп. 1, д. 18, л. 51—52.

¹⁹⁸ ЦГАДА, ф. 1373, оп. 1, д. 1а, л. 20—21.

известно, что мирские люди «со всего своего согласия» выбрали земельных «разводчиков» от с. Лежнева и от «волостных» крестьян для размежевания покосов и установления границ между «дачами»¹⁹⁹. Тем не менее, если это внутривотчинное размежевание было проведено, сохранялось и традиционное земельное «право» каждой деревни на угоды, и «право» сложной общины регулировать использование деревенских владений в общеобщинных интересах.

Право сложной общины на разверстку «пустовых» земель прослеживалось в самом начале XVIII в. в пошехонской вотчине умершего к тому времени окольного С. И. Языкова. В 1703 г. староста и «мирские люди» разложили образовавшуюся в полях д. Гударихи «пустоту» между четырьмя другими деревнями, а часть заброшенной земли обязали принять на тягло крестьян самой Гударихи. Некоторые участки сход персонально передавал крестьянам других деревень, другие передавались «на всех», и они их распределяли по своему усмотрению²⁰⁰.

В принципе аналогичные земельно-тяглые распорядки бытовали на протяжении XVIII в. в Писцовой вотчине (Нерехотский уезд). Многочисленные документы, характеризующие жизнь сложной общины с центром в с. Писцово в 1720—1790-х годах, свидетельствуют, что при сохранении оброчной формы ренты распорядок общинного землепользования, несмотря на смену феодальных владельцев, на протяжении десятилетий отличался удивительной устойчивостью. Со второй половины XVII в. и до середины XVIII в. Писцово принадлежало князьям Долгоруким, затем оно перешло к князю Г. В. Грузинскому, от него — к мужу его дочери князю А. Б. Голицыну, а после смерти их сына Георгия (1813 г.) — к герою Отечественной войны 1812 г. графу А. И. Остерману-Толстому, женатому на его сестре Елизавете. В 1730-х годах вотчина состояла более чем из 30 селений, а в 1811 г. — из пяти сел, одного сельца и более 40 деревень с 5122 душами м. п.²⁰¹

Общинное землепользование в Писцове, как и в Лежневе, основывалось на деревенском «владении» и праве мирского правления упорядочивать при очередном тягле переобложении использование всех пашенных угодий и сенокосов. Периодически, по мере изменения тяглоспособности дворов и деревень, когда возникала необходимость упорядочить землепользование, производилось междеревенское уравнение. Его особенность, как и в Лежневе, заключалась в том, что за каждой деревней или группой деревень, по всей вероятности небольших, сохранялось определенное «владение» — близлежащее поле или освоенная часть пустоши. От этого «владения», если крестьяне его полностью не использовали в хозяйственных целях, отдельные участки могли быть

¹⁹⁹ ЦГАДА, ф. 1373, оп. 1, д. 1, л. 41—41об.

²⁰⁰ ЦГАДА, ф. 1272, оп. 2, д. 63, л. 4.

²⁰¹ Александров В. А. Сельская община..., с. 135.

переданы нуждающимся в земле крестьянам других деревень, но лишь временно, для использования. Приказная изба выдавала при этом «билеты», удостоверяющие право на землепользование до следующей «валовой меры» или до «указа». Известно, что такое уурядочение в Писцове проводилось в 1726 г.²⁰² К 1732 г. во многих деревнях образовалась тяглая «пустота», мешавшая трехпольному ведению хозяйства, и община вынуждена была заняться новой земельно-тягловой раскладкой²⁰³. В связи с этим в июне 1733 г. мирским приговором было решено имеющуюся «пустоту» распределить между «жилыми» тяглами и тем самым сконцентрировать пашни. После принятия приговора каждая деревня подавала в приказную избу прошение с конкретным указанием о снятии с нее тех или иных земель или с просьбой о приверстании земли, чтобы пашня соответствовала тяглому окладу; выборные земельные мерщики, проверив соответствие земли и тяглового обложения, докладывали в приказную избу, где вопрос и решался. В 1734 г. это общее перераспределение было завершено. Из сохранившихся заявлений, поданных 25 деревнями в общинное правление, видно, что в составе деревенского «владения» находились «пашенные», т. е. используемые, земли, «пустовые», т. е. заброшенные, пашни, и «пустошные» — участки на пустошах, которые были выданы общиной для восполнения недостатка в пашенных землях и подлежали приведению в культурное состояние. «Пашенные» и «пустовые» земли составляли основу деревенской пашни — поле, непосредственно примыкавшее к деревне и именовавшееся по его названию (например, «Коромысловское поле»). «Пустота» на таком поле могла даже называться «домашней». Поэтому деревни, у которых образовалась тяглая «пустота», прежде всего стремились сдать участки, отведенные им ранее на отдаленных пустошах, и вместо них внести в тяглый оклад «пустоту», появившуюся на их основном поле.²⁰⁴ Крестьяне д. Юрцыно даже указывали, что за дальностью расположения они и не обрабатывали выделенных им пустошных земель. Другие деревни, у которых не хватало своей «пустоты» на ближних полях, чтобы обеспечить полностью положенное на них тягло, просили передать им остающуюся пустой землю на ближнем поле соседей, отказываясь от принадлежавших им дальних пустошных участков. Наконец, третьи претендовали на свободные пустоши соседних деревень, которые их территориально устраивали²⁰⁵. Эта переверстка не обходилась без протестов и даже сопротивления со стороны отдельных деревень. Так, д. Бутово (Буткино), испытывая недостаток в пашенной земле, просила отмежевать ей полосы из «пустоты» ближнего поля д. Церковново, земли которой были с ней смежны. Однако крестьяне д. Церков-

²⁰² ЦГАДА, ф. 1396 (Писцовского вотчинного правления), оп. 1, д. 121, л. 2.

²⁰³ ЦГАДА, ф. 1396, оп. 1, д. 109, л. 1—4; д. 122, л. 1—3 об.

²⁰⁴ ЦГАДА, ф. 1396, оп. 1, д. 121, л. 2—2об., 6, 10—14, 16, 18, 19об.—21, 35, 42, 59, 64, 74, 78 об.

²⁰⁵ ЦГАДА, ф. 1396, оп. 1, д. 121, л. 3—6, 25об., 55, 57, 63.

ново не хотели отдавать из своего унавоженного поля 2,25 дес. свободной земли и предложили сдать 3 дес. расчищенной и распаханной пустошной земли. Крестьяне д. Селезнево воспротивились передаче в д. Юрцыно 1 дес. из «своего» поля, полагая, что ей «способно придать нашего ж владения на пустоши». Крестьяне д. Сватково категорически отказались отдавать из своей «домашней пустоты» 1 дес. с пол-осьмухой в д. Красково, и приказная изба вынуждена была отвести ей такой же участок на лежавшей «впусте» пустоши²⁰⁶.

В результате деревни вступали друг с другом в сложные отношения, но принцип деревенского «владения» оставался неизменным. Его границы поддерживались не только на основе обычая, но и давности владения, подтверждаемого документами государственного происхождения, как бы давно они ни были составлены. В 1734 г. часть писцовской вотчины — деревни приселка Сотницы — были заложены Долгорукими генералу Чекину. Крестьяне приселка имели основание думать, что они окончательно подпадут под власть нового владельца и выйдут из состава Писцовской общины. Поэтому они «своевольно» начали возвращать свою «пустошную» пашенную землю и покосы, переданные другим крестьянам при тяглом урегулировании 1733 г. По этому поводу в июле 1734 г. был созван мирской сход, который признал необходимым отдать сотниковским крестьянам земли, числившиеся за ними еще по писцовым дачам 1630—1631 гг., но одновременно постановил отобрать у них пашни и покосы, переданные им в 1733 г. другими деревнями в целях создания равных для всех условий исполнения повинностей²⁰⁷.

Равенственное потяговое распределение земли между селениями Писцовской общины поддерживалось и в дальнейшем. По недатированному, относящемуся к первой половине XVIII в. отрывку ведомости видно, что крестьяне с. Дмитревского и д. Чуди получили из мирских пустошей в «дополнение» 43½ дес. земли²⁰⁸. По сохранившимся реестрам видно, что в 1738, 1752 и 1754 гг. проводился учет «жилого тягла» в каждом селении²⁰⁹; в 1743, 1754, 1759 и 1767 гг. происходили очередные земельно-тяглые перераспределения, при которых учитывались «прибыль» и «убыль» тягла по каждому селению²¹⁰. О степени подвижности земельных участков в общине можно судить по тому, что с. Писцову в 1754 г. было додано от других сел 70 дес., а в 1759 г. — более 122 дес.; с. Дмитревское в 1754 г. отдавало 23 дес., а в 1759 г. само получило 43 дес.; в д. Чуди постепенно уменьшался передававшийся другим излишек: в 1754 г. — 42 дес., в 1759 г. — 18,

²⁰⁶ ЦГАДА, ф. 1396, оп. 1, д. 121, л. 7, 34—35, 46, 59, 81об., 65об.—66, 69—71, 81—83.

²⁰⁷ ЦГАДА, ф. 1396, оп. 1, д. 120, л. 13—13об.

²⁰⁸ ЦГАДА, ф. 1396, оп. 1, д. 333, л. 1.

²⁰⁹ ЦГАДА, ф. 1396, оп. 1, д. 216, л. 1—2; д. 376, л. 1—1об.; д. 402, л. 1—2.

²¹⁰ ЦГАДА, ф. 1396, оп. 1, д. 266, л. 1—2; д. 403, л. 1—1об.; д. 441, л. 1—11; д. 442, л. 1—7.

в 1767 г.—15 дес.; д. Путилова Гора в 1754 г. отдавала 37 дес., в 1759 г. получила 6 дес., а в 1767 г. получила уже более 29 дес.; в 1767 г. д. Красково в связи с увеличением тягла получила назад более 6 дес. земли, отданных в 1759 г. как излишек в д. Путилова Гора, и т. д. В начале 1770-х годов разная обеспеченность землей отдельных селений общины продолжала существовать. По подворной описи этого времени, в приселке Березники на тягло приходилось более 5 дес., в деревнях Усьяново и Коромыслово — около 3 дес., в деревнях Якшино, Лесниково и Кузнецовке — по 2,7—2,8 дес. и т. д.²¹¹

После проведения V ревизии община с. Писцово решила изменить систему условно-временного обеспечения землей одних деревень за счет свободных участков, имевшихся в других деревнях. По описи, проведенной в 1794—1795 гг., было выяснено, что в общине на 2420 душ м. п. приходится более 7350 дес. пашни и более 2828 дес. удобной для покоса земли. На протяжении пяти месяцев в общине шла борьба относительно принципа распределения земли²¹². На мирских валовых сходах, состоявшихся в апреле и мае 1796 г., было решено пашни и покосы распределить среди селений по числу ревизских душ. Исходя из этого на каждую ревизскую душу было определено 1,5 дес. 525 саженой пашни и составлен реестр по всем 38 селениям общины о соответствии площади принадлежавшей им пашни числу душ. Выяснилось, что 19 селений имели 430 дес. «излишков», а 16 селениям не хватало 473 дес. Для уравнительной разверстки земель между селениями на сходе 3 апреля была создана многолюдная комиссия из представителей всех селений числом в 51 человек. Однако на сходе 2 июня было принято новое решение, чтобы, во-первых, пашенными и пустошными землями владели, «как изстари», отдельные группы деревень («трети»), которые распределяли бы внутри себя каждому двору участки по окладным душам, а, во-вторых, во избежание в дальнейшем земельно-тяглового перераспределения между селениями определить подворное владение на ближайшие 20 лет. Это решение, по всей вероятности, вызвало протесты, и сход, состоявшийся 27 августа, подтвердил старое решение о выделении земли каждому селению по числу ревизских душ²¹³, а обложение дворов осуществлялось на основе тяглых душ²¹⁴. Таким образом, сложная община, уравнив деревенские «владения», подтвердила право каждого селения на «его» угодья в новых границах.

Учет земель у каждого селения систематически проводила сложная община в костромской вотчине Головиных (затем — Кураки-

²¹¹ ЦГАДА, ф. 1396, оп. 1, д. 524, л. 1об.—2об., 7, 9об., 13об., 15об.

²¹² ЦГАДА, ф. 1396, оп. 1, д. 962, л. 6, 7, 10—10об., 14—14об.; д. 963, л. 1—1об.; д. 964, л. 1—2.

²¹³ В своей книге «Сельская община в России» автор на с. 193 допустил неточность, приняв решение схода, состоявшегося 2 июня, как окончательное.

²¹⁴ ЦГАДА, ф. 1396, оп. 1, д. 1093, л. 1.

ных) с центром в с. Погорелки (Чухломской уезд), в составе которой находились 42 деревни с починокми. В составленной мирской книжечкой в 1783 г. «книжке раскладной десятинной» был дан точный перечень в десятинах, «что под которой деревней состоит по мере земли» — пахотной, пустошной, неудобной и т. п. При этом из общинных земель «для домашнего довольствия» крестьян с. Погорелки было дополнительно выделено 100 дес. Лесная «дача» также «для удовольствия» крестьян всех деревень была между ними размежевана в соответствии с общим тяглом, положенным на каждую из них. Мирской пашенный резерв в 363 дес. сохранялся «впредь для всяких надобностей». Его использование было возможно только с разрешения помещика²¹⁵. Подобный подеревенский учет земель общиной проводился и впредь. Так, в апреле 1800 г. перед посевом общим сходом были выбраны раскладчики «для расклада и поверки земель»²¹⁶.

В отличие от сложных общин в Лежневе и Писцове мирское собрание Погорелок обладало меньшими правами в распоряжении угодьями отдельных деревень. В 1794 г. потребовался даже специальный указ князя А. Б. Куракина, вельможи, мало себя утруждавшего внутренними делами общины, об обеспечении земель «умножающихся» в некоторых селениях семей за счет других деревень²¹⁷. Тягово-земельное перераспределение в Погорелках сложная община не проводила путем временного уравнивания угодий между деревнями. Дополнительное тягло раскладывалось ей не по деревням, а персонально по каждому двору. В случае увеличения тягла владельцу двора предоставлялась земля, которая «скидывалась» другим, тягово ослабевшим двором, вне зависимости, где она находилась — в той же деревне или в соседней. Такая передача имела строго условный характер и не нарушала права крестьян отдельной деревни на «их» угодья. Раскладные тяглые книги составлялись на каждый год и в них указывалось, что такие земельные передачи осуществлялись «впредь на один год». Такие книги сохранились за 1791, 1794, 1796, 1798, 1807, 1812, 1814—1816, 1822 гг.²¹⁸ Так, в 1796 г. не менее 50, а в 1798 г. — 70 крестьян использовали пахотные земли вне «владения» своих деревень. В апреле 1807 г. было учтено 45 дворов в разных деревнях, у которых обложение в целом уменьшилось на 72½ условных тяглых единицы — «копеек», а в мае в реестре «на кого прибавить тягла по новому раскладу» было указано 89 крестьян, принявших на себя части «скинутых» тягол. От 1812 г. сохранился также реестр о недостатке у крестьян в 7 деревнях земли на 77 условных тяглых единиц и о наличии

²¹⁵ ЦГАДА, ф. 1369 (Натальянского вотчинного правления Чичериных), оп. 1, д. 35, л. 1—10.

²¹⁶ ЦГАДА, ф. 1369, оп. 1, д. 81, л. 8—8об.

²¹⁷ ЦГАДА, ф. 1369, оп. 1, д. 172, л. 22—23.

²¹⁸ ЦГАДА, ф. 1369, оп. 1, д. 63, л. 1—11; д. 70, л. 1—11; д. 82, л. 1—8, 11—24; д. 140, л. 9—10, 44—44об.; д. 172, л. 1—3, 15—21; д. 190, л. 6—15; д. 211, л. 1—4; д. 199, л. 1—2; д. 273, л. 14—21.

в 14 деревнях свободных пахотных земель на 175 таких же единиц с конкретным указанием лиц, кому они были розданы. Тогда же из 72 «копеек» тягла, «скинутых» 30 крестьянами, 68½ «копейки» были распределены между 74 крестьянами. В 1814 г. было снято с 44 человек 73 «копейки» и 69½ «копейки» распределено между 69 человеками и т. д.

Аналогичные земельные распоряжки существовали во второй половине XVIII — начале XIX в. в сложных общинах оброчных поволжских владений графов Орловых. Все эти управления их огромными владениями, расположенными в разных губерниях средней полосы России, стягивались в главной, «домовой», конторе В. Г. Орлова в Москве. Однако вся повседневная административно-хозяйственная жизнь оброчных имений, по общему для всех них составленному В. Г. Орловым «Уложению», была подведомственна мирским управлениям, во главе которых стояли выборные и утвержденные владельцами бурмистры. При общем централизованном надзоре над своими владениями Орловы, как правило, не вмешивались в детали земельного общинного распорядка и оставляли на волю общин как технику земельного распределения, так и принципы тяглового обложения. В 1775 г. В. Г. Орлов писал в поволжское с. Городец бурмистру и всем крестьянам, что использование различных угодий (пашни, луга, леса) он оставляет на их усмотрение, а в 1776 г. указал раздел земель и раскладку оброка «вести обыкновенном порядком, то есть судить об них па мирских сходках»²¹⁹. В 1783 г. в одном своем указе В. Г. Орлов подчеркивал, что «земля госпоцкая, как то пашня, луга, огороды и мельницы оное все отдается крестьянам в ваше собственное владение»²²⁰. Крестьянам было категорически запрещено обращаться к помещику с жалобами и прошениями о земельном обеспечении. В указах 1777 г. в коломенское с. Знаменское и ростовское с. Поречье по этому поводу В. Г. Орлов писал совершенно определенно: «Кому на каком тягле быть разбиратца между собой, а ко мне за оным отнюдь не ходить и время попусту не тратить»²²¹. В 1795 г. на аналогичный запрос из поволжской вотчины в Романовском уезде В. Г. Орлов, раздраженный причиненным ему беспокойством, писал о своем крайнем удивлении тем, что крестьяне не могут договориться между собой о принципе обложения²²².

Однако при всей внешней индифферентности к внутриобщинным земельным распоряжкам В. Г. Орлов считал необходимым в целях поддержания тягლოსпособности каждого крестьянина, чтобы земельное обеспечение было строго уравнительным. Он предписывал ежегодно проводить частную земельно-оброчную переверстку, а распределение земли в сложных общинах между от-

²¹⁹ ЦГАДА, ф. 1273 (Орловых-Давыдовых), оп. 1, д. 508, л. 66—67; д. 510, л. 7—9об.

²²⁰ ЦГАДА, ф. 1273, оп. 1, д. 509, л. 3—3об.

²²¹ ЦГАДА, ф. 1273, оп. 1, д. 511, л. 56—56об., 85.

²²² ЦГАДА, ф. 1273, оп. 1, д. 509, л. 20.

дельными селениями — в соответствии с «правдой», при учете качества земли и одинаковой удаленности ее от селений²²³. В 1775 г. В. Г. Орлов разослал по своим имениям указы о «справедливом» разводе земли между селениями и наказании виновных в случае его нарушения²²⁴. В 1779 г., когда между двумя частями Романовской вотчины возник спор о разверстке оброчной суммы, В. Г. Орлов приказал мирской комиссии общины провести расчет между числом мужских душ и количеством земельных угодий и «по тому исчислению тою землей, где окажется недостаток и поверстается... чтоб одной пред другой половиной никакой и ни в чем обиды быть не могло»²²⁵. По указам В. Г. Орлова общие внутриобщинные размежевания земель могли производиться только с разрешения его московской конторы, а их результаты должны были единогласно утверждаться мирскими приговорами на общих валовых сходах²²⁶. Так, в 1771 г. размежевание земель между селениями было осуществлено в одной половине ярославской вотчины с центром в с. Никольском (Рыбинский уезд). В это время в общину входило 2 села и 44 деревни. Сохранились мирские приговоры от 5 и 24 апреля 1771 г. о подготовке к этой сложной и ответственной операции и датированная 10 мая ведомость о распределении полевой земли между селениями²²⁷. В приговоре мирской сход указал основную роль размежевания: «Как земля омеретца, с того числа и оброк платить», а представители с. Сельцы почему-то сочли необходимым сделать приписку: «Желаем мы ... во урвнение как землю, так и оброк платить». К обмеру земли почти от каждого селения были выбраны представители (36 человек), и результаты их работы сразу же письменно фиксировались. После окончания общего междеревенского межевания, во-первых, была произведена разверстка между дворами отдельных селений пустошных и свободных на деревенских полях пашенных участков, и, во-вторых, произошло соглашение внутри общины между селами Никольским и Сельцы с прилегающими к ним деревнями и группой так называемых рыбенских приселков, стоявших несколько обособленно. По этому соглашению, скрепленному мирским приговором, было произведено «урвнение», суть которого заключалась в том, что по каким-то соображениям приселки (деревни Макарово, Стерлядево и др.) отказались от каких-то земель, быть может, слишком от них отдаленных, а никольские и селецкие крестьяне, получив эти земли, приняли на себя уплату с них оброка в 360 р., составивших половину всей оброчной суммы, падавшей на приселки²²⁸. С весны и до

²²³ ЦГАДА, ф. 1273, оп. 1, д. 508, л. 9—10; Орлов-Давыдов В. Биографический очерк графа Владимира Григорьевича Орлова. СПб., 1878, т. 1, с. 270.

²²⁴ ЦГАДА, ф. 1454 (Сидоровского вотчинного правления), оп. 2, д. 1038, л. 2.

²²⁵ ЦГАДА, ф. 1273, оп. 1, д. 516, л. 52 об.— 53, 85—85об.

²²⁶ ЦГАДА, ф. 1454, оп. 2, д. 1225, л. 5—6.

²²⁷ ЦГАДА, ф. 1384 (Орловых-Чесменских), оп. 1, д. 2, л. 1об., 4—5; д. 4, л. 1—8.

²²⁸ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 2, л. 7об.— 8.

осени 1782 г. в той же общине по мирскому приговору избранная комиссия вновь проводила обмер пашенной земли по «самой справедливости», и крестьяне всех селений под угрозой штрафа и телесного наказания были обязаны показывать ей свои земли без утайки²²⁹.

Однако вопреки безусловному стремлению В. Г. Орлова уравнилительно обеспечить землей все деревни общинные традиции были сильнее, и каждая деревня стойко держалась за свои земли. По существу, практика землепользования в Никольской общине сводилась к учету угодий, имевшихся у отдельных деревень, и к частным земельным поравнениям и соглашениям между ними. Об этом можно судить на основании анализа сохранившихся окладных книг за 1780, 1782, 1788 и 1794 гг. В этих «книгах» в условных тяглых единицах — «осьмаках», «копейках» и «денежкам» (одна осьмина = 90 «копейкам»; одна «копейка» = 4 «денежкам») — был зафиксирован за каждым крестьянином земельно-тяглый оклад и расположение его пашенных участков, а также итоговый тягловый оклад каждой деревни и общины в целом на текущий год²³⁰. При анализе этих документов выяснилось, что земельного уравниения в пашенной земле между селениями в Никольской общине в действительности не существовало. Община, конечно, была, как и помещик, заинтересована в уравнилительном тягловом обложении каждого двора на основе его хозяйственных возможностей, но добивалась этого по-своему. Земельная практика в Никольском сводилась к тому, что каждое селение располагало своими полями, а мирское управление сложной общины, проводя ежегодную переоброчку дворов, снижая или повышая их оклад, недостающую тем или иным дворам тяглую землю отводило в зависимости от обстоятельств на участках, «скинутых» другими крестьянами, или на общемирских пустошах.

Весьма часто крестьяне несли тягло не только со своего деревенского поля, но и с участков, расположенных на одной-двух пустошах и в полях других деревень. В 1780—1794 гг., т. е. на протяжении 15 лет, одни и те же деревни, обладавшие избытком земли, систематически по решению общинного управления передавали ее во временное использование крестьянам других деревень. Некоторые из таких деревень передавали даже значительно больше земли, нежели использовали сами. При этом правовой принцип не нарушался, так как использовавшаяся другими земля оставалась во «владении» старых «владельцев» и в случае необходимости им возвращалась. Так, д. Систиново, имевшая в 1780 г. и в 1788 г. 2 двора, а в 1794 г. — 5 дворов, соответственно несла тягло в 1 «осьмак» 45 «копеек», 1 «осьмак» 56 «копеек» и 2 «осьмака» 61 «копейку»; с ее же земель крестьяне других деревень также соответственно несли тягло в 2 «осьмака» 14 «ко-

²²⁹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 39, л. 14—15, 23—25.

²³⁰ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 29, л. 1—10; д. 35, л. 1—9; д. 118, л. 1—12; д. 200, л. 1—12, 18—19.

пеек», 2 «осьмака» 85 «копеек» и 1 «осьмак» 88 «копеек». Деревня Уткино, имевшая в те же годы 5 дворов, неизменно отдавала большую часть своей пахотной земли (сама несла тягло в 3 «осьмака» 8 «копеек», 2 «осьмака» 69 «копеек», 2 «осьмака» 37 «копеек», а сдавала на 5 «осьмаков» 48 «копеек», 4 «осьмака» 83 «копейки», 4 «осьмака» 11 «копеек»). Деревни Борисово и Дураково также сдавали земли больше, чем обрабатывали сами. Значительную часть своих земель сдавали и другие деревни (Гартово, Кулыново, Гаврипо). В 1780 г. из 34 учтенных селений сдавало землю 17 селений, в 1788 и 1794 гг. из 40 селений, внесенных в тяговые книги, сдавали 14, причем те же, что и ранее.

Недостаток тяглой земли восполнялся также за счет приведенных в культурное состояние пустошей. В 1780—1790-х годах Никольская община имела несколько таких пустошей. Некоторые из них использовались широко и постоянно, другие — эпизодически. С пайболее значительной Мауринской пустоши в 1780 г. обеспечивалось тягло в 4 «осьмака», в 1788 — 5 «осьмаков» 59 «копеек», в 1794 — 5 «осьмаков» 46 «копеек». Также постоянно эксплуатировались пустоши Шепелихи и Горшкова. Некоторые из них почти забрасывались, другие включались в хозяйственный оборот. Однако и пустоши, и «скинутые» участки в деревнях имели сугубо дополнительное значение при земельно-тяговом обложении. В 1780 г. при суммарном по общине окладе в 288 «осьмаков» 60 «копеек» за счет пустошных и «скинутых» участков обеспечивалось обложение в 37 «осьмаков» 50 «копеек»; в 1788 г. из 326 «осьмаков» 26 «копеек» — 38 «осьмаков» и т. д.

Основой для каждой деревни и каждого крестьянского двора оставалась своя, по терминологии окладных книг, «домашняя» земля. Только в очень редких случаях отдельные дворы целиком обеспечивались свободной землей других деревень или пустошными участками. Так, в с. Никольском в 1780 г. крестьянин Емельян Зайцев нес небольшое тягло по земле д. Уткиной; в д. Ваулино тогда же четверо крестьян хозяйствовали на Бурцевской пустоши, и их участки там считались «домашней» землей.

Когда мирское управление считало возможным уменьшить у какого-либо хозяйства тягло, его владелец отдавал прежде всего участки на пустошах и чужих полях, как правило, незначительные по своей площади. В 1780 г. было сдано девять пустошных и столько же «чужих» участков, тягло с которых исчислялось менее чем в 2 «осьмака»; в 1782 г. — пять пустошных и 8 «чужих» участков почти на 2 «осьмака», а в 1786 г. — 13 пустошных и 9 «чужих» участков на 2 «осьмака» 66 «копеек». «Домашние» участки всегда сдавались в более крупных окладных долях, когда тяглоспособность двора в силу каких-либо обстоятельств резко падала²³¹.

²³¹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 29, л. 11—12; д. 35, л. 10—11; д. 83, л. 1—2.

Частные земельные размежевания между отдельными селениями Никольской общины происходили не только при общем регулировании «владений» деревни, как это было в 1771 г. В 1780 г. мирское правление разбирало спор между деревнями Дулово и Слободка о сениных покосах; в 1788 г. вновь последовало соглашение между этими же деревнями об использовании покосов, о прогоне скота, его пастьбе на паровом поле и сенокосных участках после уборки сена, о запрещении проезда через поля до уборки урожая и т. п. Осенью 1811 г. мирским приговором был санкционирован прогон скота крестьян д. Горки через «владения» с. Сельцы на их выгон в пустоши Шепелиха, а крестьянам деревень Дулово и Слободка разрешено пастись скот на покосах д. Горки, откуда уже свезли сено²³².

Таким образом, временная сдача участков отдельными дворами и их передача в хозяйственное использование других дворов были основной формой земельно-тяглового перераспределения в Никольском. Ежегодно мирское правление рассматривало заявления об отказе от части тягла и распределяло, исходя из тяглых возможностей других дворов, между ними «скинутые» земли. Одни участки передавались в приказном порядке (были «положены»), но случалось, что о них просили дворовладельцы («принимали»). Такие просьбы не всегда удовлетворялись. В 1782 г. Никольский мир отказал одному крестьянину в дополнительной тяглой земле на том основании, что у него «своей земли заулишество»²³³. В 1786 г. мирское правление удовлетворило 24 заявления о снижении окладного тягла (всего на 4 «осьмака») и с одного крестьянина само «сняло» часть тяглой земли. В 20 случаях такие отказы касались пустошных и «чужих» участков. Они были распределены между 28 дворами, из которых четыре приняли их добровольно²³⁴. Точно так же в 1805 г. после того, как была «снята» земля с тех, кто «тяглом отяготилен», было распределено 62 участка. Из них 20 участков были добровольно приняты односельчанами и 12 участков — крестьянами других деревень; 10 участков были переданы в административном порядке, относительно порядка передачи 20 участков данных не имеется²³⁵. В 1808 г. после очередной переобролки в 15 случаях крестьяне добровольно принимали дополнительную тяглую землю, в 8 случаях она была «положена» мирским правлением²³⁶. Наконец, имеются окладные росписи за 1810 г., из которых видно, что при переобролке после 12 отказов от земли в своей деревне и стольких же отказов от участков, расположенных в полях других деревень, бóльшая часть «скинутой» земли была принята добровольно, но более мелкими долями (18 участков — односельчанами, 15 участков — крестьяна-

²³² ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 28, л. 13; д. 72, л. 8; д. 82, л. 18об.; д. 114, л. 33об.; д. 583, л. 90об.—91.

²³³ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 39, л. 18об.—19.

²³⁴ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 83, л. 1—2.

²³⁵ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 550, л. 1—24.

²³⁶ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 654, л. 1—29.

ми других деревень); 15 участков было «положено» мирским управлением в оклад, из них четыре — па односельчан, а 11 — распределено между крестьянами других деревень. Любопытно был разрешен вопрос о судьбе довольно значительного участка, который сдавался крестьянином д. Малое Шемнино Алексеем Григорьевым. О получении половины этого участка ходатайствовал его сосед Семен Затравкин. Мирское правление не только удовлетворило просьбу, но и сочло его достаточно тяглоспособным, чтобы «наложить» на него и другую половину²³⁷.

При этих тяглых переоброчках мирское управление следило, чтобы не было запустевших участков и не нарушалась агрикультура трехполья. В 1813 г., когда множество мужчин было призвано в армию и появились пустолежащие земли, мирским приговором каждый дворохозяин, если он «по одиначеству» не мог обработать свой участок, обязывался отдать его под запашку соседям²³⁸. Точно так же в 1814 г. мирское собрание д. Горки обязало своих односельчан во избежание потрав содержать в исправности ограды пашенных участков и грозило телесным наказанием каждому нерадивому дворохозяину²³⁹.

Описанная система земельно-тяглового распределения в Никольской сложной общине существовала на протяжении десятилетий. По сохранившимся окладным книгам, она прослеживается с 1780-х годов до 1825 г. Вопреки указам В. Г. Орлова об уравнивании земли между селениями община следовала своим принципам ведения земельного хозяйства. Будучи вынужденной уравнительно обеспечивать землей прибылые тяглые души, она старалась не нарушать земельное «право» отдельных селений. В 1801 г., когда обнаружилась нехватка пахотной земли, прибылые души обеспечивались только «пустовой» землей.

Гибкость подобной практики становится очевидной, если сравнить ее с земельными распорядками, введенными в другой половине ярославской вотчины Орловых с центром в с. Елохово, где земельное уравнивание между селениями им удалось провести. Судя по мирскому приговору Елоховской сложной общины за 1799 г., было принято решение размежевать пахотные земли между селениями, исходя из числа душ. В 1800 г. общее мирское собрание с. Елохово, рассматривая составленную общинными землемерами опись земель, приговорило в связи с недостатком во многих селениях угодий «оставить каждое селение в порядочном состоянии»²⁴⁰. В дальнейшем отмежевания пахотных и сенокосных угодий от одного селения и примежевания их к другому также проводились, что нарушало устойчивость права подеревенского владения и порождало злоупотребления со стороны представителей мирских властей и вызывало конфликты между деревнями. В 1825 г. два таких конфликта разбирались в Никольском прав-

²³⁷ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 725, л. 1—32.

²³⁸ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 583, л. 146—150 (п. 17).

²³⁹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 90—90об.

²⁴⁰ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 344, л. 35—36, 46об.—47.

ления, которому в это время было подведомственно и Елоховское общинное правление. Крестьяне с. Елохово жаловались, что в 1818 г. от них была отмежевана пахотная и покосная земля к д. Шишелово, а в 1824 г. шишеловские крестьяне без их ведома испросили у мирского собрания вместо отказанной ими выгонной и лесной земли удобную покосную елоховскую пустошь у р. Царицы, что было утверждено. Крестьяне д. Шишелово ссылались на мнение мирской комиссии, которая нашла у с. Елохово излишние 58 дес. 840 саженой земли; поэтому она и была им отдана вместо сданных миру 62 десятин. При следствии оказалось, что это «затейное намерение» было осуществлено старостой общины Платоном Ивановым в угоду своим односельчанам д. Шишелово. Изъятие покосной земли было признано неправильным, и решением московской конторы Орловых она была возвращена с. Елохову²⁴¹. Тогда же Никольское правление разбирало поступившую также из Елоховской общины жалобу крестьян Малого Заболотья о том, что крестьяне д. Большое Заболотье при очередном «размере земли на тягловые души» отдали им заброшенную пашню «во владение», а сами отрезали у них в полях «занавозную пахотную землю»²⁴². При ежегодной практике снижения тягла у отдельных дворов и распределении его между другими дворами²⁴³ систематическое изменение «владений» отдельных селений неизбежно должно было вызывать подобные конфликты.

В другой также оброчной поволжской вотчине Орловых — костромском с. Сидоровском во второй половине XVIII — начале XIX в. сохранялись земельно-общинные распорядки, аналогичные распорядкам, бытовавшим в Никольской общине. Как и ярославская вотчина, Сидоровское было пожаловано Орловым из казенных владений. Особенность тяглого обложения в сложной общине с. Сидоровского, втянутого в промысловое предпринимательство, заключалась в том, что оно осуществлялось по экономическому состоянию каждого двора. Эта особенность тем не менее не влияла на земельно-общинные распорядки, в основе которых лежало деревенское владение. В 1774 г. по указам Ивана и Владимира Григорьевичей Орловых в Сидоровской вотчине был произведен обмер пашенных земель; во всех трех полях селений было зафиксировано 2034 дес. доброй и 917 плохой земли, определена площадь угодий каждой деревни и по принятому соотношению 1:1,5 доброй земли к плохой установлен размер единицы тяглого обложения, проводимому по каждому селению²⁴⁴. В 1793 г. в Сидоровском при определении персонального оклада каждого двора с учетом числившихся в нем ревизских душ и его экономического состояния (наличие «торга» или «промысла») деревенское и подворное «владение» тем более упрочивалось;

²⁴¹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 1167, л. 1, 3—3об., 5—13.

²⁴² ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 1161, л. 1—3.

²⁴³ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 344, л. 43—45об.; д. 368, л. 24об.—27; д. 467, л. 11об.—15.

²⁴⁴ ЦГАДА, ф. 1454, оп. 2, д. 85, л. 1—2; д. 107, л. 11—12.

в окладной книге прямо указывалось: «А оставлены у них во владении, чем они по днесь владение имели...»²⁴⁵. В конце описи каждого селения бурмистр В. Патин заключал об общем экономическом состоянии крестьян и качестве деревенских земель (деревня и земля хорошие; земля средняя, а крестьяне небогатые; земля и деревня посредственные; деревня посредственная, а земля хорошая; люди достаточные, а пашенная земля худая; деревня средняя, а земля худая)²⁴⁶. При таком подходе к тяглому обложению, когда в экономике общинного крестьянства все большую роль играли промыслы, вопрос о земельном уравнивании между селениями терял свою остроту. Сохранившиеся отрывки окладных книг за 1795 и 1820 гг. свидетельствуют, что изменение тяглого оклада дворов в Сидоровской сложной общине прямо не связывалось с размером их земельных угодий, которые, как правило, при переоброчке оставались теми же. Только в случаях, когда дворовладелец сам «скидывал» с себя часть земли, она передавалась другому. Случалось, что при таком уменьшении тяглой земли оклад даже возрастал. Так, в 1795 г. крестьянин Иван Морозов был освобожден от 3 «копеек» земли, но «по его состоянию» оклад увеличен на $\frac{1}{2}$ «души»; в другом случае у крестьянина оклад остался прежним, хотя тяглая земля у него была увеличена вдвое²⁴⁷.

При аналогичной системе земельно-тягловой переоброчки в чухломском имении графа М. А. Дмитриева-Мамонова с центром в с. Аксеново община не только не уравнивала земельные угодья между деревнями, но и внутри деревень между соседями. Несмотря на «великие споры и раздоры» между малоземельными деревнями и деревнями, обладавшими избытком земли, мирской сход в 1816 г. только запретил обращение участков (продажу) внутри общины, разрешив при этом по частным соглашениям переселение крестьян из одного селения в другое на участки, от которых кто-либо отказался²⁴⁸. В 1820 г., когда один крестьянин поставил вопрос о равном поверстании земель всех крестьян своей д. Кузнецовки, община вынесла решение: «Тяглам верстаться не позволяем, иметь всякому свое, насколько есть»²⁴⁹.

Деревенское «право» на земельное «владение» прослеживается по более частным материалам и в других оброчных общинах XVIII — начала XIX в. В 1737 г. по челобитью крестьян казенного с. Вишенок (Суздальский уезд) им местной администрацией была дана копия с суздальских писцовых книг 1627—1629 гг., в которых перечислялось отдельно по селу и деревням количество разной земли (паханой, перелога, лесом поросшей, покосы,

²⁴⁵ ЦГАДА, ф. 1454, оп. 2, д. 498, л. 1.

²⁴⁶ ЦГАДА, ф. 1454, оп. 2, д. 498, л. 2—41.

²⁴⁷ ЦГАДА, ф. 1454, оп. 2, д. 619, л. 1—21 (особенно см. л. 5, 7); д. 1673, л. 20—24, 26—28об., 33об.—34, 36—39, 45об., 47—48об.

²⁴⁸ ЦГАДА, ф. 1268 (Аксеновского вотчинного управления), оп. 3, д. 3, л. 22об.—23.

²⁴⁹ ЦГАДА, ф. 1268, оп. 3, д. 6, л. 12.

рощи)²⁵⁰. В 1775 г. поверенный крестьян д. Слопятино, принадлежавшей князю М. М. Щербатову (Ярославский уезд), добываясь в Костромской провинциальной межевой конторе благоприятного разрешения земельного спора о пустоши Лебзихи, находившейся во владении нескольких помещиков, также ссылаясь на писцовые книги 1626—1629 гг. как официальный источник, подтверждавший старицу владения их деревни²⁵¹. Это «право» отражалось и в губернском делопроизводстве XVIII в. В 1777 г. при передаче М. П. Нарышкиной после смерти ее мужа генерал-аншефа С. К. Нарышкина его владений (с Тимофеевское и деревни) провинциальная канцелярия Переяславля-Залесского составила опись, в которой, во-первых, была указана принадлежность земель каждому селению — пашен и пустошей, во-вторых, перечислены пустоши, не относящиеся к селениям и, по-видимому, составлявшие общемирское «владение», и, в-третьих, что наиболее интересно, были сохранены как очевидный анахронизм, указания на принадлежность отдельных земель деревням, которые уже не существовали («в пустоши, что была деревня Волово», «в пустоши, что была деревня Зобово»)²⁵².

Наконец, о внутриобщинном подеревенском «владении» и отсутствии земельного уравнивания между селениями можно судить по рапорту 1823 г. Филимона Ромашева из с. Загорье (Владимирская губ., Переяславский уезд), поверенного владельцев имения Нарышкиных. «Некоторые деревень крестьяне,— писал он,— не имея надлежащего количества земли оброк платят с пустовых тягол, потому что у них на число душ или тягол при селениях их земли не достаточно, хотя по разделу вотчинному и дана им в дополнение земля в других деревнях, которую за дальним расстоянием они не обрабатывают. Случалось между ними так, что крестьянин, имеющий недостаток земли на число душ в семействе его, принужденным находился из селения своего по согласию на свой счет переселять соседа своего в другую деревню, в которой излишние земли имеются, а оставшую после того землю взять себе во владение». Так, местный староста перевез двух своих соседей в другие деревни, что стоило ему 1500 р. Из крестьян, писал Ф. Ромашев далее, «никто не знает, при каких деревнях сколько десятин имеют во владении, а только утверждают, что тягла их из древних времен не пременяются»²⁵³.

На праве давности между крестьянами разных селений, даже принадлежавших разным помещикам, сохранялось общее использование пустошей. В ведомости, содержащей на 1836 г. перечень угодий того же имения Нарышкиных — с. Загорье с деревнями, указывалось, что в пустошах Глядковой и Троицкой из 128 дес. общей площади 24 дес. «владение имеют крестьяне господ Нарышкиных, имеющих жительство в сельце Сараеве, в общем вла-

²⁵⁰ ЦГАДА, ф. 1263, оп. 5, д. 1, л. 1—4.

²⁵¹ ЦГАДА, ф. 1289, оп. 1, д. 512, л. 1—2об.

²⁵² ЦГАДА, ф. 1272, оп. 1, д. 98а, л. 1—1об.

²⁵³ ЦГАДА, ф. 1272, оп. 2, д. 63, л. 10—11.

дени с землей крестьян разных владельцев, и именпо: господ князя Голицына... Арнаутова, Строевой, Протопоповой, Вельяминова и Мусиной-Пушкиной, и все они, будучи издревле все обитая в одном месте и владея каждой своими частями, хотя чрезполосно, но всегда безпорно, ибо в том находят разного рода удобность»²⁵⁴. В пустошах Акатово и Плаксино нарышкинские крестьяне с. Загорье, сельца Сараево и д. Степанцово владели участками чересполосно с крестьянами других помещиков. Пустоши Плешкино, Карлыково, Березники, Соколово, Адаманово крестьяне с. Загорье и деревень Старово и Степанцово использовали тем же порядком совместно с крестьянами помещицы фон Гратис²⁵⁵. Все эти пустоши были приобретены Нарышкиными по купчим. Очевидно, что, коль скоро пустоши использовались крестьянами разных деревень, некогда там существовала единая сложная община, в земельные владения которой эти пустоши входили. Феодальное землевладение разрушило эту общину, но существовавший в ней порядок крестьянского землепользования тем не менее сохранился.

При подеревенском владении угодьями за каждым селением сохранялась очень существенная в хозяйственном отношении прерогатива — без согласия деревенского мира в селение не мог переселиться из другого селения той же общины ни один крестьянин, будь он тяглый или бестяглый, так как его поселение было связано с обязательным выделением ему земельных угодий или в крайнем случае дворового участка, так как на месте старого проживания он был обязан сдать миру свои угодья. Эта прерогатива была известна крестьянам разных общин средней полосы России. В середине XVIII в. она прослеживается в общинных документах Молодотудской вол., принадлежавшей Шереметевым²⁵⁶. Процедура оформления переселения отразилась в сохранившемся делопроизводстве Сидоровского вотчинного правления. В феврале 1805 г. в правление общины поступило прошение от крестьянина д. Степурино Степана Ваганова и его пасынка Алексея Андреева. В нем Степан просил разрешения отделить пасынка и поселить его в д. Путятينو, так как в их деревне пахотной и покосной земли недостаточно, а «находится по тяглу земля излишняя в деревне Путятине и крестьяне той деревни согласны принять того пасынка переселением на жительство»²⁵⁷. К их прошению прилагались прошения всех крестьян д. Степурино с согласием отпустить тяглеца и всех крестьян д. Путятينو, соглашавшихся принять Алексея, так как земли у них «с излишеством» и никому не будет «обидно»²⁵⁸. В 1808 г. в той же общине Иван Новиков принимал тягло в с. Сидоровском и сдавал угодья в д. Давыдково

²⁵⁴ ЦГАДА, ф. 1272, оп. 2, д. 63, л. 30—30об.

²⁵⁵ ЦГАДА, ф. 1272, оп. 2, д. 63, л. 30об.— 32.

²⁵⁶ Прокофьева Л. С. Поземельные отношения в крепостной общине во второй половине XVIII в.— ЕПАИ, с. 75—76.

²⁵⁷ ЦГАДА, ф. 1454, оп. 1, д. 1001, л. 6.

²⁵⁸ ЦГАДА, ф. 1454, оп. 1, д. 1001, л. 8—9.

также с согласия «лучших людей» и того и другого селения²⁵⁹. В 1807 г. пожилой крестьянин Василий Степанов испрашивал разрешения переселиться из д. Балобаново в д. Щипнево к родственникам с тем, чтобы ему там на «общей крестьянской земле» выделили «место» под двор, но без тяглой «доли» угодий²⁶⁰.

Вместе с тем община обладала правом отказаться от нерадивого тяглеца. Обычно такой «отказ» осуществлялся путем сдачи его в рекруты. Но она могла разрешить проживание и хозяйствование в деревне даже крестьянину, ставшему для нее «чужим», в частности вольноотпущеннику. Любопытный случай произошел в Елоховской общине, где в 1825 г. крестьянин Кондратий Демидов попытался выжить из деревни своего отпущенного на волю, а скорее всего выкупившегося дядю Алексея Демидова и получить тяглую землю, которая за ним числилась. Однако вопреки обвинению племянника в уклонении дяди от мирских служб мирским приговором община признала, что Алексей Демидов, помимо оброчных и мирских повинностей, платит за жительство в деревне 50 р., а потому «расположением его, Демидова, при деревне остаемся довольны»²⁶¹. Кроме того, община считала возможным проживание А. Демидова в деревне, коль скоро он был местным уроженцем, что по общинным понятиям было веским аргументом в его пользу.

* * *

Итак, на позднефеодальном этапе истории крепостного русского крестьянства определяющее влияние на эволюцию его общинного землепользования оказывало феодальное, помещичье землевладение, замыкавшее в пределах отдельных имений границы крестьянского землепользования. При любых формах феодальной ренты, довлевшей над деревней, перед общиной стояла задача обеспечить общий объем возлагаемых на нее повинностей. Разрешала эту задачу община, исходя из рабочих возможностей каждого двора и опираясь на традиционные нормы обычного права, прежде всего — на право регулирования земельных отношений между ее членами и распоряжения некоторыми видами угодий (леса, водные источники, пастбища).

Эти обычно-правовые нормы приспособлялись к крепостнической действительности и постепенно трансформировались. В условиях барщинного хозяйства, когда земельные возможности общины сводились до минимума, а вотчинная администрация жестко регулировала все стороны жизни деревни, правовая норма, допуская общинное регулирование угодьями, постепенно трансформировалась, порождала практику систематических уравнительных переделов пашенных участков между дворами. При этом земельно-распорядительные функции общины могли даже усили-

²⁵⁹ ЦГАДА, ф. 1454, оп. 1, д. 1115, л. 9—12.

²⁶⁰ ЦГАДА, ф. 1454, оп. 1, д. 1073, л. 5, 6.

²⁶¹ ЦГАДА, ф. 1454, оп. 1, д. 1162, л. 2—2об., 14—15.

ваться, а «права» отдельного селения и двора на пашенные и сенокосные угодья приобретали сугубо временный характер.

Разнообразнее проявлялись земельные права общины в оброчных имениях, в которых крестьяне могли относительно самостоятельное вести свое полеводство, а потому более последовательно следовать общинным земельным традициям и обычно-правовым нормам. Под давлением помещичьей власти и необходимости уравнилельно распределять тягло по земле общины по-разному осуществляли свое право земельного регулирования и распоряжения угодьями. Чаще всего при обеспечении землей нового тяглеца или уравнинии дворов в тяглом обложении община вводила в хозяйственный оборот пустоши, используя свое право распоряжения общемирскими угодьями, или использовала запустевшие на деревенских полях участки, которые не могли обрабатывать ослабевшие в тяглом отношении дворы. Эта практика основывалась на традиционных нормах, согласно которым поля и сенокосы рассматривались общим «владением» отдельного селения. Эти «владения» не могли отчуждаться ни целиком, ни частично внутри сложной общины ради обеспечения других селений. При соблюдении этого «права» селения на «свои» угодья община могла использовать лишь свое право регулирования землепользования и производила только частное перераспределение земельных участков, передавая часть земли хозяйственно ослабевшего двора для использования двору даже другого селения, но только во временное владение. Осуществить эту систему можно было, естественно, только при общинно-подворном земельном владении.

Такое частное перераспределение, носившее временно-условный характер, отражало определенный тип общинного землепользования при деревенском владении «своего» поля и владении каждым двором «своего» участка. Прослеживаемый в XVIII в. в ряде оброчных помещичьих имений этот тип, безусловно, был распространен и в XVII в. Исследовавшая хозяйство монастырских крестьян Центральной России в XVII в. Н. А. Горская свидетельствовала, что «общий уравнилельный передел — явление в жизни монастырской деревни XVII в. редкое и чреватое серьезными потрясениями для всего мира... Обычная ежегодная практика мира — частные поравнения, вызванные конкретными потребностями обеспечения всего массива надельных земель рабочими руками и изменениями в личном составе тяглецов...»²⁶². Тот же порядок прослеживался, как уже рассматривалось выше, в оброчных помещичьих имениях на протяжении XVIII в. Само собой разумеется, такое частное перераспределение пашенных участков нельзя ассоциировать с общемирскими уравнилельными переделами.

Практика частного перераспределения участков во временное пользование способствовала устойчивости тяглово-производствен-

²⁶² Горская Н. А. Монастырские крестьяне..., с. 220 (см. также с. 230—231).

пой деятельности крестьянского двора и не нарушала традиционного правового статуса, на основе которого селения и дворы владели угодьями. Она не представляла собой явления исключительного для крепостного крестьянства Центральной России. Известно, что в среде северорусского черносошного крестьянства еще в XVII в. в отдельных случаях внутри деревень происходили земельные перераспределения. У обонежских крестьян, принадлежавших в первой половине XVIII в. Александро-Свирскому монастырю, также бытовала практика приведения количества наделной земли в соответствие с тяглом, причем вовсе не уравнительного характера²⁶³. Е. Н. Бакланова, исследовавшая землепользование монастырских вологодских крестьян, пришла к выводу, что внутри сложной общины (общины-волости) в конце XVII — начале XVIII в. уравнивание земли проводилось между деревнями («деревня на деревню окладом верстаются»), а внутри деревень соблюдался принцип, согласно которому уравнивались по объему тягла только наделные, пашенные земли, а нетяглые не перedелялись²⁶⁴.

По имеющимся данным XVIII в., в общинах некоторых помещичьих имений также проявлялась тенденция к уравниванию земельных владений между селениями, после которого внутри них проводилось земельно-тягловое обложение дворов. Помимо помещичьего давления, эта тенденция могла возникнуть тогда, когда возникала угроза тяглоспособности или для всей общины, или для части ее селений. Как правило, земельные противоречия наблюдались внутри общины между селениями. При таких уравниваниях право «владения» тем не менее по-прежнему сохранялось и за селениями и за дворами. В силу естественных демографических и тяглых изменений внутри деревень такие поравнения необходимо было проводить систематически, что в дальнейшем в свою очередь могло послужить основанием для установления постоянных уравнительных переделов между дворами. Однако право поддеревенского и подворного владения оставалось в это время более сильным. Имеется очень мало данных, свидетельствовавших о том, чтобы вопрос о земельных уравниваниях возникал между крестьянами внутри деревень.

В общинах, где было развито промысловое предпринимательство и тягловое обложение тем более устанавливалось по экономическим возможностям дворов, вопрос о земельно-тягловом уравнивании мог терять свою остроту. В конце XVIII в. мирскими приговорами в вотчинах Шереметевых, в костромском с. Сидоровском, принадлежавшем Орловым, и нерехотском с. Писцово, принадлежавшем Б. А. Голицыну, был установлен 20-летний срок владения наделной землей, на протяжении которого никакое уравнивание не допускалось.

²⁶³ Шабанова А. М. Частновладельческая крестьянская община Северо-Запада в первой половине XVIII в. — ЕПАИ, с. 65, 66.

²⁶⁴ Бакланова Е. Н. Крестьянский двор и община на Русском Севере: Конец XVII — начало XVIII в. М., 1976, с. 137—154.

Итак, в оброчных общинах наиболее четко прослеживались старые традиции по поддержке общинно-подворного землепользования, а его регулирование осуществлялось в одних случаях путем частного условно-временного перераспределения тяглых земель между отдельными дворовладельцами, в других — путем перераспределения на тех же условиях тяглых земель между селениями, когда в одних из них образовывалась «пустота», а в других наблюдалось малоземелье. Частное, систематически проводившееся перераспределение давало возможность общинам избегать не только сложного в техническом отношении и чреватого столкновениями и протестами общего земельного перераспределения, но и нарушений традиционных правовых норм, определявших «владение» деревни и двора.

В дореволюционной и советской исторической литературе высказывалось мнение о том, что основанием для земельных перераспределений в XVIII в. являлись подушные переписи. Л. Н. Вдовина, исследовавшая общинное земельное хозяйство в вотчинах Пафнутьево-Боровского и Иосифо-Волоколамского монастырей в первой половине XVIII в., свидетельствовала, что эти переписи, после которых наблюдалось наибольшее число переделов, не были их главной причиной; «они были скорее реакцией общины на изменения в раскладке вотчинных и государственных податей и повинностей»²⁸⁵. Аналогичное влияние подушных переписей отмечалось в первой половине XIX в. в Тверской губ.²⁸⁶ Разумеется, ревизии, констатирующие изменения демографического состава населения, порождали необходимость тяглых переоброчек в деревне, но не влекли за собой изменений принципов общинного землепользования.

В условиях абсолютного подчинения общины феодальному землевладению она по-разному приспособлявала свое земельное хозяйство к условиям тяглого существования. Однако право деревенского держания прежде всего «своего» поля не исчезало. Это право дуалистически сосуществовало с комплексом правовых представлений о подворном, индивидуальном «владении», отражавшем частнособственнические тенденции в деревне. Регулируя землепользование, община сплошь и рядом только условно, до очередной переоброчки передавала тому или иному двору дополнительные участки и тем самым сдерживала сосредоточение земли в руках наиболее состоятельных и сильных в тягловом отношении крестьян. Вместе с тем систематический контроль в оброчных общинах над использованием крестьянскими дворами тяглых земель постепенно создавал правовую предпосылку к развитию переделъ-

²⁸⁵ Вдовина Л. Н. Поземельные отношения и крестьянская община в монастырских вотчинах первой половины XVIII в. (По материалам Пафнутьево-Боровского и Иосифо-Волоколамского монастырей): Автореф. дис. на соискание учен. степени канд. ист. наук. М., 1974, с. 11, 23—24; Она же. Земельные переделы в крестьянской общине в 20—50-е годы XVIII в.— История СССР, 1973, № 4.

²⁸⁶ Преображенский В. Описание Тверской губернии в сельскохозяйственном отношении. СПб., 1854, с. 293.

ных тенденций. Земельный контроль, будучи основой земельных прав общинной организации, был характернейшей чертой той, по словам В. И. Ленина, «чисто средневековой старины», при которой отсутствовала полная свобода мобилизации крестьянской земли²⁶⁷.

В барщинных имениях, где помещики экспроприировали для своего хозяйства деревенские поля, а крестьянам отводились окраинные, удаленные от селений и вообще малоудобные земли, быстрее возникали тенденции к систематическому перераспределению между дворами пашенных участков и определялся переход к передельному землепользованию в прямом значении этого понятия. В каждом отдельном случае такой переход зависел от местных условий и частных обстоятельств.

§ 3. Земельное обычное право крестьянского двора в крепостной общине

В исторической литературе неоднократно отмечались факты, свидетельствовавшие о праве распоряжения в некоторых случаях крепостным крестьянством землями, которые им использовались в хозяйственных целях. Еще В. А. Милютин отмечал, что в XIV—XVI вв. «из некоторых уставных грамот видно, что крестьянам монастырским предоставлялось право продавать и менять друг другу дворы свои и земли»²⁶⁸. О том же писал А. П. Доброклонский, исследовавший хозяйство Солотчинского монастыря в XVII в.²⁶⁹

Эти факты отмечались и советскими историками. Так, Л. В. Черепнин допускал сохранение в среде владельческого крестьянства убеждения в том, что они — потомственные владельцы земельных наделов, полученных от собственников земли²⁷⁰; тем самым наследование наделов признавалось им одним из проявлений права распоряжения, традиционно сохранявшегося в среде даже попавшего во владельческую зависимость крестьянства. Известны случаи купли-продажи и обмена землями крестьянами Антониево-Сийского монастыря²⁷¹. А. Л. Шапиро, обратив внимание на отдельные факты купли-продажи и обмена тяглой земли крестьянами монастырских и светских феодалов, пришел к выводу о том, что владельческие крестьяне в персональном и общинном порядке даже в XVII—XVIII вв. сохраняли «некоторое право распоряжения» надельными землями²⁷².

²⁶⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 322.

²⁶⁸ Милютин В. А. О недвижимых имуществах духовенства в России. М., 1859, с. 354.

²⁶⁹ Доброклонский А. П. Солотчинский монастырь, его слуги и крестьяне в XVII в. М., 1883, с. 58.

²⁷⁰ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960, с. 265.

²⁷¹ Образцов Г. Н. Оброчные и порядные записи Антониево-Сийского монастыря. — ИА, 1953, т. VIII, с. 82, 84—85, 90.

²⁷² Шапиро А. Л. Крестьянская община..., с. 49.

Исследователем русской деревни XVIII в. А. Н. Сахаров, опираясь на конкретный архивный материал, также допуская, что во владельческой деревне в XVII в. утвердилась «практика пользования наделной землей как землей собственной со всеми вытекающими отсюда последствиями», и «отчуждение наделных земель было делом вполне возможным. Причем формы его были самыми различными: наследование, купля-продажа, обмен»²⁷³. Объясняя это явление острой нехваткой земли, необходимой для поддержания минимума жизни крестьянской семьи, с одной стороны, и развитием товарно-денежных отношений, при которых отдельные хозяйства стремились к расширенному товарному производству, — с другой, А. Н. Сахаров не касался вопроса о бытовании этого явления с правовой точки зрения.

Довольно подробно разные формы земельного распоряжения у вологодских монастырских крестьян во второй половине XVII — начале XVIII в. были рассмотрены на актовом материале Е. Н. Баклановой (наследование внутри семьи; передача земли боковым родственникам по письменному или устному завещанию; раздел земли при семейном разделе; передача земли в качестве приданого; обмен тяглых участков; купля-продажа дворов и наделов; аренда)²⁷⁴. Е. Н. Бакланова считает, что крестьяне, будучи «крепки» владельцу, не были прикреплены к какому-то определенному участку. «Факты распоряжения тяглыми участками показывают, что все сделки совершались только внутри феодальной вотчины и даже в еще более узких пределах — одной ее волости, в границах определенной территориальной общины. Земля, естественно, не выходила из собственности феодала, не отчуждалась на сторону, а сменялись и перетасовывались лишь держатели наделов. Смена участка по сделке передавала другому только право владения и пользования им», — писала Е. Н. Бакланова²⁷⁵. При этом она отмечала разницу в обычно-правовом статусе разных земель; так, тяглая наделная земля крестьянским правосознанием рассматривалась как общинная, а лесные рощистки — как индивидуальное владение²⁷⁶. Наконец, в исследовании Л. С. Прокофьевой в специальной главе, посвященной способам отчуждения и формам пользования наделной землей, было обращено внимание на то, что полюбовные земельные сделки в крепостной деревне «отразили те нормы обычного права, которыми регулировались поземельные отношения между крестьянами, и степень приспособляемости крестьян к практике того времени»²⁷⁷. К подобным сделкам Л. С. Прокофьева отнесла обмен наделной земли внутри вотчины, сдачу тяглой земли и ее куплю-продажу. Она

²⁷³ Сахаров А. Н. Русская деревня XVII в. М., 1966, с. 146—147.

²⁷⁴ Бакланова Е. Н. Крестьянский двор..., с. 160—180.

²⁷⁵ Бакланова Е. Н. Крестьянский двор..., с. 179—180.

²⁷⁶ Бакланова Е. Н. Крестьянский двор..., с. 172.

²⁷⁷ Прокофьева Л. С. Крестьянская община в России во второй половине XVIII — первой половине XIX в.: (На материалах вотчин Шереметевых). Л., 1981, с. 96 и след.

справедливо рассматривала эти сделки в общей связи с практикой регулирования общинных поземельных отношений как отражение потребностей крестьян и их внутренних правовых отношений, обусловленных реальным фактом владения землей и трудовым началом и отвечающих интересам как самих крестьянских хозяйств, так и соседской общины и самого помещика²⁷⁸.

В целом же обращение земли в крепостной деревне рассматривалось в связи с социально-экономическими процессами и значительно меньше — в ракурсе правовых отношений в условиях крепостной действительности и общинного землепользования. Поэтому вопрос о поземельном праве двора сохраняет тем большую значимость, чем больше правовая основа использования им земли находится в прямой связи с его производственной деятельностью как первичной единицы сельской общины. Было бы неверно представлять, что земельные отношения в крепостной деревне основывались на чисто «механических» связях между крестьянским двором и общиной, при которых община предоставляла каждому крестьянину необходимые ему угодья, и тем самым вопрос исчерпывался. Земельное крестьянское владение в помещичьей деревне имело свою специфику, что в огромной степени определяло типологию крепостной общины. Порядок владения и структура землепользования в ней поддерживались, что уже рассматривалось в предыдущем разделе, системой обычно-правовых норм. Эта система основывалась, с одной стороны, на дуалистическом сочетании общинного регулирования коллективно используемых земель и семейно-наследственного использования комплекса угодий, необходимых двору для ведения своего хозяйства; с другой стороны, эта система допускала также обычно-правовое дуалистическое сочетание общесемейного и личного владения. Функционирование этой системы во многом зависело от вотчинного статуса общины, допускаемого или устанавливаемого помещиком. Само собой разумеется, что в условиях полицейско-вотчинного режима, нередко устанавливавшегося в барщинных имениях, функции общины сплошь и рядом сводились на нет, а бытование обычного права зависело от барской администрации. При других, более благоприятных условиях, в оброчных имениях обычно-правовые установления не только сохранялись, но и изменялись, когда община в пределах своих возможностей приспособлявала свое земельное хозяйство так, чтобы вынести гнет тяглых обязательств. Втягивание деревни в товарно-денежные отношения в свою очередь не могло не отразиться на общинно-правовых земельных нормах. А. Л. Шапиро справедливо отмечал: «Феодальная земельная собственность была невозможна без крестьянского земельного владения. И как бы широки ни были права собственности феодала, он должен был считаться с владельческими правами крестьянина. Даже если этот крестьянин был крепостным, его владельческие права невозможно было безгранично ущемлять, не ущемляя тем

²⁷⁸ Прокофьева Л. С. Крестьянская община..., с. 98, 101—102.

самым своим собственными барские интересы. Владение наделом не было простой формальностью или фикцией. Оно имело большое хозяйственное значение»²⁷⁹.

Важнейшей нормой обычного права было неоспоримое право крепостного крестьянина на пользование тяглой землей. И К. Маркс и В. И. Ленин отмечали, что в феодальном обществе крестьянин осуществлял производство на фактически принадлежавшем ему поле²⁸⁰. По правовым представлениям деревни, угодья считались принадлежностью деревенской общины, но на различные земли по-разному распространялись права отдельного двора. Если в государственной деревне на протяжении рассматриваемого времени стойко удерживалось индивидуальное наследственно-подворное держание, то в крепостной деревне такое держание жестко ограничивалось не только обязательным несением тягла, но и его объемом. До тех пор, пока крестьянин нес тягло, общинные власти не могли лишить его угодий. Очень образно право безусловного владения наделом было сформулировано в одном мирском приговоре чухломской Аксеновской общины в 1816 г. Рассматривая претензию одного крестьянина на землю соседа, мир отказал ему на том основании, «что оной Антипа самовольно земли не скидывает, а сильной рукою отнимать запрещается»²⁸¹. Эта же мысль отразилась в приговоре 1820 г. той же общины, отвергнувшей предложение одного крестьянина поверстать всех «равно» и решившей «иметь всякому свое насколько есть»²⁸².

Только по приказу помещика община могла лишить двор части его земель. Такой случай разбирался Аксеновской общиной в 1819 г., когда один крестьянин просил вернуть участок, отнятый, по его словам, в «младые годы» «сильной рукою» соседа. Мир вынужден был отказать в просьбе, мотивируя передачу земли «повелением госпожи»²⁸³. Тот же правовой момент неоднократно прослеживается в мирской документации ярославской Никольской общины. В 1805 г. при очередной тяглой переоброчке по просьбе крестьян Федора Никифорова и Степана Андреева мирское управление вернуло им части их наделных земель, которые ранее в связи с ослаблением тяглоспособности дворов были переданы другим крестьянам. В тяглой ведомости указывалось, что отрезанные участки «состояли» в их «владении» и ныне «обращены» в их же «владение»²⁸⁴. На том же праве владения основывалось заявление крестьянина Тимофея Антропова, просившего в 1815 г. возвратить ему «собственную свою землю в прежнее свое владение», которая ранее была передана в использование

²⁷⁹ Шапиро А. Л. О природе феодальной собственности на землю.— ВИ, 1969, № 12, с. 59.

²⁸⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 358; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 184.

²⁸¹ ЦГАДА, ф. 1268, оп. 3, д. 6, л. 6об.

²⁸² ЦГАДА, ф. 1268, оп. 3, д. 6, л. 12.

²⁸³ ЦГАДА, ф. 1268, оп. 3, д. 6, л. 9.

²⁸⁴ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 550, л. 8об.— 9.

трех другим крестьянам. Временные владельцы земли отдали ее «беспрепятственно»²⁸⁵.

Случалось, что общинные власти продавали своим крестьянам тяглую землю. Такие «продажи» могут вызвать недоумение, если их принимать буквально. Так, в 1788 г. мирским приговором Никольской общины выморочный комплекс тяглой земли (дворовая, полевая, овинная, покосная) был продан братьям Петру и Степану Ушаковым за 40 р. «вечно во владение»²⁸⁶. Однако дело заключалось в том, что Ушаковы были откуда-то переведены гр. В. Г. Орловым и по формулировке мирского приговора «новоопределены во крестьянство»; суть же общинного решения сводилась фактически к продаже собственно не земли, которая считалась общинной, а права на ее «вечное» использование, коль скоро Ушаковы стали членами этой общины.

Таким образом, широко распространенное в крепостных общинах понятие «вечное владение» (иначе — «домашнее», «собственное») отражало лишь право на потомственное тяглое владение общинной землей. Это право распространялось на двор, т. е. имело прежде всего общесемейный характер. Таким оно рассматривалось и общиной. Правда, при семейных разделах главы дворов весьма часто подчеркивали свое личное право распоряжения землей, указывая в раздельных актах, что они «награждают» выделявшихся домочадцев «своей собственной» землей. Однако личное право на тяглую землю главы неразделенной семьи имело более престижный, нежели фактический характер. Община, исходя из тяглых соображений, могла не разрешить дробления полевой земли, принадлежавшей тому или иному двору. В 1813 г. Никольское правление приняло даже общее решение не разрешать разделов, если в деревне наблюдалось «земельное утеснение»²⁸⁷. Из тех же соображений даже разделившиеся семьи иногда сохраняли общность земельного надела. О сохранении земельно-хозяйственной общности свидетельствует «раздельное письмо» крестьянина Никольской общины Александра Антропова, который в 1807 г., выделяя старшего сына и подробно оговаривая равенство имущественных прав каждого из трех своих сыновей, не только не поделил между ними полевую землю, но и обусловил их взаимную ответственность за исполнение господских и государственных повинностей; если один из них обеднеет, «отвечать должны брат за брата»²⁸⁸. В 1815 г. в той же общине вдова Настасья Тимофеева, отделяя сына и оставаясь главой семьи, лишь оговорила в раздельном акте возможность раздела тяглой земли: если «не разсудится нам вместе пахать... то даю ему пополам со мною владеть»²⁸⁹. Без всяких оговорок в отношении земли в 1824 г. там же обусловила раздел трех своих взрослых

²⁸⁵ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 107об.

²⁸⁶ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 114, л. 10—11.

²⁸⁷ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 583, л. 146—150 (п. 10).

²⁸⁸ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 20—21.

²⁸⁹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 651, л. 6—6об.

женатых сыновей вдова Аппа Белова. Соглашаясь на бытовое выделение семей своих сыновей, на равных условиях разделяя между ними движимое и дворовое имущество и обуславливая личную ответственность каждого из них за тяглые обязательства, в «любительном» прошении о разделе от своего имени и имени сыновей она подчеркнула сохранение общности всех видов угодий: земля дворовая, гуменная, капустная, луговая, полевая «от дома не отходила бы»²⁹⁰. В 1810 г. при выделении из семьи никольской крестьянки вдовы Агафьи Васильевой младшего сына даже не упоминалось о выделении ему земельных угодий²⁹¹.

Тяглая, а тем самым и земельная общность сохранялась между некоторыми малыми, некогда составлявшими неразделенные, семьями в конце XVIII в. в чухломской общине с центром в сельце Погорелки. Из 350 семей, перечисленных в росписи раскладки рекрутской повинности на 1787 г., 48 близкородственных семей — чаще всего братья, редко — отцы с сыновьями или дядья с племянниками — несли общее тягло. Тем самым при распаде неразделенных семей в 19 случаях сохранялась общность их наделов²⁹². Возможно, что сама община препятствовала дроблению земли у несильных в тяглом отношении дворов; однако, можно также думать, что в ряде случаев разделившиеся братья сознательно не дробили крупное тягло, которым они обладали.

Из общесемейного права на тяглую землю вытекало право распоряжения в виде передачи ее младшим членам семьи. Наследование тяглой земли было обязательным условием самостоятельного хозяйственного функционирования малой семьи, а тем самым — и тяглоспособности сельской общины. Такое наследование приводило к тому, что из поколения в поколение отдельный двор использовал одни и те же полевые земли деревенской общины, считая их «своими», находящимися в «вечном владении», что серьезно препятствовало тем передельным тенденциям, которые, как указывалось выше, возникали в общинах. Анализ окладных книг Никольской общины, хорошо сохранившихся за 1780—1820-е годы, неоспоримо свидетельствует о потомственном переходе тяглой земли в каждой деревне от отца к сыновьям²⁹³.

Сущность подворного земельного наследственного права заключалась в том, что в семье — неразделенной или малой — на каждого ее члена мужского пола в равных долях распространялось потомственное наследование. В неразделенных семьях сыновья наследовали поровну долю их отца, которая в свою очередь полагалась ему наравне с его братьями; в случае смерти отца его доля переходила к малолетним сыновьям. В малой семье земельные права в равной степени распространялись на отца и его сыновей.

²⁹⁰ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 1135, л. 1—3.

²⁹¹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 3, д. 587, л. 3.

²⁹² ЦГАДА, ф. 1369, оп. 1, д. 49, л. 1—14.

²⁹³ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 29, 35, 55, 118, 200, 285, 423, 435, 509, 914, 967, 1168.

Общинные требования о тягlosigkeitности выделявшихся членов неразделенных семей, порожденное феодалными повиновениями, укрепляло традицию равенственного раздела между ее членами тяглой общинной земли. Вместе с тем эта традиционная норма не способствовала укреплению внутри общины тяглой равенственности дворов, так как земля делилась вне зависимости от того, насколько много- или малолюдны были части разделявшихся семей. В 1815 г. мирское правление Аксеповской вотчины даже отклонило просьбу двух братьев о разделе земли в пропорции 5:7 и обязало их делить ее пополам; тогда же, разбирая конфликт в другой братской семье, оно указало на необходимость аналогичного решения во избежание исков и апелляции к помещику пострадавшей стороны, чтобы «впредь до суда не доходить»²⁹⁴.

Сохранившиеся в значительном количестве отдельные акты за 1780—1810-е годы крестьян Никольской общины свидетельствуют о жестком соблюдении этих правил. Если отец при полном разделе со взрослыми сыновьями или выделе одного из них сохранял тягlosigkeitность, равная доля комплекса тяглой земли (дворовой и полевой) оставалась за ним²⁹⁵. В случае же нетягlosigkeitности отца за ним оставалась только доля дворовой земли (собственно двора, часть огорода и гумна), а полевые земли делились между сыновьями²⁹⁶. В частности, в 1784 г. в с. Никольском при разделе семьи, состоявшей из деда, его сына и взрослого внука, все имущество делилось на три равные части, кроме земли, которая была поровну разделена «мимо» нетягlosigkeitного уже деда между его сыном и внуком²⁹⁷. При выделении сыновей из семей, которые возглавлялись вдовами-матерями, весь земельный комплекс делился только между братьями²⁹⁸. Мать-вдова как нетягlosigkeitная не имела права на долю земельного комплекса двора.

В Никольской общине неравные земельные разделы изредка допускались тогда, когда на «собственные» земли и на «накладные», т. е. переданные во временное владение двора до очередной переобработки, не распространялись одни и те же правовые нормы. В 1798 г., передавая все тягло двум сыновьям и разделяя их, престарелый Петр Белов поделил поровну «свое» поле, но старшему сыну передал еще целиком «наложенный» на них участок в соседней деревне. В 1799 г. другой никольский крестьянин Антип Матвеев, выделяя двух сыновей и оставшись с младшим, также поровну разделел «свое поле», а большую часть «наложенной» земли передал старшим детям²⁹⁹. Таким образом, земля на

²⁹⁴ ЦГАДА, ф. 1268, оп. 3, д. 6, л. 5об.

²⁹⁵ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 434, л. 28об.; д. 544, л. 24—25об., 36, 46—47. Судя по одному отдельному акту за 1814 г., тот же порядок наблюдался в Нерехотской Писповской общине (Там же, ф. 1396, оп. 1, д. 1379, л. 1—2).

²⁹⁶ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 253, л. 15—15об.

²⁹⁷ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 69, л. 17.

²⁹⁸ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 39, л. 7; д. 253, л. 10.

²⁹⁹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 316, л. 1; д. 346, л. 1—1об.

«своем» деревенском поле строго делилась на равные доли, а «наложенная» во временное пользование могла делиться дифференцированно.

Не менее строго уравнительно делилась земля при распаде неразделенных «братских» семей³⁰⁰. Правда, и в этих ситуациях бывали исключения. В 1799 г. в с. Никольском два брата разделили землю поровну, исходя из общей совокупности площади имевшихся у них полевых участков («своих» и «накладных»), но «домашняя» (дворовая) земля была ими разделена в разной пропорции³⁰¹. Только изредка допускались неравные земельные разделы; они осуществлялись или с компенсацией, или «полюбовно», когда крайне необходимо было учитывать уровень тягоспособности каждой выделявшейся семьи. В 1780 г. братья Никита и Гурий Емельяновы, по-видимому, тяглую землю по месту жительства разделили пополам, так как в их «любительном письме» о ней даже не упоминалось; выделенная же им земля в соседней деревне отошла вся Гурию, за что он уплатил брату 100 р.: за Гурием осталось также право и на кортомную (арендуемую) пустошь³⁰². В 1796 г. при разделе в д. Ветрове трех братьев Кузьминых выделявшийся Степан получил земли немногим меньше причитающейся ему доли; сделано это было, по всей вероятности, по необходимости, чтобы не отрезать от поля мизерного участка в его пользу. Тем не менее братья компенсировали ему эту потерю деньгами, исходя из практики, «как друг другу в нашей деревне землю отдавали»³⁰³. Дифференцированно разделили в 1781 г. землю в с. Никольском братья Федор и Алексей Тякины. Их соглашение объяснялось составом семей: у Федора был еще один работник — шестнадцатилетний сын, а у Алексея — четыре дочери, из которых только старшей было 18 лет³⁰⁴. Аналогичный подход к разделу земли на основе состава семей произошел в с. Никольском в 1797 г. в семье Королевых, где у одного брата, Петра, было три сына и дочь, а у другого, Тимофея, — один сын. Деля хозяйство пополам, братья все же решили распределить землю с преимуществом для Петра³⁰⁵.

Некоторые отклонения от равенственного земельного раздела объяснялись также тем, что делившиеся братья стремились не дробить отдельные участки земли. Так, при разделе в 1786 г. братьев Десятовых в д. Рукавое по условиям «договорного письма» за Антипом оставалась почти вся земля в родной деревне и принадлежавшая им в полях, относящихся к д. Ваулино; Ивану переходила земля, числившаяся за ними в д. Кулынове и купленная ими же в Бурцовской пустоши; другой купленный участок в

³⁰⁰ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 114, л. 30; д. 253, л. 3, 4, 14—14об., 20; д. 544, л. 39—43, 48об.—49, 55; д. 587, л. 2—2об.

³⁰¹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 346, л. 2.

³⁰² ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 28, л. 21.

³⁰³ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 253, л. 7.

³⁰⁴ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 39, л. 3.

³⁰⁵ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 314, л. 1.

Кульшове делился пополам. Только условно за Иваном оставалась в Рукавове половина осьмака; если он в своей деревне от общины получал новый надел, то эту часть осьмака он должен был вернуть брату³⁰⁶. Точно так же поступили в 1796 г. разделявшиеся в д. Анкудиново три брата Федоровы. Они на равные доли разделили земли в своей деревне, два брата оставили за собой числившуюся за ними землю в пустоши Мизинцево, а третьему, выделявшемуся брату предоставили имевшийся у них участок на Харитоновской пустоши, хотя он был несколько меньше мизинцевской земли³⁰⁷.

Обычно разделы земли при распаде неразделенных семей происходили без конфликтов. Однако, когда в них были лица, связанные между собой боковым родством, а тем более малолетние сироты, общинам в ряде случаев приходилось защищать их интересы. Известны отдельные акты крестьян Никольской и чухломской Погорелковской общин, по которым дядя беспрепятственно выделял своим племянникам их земельную долю³⁰⁸. Повидимому, все же нередко в таких неразделенных семьях лица бокового родства при разделах терпели притеснения. Так, в семье никольских крестьян, состоявшей из двух родных братьев Степана и Дмитрия Федоровых и их двоюродного брата Ивана Яковлева, по обычному праву деревни имущество должно было быть разделено на две равные части; одна из них — Федоровым, а другая — Яковлевым. Однако Степан и Дмитрий принудили Ивана делить имущество и земли на три равные доли³⁰⁹. Там же в 1793 и 1811 гг. общинные власти вынуждены были вмешиваться и обеспечивать «наследственное имущество» племянников, которых обделяли дядя. В начале XIX в. такие же случаи происходили в с. Погорелки³¹⁰.

Любопытно, что общинные власти в свою очередь могли пойти на нарушение обычно-правовой нормы, если оно сулило им тяглую выгоду. Такая «гибкость» была проявлена никольскими «мирскими» людьми в 1788 г., обратившимися в домовую контору Орловых за разрешением разделить весь двор и земли между Акилиной Ивановой, оставшейся вдовой с четырьмя дочерьми, и ее племянником³¹¹. По обычному праву, тяглая земля безусловно должна была отойти к племяннику, но мир, по всей вероятности, полагал, что Акилина может принять к какой-либо дочери зятя-примака и ее семья вновь станет тяглой. Мнение мира было поддержано В. Г. Орловым, и мирской приговор утвержден в пользу Акилины.

³⁰⁶ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 907, л. 4—5.

³⁰⁷ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 253, л. 14—14об.

³⁰⁸ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 586, л. 1—1об.; ф. 1369, оп. 1, д. 255, л. 1—2.

³⁰⁹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 253, л. 19.

³¹⁰ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 253, л. 26; д. 583, л. 86—87; ф. 1369, оп. 1, д. 113, л. 1.

³¹¹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 114, л. 13—14.

Личное право каждого мужчины в крестьянской семье на тяглую землю имело серьезные ограничения. Прежде всего оно действовало только в пределах деревенской общины. Если при семейных разделах кто-либо выходил из родной деревни в соседнюю, входившую, разумеется, в состав той же сложной общины, вступало в силу общинное деревенское право, по которому уехавший не мог претендовать на свою долю в деревенских земельных угодьях или на ее компенсацию, а должен был получить надел от той деревни, куда он переселялся. В сложных общинах такие переселения были не так уж редки. Им способствовала практика дополнительного обеспечения крестьян тяглой землей в полях тех деревень, где при очередной переоброчке имелись свободные участки. Как уже указывалось, передача таких участков крестьянам других деревень считалась условной, но если они становились основой полевого хозяйства того или иного крестьянина, то происходило их закрепление за переселившимся в соседнюю деревенскую общину дворовладельцем. Так, в 1796 г. в Никольской общине при разделе братьев Феклиных в д. Бараново Андреян оставался хозяйствовать на старом месте, а Кондрат выезжал в д. Уткино, на имевшуюся у них там землю³¹². Точно так же при разделе в 1798 г. в с. Никольском трех братьев Серебряковых в их «полюбовном письме» старшие братья специально оговаривали свое право на всю числившуюся за семьей землю, если младший захочет переехать в другое селение³¹³. По всей вероятности, такое же переселение предусматривалось там же в 1809 г. при разделе братьев Бухаловых, когда за младшим Иваном в их родной д. Роца оставался не только двор, но вся «без остатка» земля, а старший Григорий получал компенсацию за «дом» и лишь незначительный, числившийся за ними участок в д. Сельцо³¹⁴. При разделе в 1807 г. двух братьев Кишкиных этот порядок предусматривался сам собой и не оговаривался; по раздельному акту, имущество делилось пополам, один из братьев «поступался» половиной двора, а о земле даже не упоминалось, коль скоро она не подлежала разделу³¹⁵.

Аналогичный порядок соблюдался и в других общинах. В 1791 г. крестьянин костромской Сидоровской вотчины Орловых Тихон Григорьев просил вотчинное правление утвердить его переезд в другую деревню на освободившийся тяглый участок, так как на старом месте испытывалась «теснота жительствова» и его такую же по размеру тяглую землю соседи «желают к себе принять»³¹⁶. В 1819 г. в чухломском с. Погорелки (Натальине) Влас Климов так же переехал из д. Марьино в починок Сняжков, а свое тягло «по полюбовному согласию» не только оставил соседу «в вечное и потомственное владение», но и обязал его уплатить за себя

³¹² ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 252, л. 1.

³¹³ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 317, л. 1.

³¹⁴ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 32об.—33.

³¹⁵ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 16—16об.

³¹⁶ ЦГАДА, ф. 1454, оп. 2, д. 496, л. 2.

«всякие подати» за целый год и выдать денежную компенсацию в 150 р.³¹⁷

Другое ограничение личного права крестьянина на тяглую землю определялось обычно-правовым представлением о том, что члены некогда существовавшей неразделенной семьи даже после выдела сохраняли преимущественное право на передачу им тяглой земли, если по каким-либо причинам их отдельно живущий родственник от нее отказывался. Коль скоро неразделенные семьи были не очень сложного состава, то это преимущественное право распространялось на родителей и детей, родных и двоюродных братьев, дядей и племянников. Таким образом, несмотря на то, что после распада неразделенных семей родственно-имущественные отношения между ее членами прерывались, во владении тяглой общинной землей сохранялась определенная связь. В повседневном сельском быту это преимущественное право вступало в силу при семейных разделах или во время очередных тяглых переоброжек, когда у того или иного крестьянина либо уменьшалось, либо вовсе с него снималось тягло.

О действительности родственного преимущественного права можно судить по конфликту, который произошел в Никольской общине в 1809 г. Его суть заключалась в том, что крестьянин д. Чумжино Иван Прокофьев, освобожденный от тягла и не имевший наследников мужского пола, сдал «родственную свою тягольную землю» (пахотную, полевую, покосную и лесную — безвозмездно, а гуменную и «капустную» с денежной компенсацией в 30 р.) соседу, сохранив за собой двор и огород. Соглашение об этом между ними было составлено 16 марта и внесено в общинную книгу, в которой фиксировались имущественные крестьянские сделки. Однако двоюродный брат Ивана Семен Смолнин опротестовал сделку, общинные власти с ним согласились, и уже 24 марта в общинной книге была сделана запись о том, что договорное «письмо» «прекращено», а «означенную землю» Иван отдал «в роды свои» брату Семену «в вечное владение»³¹⁸.

При семейных разделах в некоторых случаях даже специально оговаривалось взаимное право близких родственников на тяглую землю. В 1780 г. сами общинные власти Никольской вотчины, определяя условия конфликтного раздела дяди и племянника, решили, что если у племянника «силы не будет» владеть «всякой дворовой и полевой землей», то никому, кроме дяди, она не может быть отдана³¹⁹. В 1786 г. там же при уже упоминавшемся выше разделе братьев Антипы и Ивана Десятовых в их «договорное письмо» было внесено условие, согласно которому, если у Ивана не будет сил «владеть» землей, она переходит только к Антипе и его детям³²⁰. В том же году при разделе свекра со снохой была обусловлена обязательная взаимная передача земли дедом внуку

³¹⁷ ЦГАДА, ф. 1369, оп. 1, д. 255, л. 5.

³¹⁸ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 27—28.

³¹⁹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 28, л. 19.

³²⁰ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 907, л. 4, 5.

или внуком деду, если один из них не сможет ее обработать³²¹.

При тяглых переоброчках нередко отрезавшийся у крестьянина полевой участок передавался временно или в «вечное владение» родственникам. В общинной документации второй половины XVIII — начала XIX в. (окладные книги, мирские приговоры) можно постоянно встретить указания о «приеме» земли при тяглых переоброчках от братьев, дядьев и племянников³²². В 1810 г. в с. Никольском Андрей Ястребков получил дополнительную землю, отрезанную от отца, а в 1814 г. мать-вдова Мавра Баладина, продолжавшая возглавлять семью, взяла пашенную и покосную землю у своего же отделенного сына³²³. Иногда прием родственниками «скинутой» земли происходил в результате конкурентной борьбы с соседями, и ее успех зависел от мнения общинных властей. В чухломской Аксеновской общине в 1819 г. за 5 «копеек» пашни, от которой за свою семью отказалась одна вдова, боролась целая группа крестьян и в их числе ее свекор. Мир решил большую часть отдать свекру; тогда же один крестьянин просил передать ему землю покойного дяди, но получил лишь одну полосу, которая примыкала к его участку³²⁴. В Никольской общине при полной сдаче тягла нетрудоспособными крестьянами или вдовами случалось, что земля полностью переходила к родственникам. В 1794 г. Герасим Никифоров «принял» ее от деда, а Афанасий Семенов и Иван Софонов — «после» братьев³²⁵. При этом даже допускалась передача тяглой земли по женской линии. В 1786 г. вдова Матрена Ильина «отказала» землю брату, а в 1808 г. мирские власти передали землю солдатки ее отцу³²⁶. По всей вероятности, чтобы поддержать нетяглоспособные семьи, а точнее их осколки, общинные власти молчаливо соглашались даже на плохо скрывавшуюся продажу тяглой земли. В 1782 г. вдова Аксинья Соленикова «приняла» в свой двор родного брата Алексея Бодунова с условием, что вся земля фактически переходит к нему, а она получает «за постройку всякую домашнюю» немалые по тому времени деньги — 300 р.³²⁷ Только за 1809 г. сохранилось три подобных соглашения скрытой продажи тяглой земли родственникам; в одном случае престарелый крестьянин продал землю родным братьям, а в двух — тетке «поступались» ею племянникам³²⁸. От 1805 г. сохранилось любопытное соглашение между дядей и вдовой-племянницей с взаимным обязательством. Дядя получал от племянницы половину ее тяглой земли с уплатой 30 р. в виде компенсации за вложенные в нее удобрения.

³²¹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 82, л. 17об.— 18.

³²² ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 35, л. 1—9; д. 83, л. 1—2; д. 200, л. 1—12, 18—19; д. 725, л. 22об.

³²³ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 100; д. 725, л. 29—32.

³²⁴ ЦГАДА, ф. 1268, оп. 3, д. 6, л. 7об., 10а, 12.

³²⁵ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 200, л. 1—12, 18—19.

³²⁶ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 83, л. 1—2; д. 654, л. 25—29.

³²⁷ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 39, л. 19об.— 20.

³²⁸ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 29—30, 36об.— 37об., 52об.

ние и труд, затраченный на постройку ограды вокруг участка; если вдова принимала в дом к дочери примака, то эта земля ей возвращалась, а она отдавала дяде 30 р.; если же найти зятя вдово не удавалось, то она передавала дяде оставшуюся часть тяглой земли и получала от него еще 30 р.³²⁹

Передача родственникам тяглой земли происходила, конечно, далеко не всегда. Значительно чаще она осуществлялась между соседями, но тогда в соглашениях, утвержденных общинными властями, обязательно указывалось, что земля передается «в вечное владение»³³⁰. Эта формулировка имела вполне конкретное содержание, исключавшее претензии родственников на земли, некогда находившиеся во владении одной семьи. Таким образом, в сельской общине отражалась борьба между родственным принципом, который основывался на подворном владении землей, и соседско-общинном, вытекавшим из права общины распоряжаться землей крестьянина, если он не мог тянуть с нее тягло.

При указанных ограничениях главы крестьянских семей, в том числе и вдовы, имели право временного распоряжения тяглой землей с согласия, разумеется, общинных властей, т. е. сдать часть ее соседям ради уменьшения тяглого оклада или передать в кортом (аренду). В окладных книгах и в мирских приговорах разных общин — Никольской, Сидоровской, Писцовской, Аксеновской — не случайно употреблялась разная терминология при уменьшении или увеличении тягла, падавшего на двор. Так, в Никольской общине в тех случаях, когда в тяглой документации указывалось, что земля «снята», уменьшение тягла происходило по инициативе общинных комиссий и с согласия дворовладельца; когда же указывалось, что крестьянин «скидывает» или «отказывает» землю, переобработка происходила уже по его просьбе, с которой считалась община. В 1780 г. при очередной переобработке 16 дворохозяев сами «отказали» часть тяглой земли, а с 3 хозяйств она была «сложена» мирской комиссией; в 1786 г. из 24 случаев снижения тягла в 22 оно произошло по инициативе дворовладельцев («отказали») и только с двух дворовладельцев часть земли была «снята»³³¹. В с. Дмитровском, входившем в Писцовскую общину, в 1775 г. все земельно-тяглые изменения происходили по просьбе дворовладельцев, которые «отказывали» доли своих тягол³³². При подобных «отказах» крестьяне использовали свое право распоряжения тяглой землей и уменьшали тягло прежде всего путем сдачи участков, которые им были отведены во временное пользование в других деревнях или на пустошах. «Отказы» от «своей», «домашней» земли на основном деревенском поле вызывались только крайней необходимостью и были довольно редки.

³²⁹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 1.

³³⁰ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 725, л. 30об.— 32.

³³¹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 29, л. 11—12; д. 83, л. 1—2.

³³² ЦГАДА, ф. 1396, оп. 1, д. 623, л. 1—11.

При таких временных сдвехах тягла в дальнейшем могли возникнуть конфликты, когда ставился вопрос о возвращении сданного участка. Из приказов за 1770-е годы в ветлужскую вотчину В. И. Суворова видно, что он запрещал продажу и заклад пахотной и сенокосной земли внутри общины³³³. Однако в 1790 г. приказчик, староста и мирские люди почтительно, но твердо напомнили своим владельцам, чтобы они на жалобы, подаваемые в связи с земельными спорами, свои решения без «мирского ответа» не выносили, ибо, «если бы сие изволили сделать, то бы вся вотчина переменялась, друг из-под дружки стали б землю доставать». Владельцы вынуждены были согласиться, «чтобы всяк владел своей землею, или кто хотя и завладел из-под крестьян землею, да окупает, так тому и владеть»³³⁴. В 1823 г. поверенный Нарышкиных Филимон Ромашов писал им об обращении земли между их крестьянами в переяславль-залесском имении (с. Загорье): «Господская земля точно благоприобретенная переходит между ними из роду в род, как наследственная; а есть ли кто, не имев родственников и ему нужно тягло свое отказать, то сие не иначе происходит, как через продажу, я был самовидец этому — один старик лет 70 имеет при себе на пропитание господской земли половину тягла, из которой одну четверть передавал в другой дом невестке своей, и за сие между ними условнялось было старику получать 25 р.; многие так делают, что господскую землю продают, как свою собственную...»³³⁵. В начале XIX в. в Аксеновской общине мирское собрание сочло необходимым сдерживать обращение тяглою земли, и в 1816 г. мирским приговором было запрещено продавать окладные земли³³⁶.

Помимо сдачи части тягольной земли, за которой могла скрываться продажа, обращение участков происходило также путем передачи их в аренду (в кортом), что допускалось обычно-правовыми нормами деревни. Соглашения об аренде оформлялись в вотчинном управлении и утверждались мирскими приговорами. Заключались они на разных условиях. Земля могла сдаваться в аренду даже бессрочно, но ее владелец оставлял за собой право ее возвращения. В 1771 г. в Никольской общине в д. Большая Шемнина крестьянин В. Ешнонок «принял» у своего же соседа А. Родионова четверть «осьмака» при условии возврата земли владельцу или его детям «без всякой оговорки» тогда, когда она им «понадобится». В 1777 г. в нижегородском с. Городец, принадлежавшем Орловым, четверо крестьян «наняли» «себе во владение» пашенную землю на десять лет. В 1786—1788 гг. в Никольской общине было зафиксировано несколько случаев длительной аренды отдельных участков тяглою земли. Семья Сериных отдала крестьянину Т. Михайлову 3,75 дес. за 3 р. в год «владеть

³³³ Из переписки помещика с крестьянами во второй половине XVIII столетия. — ТВУАК, 1904, кн. VI, № 19, 23—25, 29, 34.

³³⁴ Из переписки..., № 55.

³³⁵ ЦГАДА, ф. 1272, оп. 2, д. 63, л. 10—11.

³³⁶ ЦГАДА, ф. 1268, оп. 3, д. 3, л. 22об.— 23.

вечно», но лишь пока сами Серипы ей «владеть будут». В 1788 г. вдова Д. Осипова просила мирское подтверждение в том, чтобы «пол-осьмака» тяглой земли, сданной покойным мужем другому крестьянину, было ей возвращено, когда она в силах будет его держать³³⁷. В начале XIX в. там же крестьянин д. Ваулино Иван Кшишкин «припаял в кортому» на пять лет землю от крестьянина д. Рукавово Осипа Костерина, а в д. Русиново Акимья Никитина сдала в кортом землю на три года соседу Гр. Игнатьеву³³⁸. В то же время в костромском с. Сидоровском 12 крестьян арендовали внутри общины землю за «договоренную плату» и с обязательством к тому же выполнять с нее тяглые повинности³³⁹.

По сути дела временная сдача части тяглой земли до очередной переобработки и сдача в аренду были проявлением одного и того же права условного распоряжения, которым обладал каждый крестьянин-дворовладелец.

Несколько иначе подходили крестьяне-общинники к праву неотчуждаемых семей распоряжаться наделной землей. Владеть ей они, безусловно, не могли, но даже вопреки вотчинным установлениям общины допускали фактическую продажу такой земли. В 1814 г. в одном мирском приговоре Никольской общины было отмечено, что «законом» определено «господскую» землю не продавать; однако община не опротестовала продажу тяглой земли вдовой по «письму», заключенному с соседом, а только снизила ее стоимость. Складывается даже впечатление, что ссылка на «закон» в данном случае понадобилась мирскому управлению только для того, чтобы изменить условия сделки³⁴⁰. В 1810 г. участок тяглой земли был там же продан, а сделка, оформленная «письмом», отмечена в окладной росписи³⁴¹. По существу же во всех случаях, как указывалось, продавалась собственно не тяглая земля, а право на ее использование. В некоторых соглашениях того же времени вопрос о продаже тяглой земли дипломатически обходился; в одних указывалось, что тяглая земля «отдается», а дворовая — огородная и гуменная — «продается»³⁴², по другим соглашениям, все «передавалось» без указания материального возмещения³⁴³, или указывалась общая стоимость всего передаваемого комплекса — дома, хозяйственных построек, дворовых и полевых угодий³⁴⁴. Однако так или иначе во всех сделках, фиксировавших ликвидацию тяглого хозяйства, отражалось право распоряжения дворовладельца всем хозяйственным комплексом двора; несмотря на вотчинные «указы» о запрете продажи тяглой земли, общины считали в этих случаях такие сделки возможными.

³³⁷ Александров В. А. Сельская община..., с. 228—230.

³³⁸ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 725, л. 2об.—3, 20 об.

³³⁹ ЦГАДА, ф. 1454, оп. 2, д. 1138, л. 1—2.

³⁴⁰ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 86.

³⁴¹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 725, л. 29 об.

³⁴² ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 675, л. 1—2.

³⁴³ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 10—11об.; 116 об.

³⁴⁴ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 22 об., 29—29об., 33об.—34, 82—82об.

ми. При этом тяглая земля передавалась не на усмотрение мира, а с его согласия конкретному лицу, что оформлялось договорным документом.

На своеобразном статусе находились общинные земли, персонально приведенные тем или иным крестьянином в культурное состояние. Такие рощисты входили в тяглый оклад, но на них распространялось право распоряжения ими внутри общины. Основанием к тому служил вложенный по освоению земли труд и если община располагала земельными резервами, то обращение рощистей допускалось. Даже некоторые помещики признавали личное право распоряжения рощистями. В ветлужском имении Суворовых в 1770-х годах оно допускалось владельцами: «Кто хочет вновь причистить и землю распахивать для своей прибыли, а она ему будет излишняя и остается пуста, то таким можно излишнюю продавать и закладывать только с обязательством письменным»³⁴⁵. В это же время Никольская община отдавала своим крестьянам в кортом пустоши на рощисть; в окладной книге за 1780 г. наличие кулижных участков у крестьян д. Малое Скрылево Ивана Бодунова и Федора Ермолаева, составлявших их тяглый оклад, было специально оговорено³⁴⁶. В ярославском имении князей Щербатовых с центром в с. Михайловском рощисты также допускались, но обязательно с согласия деревенской общины. В 1791 г. крестьянин Василий Петров, самовольно расчистивший там и запахавший четверть десятины, вынужден был отдать участок в общинное владение³⁴⁷: В нерехотской Писцовской общине рощисты также, по всей вероятности, переходили во владение крестьян с правом распоряжения. В 1778 г. при подготовке к общевотчинному межеванию на мирском сходе присутствовали многие «владельцы» 24 пустошей. Так как эти пустоши составляли единое целое и их надлежало «межевать и забирать во един цыркуль», следует думать, что они не были куплены, а считались общеобщинным резервным фондом, который использовался на праве первой расчистки. Из книги записей различных крестьянских сделок, составлявшейся в Писцовской общине, видно, что в 1820-х годах пустошные участки, в том числе приведенные в культурное состояние (покосы и «всякие уголья»), постоянно обращались внутри общины, переходили по наследству и т. п.³⁴⁸ В других общинах, по-видимому, там, где ощущался недостаток пашенных земель, подворное право владения рощистями ограничивалось определенным сроком. Еще в первой половине XVIII в. в вотчинах Иосифо-Волоколамского и Пафнутьево-Боровского монастырей «рощистные ряды» через 8—10 лет после расчистки, а иногда и раньше включались в состав общей тяглой земли³⁴⁹. В пензенских и саратовских владениях Куракиных во второй

³⁴⁵ Из переписки..., № 25.

³⁴⁶ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 29, л. 1—10.

³⁴⁷ ЦГАДА, ф. 1289, оп. 1, д. 582, л. 1.

³⁴⁸ ЦГАДА, ф. 1396, оп. 1, д. 656, л. 10—10об.; д. 1620, л. 1—4.

³⁴⁹ *Вдовина Л. Н. Поземельные отношения...*, с. 13.

половине XVIII в. шла борьба за перевод росчистей в категорию общих наделных земель³⁵⁰.

Таким образом, традиционное право подворного владения росчистями, существовавшее в черносошной (затем — в государственной) деревне, с существенными ограничениями сохранялось до XIX в. и в крепостной деревне.

Своеобразный статус имели земельные участки, составлявшие собственно дворовый комплекс (участок под жилыми и хозяйственными строениями, огород, гумно, конопляник). Отвод земли под усадьбу имел более индивидуальную форму, внешне приближавшуюся к «частному» владению. По данным 1740-х годов, в суздальской Лежневской общине и в поволжских общинах, принадлежавших Орловым в конце XVIII — начале XIX в. по решению мирских сходов или правлений на отводимые дворовые «места» крестьянам выдавались специальные документы, удостоверяющие их право «вечного» или «наследственного» владения («владенные памяти») ³⁵¹.

«Вечность» этого вида владения имела свои, причем весьма существенные ограничения. Прежде всего площадь этих владений должна была соответствовать «тяге», т. е. пашенной земле, с которой несло тягло. Поэтому границы усадебных участков устанавливались весьма скрупулезно. Правило о соответствии усадебных угодий размерам тягла отразилось в споре крестьян Лежневской общины в 1731 г., когда одни из них, намереваясь перенести овины подальше от «хоромного строения», обвинили других в постройке гумен на земле, которую они захватили без разрешения мира и приказной избы «против тягол... со излишеством» ³⁵². Тогда же и там же в приказной избе при разборе спора двух братьев о дворовой земле один из них доказывал, что владеет дворовой землей по духовной отца и мирскому отводу «по тяглу на грош» ³⁵³. А. Л. Шапиро также отмечал, что в первой половине XVIII в. миры переделывали усадебную и огородную землю в соответствии с объемом тягла ³⁵⁴. Прямая связь между пахотными полосами и «дворовыми местами» поддерживалась в общине с. Мануйлово (Зубцовский уезд), принадлежавшем во второй половине XVIII в. графу А. В. Салтыкову. Об этом можно судить по спору, который там разбирался в 1774 г. Крестьянину В. Филиппову по его просьбе было отведено новое «дворовое место», а старое перешло в мирское распоряжение. После этого его деревенские соседи «отказали» ему в пашенной земле, соответствовавшей старому дворовому участку, и его жалоба в вотчинное управление не имела успеха ³⁵⁵.

³⁵⁰ Коган Э. С. Очерки истории крепостного хозяйства по материалам вотчин Куракиных второй половины XVIII в. М., 1960, с. 32—35, 44—45.

³⁵¹ ЦГАДА, ф. 1373, оп. 1, д. 57, л. 2—3об.; ф. 1384, оп. 1, д. 368, л. 42—45; ф. 1454, оп. 2, д. 947, л. 1—7.

³⁵² ЦГАДА, ф. 1373, оп. 1, д. 22, л. 26—27.

³⁵³ ЦГАДА, ф. 1373, оп. 1, д. 28, л. 15, 17.

³⁵⁴ Шапиро А. Л. Крестьянская община..., с. 51.

³⁵⁵ ЦГАДА, ф. 1262, оп. 1, д. 54, л. 1—1об.

Подобная правовая норма бытовала и в других общинах. Из прошения 1783 г. одного крестьянина Писцовской общины вытекало, что его «дворовое место» соответствовало его пашенному тяглу³⁵⁶. Совершенно определено о точном соотношении дворовой земли и объема тягла свидетельствует земельный акт, согласно которому в 1805 г. крестьяне д. Гаврино, входившей в Никольскую общину, произвели между собой поравнение дворовой и гуменной земли, исходя из расчета, кому что по «тяге» следует, а именно на «каждый осьмак квадратных по триста по сороку колов мерою двусаженных»³⁵⁷. Далее в акте перечислялись размеры земли, отводимой под дом и гумно каждому двору вплоть до четвертой доли «кола». Подобная же практика осуществлялась в Никольской общине и в последующие годы. В 1822 г. по приказу Никольского правления мирская комиссия проверила в д. Пересек размер дворовых участков «по старым тычам», затем обмерила «под черный кол» дворовую гуменную и полевою землю и по «тяге» каждого крестьянина утвердила размер дворового и гуменного места³⁵⁸. В 1824 г. размер дворовой земли по «тяге» уточнялся мирскими представителями в д. Лутошкино, а «капустной» земли — в д. Бараново³⁵⁹. В 1826 г. в самом с. Никольском и д. Слободка также по «тяге» каждого крестьянина общинными представителями определялись дворовые участки «по согласию соседей», «каждому безобидно»³⁶⁰. О скрупулезности таких расчетов можно судить по тому, что в Никольском на каждый «осьмак» тягла было высчитано по 9 шестиаршинных «колов» без 13½ вершков дворовой и гуменной земли. Из тех же соображений исходило Никольское мирское собрание, разбирая в 1814 г. спор двух разделившихся братьев о дворовой земле; коль скоро их тягло было поделено пополам, то и дворовое место должно было делиться тем же порядком³⁶¹.

В костромском с. Сидоровском община придерживалась того же принципа. В 1805 г. двое крестьян этой общины, намереваясь выстроить новые дома, просили у общинного правления увеличить их дворовые участки на том основании, что по их тяглою полевой земле дворовые участки у них незначительны. В 1811 г. при разборе прошения об увеличении дворового участка вотчинное правление отклонило его «как не дельное», так как по тяглу у просителя и так было дворовое владение больше нормы³⁶².

Это соответствие полевой тяглою земли дворовому комплексу предусматривало сдачу соответствующей его части в том случае, если объем тягла у крестьянина при переоброчке уменьшался, что, само собой разумеется, представляло собой серьезное огра-

³⁵⁶ ЦГАДА, ф. 1396, оп. 1, д. 739, л. 11.

³⁵⁷ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 547, л. 1—10б.

³⁵⁸ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 1028, л. 1, 4—5.

³⁵⁹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 1134, л. 2—5.

³⁶⁰ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 1134, л. 6—8; д. 1193, л. 2—3.

³⁶¹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 583, л. 181об.—184.

³⁶² ЦГАДА, ф. 1454, оп. 1, д. 1001, л. 12; д. 1225, л. 1—6.

пичише права «вечного наследственного владения». В виде примера можно сослаться на сдачу в 1785 г. крестьянином д. Бразино Писцовской общины Г. Степановым соседу «деньги» (т. е. условной меры полевой земли) тягла, после чего он передал ему «вечно на оное ж тягло состоящую под двором моим землю, також и огородную и гуменную»³⁶³.

Однако при сдаче полевой (пашенной) земли в случае полной нетягелоспособности крестьянина, не имевшего в этот момент в составе семьи других тяглецов, дворовый комплекс мог остаться за ним пожизненно или он его мог свободно продать своим соседям или крестьянам других деревень, входивших в состав сложной общины.

Ниже, в главе IV, приводится подробный материал, свидетельствующий о том, как распорядились нетяглые и нетрудоспособные одинокие крестьяне своим дворовым комплексом. Здесь же существенно обратить внимание на обычно-правовую норму, согласно которой каждый крестьянин сохранял за собой безусловное право на поселение в родной деревне. Эта норма очень точно отразилась в мирском решении д. Большая Шемнина Никольской общины в 1815 г. Выданная замуж в другую деревню общины Василиса Николаева, оставшись вдовой, обратилась в родную деревню с просьбой о поселении на старом своем пепелище. Деревенский мир приговорил даже выстроить ей новую «келью», обосновав свое согласие тем, что, хотя она и была отдана замуж и должна бы на новом месте поселиться, но коль скоро она «природная нашей деревни соседка», то и заслуживает в ней «вечного» жительства³⁶⁴. Та же норма отразилась в соглашении, заключенном в 1812 г. между двумя крестьянами той же общины: Андреян Иванов, занимаясь отхожим промыслом в Петербурге, осел там на постоянное жительство; он продал соседу все хозяйство и двор, но, чтобы не терять связи с родной деревней, обязался нести оброк со сданной полевой земли и подтвердил свое право поселиться в «келье» позади своего старого двора, если вернется из столицы³⁶⁵. При продаже нетяглыми крестьянами своего двора соседям во многих актах оговаривалось предоставление им земельного клочка на их дворовом месте для построения «кельи»; тем самым в крестьянских актах отражалось повседневное функционирование права поселения на деревенской земле каждого крестьянина. После смерти владельца «кельи» само строение могло наследоваться родственниками, но земельный участок, где оно стояло, переходил к тому крестьянину, который купил двор³⁶⁶.

Допуская обращение дворов и дворовых угодий между крестьянами, сама община продавала дворовые места, тем более выморочные, новопоселенцам или своим зажиточным членам. Такие

³⁶³ ЦГАДА, ф. 1396, оп. 1, д. 781, л. 12.

³⁶⁴ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 110 об.

³⁶⁵ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 117 об.— 118.

³⁶⁶ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 90 об., 22 об., 27 об.— 28, 33 об.— 34, 36 об.— 37 об., 52 об., 82 об., 116 об.; д. 114, л. 32 об.

дворовые места при перепланировке миря обязывались не продавать, и на них, по-видимому, не распространялась обязательность соответствия с объемом тягла. По данным 1775 г. известно, что в приволжском с. Городец некоторые крестьяне покупали у миря дворовые места «высокой ценой» и затрачивали на строения «немалые деньги», чему другие крестьяне «завидствовали». В 1788 г. мир Никольской общины в с. Сельцы продал в «вечное и потомственное владение» выморочное дворовое место и строения на нем за 250 р. крестьянской семье Одинцовых. При этом мир обязался в случае перепланировки селения их двор «в меру не класть», но, если будет приказ «градских» властей или помещика и Одинцовым придется переносить дворовые строения, внесенные деньги им возвращались³⁶⁷.

В своих внутриобщинных отношениях крестьяне неуклонно исходили из мысли о праве «собственности» на усадебные земли и при малейшем нарушении границ возникали иски, детально разбиравшиеся мирскими комиссиями³⁶⁸.

Рассматривая земельные права крестьянского двора в крепостной общине, нельзя не коснуться обычно-правового статуса, на котором оказывались купленные крестьянами земли. Покупка крестьянами земли на протяжении XVIII — первой половины XIX в. была довольно распространенным явлением³⁶⁹. В литературе неоднократно затрагивался вопрос о значении земельных крестьянских покупок в процессе разложения феодального землевладения, и нет необходимости его здесь касаться³⁷⁰. Вполне очевидно, что «результатом разложения феодального монопольного землевладения было образование парцеллярной крестьянской собственности как переходной формы от феодальной ренты к ренте капиталистической»³⁷¹. Однако в этом общем процессе рассматривать такие покупки как явление однолинейного порядка тем не менее нельзя. Н. М. Дружинин справедливо отмечал, что «в условиях крепостного строя помещичьим крестьянам нужно было силой обычая, а затем с помощью закона, завоевать себе право

³⁶⁷ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 114, л. 11об.—12, 23об.; ф. 1273, оп. 1, д. 508, л. 9—10.

³⁶⁸ Александров В. А. Сельская община..., с. 235.

³⁶⁹ Семецкий В. И. Крестьяне..., т. I, с. 325, 326; Игнатович И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. Пг., 1925, с. 50; Кашин В. Н. Крепостные крестьяне-землевладельцы накануне реформы. М.; Л., 1935; Щепетов К. Н. Крепостное право в вотчинах Шереметевых. М., 1947, с. 104, 355 и др.; Разгон А. М. К истории разложения крестьянства во второй половине XVIII в.— ВИ, 1955, № 9; Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957, с. 38—49; Ковальченко И. Д. Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX в. М., 1959, с. 215.

³⁷⁰ Дружинин Н. М. Купчие земли крестьян.— В кн.: Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961; Литвак Б. Г. О земельной собственности крепостных.— МПСХИК, 1962, кн. V; Рябов Г. Т. Землевладение крепостных крестьян Смоленской губернии.— Там же, 1965, кн. VI.

³⁷¹ Дружинин Н. М. Купчие земли..., с. 184.

заклучения гражданских сделок»³⁷². Покупки крепостным крестьянами земли осуществлялись на протяжении XVIII в. на имя помещиков, но только по закону 1848 г. правительство предоставило им право приобретения с согласия своих владельцев. В этой связи возникает вопрос о существовании обычая, на основе которого, по мировоззрению крестьян, основывалась покупка земли. Коль скоро она могла осуществляться не только общинами, но и в индивидуальном порядке отдельными крестьянами, то тем самым, по представлениям крестьян, допускалось существование подворного землепользования. Покупка была обычно-правовой нормой, признаваемой и общинами и помещиками. Однако в условиях крепостной общины, основной типологической чертой которой становилось систематически регулируемое землевладение, купленная земля оказывалась на разном обычно-правовом статусе. В тех случаях, когда земля покупалась зажиточными крестьянами на стороне, вне общины с чисто коммерческими, предпринимательскими целями, причем в значительном количестве, она сразу же могла «выпадать» из поля зрения общинных властей и превращаться фактически в собственность с учетом, конечно, той зависимости от помещика, которая всегда висела над крепостным крестьянством. Случалось, как это было в начале XIX в. в Смоленской губ. в имениях И. Д. Орлова и В. Д. Долгорукова, что крестьяне покупали сообществами землю в соседних уездах, полностью туда переселялись и делили ее сообразно участию каждого в покупке; в результате старые общинные связи нарушались, а все землепользование становилось строго подворным³⁷³.

В иных случаях купленные земли становились дополнением к наделным участкам и имели чисто потребительское назначение; если они формально не входили в состав общинной тяглой земли или оставались необходимым земельным резервом отдельных дворов, то создавалась двойственная правовая коллизия; земля считалась собственной, но по решению общины облагалась мирскими податями, что серьезно ограничивало расширение воспроизводства в хозяйстве двора. Так, в 1780 г. николевские мирские власти «положили» на владельцев покупных пустошей, находившихся вне общинных земель («за округой»), по 3 копейки с десятины на уплату государственных податей и по 12 копеек на прочие мирские расходы³⁷⁴. Вопреки действовавшему законодательству, крестьяне свободно распоряжались такими купленными землями, а вотчинные конторы только фиксировали их сделки и акты³⁷⁵. В вотчинном правлении с. Писцово, принадлежавшем графине Е. А. Остерман-Толстой, в 1822 г. была «учинена» специальная книга для записей «всяких продаж» пустошей, строений и т. п. На протяжении 1822—1824 гг. в нее было внесено 12 записей о внутриобщинной продаже пустошных участков, заключав-

³⁷² Дружинин Н. М. Купчие земли..., с. 183.

³⁷³ Рябов Г. Т. Землевладение..., с. 202—203.

³⁷⁴ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 28, л. 5 об.

³⁷⁵ Рябов Г. Т. Землевладение..., с. 199—201, 205.

ших лес, покосы и «всякие уголья»³⁷⁶. В колмоенском Князевском имении князей Гагариных в то же время подобные сделки также оформлялись «в книге для регистрации условий, заключенных между крестьянами». На протяжении 1818—1822 гг. в пей было зафиксировано девять сделок о прямой продаже земли, о ее передаче в обеспечение кредита, наконец, «заемные письма», по которым получение займа на покупку земли обуславливалось сложными условиями, в том числе с отработкой у заимодавца и его правом использовать покупаемую землю в течение двух лет³⁷⁷.

Во всех подобных, довольно распространенных сделках бросаются в глаза два весьма существенных с правовой точки зрения обстоятельства. Во-первых, купленная земля представлялась личной собственностью покупателя или того, кому она была завещана или перешла по наследству, но на нее в случае ее продажи распространялось по обычаю право преимущественного перехода ее к ближайшим родственникам. Так, в 1815 г. крестьянка Никольской общины Акилина Васильева дала обязательство родному брату Дмитрию Рогову в том, что если ей с разрешения мужа «рассудится» продать собственную покупную пустошь (покосную и лесную), то только ему и никому иному³⁷⁸. Поэтому в случаях продажи земли соседям или иным общинникам при письменном оформлении сделок сплошь и рядом следовала формулировка, предусматривавшая переход земли «в вечное и потомственное владение», до которого самому продавцу, его жене, детям, родственникам «дела нет» и ни во что они «вступаться» не могут. Формулировка о «вечном и потомственном» владении была даже включена в соглашение, по которому в 1813 г. крестьянин Никольской общины Степан Честнов продавал родному брату Ивану свой пустошный участок³⁷⁹.

Таким образом, как и в отношении сдаваемой миру тягольной земли, в отношении купленной земли также проявлялся принцип, согласно которому родственники могли претендовать на преимущественное приобретение. Кроме того, в отличие от тяглой общинной земли покупная земля могла находиться в личном владении женщин — жен, дочерей, сестер, своячениц, внучек. В 1811 г. при живом муже никольская крестьянка Ульяна Милютина на свое имя купила у соседа крупный пустошный участок за 400 р.³⁸⁰ По сохранившимся актам крестьян Никольской общины видно, что личное владение и распоряжение женщинами покупными землями, а также обеспечение женщин такими землями было обычным явлением. Таким образом, как мужчины, так и женщины обладали одинаковым правом на владение и распоряжение купленной землей. В 1812 г. богатый никольский крестьянин Петр

³⁷⁶ ЦГАДА, ф. 1396, оп. 1, д. 1620, л. 1—4 об., 8, 11.

³⁷⁷ ЦГАДА, ф. 1262, оп. 1, д. 6022, л. 21 об., 32 об.—33 об., 41 об.—42 об., 44 об.—45 об.

³⁷⁸ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 126 об.—127.

³⁷⁹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 83 об.

³⁸⁰ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 53 об.

Шувалов по духовному завещанию оставил среди всего своего имущества племяннице «собственную купленную землю», а крестьянину сыну «отказал» лишь тяглую землю³⁸¹. Даже сыновья не имели права претендовать на купленные земли, если они «отказывались» родителями «мимо» них. В 1809 г. в той же общине Иван Ястребков по духовному завещанию оставил жене и снохе с внучатами не только все имущество, но и две купленные пустоши, а отделенный сын получил только родительское благословение. Тогда же Степан Богданов по завещанию оставлял жене и дочери пустошь «мимо» сына³⁸². Попытка в 1814 г. сыновей покойного крестьянина Жулина распорядиться оставшейся их матери пустошью встретила ее энергичное сопротивление; в мирском правлении Прасковья Жулина объяснила, что пустошь после покойного мужа является ее «имением», заявив, что в распоряжении ею «я власть имею»³⁸³.

Обычно-правовой принцип, по которому допускалась передача купленной земли лицам женского пола, отразился в мирском приговоре Никольской общины 1813 г.; миром было решено, что коль скоро Иван Никифоров по рекрутскому набору ушел в армию, то завещанная ему дедом покупная земля «определяется» его сестре «в вечное владение», а другим наследникам до той земли дела нет³⁸⁴.

Купленные земельные участки передавались в приданое, при разделах или по завещанию ими обеспечивали существование одиноких женщин³⁸⁵. Наконец, покупка земли осуществлялась не только в предпринимательских или узкопотребительских личных целях, но и ради обеспечения тягла. Если в общине тяглой земли не хватало и покупка — общемирская или совершенная отдельными деревнями или даже лицами — преследовала цель именно тяглового обеспечения, то купленные земли фактически входили в состав общинных тяглых земель. Помещики, разумеется, не возражали против таких покупок. В 1790-х годах чухломская Погорелковская община готова была купить 800 дес. пашни и пожен и разделить их между крестьянами, а ее владелец князь А. Б. Куракин поддерживал эту идею, тем более что осуществление ее должно было произойти за счет крестьян³⁸⁶. Домовая контора графов Орловых не только не возбраняла общинам покупать на свои средства земли на имя феодала, но иногда и субсидировала их в этом³⁸⁷. В 1775 г. указом в с. Городец предписывалось купленные общиной пашенные земли и покосы разделить между общинниками поровну, а земли, удобные для отвода под дворы,

³⁸¹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 55об.— 57.

³⁸² ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 64об.— 66об., 100об.— 101об.

³⁸³ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 83.

³⁸⁴ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 583, л. 136—136об.

³⁸⁵ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 3об.— 4, 17об., 19об.— 20, 44 об., 70 об., 133—133об.

³⁸⁶ ЦГАДА, ф. 1369, оп. 1, д. 60, л. 21—24; д. 67, л. 8—10.

³⁸⁷ ЦГАДА, ф. 1273, оп. 1, д. 508, л. 9—10.

отдать наиболее нуждающимся³⁸⁸. В другом случае использование купленной в 1776 г. миром с. Сидоровского пустоши полностью отдавалось на волю мира: «Как миром положение сделано будет, так тому и быть»³⁸⁹. Безусловно общесобщинный характер имела покупка земли крестьянами поместья Гагариных с центром в сельце Мануйлове в первой четверти XIX в. (Ржевский у.). Судя по сохранившимся подворным ведомостям за 1823 и 1826 гг., в этом поместье, состоявшем из сельца и восьми деревень, «собственную покупную землю» имели почти все крестьянские дворы; в 1823 г. из 145 дворов ее имели 132, в 1826 г. из 144 дворов — 130³⁹⁰. Покупные земли занимали весьма значительную площадь — до 1200 дес., и, даже не имея данных о всей используемой общинной земле, можно думать, что обеспечивали весьма существенную часть тягла. Купленная земля была неравномерно распределена между крестьянами, но их основная масса обладала лишь участками, необходимыми для хозяйственного функционирования двора. В 1823 г. 2—5 дес. владели 62 человека (в 1826 г. — 54 человека), 6—10 дес. — 38 человек (в 1826 г. — 39 человек); только 14 дворохозяев имели от 11 до 20 дес. (в 1826 г. — 17 человек), а 12 — более 20 дес. (в 1826 г. — 11 человек). Сравнивая наличие земли в каждом дворе за 1823 и 1826 гг., можно увидеть, что на протяжении этих лет только у 31 дворохозяина площадь купленной земли не изменилась; у 50 дворохозяев она уменьшилась, почти у столько же увеличилась. Эти колебания никак не свидетельствовали о мобилизации земли в руках определенной зажиточной группы; происходило как бы «переливание» мелких участков земли от одного двора к другому, в чем нетрудно увидеть результат общинно-тяглой переверстки даже покупных земель, неизбежной для любой деревни, где тяглоспособность каждого двора с годами изменялась, а вместе с тем изменялся и его тяглый оклад.

В уже не один раз упоминавшейся ярославской Никольской общине также существовали купленные земли, вошедшие в состав тяглых. Некоторые из них приобретались деревнями, другие — в индивидуальном порядке. По «Описной книге тяглой земли» за 1782 г. в полусельце Терентьево у четырех дворовладельцев в составе тяглой земли были купленные участки³⁹¹. В других деревнях общины в это время малоземелья не ощущалось и в одном мирском приговоре, принятом мирским собранием в 1785 г., подчеркивалось, что миру «дела нет» до купленных крестьянами пустошных участков, и тем самым признавалась общинная незаинтересованность этими владениями³⁹². Однако в начале XIX в. ситуация несколько изменилась. По «Земляным окладным книгам» за 1805 и 1810 гг. в д. Вычесово все дворовладельцы имели,

³⁸⁸ ЦГАДА, ф. 1273, оп. 1, д. 508, л. 9—10.

³⁸⁹ ЦГАДА, ф. 1273, оп. 1, д. 510, л. 27—29 об.

³⁹⁰ ЦГАДА, ф. 1262, оп. 1, д. 7215, л. 1—46 об.; д. 7226, л. 1—63.

³⁹¹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 35, л. 6.

³⁹² ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 72, л. 8 об.

помимо «собственной», т. е. общинной деревенской, и «покупную» землю, с которой они несли тягло. При этом количество покупной земли в составе тягла каждого двора даже преобладало. Сличая земельные оклады у отдельных крестьян, можно также заметить, что за эти годы в результате переоброчек между тремя крестьянами произошли передачи земельных участков, в том числе и «покупных»³⁹³. В «книгах» общинная и покупная земли у каждого двора учитывались раздельно, но фактической разницы между ними не было; коль скоро с «покупной» земли дворовладелец нес тягло, объем которого изменялся только с согласия общины, то и самостоятельно распорядиться этой землей он не мог. Процесс окончательного слияния покупной земли с общинной отразился в мирском приговоре другой деревни этой же общины — д. Горки в 1813 г., когда крестьяне «по общему согласию» решили «покупные бумаги на землю уничтожить...»³⁹⁴. Известны также и другие случаи, когда миры стремились к «обобществлению» купленной отдельными крестьянами земли³⁹⁵. В других деревнях Никольской общины в то же время отношение к покупным землям было иное; так, в 1809 г. крестьянин д. Рукавово Иван Десятов беспрепятственно за 160 р. продал «свою собственную» пустошь в «вечное и потомственное владение» крестьянину соседней д. Кульково Сергею Васильеву³⁹⁶.

Таким образом, в одних случаях покупки действительно отражали процесс мобилизации земли в деревне, в других — повседневные заботы по поддержанию хозяйственной и семейной жизни двора в связи с ростом семей и, наконец, в третьих — крутую необходимость, связанную с выполнением тяглых обязательств. В каждом отдельном случае в правовом положении купленных земель прослеживается ощутимая разница; случалось, что правовая ситуация изменялась. Крестьянская покупка далеко не всегда превращалась в подворную «собственность». Купленные земли находились на сугубо условном статусе личного владения внутри деревни и даже сливались с «собственностью» общинной; в последнем случае наиболее четко проявлялась роль общины, в силу тяглой необходимости тормозившей процесс мобилизации земли богатеющими крестьянами.

Масштабность всех указанных ситуаций не входит в число задач настоящей книги и требует особого исследования³⁹⁷. Тем не менее очевидно, что разнообразие обычно-правовых норм, на основе которых крестьяне владели покупаемыми землями, свидетельствует отнюдь не о прямолинейности земельно-мобилизационного процесса внутри деревни на позднефеодальном этапе ее

³⁹³ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 550, л. 12 об.; д. 725, л. 13—13об.

³⁹⁴ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 72.

³⁹⁵ Ковальченко И. Д. Крестьяне..., с. 232.

³⁹⁶ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 28 об.

³⁹⁷ См.: Преображенский А. А. Об эволюции феодальной земельной собственности в России XVII — начала XIX в. — ВИ, 1977, № 5, с. 57—58.

истории³⁹⁸. Процесс капиталистического развития крепостной деревни даже в период кризиса крепостничества, безусловно, держивался самой общиной, препятствовавшей развитию личного подворного землепользования.

По словам В. И. Ленина, «господство крепостников-помещиков наложило свою печать в течение веков на все землевладение страны, и на крестьянские надельные земли, и на землевладение переселенцев на сравнительно свободных окраинах...»³⁹⁹ Совершенно очевидно, что крестьянское землевладение находилось в прямой зависимости от землевладения феодального. Как указывалось, в литературе со второй половины XIX в. дискутировался вопрос о существовании земельных переделов в русской деревне, и многие ученые признавали их позднее появление. Опираясь на уже известные данные, представляется возможным полагать, что к периоду установления крепостного права в России русская деревня подошла в рамках общинного землевладения с подворно-наследственным владением. Дальнейшая эволюция крестьянского землепользования зависела от форм феодальной подчиненности общинного крестьянства.

По сохранившимся, наиболее полным данным поместно-вотчинных архивов второй половины XVIII — начала XIX в. хорошо прослеживается, как по мере «освоения» помещиками деревни, роста тяглых обязательств и земельного «утеснения» сельская община приспособлявала свое земельное хозяйство к реально возникавшим условиям существования, что неизбежно отражалось на правовых нормах, на основе которых она регулировала внутри себя земельные отношения. По имеющимся источникам XVIII — начала XIX в. можно конкретно представить себе нормы и принципы этого регулирования. Наиболее четко они прослеживаются в оброчных имениях, где общины имели большие в условиях крепостничества возможности проявить свою инициативу и право-

³⁹⁸ На основе данных Главного комитета по устройству сельского состояния середины XIX в. Н. М. Дружинин пришел к выводу, что «земли приобретались или сельскими обществами, или частными товариществами крестьян, или отдельными домохозяевами. Покупки всем „миром“ были значительно реже и редко вели к общинному пользованию землей» (*Дружинин Н. М. Купчие земли...*, с. 178). Б. Г. Литвак по данным уставных грамот, относящихся к Московской губ., отмечал обратное явление, а именно преобладание общинного землевладения (*Литвак Б. Г. О земельной собственности...*, с. 340, 347).

В частности, следует иметь в виду, что если купленная крестьянами земля становилась тяглой и входила по их обычно-правовым представлениям в состав общины, то такие покупки отражали не столько земельно-мобилизационный процесс в крестьянской среде, сколько «переливание» земли из одного помещичьего имения в другое, осуществлявшееся на крестьянские деньги. (Об этом см.: *Шапиро А. Л. Об имущественном неравенстве и социальном расслоении русского крестьянства в эпоху феодализма.* — ВГКВР, 1960, с. 47).

³⁹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 405.

творчество. В этом регулировании прослеживается определенная закономерность. Стремление к уравнительности в землеобеспечении отдельных селений, входивших в состав сложных общин, судя по эпизодическим данным, проявившееся в XVI—XVII вв., сочеталось с усилением роли деревенских общин, стремившихся во что бы то ни стало сохранить «свое» деревенское поле как основу полеводческого хозяйства. В процессе развития этого регулирования земельные права отдельного крестьянского двора все более подчинялись общемирскому началу, причем в черносошной (с XVIII в. — государственной) деревне эти права суживались государством, а в крепостной — помещиками и общинами, где подворное распоряжение угодьями приобретало сугубо условную форму.

Важнейшим следствием этого процесса было то, что сельская община, заинтересованная в функционировании тяглоспособного крестьянского двора, все более и более подчиняла себе его земельные права, и его землепользование внутри общины становилось условным. Земельное использование участка на деревенском поле двором жестко подчинялось нормам несения тягла при систематически определяемом его объеме, а рощисти, т. е. лично приведенные в культурное состояние участки, и даже покупные земли, по обычаю продолжавшие считаться «собственными», с сокращением общинного земельного фонда также могли включаться в состав общинных владений. Тем самым все виды угодий в общине все более отчетливо становились объектом лишь временно-условного тяглового владения отдельного двора и, по вырабатывавшимся обычно-правовым представлениям, должны были соответствовать объему тягла. Нормы обычного права допускали лишь семейно-наследственное использование общинных угодий при обязательном несении фиксированного тягла (на основе тяглоспособности двора) и с согласия общины — сдачу или прием от соседей отдельных долей полевой и дворовой земли. При сохранившемся принципе общности земли внутри общин сужение прав отдельных дворов достигалось уравнением между ними земельно-тяглового оклада путем временных передач от одного двора к другому части зафиксированных за ним угодий. Такое уравнение было определенным этапом в борьбе индивидуального и мирского начала, на котором, по данным второй половины XVIII в., все более возрастало влияние общины. По сути дела, по обычному праву крепостной деревни за крестьянином-общинником безусловным владением признавался только — при потере им тяглоспособности — дворовый участок со всеми находившимися на нем жилыми и хозяйственными постройками. Механизм земельно-тяглового уравнения, отражавший приспособление общины к социально-экономической действительности, при котором за крестьянским двором все же признавалось индивидуальное право на определенные угодья (пашни и сенокосы), в дальнейшем мог эволюционизироваться в сторону еще большего усиления мирского начала и превращаться в собственно передельный. Более ускоренно этот процесс мог проходить в барщинных имениях, где помещичье хозяй-

ство особенно резко нарушало общинно-подворное крестьянское землепользование. В этой связи следует отметить, что борьба крепостного крестьянства за перевод с барщины на оброк отражала не только борьбу за изменение форм феодальной эксплуатации, но и за право общинного хозяйственного распоряжения всей землей вотчины, использования всего «своего» деревенского поля. Функционирование механизма земельно-тяглого уравнивания консервировало сложившиеся в деревне общественные отношения. Определенным исключением следует считать принимавшиеся иногда некоторыми общинами решения, закреплявшие в конце XVIII в. на длительный срок подворное владение наделной землей. Однако правовая фиксация этого явления была лишь отражением сложившихся отношений в общинах, где промысловое предпринимательство становилось основой хозяйства, а земледелие отходило на второй план⁴⁰⁰.

В результате понятие «собственная» («домашняя») полевая земля, которым оперировали крестьяне, теряло свое реальное внутридеревенское содержание. Все виды земельных угодий в XVIII в. становились объектами лишь условно-временного тяглого владения двора, что сдерживало расслоение крестьян-общинников, последовательный процесс которого проходил вопреки нормам обычного права, и его влияние на него заслуживает особого исследования. Обычное право позднефеодальной деревни сдерживало развитие понятия земельной собственности в крестьянской среде, так как оно не предусматривало полной свободы распоряжения имуществом, а осуществлявшиеся сделки по купле-продаже отражали в большей степени лишь передачу права пользования угодьями, составлявшими общинное владение, существование которого в силу давнего обычая допускал действительный собственник этой земли — помещик. Тем самым обычное право как надстроечное явление тормозило генезис капиталистических отношений.

⁴⁰⁰ Александров В. А. Сельская община..., с. 237; Прокофьева Л. С. Крестьянская община..., с. 110—111.

СЕМЕЙНО-ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПО ОБЫЧНОМУ ПРАВУ В КРЕПОСТНОЙ ДЕРЕВНЕ

Своеобразие норм обычного права, регулировавших семейно-имущественные отношения в крестьянской среде, возможно понять лишь путем сравнительного анализа принципов, на которых основывалось обычное право и действовавшее в XVIII — начале XIX в. законодательство. Государственное регулирование семейно-имущественных отношений прошло длительный путь развития на протяжении всей феодальной эпохи. Регулируя правовые отношения в семье, государственная власть имела в виду прежде всего, а часто исключительно, господствующий, феодальный класс. На разных этапах истории государства правовой статут землевладения — основы существования самого феодального класса — подвергался серьезным изменениям; княжеская власть, а затем усиливавшееся самодержавие ограничивали понятия «родовой» (вотчинной) собственности феодалов; вместе с тем возникло условное земельное держание (поместье), слившееся затем с родовым имуществом. Все это оказало серьезнейшее влияние на процесс кодификации семейно-имущественных отношений. Законодательная мысль на протяжении веков концентрировала внимание на трех основных моментах: во-первых, на кодификации имущественных и наследственных прав членов малой семьи — родителей и детей; во-вторых, на определении права распоряжения каждым из них принадлежавшим ему имуществом; и, наконец, в-третьих, на определении наследственного права живущих отдельно родственников в отношении имущества малой семьи и отдельных ее членов.

Наиболее полно история законодательства о семейном и наследственном праве в России с древнейших времен до XVIII в. была прослежена известным русским буржуазным историком права М. Ф. Владимирским-Будановым. По его схеме, семейное имущественное право в своем историческом развитии до XVIII в. включительно прошло несколько этапов — от подчиненности имущества жены мужу к общности прав на имущества обоих и, наконец, к разделенности имущественного права каждого супруга. Будучи представителем формального историко-юридического направления в науке, М. Ф. Владимирский-Буданов рассматривал законодательные нормы вне их классовой направленности. Однако фактологическая сторона его схемы развития семейно-имущест-

венных отношений в рамках законодательства сохраняется значение и нашла отражение в современных историко-правовых трудах¹.

В процессе развития феодальной собственности, вотчинного и поместного землевладения писаное право приобретало ярко выраженный сословный характер. Государственная власть стремилась обеспечить, с одной стороны, исправное несение государевой службы представителями феодального класса, а с другой — существование всего класса в целом и членов его семей в частности. В зависимости от статуса поместий и вотчин вырабатывались разные нормы, регулировавшие права членов семей феодалов относительно разных видов имущества. Вместе с тем происходил процесс законодательного расширения прав наследства и кодификации завещательного права.

Правовой статус вотчинного землевладения определялся прежде всего безусловным наследственным владением. В XVI—XVII вв. законодательство дифференцированно подходило к правам членов семей феодального класса относительно разных по своему происхождению вотчин. Они могли быть «родовыми» (т. е. перешедшими к своим владельцам по наследству), выслуженными (полученными в виде вознаграждения за службу) и, наконец, купленными. Относительно родовых и выслуженных вотчин законодательная мысль была направлена к тому, чтобы сохранить и укрепить их связь с государевой службой. Поэтому исключительное право на наследование таких вотчин принадлежало сыновьям вотчинника, а в случае их отсутствия — дочерям и даже их детям; бездетному вотчиннику наследовали в том же порядке — братья, сестры, племянницы, внучки и правнучки. Таким образом, закон определял переход этих вотчин в род главы семьи по прямой и боковым линиям с преимущественным правом мужчин. Вдовы исключались из наследования. Только вотчины, купленные из своих же поместий, наследовались вдовами на условии пожизненного владения до вторичного брака или пострижения в монастырь, после чего они возвращались в род мужа. Передаваемые на таких условиях, эти вотчины имели характер прожитка (т. е. обеспечения), но не собственности с правом распоряжения. В Соборном Уложении 1649 г. все эти положения стали непреложной нормой².

Несмотря на условный характер владения поместьями, уже на протяжении первой половины XVI в. в среде феодалов установился порядок их фактического перехода по мужской линии (от отца к сыну). В дальнейшем этот порядок законодательно преобразовался в наследование, что обуславливалось необходимостью в материальном обеспечении служилых людей и отражало развивавшийся процесс сословно-классового закрепления земельной собственности за феодалами. Принцип наследования поместий

¹ *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. СПб.; Киев, 1907, с. 459 и след.; *Юшков С. В.* История государства и права СССР. М., 1961, т. 1, с. 309, 358.

² *Маньков А. Г.* Уложение 1649 г.: Кодекс феодального права России. Л., 1980, с. 84—86.

впервые был отражен в указе 1550 г., согласно которому за сыновьями, годными в службу, закреплялись отцовские поместные земли. На протяжении второй половины XVI — первой половины XVII в. сложились и затем были отражены в Соборном Уложении 1649 г. положения, определявшие правовые основы наследования поместий. Наследование поместий равными долями между сыновьями и передача владения в «род» в случае их отсутствия отвечало основному принципу развивавшегося семейно-имущественного законодательства феодальной России. Однако в отличие от наследования вотчин оно имело определенное своеобразие, которое прежде всего заключалось в том, что поместные земли получили более широкий наследственный статус. Как указывалось, вотчины могли переходить к дочерям только при отсутствии у них братьев, а матери-вдовы обладали крайне ограниченным правом получить «прожиток» из вотчинных земель. Между тем еще в середине XVI в. помещицы вдовы с детьми получали с поместий «прожиток». Он возник из утилитарной потребности государства обеспечить матерей, жен и детей служилых людей, погибших на государевой службе. На протяжении первой половины XVII в. порядок выделения «прожитка» определен и получил свое завершение в Соборном Уложении 1649 г.³ В отличие от вотчин поместья еще не рассматривались семейной собственностью; по всей вероятности, именно поэтому законодательная инициатива не сдерживалась упрочившимися правовыми представлениями о порядке наследования поместий в семьях⁴, а потому вполне самостоятельно могла решать вопрос о статусе «прожитка». «Прожиток» становился «существенным звеном в закреплении сословно-классовых прав дворян на поместье. Прожиток выступает как одна из форм наследования поместья и тем самым становится его разновидностью, играя вместе с тем очень важную роль в процессе средостения поместья с вотчиной»⁵. К этому убедительному выводу А. Г. Манькова следует добавить, что «прожиток» способствовал также развитию и определению личных прав на недвижимое имущество в семье лиц женского пола — жен, дочерей и сестер. Еще в первой половине XVII в. законодательно было установлено право распоряжения вдовами и девицами (дочерьми, сестрами, племянницами) «прожитком», по которому они могли передавать прожиточные имения родственникам при условии, что они будут их содержать, а девиц выдадут замуж с приданым; затем передача прожитка стала возможна не только родственникам, и прожиток приобрел значение приданого, которое передавалось мужу. Соборное Уложение 1649 г. закрепило право распоряжения «прожитком»⁶. Определение величины «прожитка»

³ Маньков А. Г. Уложение..., с. 70.

⁴ Историко-юридические материалы, издаваемые Московским архивом Министрства юстиции. М., 1889, вып. 1 (Указная книга Поместного приказа), с. 197.

⁵ Маньков А. Г. Уложение..., с. 70.

⁶ Маньков А. Г. Уложение..., с. 70—74.

происходило постепенно. В XVI в. он определялся в каждом отдельном случае, составляя от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{7}$ части всего поместного оклада. В дальнейшем его доли продолжали варьировать до конца XVII в., когда по мере слияния поместья как условного владения и вотчины как безусловного «прожиток» окончательно потерял значение пожизненного обеспечения и превратился в наследственную, строго определенную долю — $\frac{1}{7}$ часть всего недвижимого имущества для жены⁷.

Расширение имущественных прав членов семей феодалов по указам первой половины XVII в. и по Соборному Уложению 1649 г. отразилось также и в том, что жены и дети получили права совладения с мужьями и отцами купленными землями, вдовы получили право на четвертую часть движимого имущества мужа, а жены — право на приданое как движимое, так и недвижимое. За женами утверждались также права на вотчины, доставшиеся им по наследству от родственников во время брака или полученные ими в виде дара при оформлении дарственной на их имя⁸.

В конце XVII в. отдельные права супругов получили еще большее развитие — за мужем признавалось исключительное право на купленные вотчины, а за женой — на ее приданое⁹. В 1716 г. подтверждалось сохранение за женой недвижимого и движимого имущества, выданного в качестве приданого или полученного ею по «родству», т. е. по наследству.

Одновременно происходило законодательное определение прав лиц бокового родства на наследование имущества семьи, в состав которой они не входили. Еще по Судебнику 1550 г. продажа вотчин разрешалась только с согласия братьев и племянников их владельцев. При отсутствии прямых наследников в семье владельца продаваемой вотчины, его братья и племянники как лица одного «рода» или, иначе говоря, имевшие отношение к распавшейся неразделенной семье признавались наследниками таких вотчин. Поэтому, если без их согласия вотчина выходила из такого «рода», братья, племянники и даже сестры могли на протяжении 40 лет после продажи ее выкупить. По Соборному Уложению 1649 г. при отсутствии у вотчинника детей (сыновей и дочерей) санкционировался ограниченный круг наследников — «вотчины отдавати в род, кто ближе того роду, вотчичем»¹⁰. По Новоуказным статьям 1676 г. это положение было конкретизировано, и наследование боковых родственников расширено по линии дядьев и братьев до четвертого колена. Таким образом, отчуждение вотчин законодательством допускалось только с согласия ближайших родственников и тем самым существенно ограничивалось. Ограничение круга

⁷ *Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор...*, с. 512—513.

⁸ *Маньков А. Г. Уложение...*, с. 216; *Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор...*, с. 469.

⁹ *Историко-юридические материалы...*, с. 18—19.

¹⁰ *Маньков А. Г. Уложение...*, с. 86, 88—89; *Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное Уложение 1649 г. М., 1961*, с. 199.

боковых родственников, призываемых к наследству по узаконениям середины XVI в. и вплоть до Соборного Уложения 1649 г., представляется неслучайным, ибо в них улавливаются отзвуки правовых представлений о неразделенной семье; как бы ни концентрировала законодательная власть внимание на семье малой, определявшей семейный строй феодального класса, на данном этапе кодификации наследственного права она считала необходимым отразить имущественно-правовую связь именно между родственниками, состав которых соответствовал возможной структуре неразделенной семьи.

По мере слияния разных видов феодальной земельной собственности — вотчин и поместий — и упрочения ее потомственного владения в государственном правовом регулировании семейно-имущественных отношений прослеживалось два основных явления, отражавших все более развивавшиеся на протяжении XVIII в. личные права представителей феодального класса. Речь идет, во-первых, о продолжавшейся кодификации имущественных прав каждого члена семьи, а во-вторых, о законодательном определении все более расширяющегося круга наследников по родственным линиям и ступеням.

Попытка Петра I указом 1714 г. изменить сложившийся порядок семейного наследования, чтобы избежать дробления имений и ввести единонаследие, в условиях российской действительности не удалась. По указу 1714 г. все недвижимое имущество после смерти отца должно было переходить только к одному, старшему сыну, движимое — распределялось между остальными сыновьями поровну, а дочери могли наследовать только в случае отсутствия у них братьев. Дворянство, добивавшееся все большего расширения своих личных прав, было недовольно этим порядком, всячески его обходило, и в 1731 г. указ 1714 г. был отменен.

В дальнейшем с 1730-х годов и до начала XIX в. законодательством все более подтверждалась индивидуализация имущественных прав в семье. Понятие о собственном имуществе жены было окончательно определено в указе 1731 г., по которому устанавливалось ее право собственности на приданое, на купленное ею имущество и на полученное наследство во время брака¹¹. Почти одновременно «законодательство со времени Петра Великого, идя неуклонно по пути выделения имущественных прав отдельных лиц, особыми указами установило полную раздельность прав родителей и детей»¹². При этом даже неотделенные дети могли обладать и распоряжаться имуществом¹³.

Порядок наследования после отмены указа 1714 г. развивался на основе принципов, отраженных в Соборном Уложении 1649 г. Правовед начала XIX в. П. Хавский определенно писал, что указами 1802 и 1804 гг. было «истолковано настоящее право наслед-

¹¹ *Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор...*, с. 469—470.

¹² *Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор...*, с. 477.

¹³ *Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор...*, с. 477.

ства по коренному закону, Уложению царя Алексея Михайловича»¹⁴. После слияния вотчин с поместьями и образования единой формы привилегированного феодального землевладения законодательная мысль сохраняла дифференцированный подход к наследованию разного «рода» имущества, но несколько иначе, чем в XVII в., подходила к порядку его передачи из одних рук в другие. К началу XIX в. при точно разработанном соответствии между правом завещания и правом наследования переход имущества от одного лица к другому определялся как принадлежностью этого имущества тому или иному члену семьи, так и характером самого имущества — «родового», т. е. унаследованного, и благоприобретенного — купленного и пожалованного, движимого и недвижимого. Наследование внутри малой семьи как основы имущественных родственных отношений предопределяло последовательность дальнейшего перехода наследственных прав к представителям других родственных линий. Наследство по родственным связям предусматривалось прежде всего по супружеской линии, далее — по нисходящей (родители — дети — внуки — правнуки) и восходящей линиям (от детей к родителям). В случае отсутствия наследников в малой семье по нисходящей линии (т. е. у бездетной пары) наследование осуществлялось по линии восходящей, т. е. прежде всего к родителям, а если их не было, то к дедам и бабкам. При этом благоприобретенное имущество отец и мать наследовали на равных основаниях, т. е. поровну, после своих детей, «родовое» же имущество переходило к отцу или матери в зависимости от принадлежности его к тому «роду», откуда они происходили. В случае отсутствия в малой семье наследников по нисходящей и по восходящей линиям имущество переходило к представителям побочных линий.

Законодательно круг таких наследников расширялся до бесконечности. Ими признавались родные, двоюродные и троюродные братья и сестры умершего (линия равенства), племянники как потомки этих братьев и сестер (линия нисходящая) и, наконец, дядья, тетки, деды и бабки как предки братьев и сестер (линия восходящая). В определении этих линий государственное законодательство XVIII — начала XIX в. пошло значительно дальше Соборного Уложения 1649 г., в котором предусматривалось наследование только по линии братьев и сестер. Правда, этой линии при определении наследников отдавался приоритет перед другими линиями¹⁵. При отсутствии наследников и по побочным линиям имущество считалось выморочным.

Отношения супругов основывались на принципе раздельного владения имуществом с полным правом его распоряжения и при наследовании друг после друга на равных основаниях — после смерти одного из супругов другой получал из имущества покойного $\frac{1}{7}$ часть недвижимого и $\frac{1}{4}$ часть движимого на правах соб-

¹⁴ Хавский П. О наследстве завещательном, родственном и выморочном... М., 1817, кн. 1, с. 27.

¹⁵ Хавский П. О наследстве..., с. 104—107, 113—121.

ственности, и никто из других наследников не мог претендовать на эти части. Таким образом, по сравнению с Соборным Уложением 1649 г. права жены на имущество после смерти мужа были не только расширены, но и получили иную интерпретацию. Во-первых, по Уложению жена наследовала выдел только из купленных, т. е. благоприобретенных, вотчин, но не родовых; к началу же XIX в. выдел определялся из всех недвижимых имуществ; во-вторых, в результате слияния понятий «поместье» и «вотчина» жена получала не «прожиток» в виде части поместья мужа в пожизненное владение, а выдел на правах собственности. Сыновья в равных долях наследовали имущество после родителей. Дочери на равных основаниях получали приданое и вне зависимости от того, вышли они замуж или нет, участвовали в наследовании имущества, оставшегося после родителей. Старый принцип, отраженный в Соборном Уложении 1649 г., — «сестра против брата не вотчинница», по которому она не могла наследовать недвижимое имущество, был изжит. В результате ряда законодательных актов с 1731 г. по 1810—1815 гг. было узаконено право на получение из движимого имущества после смерти отца каждой дочерью части, равной половине выдела, переходившего к матери, и $\frac{1}{4}$ части недвижимого имущества; все остальное переходило к братьям. Таким образом, на жен и дочерей распространялось наследование после мужей и отцов недвижимого и движимого имущества в личную собственность. Отец и мать были признаны правомочными наследовать данное ими детям имущество после их смерти и при отсутствии у них детей. При этом «родовое» имущество переходило к отцу или матери в зависимости от принадлежности к тому «роду» (фамилии), откуда они происходили.

Эти законодательные установления завершали процесс кодификации имущественных прав членов малой семьи (родители — дети), начатый Русской Правдой. Окончательно устанавливалось право каждого члена такой семьи на определенную долю движимого и недвижимого имущества. Все эти нормы касались «родового» имущества, т. е. перешедшего к мужу и жене в порядке наследования. Представление о «родовой» собственности сохранялось и в праве ее выкупа. На протяжении XVIII в. оно неоднократно то расширялось, то ограничивалось. К началу XIX в. выкуп рассматривался как часть права наследства, и его осуществление принадлежало лицу, признававшемуся наследником.

Благоприобретенное имущество при отсутствии завещания наследовалось как «родовое». По завещанию же оно, как движимое, так и недвижимое, мужчиной и женщиной, вне зависимости от наличия или отсутствия у них детей, могло завещаться кому угодно. Благоприобретенное детьми имущество, если они умирали бездетными, наследовалось их родителями на равных основаниях, поровну¹⁶. Таким образом, государственная власть, кодифицируя

¹⁶ *Хавский П.* О наследстве..., с. 2, 45, 50—59, 72—73, 79—93, 97, 100, 102, 103, 143; *Латкин В. Н.* Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX ст.). СПб., 1909, с. 525—526, 532—533, 535.

имущественное право, добиваясь соответствия между порядком наследования внутри семьи и правом завещания, стремилась четко определить права каждого члена семьи мужского и женского пола на части разного «рода» имущества — движимого и недвижимого, «родового», т. е. полученного по наследству, и благоприобретенного. Передача имущества отдельным членам семей предусматривалась на праве полной личной собственности, причем представление о «прожитке» как обеспечении существования лиц женского пола постепенно отмирало с развитием понятия о наследстве как основе благосостояния каждого наследника. Определение семейно-имущественных отношений обуславливалось прежде всего интересами малой семьи и главное — социальным благосостоянием в феодальном обществе господствующего класса — дворянства. В одном из первых в России обобщающих историко-правовых трудов, который принадлежал П. Хавскому, исключалось рассмотрение юридических норм, касавшихся крестьянства и мещанства. В нем резко подчеркивалась сословность законодательства: «...разные сословия, по мере заслуг и пользы, оказываемых ими отечеству, пользуются и разными правами»¹⁷. Крепостное же крестьянство рассматривалось вообще как «род» собственности¹⁸.

Обращаясь к анализу семейно-имущественных отношений, бытовавших в крестьянской среде, следует иметь в виду, что их своеобразие определялось двумя обстоятельствами: во-первых, крестьянская семья была родственной производящей единицей, обремененной тяглом, имуществом которой обеспечивало функционирование ее хозяйства; во-вторых, как уже было выяснено, крестьянская семья имела разную структуру: наряду с семьей малой (родители — дети), бытовала и неразделенная семья в не очень сложных формах (родители — женатые дети — внуки; женатые братья — их дети — племянники; дядья — племянники), что отражалось на имущественных отношениях между ее членами.

Государственное законодательство определяло личные права отдельных членов семьи дифференцированно по отношению к разным видам имущества (движимое и недвижимое, наследственное и благоприобретенное), причем не рассматривало его как необходимое условие функционирования производительного хозяйства. По представлениям же крестьян все виды имущества, заключенные в пределах двора или относящиеся к нему (например, отдельно стоящие строения), рассматривались совокупно, в виде единого комплекса, обеспечивавшего хозяйственную деятельность семьи и существование ее членов. Поэтому при исследовании семейно-имущественных отношений в среде общинного крепостного крестьянства в XVIII — начале XIX в. следует прежде всего определить целенаправленность обычного права, регулировавшего внутреннюю жизнь двора, проследить крестьянские понятия о по-

¹⁷ Хавский П. О наследстве..., с. 30.

¹⁸ Хавский П. О наследстве..., с. 12.

рядке наследования и распоряжения разных видов имущества (недвижимого и движимого в разных его формах) и цели, которые должны были быть в результате этого достигнуты. Иначе говоря, речь должна идти о том, *какое* имущество, в *каких* целях и *кому* в отдельных конкретных случаях должно было переходить. Тем самым наиболее определенно отразятся представления крестьян об имущественных правах членов их семей и проявится их понимание семейного и личного владения.

При изучении семейно-имущественных норм обычного права для XVIII — начала XIX в. наиболее перспективными источниками являются крестьянские акты, фиксировавшие раздел имущества или имевшие характер завещания (распоряжения). Такие акты ярко отражают реальную жизнь в ее различных коллизиях — со спорами, осложнениями, а иногда и трагедиями. Ценность таких актов заключается также в том, что в них отражались как традиционно установившиеся нормы, так и возникавшие юридические казусы. Разнообразные по содержанию и форме акты сохранились в некоторых вотчинных архивах в значительном количестве. Многие десятки актов известны по архивам ярославских (села Никольское, Елохово) и костромских (с. Сидоровское) владений графов Орловых (вторая половина XVIII — первая четверть XIX в.), а также по архиву чухломского имения Аксеново графа М. А. Дмитриева-Мамонова. Они представляют тем больший интерес потому, что эти помещики в своих владениях старались не вторгаться в сферу бытовавшего там обычного права. Поэтому можно полагать, что для рассматриваемого периода в этих актах в наиболее «чистом» виде отражалось обычное семейно-имущественное право и типичные крестьянские обычно-правовые представления.

Более скудный материал о семейно-имущественных отношениях содержится в мирских приговорах, так как в них отражена только резолютивная часть, но, как правило, отсутствовали конкретные данные, характеризующие обстоятельства того или иного дела. Только когда «мирское общество» разбирало спорные случаи, требовавшие вмешательства общинных органов, имущественные коллизии более конкретно отражались в приговорах.

Функционирование норм обычного права можно уловить в помещичьих инструкциях по управлению имениями. Однако помещичьи инструкции, как и мирские приговоры, содержат очень краткие данные о семейно-имущественной жизни деревни и лишь отражают применимость отдельных норм обычного права. Кроме того, помещичьи инструкции, даже если в них предусматривались те или иные нормы, определявшие характер семейно-имущественных отношений, вовсе не обязательно содержали именно обычно-правовые положения, так как их составители — помещики или их управляющие — сплошь и рядом вводили в свои «кодексы» нормы государственного происхождения. Существенный материал содержится также в этнографических исследованиях, проведенных во второй половине XIX в., но их следует использовать весьма кри-

тически; в данном случае сравнение может привести к ошибочным выводам, так как нормы более позднего времени могли быть подвержены влиянию государственного законодательства. Помещичьи инструкции XVIII — начала XIX в. и этнографические данные второй половины XIX в. весьма ценны как источники, свидетельствующие о проникновении в крестьянскую среду официальных гражданско-правовых узаконений.

Анализ общинных земельных отношений уже показал, насколько медленно развивалось в деревне понятие земельной собственности и насколько условным было даже подворное владение угодьями. Настоящая глава посвящается разбору отношений, связанных с имуществом, заключенным в пределах собственно двора — жилые и хозяйственные постройки, скот, хозяйственный инвентарь, запасы урожая, предметы домашнего обихода, а также деньги.

§ 1. Имущественные отношения в малых и отцовских неразделенных семьях

В малых и неразделенных семьях, возглавляемых отцами, основу хозяйственного комплекса двора составляла доля, доставшаяся им в результате раздела двора их родителей или выдела. Отец как глава такого семейства обладал широкими правами по отношению к своим взрослым женатым сыновьям вплоть до лишения их права на имущество; это могло последовать в случае их неповиновения или требования о выделе, с чем не соглашался отец. В этом случае сын мог обжаловать решение отца, обратившись в общинное правление. Такое дело разрешалось им в пользу главы семьи только тогда, когда он признавался «рачительным» хозяином, а не «расточителем» семейного добра. В иных случаях мир мог поддержать сына. Так, в 1803 г. в Елоховском мирском правлении ярославской вотчины, принадлежавшей графу А. Орлову-Чесменскому, после рассмотрения жалобы крестьянского сына Якова Силина о невозможности совместного проживания с отцом мирским приговором было признано, «что он (Яков.— В. А.) претерпевает от родителя своего крайнее угнетение и притеснения», будучи сам «содержания порядочного и ни в каком дурном поведении нигде и никогда не замечен». Исходя из этого, мирское правление предложило Якову «отойти» от отца разделом и «посоветовало» ему требовать четвертую часть «всякого крестьянского имущества»¹⁹. В 1805 г. в другой ярославской вотчине А. Г. Орлова-Чесменского — Никольской — при посредничестве бурмистра Г. Власова в вотчинном правлении было оформлено соглашение между крестьянином д. Вычесово Василием Григорьевым и его сыном Петром. Ввиду «несогласия» и «неудобства» совместного проживания с отцом сын получал право уйти из дома, но вынуж-

¹⁹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 467, л. 24—26.

ден был согласиться на кабальные условия; отказываясь от какой бы то ни было доли имущества («награда и помощи»), Петр обязывался к тому же уплачивать за отца на протяжении семи лет оброк и подушную подать и возместить его долг в 50 р.²⁰ При подобной семейной коллизии выходцу из семьи фактически ничего не оставалось другого, как добиваться разрешения уйти из деревни и нести тягло с отхожего промысла. На следующий год в том же с. Никольском произошел приблизительно такой же случай. Иван Лукьянов, отходя от отца «по своей доброй воле», отказывался от доли семейного имущества и обязывался даже после смерти отца не претендовать на что бы то ни было. По-видимому, Иван промышлял в отходе еще до разрыва с семьей и обладал какими-то средствами, ибо, заключая соглашение с отцом, он не отказывался от права крестьянина-общинника на земельный участок для поселения — «по приобретению своему изыщу себе под постройку дому моего место». В письменном соглашении отмечалось, что отец Лукьяна отказывался выделить сыну тягольную землю, скотину, сбрую и даже посуду. Он «наградил» сына только образом (иконой), милостиво соглашался выделить ему какую-то часть праздничной одежды и хлебного запаса («по рассмотрению», что «вознамерюсь») и отдать выкупленную им рекрутскую очередь и принадлежащую сыну повседневную одежду²¹. По такой же «доброй воле» в 1809 г. в костромской вотчине Орловых — с. Сидоровском — уходил от отца Ивана Бутова его сын Петр, по всей вероятности, также промышлявший в отходе. В поданном прошении о разделе в Сидоровское вотчинное правление отец писал, что отделяет сына с тем, «сколько у него (сына.— В. А.) есть нажитого им имения денег и платья, а из прочего, как дому, скотины и другого имения, находящегося при мне, доли не выделять. На что и Петр согласен»²².

Выдел сына без доли семейного имущества, если против этого был глава семьи, практиковался и в других крепостных общинах. В 1815 г. Аксеновское правление чухломской вотчины графа М. А. Дмитриева-Мамонова, рассмотрев жалобу крестьянского сына с женой на родителей, отца и мать, которые их «беспощадно всегда бьют и вон гонят», постановило отделить сына, но обязало отца отдать ему только платье²³. По всей вероятности, тем же самым окончилась ссора в той же вотчине в 1826 г. между отцом и сыном, который был изгнан из дома «на белый снег» и получил лишь разрешение от мирского правления уйти на заработки в Петербург²⁴. В XIX в. обычай, на основе которого родители изгоняли непокорных детей из дома и лишали их имущественных

²⁰ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 6.

²¹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 586, л. 2—2об.

²² ЦГАДА, ф. 1454 (Сидоровского вотчинного правления Орловых и Папиных), оп. 2, д. 1154, л. 5.

²³ ЦГАДА, ф. 1268, оп. 3, д. 6, л. 5об.— 6.

²⁴ ЦГАДА, ф. 1268, оп. 3, д. 6, л. 15об.

прав, известеи и в среде крестьянства Смоленской, поволжских и сибирских губерний²⁵.

Право распоряжения главой крестьянского двора имуществом отражалось нередко и в неравноправных условиях, на которых он соглашался на выделение сыновей. Кабальностью этих условий отец как бы компенсировал после ухода сына потерю работника в семье. В этих случаях, когда, следуя обычаю, выделявшийся член семьи все же обеспечивался средствами для ведения самостоятельного хозяйства, глава не придерживался строго пропорционального раздела имущества и мог оставить за собой значительно большую долю. Так, в 1780 г. в с. Никольском мирским приговором были утверждены условия раздела крестьянина Василия Назимова с сыном Никифором. О разделе они просили «по любви», и Никифор получал от отца часть тяглой земли, лошадь, корову, три четверти овса, право совместного использования овина, но обязывался своими силами ставить себе все дворовые строения и платить за отца на протяжении пяти лет все подати²⁶. В 1811 г. в том же селе один крестьянин по просьбе двух сыновей согласился на раздел, чтобы они «полюбовно» разошлись. По условиям составленного «любительного письма», отец оставался в своем доме со старшим сыном, но все имущество разделил между собой и сыновьями на три части. Приблизительно поровну разделив землю и скот, он оставил за собой половину хлебного запаса, весь купленный лес, основную часть хозяйственных построек и дом, на который сыновья не могли впредь претендовать²⁷. В 1815 г. там же последовало еще более показательное соглашение отца с сыновьями. Крестьянин д. Большое Скрылево Матвей Дмитриев, некогда поселившийся, по всей вероятности, как примак в доме тещи-вдовы Прасковьи Федоровой, согласился на уход двух сыновей к деду в соседнюю деревню. Их дед Дмитрий Петров, по-видимому, не имевший в своем доме наследников-мужчин, соглашался передать обоим внукам все свое хозяйство, а они, со своей стороны, отказывались от доли в доме отца. Матвей Дмитриев в свою очередь за себя и других своих детей также отказывался от претензии к имуществу своего отца, переходившему к его двум сыновьям, внукам деда Дмитрия. Это довольно понятное по своему существу соглашение, однако, имело одно условие, крайне нелегкое для уходивших из семьи сыновей. Отец обязывал их до своей смерти платить за него оброк с довольно значительного хозяйства²⁸.

²⁵ Пахман С. В. Очерк народных юридических обычаев Смоленской губернии.— В кн.: Сборник народных юридических обычаев. СПб., 1900, т. 2, с. 69; Соловьев Е. Т. Гражданское право. Очерки народного юридического быта. Казань, 1888, вып. 1, с. 65, 70—71; Миненко Н. А. Русская крестьянская семья Западной Сибири (XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск, 1979, с. 139, 156.

²⁶ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 28, л. 1 об.

²⁷ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 46—47.

²⁸ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 121—121об.

Неравноразное в имущественном отношении выделение сыновей происходило, когда отцы вступали во второй брак. Так, в 1814 г. перехотской вотчины князя Г. А. Голицына крестьянин Яков Давыдов, проживавший в с. Писцово, отдельным актом «по великости семейства» отделил своих трех взрослых сыновей, рожденных в первом браке. Он на равные части разделил между собой и каждым из сыновей только тягольную землю и обязал их заплатить все семейные долги, платить за него все подати, на протяжении пяти лет выплатить ему «в прокормление малолетних детей» 1000 р. и отказаться после его смерти от имущественных исков к мачехе и ее потомству²⁹.

В других подобных случаях главы семей оставляли себе половину имущества, а другую делили между сыновьями от первого брака. Так поступил в 1798 г. ярославской Ильинской вотчины графа А. Г. Орлова крестьянин Иван Говяков, выделивший перед вторичной женитьбой своим четырем взрослым сыновьям половину недвижимого имущества³⁰. В 1815 г. в соседней Никольской вотчине Орловых крестьянин д. Ветрово Тихон Черноусов при вступлении во второй брак по письменному «обязательству» обусловил переход после его смерти половины дома в собственность жены и обязал детей от первого брака выплатить ей 500 р., если бы они захотели владеть другой половиной³¹.

Таким образом, отцу — главе семьи по обычаю принадлежало право определять доли имущества, которые передавались выделяемому члену семьи. Это право главы семьи отражалось в фразеологии отдельных актов. В них обычно указывалось, что отец «награждает» сыновей, а они «согласно» принимают «награждение».

Однако самостоятельность воли главы семьи имела свои пределы. В. И. Сергеевич справедливо заметил: «Надо думать, что патриархальность нашего древнего быта и соединенное с нею безусловное подчинение детей родителям не шли у нас так далеко, как некоторые любят это утверждать. Отецеская власть, по всей вероятности, имела свои пределы»³². В рассматриваемое время (XVIII — начало XIX в.) глава семьи в принципе был не владельцем, а распорядителем семейного («родового») добра, подконтрольным со стороны общины. Если поведение такого главы становилось предосудительным и возникала опасность тягоспособности двора, его права ограничивались. Так, в 1813 г., когда крестьянский сын Семен Данилов пожаловался бурмистру Никольской вотчины на отца Данилу, что он «всегда находится в слабом поведении, истощая из своего дома» и проматывая имущество, то мирским приговором отец был поставлен под контроль своей жены³³. Это правило бытовало в середине XIX в., например,

²⁹ ЦГАДА, ф. 1396, оп. 1, д. 1379, л. 1—2.

³⁰ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 434, л. 2 и др.

³¹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 120об.—121.

³² Сергеевич В. Древности русского права. СПб., 1903, т. 3, с. 64.

³³ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 583, л. 163.

в среде государственных крестьян Тверской губ.³⁴; сохранилось оно и во второй половине XIX в.; известно, в частности, что в поволжских, Казапской и Уфимской губерниях главенство в таких ситуациях могло быть передано в руки жены, старшего сына и даже незамужней дочери³⁵.

После смерти главы неразделенной семьи его вдова могла сохранить пожизненное главенство над хозяйством, и в отношении домочадцев на нее переходила часть, которую ранее располагал ее покойный муж. По представлениям общинного крестьянства мать-вдова, имевшая взрослых сыновей, была правомочна возглавлять хозяйство и отвечать за повинности, падавшие на двор³⁶. Сохранилось также немало мирских решений различных общин о предоставлении льгот по несению тягла вдовам, оставшимся с малолетними детьми.

Случалось, что не только вдовы, имевшие в своих семьях взрослых и женатых сыновей, но и жены находившихся, по-видимому, в отходе мужей играли по их доверенности активную роль в повседневной жизни деревни. В 1780 г. в ярославской Никольской вотчине графов Орловых пять тяглых дворов возглавлялись вдовами, из которых лишь одна имела льготу по выплате оброка; по данным окладных книг вотчины за 1780 и 1782 гг., вдовы Авдотья Корулиха в д. Рукавово и Авдотья Карпова в д. Большая Шемнина несли тягло; невестки-вдовы Меньшиковы, проживавшие в одном дворе в д. Малое Скрылево, несли тягло в 1780-е годы до тех пор, пока сын одной из них, Тихон, не стал совершеннолетним и не возглавил двор; в 1780 г. в д. Кулыново жена Ивана Богородского от своего лица отказалась в мирском управлении от части земельного тягла; то же сделали в 1782 г. в д. Ваулово жена Григория Качаева, а в 1786 г. в д. Лутошино «хозяйка» Егора Завьялова и в д. Анкудиново жена Петра Гусева, возглавившая двор после его бегства. В 1815 г. в Никольском крестьянка-вдова Мария Андреева при очередной земельной переоброчке, наоборот, даже согласилась принять дополнительное тягло, от которого отказался ее сосед³⁷, и т. д. В 1791 г. крестьянка Федора Иванова чухломской вотчины князя А. Б. Куракина, имевшая двух женатых сыновей, добилась на мирском сходе с. Погорелки увеличения земельного надела за счет пустующего соседского тягла с условием сдачи неудобных для нее участков³⁸.

Особое значение в решении имущественных вопросов имел голос крестьянки, принявшей в свой или родительский двор мужа

³⁴ Преображенский В. Описание Тверской губернии в сельскохозяйственном отношении. СПб., 1854, с. 91.

³⁵ Соловьев Е. Т. Гражданское право..., вып. 1, с. 17, 41.

³⁶ По наблюдению В. И. Сергеевича, в писцовых книгах даже XVI в. неоднократно можно встретить указания на то, что во главе двора стояли женщины, причем не только вдовы, но и при живых мужьях (Сергеевич В. Древности..., т. 3, с. 64, 65).

³⁷ ЦГАДА, ф. 1384, он. 1, д. 29, л. 1—12; д. 35, л. 1—11; д. 83, л. 1—2; д. 118, л. 1—12; д. 550, л. 11.

³⁸ ЦГАДА, ф. 1369, он. 1, д. 60, л. 25—26.

в качестве примака. Так, в уже описанном случае, когда в 1815 г. крестьянин д. Больное Скрылево Матвей Дмитриев переселялся в дом деда двух сыновей, в заключенном договоре отмечалось согласие матери выделенных сыновей. В 1823 г. мирское собрание при Чудиновском правлении ярославской вотчины Орловых утвердило приговор о выделе из семьи Степана Федорова его пасынка Василия Тихонова с женой и дочерью. Просьба о выделе и его условия были переданы мирскому собранию от имени как отчима, так и матери Василия³⁹, некогда принявшей мужа в свой дом. Право голоса жен при разрешении имущественных отношений в семьях, куда мужья были приняты примаками, нередко обуславливалось заранее в письменных соглашениях при заключении браков, о чем речь пойдет ниже.

Неизменно за вдовами-матерями, возглавлявшими хозяйство, оставался решающий голос при выделении сыновей или полных разделах неразделенных семей⁴⁰. Сохранившиеся отдельные акты свидетельствуют, что мать, как и отец, могла «отделять» детей, «позволять» им разделиться, «наградить» их долей общего имущества. Утверждение таких разделов общинными собраниями основывалось на «позволении» матери.

Материнская власть над хозяйством и его судьбой прослеживается по целому ряду актов, вышедших из среды крестьянства ярославской Никольской вотчины графа А. Г. Орлова. В 1795 г. вдова Татьяна Григорьева в д. Мениково «отделила» сына Федора и сочла нужным «наградить» его только иконами и третьей частью тяглой (дворовой, гуменной, покосной, пашенной) и купленной земли. Все же остальное имущество ею сохранялось в семье, которая и после ухода Федора оставалась по своему типу неразделенной (еще два сына, дочь, сноха и внучка)⁴¹. Таким образом, в данном случае был четко соблюден обычай равного обеспечения трех сыновей только в отношении земли. В 1809 г. в с. Никольском Прасковья Емельянова также отделила из трех сыновей старшего, но по «согласию» двух других, с которыми она осталась, выделила ему в довольно точной пропорции третью часть овина, скота, сбруи, посуды, половину двора, летнюю избу и землю, по-видимому, в соответствующей доле. Как и Татьяна Григорьева, Прасковья сохранила свое главенство над оставшейся частью двора, «удерживая при себе» имущество и не разделяя его между младшими сыновьями⁴². В той же вотчине в 1815 г. в д. Малое Скрылево Анастасия Тимофеева по «полюбовному письму» разделила все хозяйство с сыном; хозяйство было значительным — на дворе стояло два жилых строения — связи (изба — сени — гор-

³⁹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 1090, л. 2—4.

⁴⁰ В Тверской губернии в первой половине XIX в. вдова-мать имела право разделить своих взрослых сыновей, даже если в семье находились несовершеннолетние братья ее покойного мужа (*Преображенский В. Описание...*, с. 93).

⁴¹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 253, л. 10.

⁴² ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 34 об.

ница); два сениных и постройный амбары, овин, погреб, баня состав- ляли хозяйственные постройки. Все это было разделено пополам; так же было поступлено со скотом, хлебным запасом и всяким «крестьянским заведением». В «письме» не было указано, с кем остается мать, но она явно была намерена возглавлять тягло и соглашалась разделить пашенную землю с выделяемым сыном только в случае, если у них возникнут противоречия при ее обработке⁴³. В 1824 г. в д. Рукавово Анна Белова, разделив между тремя женатыми сыновьями инвентарь и хозяйственные по- стройки, скот, хлебный запас и домашние обиходные вещи, пред- ложила двум младшим самостоятельно строить или покупать себе дома и добиваться от общины земельных угодий. Оставшись со старшим сыном, она сохранила за собой основу хозяйства — дом и всю землю и обязала сыновей уплатить ее долги, составившие существенную сумму в 425 р.⁴⁴

В решении важнейших семейных дел матери-вдовы сохраняли право голоса, даже если руководство хозяйством фактически пере- ходило к одному из сыновей. В таких случаях разделы братьев происходили «по уволению» (разрешению) матери или с ее «бла- гословения». Иногда такой раздельный акт подписывался ею на- ряду с сыновьями⁴⁵. Решение матери при разделе имущества, даже если оно было не зафиксировано письменно, а высказано при священнике и свидетелях, было основным аргументом в даль- нейшем в случаях, когда между сыновьями возникали споры. Именно так, на основании показаний свидетелей, был разрешен в приказной избе суздальского с. Лежнева в 1742 г. иск одного брата к другому по поводу раздела усадебной земли⁴⁶.

Решающий голос матери-вдовы в малых или неразделенных отцовских семьях в хозяйственных делах, при разделах и выделах сыновей сохранялся и во второй половине XIX в.; в Поволжье, в Казанской и Уфимской губерниях она оставалась хозяйкой и со- храняла власть до смерти. «Случаи устранения матери от хозяй- ства и наследственного имущества весьма редки», — писал Е. Т. Со- ловьев⁴⁷. Только, по-видимому, при полном отходе матери от хо- зяйственных дел сыновья, составляя условия раздела, не указы- вали ее роли в нем⁴⁸. Случалось, что мать даже устранялась от самого раздела, что специально оговаривалось в акте⁴⁹.

В отличие от отцов — глав семьи, которые после полных раз- делов с сыновьями или племянниками сохраняли за собой опреде- ленную долю имущества двора, позволявшую им вести производи- тельное хозяйство, матери-вдовы, когда они складывали с себя

⁴³ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 651, л. 6—6об.

⁴⁴ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 1135, л. 1—3.

⁴⁵ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 39, л. 7; д. 253, л. 13; д. 544, л. 48об.—49; д. 907, л. 4—5.

⁴⁶ ЦГАДА, ф. 1373, оп. 1, д. 18, л. 37—43.

⁴⁷ Соловьев Е. Т. Гражданское право..., вып. 1, с. 91 (см. также с. 58).

⁴⁸ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 253, л. 14—14об.; д. 544, л. 32об.—33.

⁴⁹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 252, л. 1.

главенство, но имели права на такую долю. Как будет показано дальше, за ними оставалось только право на их личное имущество — приданое (в том виде, в каком оно поступило в дом при выходе ее замуж или в форме компенсации) и на обеспечение со стороны детей прожиточным минимумом (см. ниже, § 4). Так, в 1810 г. в Никольской вотчине Агафья Васильева, сложив с себя главенство в семье, по «согласию» с тремя сыновьями разделила все имущество двора между ними и, оставшись при старшем сыне, оговорила за собой недостроенную избу со строительным к ней материалом, корову, тулуп и какую-то часть общего запаса соломы и овса⁵⁰. Точно так же предоставила своим двум сыновьям право вести раздельное хозяйство Марфа Михайлова в 1811 г. в с. Никольском. Она детально распределила между ними поровну жилые и хозяйственные постройки, дворовую и гуменную землю, оставила в общем их пользовании коров и лошадь, а за собой — корову и право проживания с любым сыном⁵¹. В 1812 г. в той же вотчине Аграфена Иванова, также сложив с себя управление хозяйством, «позволила» двум сыновьям делить его пополам, а сама пожелала жить в «келье» отдельно. Разумеется, семейные разделы и условия, на которых они осуществлялись, контролировались сельскими общинами. В мирском приговоре по поводу раздела семьи Аграфены Ивановой подчеркивалось, что сходка дает согласие, коль скоро он осуществляется «с позволения» матери⁵².

Итак, выделы сыновей и полные разделы семей зависели от согласия как отца, так и матери-вдовы. В силу субъективности их воли выделяемые из семьи сыновья не всегда получали пропорционально равную долю; не всегда подразумевалась обязательность наделения их и движимым и недвижимым имуществом, прежде всего жилыми и дворовыми постройками. Однако при всей субъективности воли родителей все же в основе обычно-правовых норм было представление о необходимости дальнейшего функционирования хозяйств выделенных малых семей. Поэтому при «любобных» разделах неразделенных семей чаще всего, во-первых, предполагалось обеспечение каждого выделявшегося необходимым минимумом всех частей крестьянского хозяйственного комплекса, в который входило как движимое, так и недвижимое имущество, а во-вторых, равенство в обеспечении каждого выделявшегося. Достигалось это разными путями в зависимости от достатка семьи.

Конечно, выделение сыновей было очень серьезным испытанием тягоспособности крестьянских семей. Зажиточные семьи, которые имели средства, старались избежать дробления хозяйственного комплекса. В 1798 г. в с. Сидоровском, принадлежавшем гр. В. Г. Орлову, очень богатый крестьянин Иван Пискунов, выделяя для самостоятельного хозяйствования двух старших женатых сыновей и оставляя при себе младшего малолетнего, вовсе не

⁵⁰ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 587, л. 3.

⁵¹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 50об.— 51.

⁵² ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 53; д. 583, л. 108об.— 110.

выделял им имущества. Он определил каждому сыну по 6750 р., на которые они могли «совершенно построить себе дома и все хозяйство принадлежащее завести»⁵³. От 1823 г. сохранились документы, подробно раскрывающие процедуру выделения старшего сына в богатой крестьянской семье Алексея Жаварина, проживавшего в д. Деревень Никольской вотчины. Семья состояла из вдового главы 64 лет, двух его женатых сыновей 42 и 32 лет и дочери 31 года; один сын имел троих детей, другой — двоих. В апреле 1823 г. оба сына, находившиеся на заработках в отходе, прислали отцу письмо, в котором просили его разделить их поровну. Из поданного А. Жавариным в июне того же года в вотчинное правление прошения о выделении старшего сына видно, что Григорий был куплен в соседней деревне дом с земельным общинным окладом, а из семейного добра выдавалась треть скота, хлебного запаса, хозяйственного инвентаря и посуды. Отец оставлял за собой и младшим сыном Иваном весь двор, всю землю и две трети движимого имущества; после его смерти хозяйство должно было перейти к Ивану, что компенсировало его долю в общесемейных средствах, истраченных на покупку двора для Григория⁵⁴. Точно так же в марте 1824 г. в этой же вотчине поступил зажиточный крестьянин Иван Варегин, проживавший в д. Гаврильцово. Он купил для женатого старшего 19-летнего сына Никифора в д. Рукавово двор с общинными земельными угодьями и даже засеянной пашней, обеспечил его до нового урожая хлебом и кормом для скота до выгона на весеннее пастбище, выделил часть скота и инвентаря. Сохранившееся хозяйство И. Варегина в перспективе должно было перейти к его младшему сыну⁵⁵.

Для того чтобы сохранить дом и хозяйственные постройки от раздела, некоторые крестьяне при выделе сыновей компенсировали их деньгами на постройку двора. Так, в 1797 г. крестьянин с. Никольского Лукьян Иванов, «за умножением семейства» выделяя старшего сына Василия, дал ему в «надел» часть дворовой и тяглой земли, лошадь, корову, запас ржи, овса и соломы. На постройку двора отец передал ему 45 р. и право на деньги, розданные им в долг в Петербурге в отхожем промысле. Спустя 10 лет при выделе младшего сына Федора Лукьян также обеспечил его дворовой и тяглой землей, лошадью, коровой, хозяйственным инвентарем (косуля, соха, телеги, хомут и упряжь), посудой, дал ему право на часть еще не собранного с полей урожая и вновь полностью сохранил за собой весь двор. В виде компенсации за жилище, которое сын должен был построить самостоятельно, он был освобожден от участия в уплате семейных долгов⁵⁶.

Несколько иначе сохранил единство дворового комплекса в 1798 г. крестьянин Никольской вотчины Петр Белов, уже освобожденный от тягла. Он предоставил двум сыновьям право вести

⁵³ ЦГАДА, ф. 1454, оп. 2, д. 716, л. 10—12.

⁵⁴ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 1092, л. 1—3, 7—8.

⁵⁵ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 1129, л. 1. 2—2об.

⁵⁶ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 286, л. 1; д. 544, л. 21—21об.

самостоятельно хозяйство и поровну разделит между ними имущество и земли; старший сын должен был сам строить себе двор, а потому в виде компенсации ему выделили дополнительный участок пашенной земли. Отец же оставил за собой дом со всеми дворовыми постройками в виде обеспечения своего существования со стороны оставшегося с ним младшего сына. После смерти отца этот двор должен был перейти к нему⁵⁷. В другом случае в 1811 г. крестьянин Никольской вотчины при разделе хозяйства между собой и двумя сыновьями оставил за собой весь двор, половину скота, хлебного запаса, хозяйственного инвентаря и посуды, но землю разделил на три части. Для постройки двора младшему сыну он выдал 150 р.; сам же остался в своем дворе со старшим сыном, с которым, несмотря на обусловленность раздела имущества, продолжал вести общее тяглое хозяйство⁵⁸. Любопытный случай произошел там же в 1812 г., когда крестьянин д. Ваулино Степан Смородин и его племянник Иван во избежание раздела двора и хозяйства остались хозяйствовать вместе, а вдовую невестку Степана и мачеху Ивана Федору с дочерью отселили и минимально обеспечили их существование, построив им «келью» и выделив корову и запас ржи и овса⁵⁹.

Стремление предохранить двор от разделов прослеживалось и в других общинах. В начале XIX в. мирское правление чухломской Аксеновской вотчины Дмитриевых-Мамоновых выносило положительные решения о семейных разделах только в тех случаях, когда выделившиеся поселялись в уже построенных домах⁶⁰. Сохранившиеся акты о разделах отцовских семей в уже упоминавшемся с. Сидоровском свидетельствуют о том, что выстроенное на общесемейные средства жилище для выделяемых сыновей и там было необходимым условием раздела. В 1793 г. крестьянин Иван Федоров просил разрешения о выделе старшего сына «в особый дом, который построить мне ему из собственных наших имуществ». Одновременно о том же просил Андрей Трофимов (с постройкой дома «на удобном месте из наших имуществ»). В 1795 г. Яковлев просил разрешения на выдел всех трех своих женатых сыновей «в особые дома, им построенные», а Григорий Васильев — одного сына в «особый дом». В 1805 г. Степан Ваганов обязывался построить выделяемому пасынку «приличный» дом, и мирское собрание согласилось — «в готовый дом» отделить. В 1808 г. вдова Авдотья Ильина выделяла среднего сына «в особую, имеющуюся избу»⁶¹.

Если сохранить хозяйственное единство двора было невозможно, но глава семьи по доброй воле готов был имущественно обеспечить выделяемого сына, то степень этого обеспечения зависела от возможности главы по-прежнему возглавлять хозяйство и отве-

⁵⁷ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 316, л. 1.

⁵⁸ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 46—47.

⁵⁹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 583, л. 408об.—110.

⁶⁰ ЦГАДА, ф. 1268, оп. 3, д. 3, л. 21 об.; д. 6, л. 13.

⁶¹ ЦГАДА, ф. 1454, оп. 2, д. 616, л. 5, 8; д. 557, л. 28—29; д. 1001, л. 6—7; д. 1115, л. 31.

чать за тягло. Случалось, что раздел всего хозяйства и добра происходил по равным долям при «добровольном согласии» между отцом и сыновьями⁶². Так, на равные доли разделил в 1806 г. все сельское имущество (от построек и земли до посуды) и «петербургское заведение» (два дома, пять лавок, товар на 8500 р.) богатый крестьянин Никольской вотчины Николай Константинов между собой, двумя сыновьями и внуком, отец которого к тому времени умер, и его доля тем самым перешла к сыну. В данном случае глава семейства не требовал для себя каких-либо преимуществ⁶³.

Однако, по-видимому, чаще, при разделе семейного имущества на соответствующие доли, определенные жертвы сыновей не митовали, хотя они и обеспечивались необходимым для ведения самостоятельного хозяйства. Так, в 1799 г. крестьянин с. Сельцы Никольской вотчины Иван Петров, отделяя сына Сергея, обеспечивал его частью двора и построек, земли, запасов хлеба, лошадей, коровой, телегой и санями, но перекладывал на него обязательство по посеву и обработке льняного поля и «загона» репы в пользу нетрудоспособной односельчанки, которое отец принял ранее на себя при покупке у нее земли⁶⁴. В том же году и там же Антип Матвеев разделил на две части свое хозяйство; сам он остался с младшим сыном, а два старших его сына выделались для совместного хозяйствования. Весь огромный двор — две жилых «связи» (изба—сени—горница) с прочими постройками, скот, засеянный хлеб подлежали разделу пополам. Отец выделил старшим сыновьям несколько большую часть земли, а меньшую оставил за собой, но обязал всех трех сыновей заплатить все семейные долги на сумму в 76 р.⁶⁵ Крестьянин той же вотчины Карп Чернухин, выделяя старшего сына и оставаясь с младшим, поровну разделил между сыновьями скот, хозяйственный инвентарь, обиходное домашнее имущество вплоть до посуды, все жилые и хозяйственные постройки (при совместном содержании и пользовании колодцем, баней, погребом и овином). Земля и хлебные «запасы», а также семейные долги односельчанам были разделены между всеми тремя. Все же «питерские заведения» — лавки и «капиталы», приобретенные в результате отхожего промысла, разделу не подлежали; их отец оставлял за собой и к тому же обязывал обоих сыновей платить ему по 25 р. в год «пензию» «на продовольствие по смерти»⁶⁶. В данном случае зажиточный отец, хотя и оставлял за собой земельный пай, но фактически передоверил его младшему сыну, а в качестве своей доли семейного добра полностью оставил за собой торговое дело в Петербурге.

Рассмотренные акты и мирские решения, фиксирующие выдел крестьянских сыновей или полный раздел семей, свидетельствуют

⁶² ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 434, л. 28.

⁶³ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 100б.— 11.

⁶⁴ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 347, л. 10б.

⁶⁵ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 346, л. 1—10б.

⁶⁶ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 24—25 об.

о том, что двору со всем имуществом, обеспечившим хозяйственную и бытовую жизнь семьи и ее тяглые обязательства, считался общей собственностью. Эта общность нередко отражалась в крестьянских актах в понятии «родовое имущество». В принципе, когда возникал вопрос о выделении или полном разделе крестьянской семьи, речь шла именно о выделении мужчинам долей из общего имущества, но не о наследстве, под которым подразумевается имущество, находящееся в личной собственности⁸⁷. Из представления об общности крестьянского семейного имущества вытекало и правило, по которому за долги отвечала вся семья. Поэтому порядок их уплаты всеми разделявшимися членами семьи неизменно и скрупулезно определялся в крестьянских актах.

Размер долей в каждом отдельном случае зависел от субъективного фактора — воли главы неразделенной семьи, но она подчинялась бытовавшей норме о праве сыновей при выделении на обеспечение функционирования их хозяйства. Это право после смерти в неразделенной семье женатого мужчины переходило на его малолетних сыновей. Если снохи-вдовы с малолетними сыновьями хотели выделиться, а с ними не соглашались свекры и деверь, то общинные правления шли навстречу снохам, так как их семьи могли стать тяглыми единицами.

Выделение из неразделенных семей вдов с еще нетрудоспособными малолетними сыновьями и предоставление им возможности вести самостоятельное хозяйство основывалось не только на принципе обычного права о наследовании сыновьями после отцов доли семейного имущества, но и на рациональном взгляде крестьян-общинников о возможности образования в недалеком будущем перспективного в тяглом отношении нового двора. В начале XIX в. Никольское вотчинное управление неоднократно рассматривало дела о выделении вдов с малолетними мальчиками из семей свекров или деверей и неуклонно присуждало матерям с сиротами ту часть имущества, которая по обычаю составляла долю их отцов. В 1786 г. в с. Никольском сноха Маремьяна Яковлева, не поладив со свекром, ушла с сыном из дома, вероятно, к своим родителям. После этого по заключенному и утвержденному миром «договору» свекор выделил снохе и внуку часть наделной земли, шестую часть купленной земли, хлебного запаса, одежды и двух коров; кроме того, было обусловлено, что наделная земля в дальнейшем ни одной из сторон не может быть передана другим общинникам, и, таким образом, должна остаться в «роду»⁸⁸. В последующие годы там же мирское правление разделило «надвое» землю, строение,

⁸⁷ С. В. Пахман рассматривал выдел как «предварение» наследства и на этом основании признавал существование наследства как юридического института (*Пахман С. В. Обычное гражданское право в России*. СПб., 1879, т. II, с. 227). Ниже будет показано, что собственно наследование в крестьянской среде развивалось из обычно-правовых норм, по одной из которых после смерти отца его доля переходила к оставшемуся с ним сыну, а по другой — одинокий крестьянин мог передать свое добро по своему усмотрению любому родственнику.

⁸⁸ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 82, л. 17 об.— 18.

одежду и «всякий скарб» между крестьянником и снохой (1788 г.), а в другом случае определили снохе с малычками получить «отцовскую третью часть» от двух братьев их умершего отца (1793 г.)⁶⁹. Совершенно так же был решен аналогичный вопрос в чухломской вотчине Куракиных в с. Погорелках, где в 1799 г. вдова Анна Софронова с малолетним сыном была разделена с двумя братьями ее покойного мужа «по третям»⁷⁰. В 1807 г. крестьянин Н. Ковалев был разделен со снохой Акимьей «пополам»; в 1811 г. Федору Иванову миром было предписано разделить с невесткой Прасковьей и ее малолетним сыном их «наследственное» имущество на равные части. Чтобы не делить двор, Федор выдал Прасковье 750 р., а для постройки нового жилища ей отвели «место» за деревней на гуменной земле⁷¹. В 1812 г., по всей вероятности, спорное дело мирская комиссия разрешила сама и разделила невестку с деверем «пополам», вплоть до лучины и дров; в 1813 г. также было поступлено с солдаткой Авдотьей Кондратьевой, оставшейся с двумя сыновьями, и ее деверем Василием Максимовым⁷².

Аналогичный порядок выделения вдовых снох с сыновьями из неразделенных отцовских и братских семей с точно определенной долей, фиксировавшейся документально, прослеживался среди вологодского монастырского крестьянства по актам второй половины XVII—начала XVIII в.; «вдова с детьми получала долю мужа, доли нескольких сыновей были одинаковы», — отмечала Е. Н. Бакланова⁷³.

Если кто-либо порывал отношения с общиной, он терял и свои семейно-имущественные права, которые переходили к его сыновьям. Этот порядок отражался в соглашении о разделе между крестьянкой Устиньей Карповой и ее деверем Семеном Игнатьевым. Муж Устиньи Василий был отпущен Орловым на волю, а его права на семейное имущество перешли к его двум сыновьям. По заключенному в 1806 г. соглашению невестки с деверем двор и постройки разного рода, земля, скот, инвентарь и домашний скарб делились пополам; только образа, одежда и другие личные вещи, а также долги оставались «всякому свои по себе»⁷⁴.

§ 2. Имущественные отношения в неразделенных братских семьях

После смерти главы неразделенной семьи права по хозяйством переходили обычно к его младшему брату, а к сыновьям, как правило, — при отсутствии братьев у старого хозяина.

⁶⁹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 253, л. 21—22, 26.

⁷⁰ ЦГАДА, ф. 1369, оп. 1, д. 113, л. 1.

⁷¹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 583, л. 18—23, 86—87; д. 587, л. 4—4об.

⁷² ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 69 об.—70 об.; д. 583, л. 134 об.—138.

⁷³ Бакланова Е. Н. Крестьянский двор и община на Русском Севере. Копец XVII — начало XVIII в. М., 1976, с. 166—168.

⁷⁴ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 586, л. 1—1об.

«Братских» семьях главенство носило отнюдь не формальный характер. О взаимоотношениях в братских семьях можно судить по данным, свидетельствующим о том, что в них рекрутскую повинность вынуждены были отправлять преимущественно не дети главы, а его младшие братья и их сыновья⁷⁵. Поэтому говорить о «демократизме» в братских семьях⁷⁶, как полагал М. О. Косвен, не приходится. Однако имущественные права братьев и их детей при разделе соблюдались значительно строже и последовательнее, чем в неразделенных отцовских семьях. Многочисленные, особенно по ярославской Никольской вотчине Орловых, акты о разделе братских неразделенных семей свидетельствуют о том, что каждый брат имел строго равные права на имущество крестьянского двора. «Из этих обычаев видно, что вообще при разделе имений строго наблюдается, чтобы существующее крестьянское хозяйство не уничтожалось...», — отмечал бытописатель Тверской губ. первой половины XIX в. В. Преображенский⁷⁷. При разделах братских семей каждая часть всего имущества делилась на соответствующие доли или, если по ряду причин это было затруднительно, раздел этих частей скрупулезно уравнивался либо за счет других частей, либо путем денежной компенсации. Мирские правления, утверждавшие такие акты, следили за тем, чтобы разделы были равенственными и в дальнейшем не опротестовывались разделявшимися. В 1817 г. мирской сход чухломской Аксеновской вотчины графа М. А. Дмитриева-Мамонова, утверждая раздел братьев Агафона и Ивана Семеновых, даже возложил на самого бурмистра ответственность за жалобы, если они последуют с их стороны в адрес помещика⁷⁸.

Детальный равенственный раздел всех частей имущества крестьянского двора ввиду сложности такой операции производился, по всей вероятности, относительно редко. Правда, в 1788 г. в своем «полюбовном письме» братья Иван и Кузьма Степановы, крестьяне Никольской вотчины, пришли к решению разделить пополам «все, что ни есть черно и бело»⁷⁹. Среди мирских приговоров той же вотчины, относящихся к тому же году, сохранилась также расписка Василия и Ивана Ивановых, которой они уведомляли общинное правление о том, что землю и весь «домашний припас» делят пополам⁸⁰. В 1796 г. там же братья Федор и Михаил Емельяновы также разделили пополам землю, дом, скотину, все остальное имущество, вплоть до одежды и долгов⁸¹; в 1814 г. так же поступили по «дележному письму» Андрей и Афанасий Тимофеевы⁸², а в 1821 г. трое братьев Григорьевых при выделении старшего «полюбовно» пришли к соглашению о его праве на треть

⁷⁵ Александров В. А. Сельская община в России (XVII — начало XIX в.). М., 1976, с. 287—288.

⁷⁶ Косвен М. О. Сельская община и патронимия. М., 1963, с. 83 и след.

⁷⁷ Преображенский В. Описание... с. 96.

⁷⁸ ЦГАДА, ф. 1268, оп. 3, д. 3, л. 28.

⁷⁹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 253, л. 20.

⁸⁰ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 114, л. 30.

⁸¹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 253, л. 4.

⁸² ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 94.

«всего домашнего заведения и имущества»; младшие братья пожелали остаться вместе при неразделенном имуществе⁶³.

Не только в отцовских, но и в братских семьях стремились прежде всего предотвратить раздел дома и двора. В костромском с. Сидоровском обеспечение жилищем при распаде братских семей обязательно фиксировалось в прошениях о разделах, хотя осуществлялось оно на разных условиях. В одних случаях жилище для выделявшихся сооружалось на общесемейные средства. В 1792 г. так разделялись братья Осип и Дмитрий Ивановы, в 1793 г.— Никифор и Петр Дмитриевы, а также Семен Иванов с племянниками, в 1806 г.— два сводных брата, уже имевшие «новую пятистенную избу особую», а в 1809 г. Яков Замораев с племянником с тем, чтобы «для жительства впредь построены быть могут равные два дома»⁶⁴. В иных случаях выделявшийся брат получал на постройку жилища компенсацию, соответствующую его доли из стоимости родительского дома, или на каком ином материальном условии. Выделение братьев из старого дома происходило или по жребию, или по соглашению⁶⁵. Лишь изредка, по всей вероятности, когда отношения в семье были вконец испорчены, следовало условие, чтобы выделявшиеся сами построили «из раздельной по себе суммы новый дом»⁶⁶.

Подобная практика наблюдалась и в других поволжских местностях. В 1825 г. мирским приговором Чудиновского правления ярославской вотчины А. А. Орловой-Чесменской была утверждена «миролюбивая бумага» о выделе из семьи четырех братьев Басовых одного из них. По этому соглашению выделявшийся брат уходил в купленный ими всеми совместно в их же д. Марково у вдовы дом с относящимся к нему наделом⁶⁷.

Такое разрешение вопроса было, конечно, доступно не всем крестьянам, и далеко не всегда оказывалась возможность в своей же вотчине приобрести продаваемый дом с наделом. Поэтому разделявшиеся братские семьи, стремясь сохранить оставшийся им после отцов дворовый жилой и хозяйственный комплекс, выходили из положения по-разному. В 1812 г. Михаил и Тимофей Ивановы в д. Дунилово Никольской вотчины, разделив пополам жилые постройки, землю, овины и амбары, движимое имущество и оставив в совместном пользовании погреб, колодец и баню, решили перестраивать двор с тем, чтобы один жил «на передней улице», а другой — «на заднем месте»⁶⁸.

В других случаях один из братьев уходил из родного двора, выхлопывал в общине себе место и начинал его заново обстраивать на средства, полученные от оставшегося (или оставшихся) в старом

⁶³ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 1026, л. 1—2.

⁶⁴ ЦГАДА, ф. 1454, оп. 1, д. 526, л. 20; д. 557, л. 13, 30; д. 718, л. 104—105; д. 1154, л. 9.

⁶⁵ ЦГАДА, ф. 1454, оп. 1, д. 470, л. 6—6об.; д. 1073, л. 7—8; д. 1115, л. 15, 21—22.

⁶⁶ ЦГАДА, ф. 1454, оп. 1, д. 526, л. 6—7.

⁶⁷ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 1164, л. 1—2.

⁶⁸ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 55.

дворе брата. Подобная компенсация осуществлялась чаще в денежной форме, когда выделявшемуся выдавалась соответственно большая часть общесемейных средств или когда оставшиеся в старом дворе откупались личными деньгами. В 1780 г. по «любительному письму» в Никольской вотчине дом с дворовым строением остался за Гурием Емельяновым; его брат Никита получил с Гурия 250 р. и мог ставить двор, вероятно, тут же, на дворовом участке. Все строения, находившиеся вне двора, — амбары, житницы, баню, гумно, овин они разделили пополам⁸⁹. В 1794 г. там же братья Качаевы, Федор и Кирилл договорились о постройке в течение двух лет для Кирилла «домового строения»; Федор выплачивал ему в два срока 150 р.; «поступался» имеющимся у них лесом и обещал в случае необходимости личную помощь. Новый двор должен был стать возле старого; гумно, житницу, землю, зерно, коров и «всякую рухлядь» они делили пополам⁹⁰. В 1796 г. в той же вотчине Трофим Федоров, оставаясь в старом дворе, выплачивал двум совместно выделявшимся младшим братьям 300 р. и «поступался» в их пользу старыми внедворовыми постройками — житницей и амбаром⁹¹. В 1798 г. там же в д. Кулыново двое братьев Серебряковых обязывались выдать младшему брату 65 р. в виде вознаграждения за причитающуюся ему третью часть «родительского дома» для постройки «на новом месте, где будет отведено» ему общиной. Таким образом, старшие братья полностью оставили за собой дворовый участок; кроме того, выделяя младшему, как положено, третью часть построек, находившихся вне двора, — гумна, амбаров, житниц, овинов и бани, они оговаривали свое право вернуть себе треть гумна, так как при выделении общиной их брату места для постройки двора он должен был получить и новое место под гумно⁹². В 1807 г. разделявшиеся братья Кишкины, Андрей и Григорий, согласились разделить пополам двор и строения, хлебный запас и «хлеб сеяный», скотину и «домовое заведение». По-видимому, младший, Григорий, предполагал отселиться в другую деревню, так как в их «раздельном письме» земля не упоминалась, а своей половиной двора и внедворных строений, оцененных в 200 р., он «поступался» брату, но почему-то без указания на какую-либо компенсацию со стороны Андрея⁹³. Компенсация за причитающуюся долю дома и двора при разделах братских семей в Никольской вотчине прослеживалась и в последующие годы. В 1809 г. в д. Роца Григорий и Иван Бухаловы оценили доставшийся им большой родительский двор в 600 р. Он состоял из двух жилых связей (изба — сени — горница), двух житниц, двух амбаров, мякинницы, бани. Несмотря на то что возможность раздельного проживания их семей во дворе была, зажиточные братья решили двор не делить, а условились, кому будет «угодно», тот из дома

⁸⁹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 28, л. 21.

⁹⁰ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 253, л. 3.

⁹¹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 253, л. 14—14об.

⁹² ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 317, л. 1—1об.

⁹³ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 317, л. 16—16об.

выйдет, получит с брата 300 р. и, по всей вероятности, поделится в соседней д. Сельцы, где у них был также тяглый нашенный надел⁹⁴. В д. Дунилово так же поступили братья Кириак и Иван Михайловы. Делились они во всем поровну, но в отличие от Бухаловых «по своей деревне», а потому Кириак, которому доставался двор, обязался уступить брату для постройки помещения часть своего дворового участка; в случае, если общинное правление не согласилось бы на дробление этого участка, братья решили купить необходимые для постройки места в своей деревне сообпа. За половину дворового строения Кириак выдавал Ивану 300 р., а за неэквивалентный раздел житниц и мякинницы — еще 70 р.⁹⁵

В 1810 г. в д. Гаврильцово на таких же условиях в отношении места для постройки нового двора и гумна с выплатой половины стоимости старого дома, оцененного в 675 р., разделялись братья Григорий и Иван Каретниковы⁹⁶. В 1811 г. Федор и Михаил Журавлевы при выделе среднего брата Павла выдали ему на «домовые расходы», т. е. на постройку двора, 50 р.⁹⁷ Наконец, в 1813 г. в с. Никольском богатые крестьяне Иван и Василий Дмитриевы, разделив поровну полевую, луговую и пустошную тяглую землю, скот и всякую «рухлядь» тоже «порешили» весь двор, все хозяйственные постройки с относящимися к ним землями (гумно и т. п.) оставить в одних руках. Василий поступился своей частью в пользу старшего брата и его детей, получил с него 2000 р., и на этом их расчеты были окончены⁹⁸. В Горбатовском уезде Нижегородской губ. также существовал обычай, по которому при разделе братьев остававшийся в родительском доме компенсировал стоимость постройки нового двора для выделившегося⁹⁹.

Конечно, при равных в принципе разделах между братьями невозможно было полностью соблюсти эквивалентность отдельных долей имущества, и возникала необходимость компенсации. Поэтому чаще всего отдельные части имущества делились на неравноценные доли, но с соответствующей за них компенсацией. Случалось, что она касалась значительной части хозяйства. В 1782 г. в д. Рукавово три брата Андриановых при выделе четвертого за приходящуюся ему долю жилого помещения и лошадей выплатили 100 р.¹⁰⁰ В 1786 г. в той же деревне братья Антип и Иван Десятовы строения, деньги и одежду разделили пополам, но по какой-то причине Иван из своей части в пользу брата поступился 50 р.¹⁰¹ В 1799 г., сразу же после отделения от отца и младшего брата, Григорий и Петр Матвеевы, в свою очередь, разделили пополам выделенное им имущество, но с условием, что за все жилое поме-

⁹⁴ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 317, л. 32 об.— 33.

⁹⁵ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 317, л. 39—40.

⁹⁶ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 317, л. 40 об.— 41.

⁹⁷ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 48 об.— 49.

⁹⁸ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 71—71 об.

⁹⁹ Бравина М. В. Село Оленино...— Нижегородский сб., 1875, т. V, с. 170.

¹⁰⁰ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 39, л. 1, 8.

¹⁰¹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 907, л. 4—5.

ценне, лошадь и гуменное строение Григорий выдает Петру 45 р.¹⁰² В 1796 г. в д. Барааново при разделе Андреяна и Кондратия Феклиных двор и относящийся к нему деревенский земельный надел получил Андреян; Кондратию досталась их же земля в деревне Уткино, где он намеревался строить двор на деньги (300 р.), полученные от брата; из двух лошадей лучшую получил Андреян, но с уплатой Кондратию разницы в их денежной оценке; правда, Кондрат получил право на этой же лучшей лошади выполнять «вотчинные тягости», т. е. нести тягло, но ездить на ней в какую-либо «дорогу» ему возбранялось¹⁰³. В 1810 г. в д. Мениково братья Семен и Яков Васильевы «полюбовно» и «добропорядочно» произвели между собой еще более сложные расчеты, прежде чем «без всякой обиды и противности» «бесповоротно» разделиться. Дворовый участок, тяглую и купленную землю с лесом, покосом и пашней, амбар для соломы, хлеб, коров, овец и кур они разделили пополам без «большого спора»; мужскую и женскую одежду, хозяйственный инвентарь (сбрую, телеги, сани) также «расположили без обиды». Овин, погреб, баню и хлебный амбар оставили в совместном пользовании. За неравный раздел икон Яков получил компенсацию в 50 р.; далее Семену досталась молодая лошадь, а Якову — старая и 50 р.; лучшие гуменные постройки перешли к Семену, за что он уплатил еще 20 р. Наконец, из двух жилых связей большая также стала собственностью Семена, а Яков за это получил с него 150 р.¹⁰⁴ В иных случаях компенсация касалась лишь отдельных статей имущества (одежды, скота и т. п.)¹⁰⁵.

Аналогичные имущественные отношения бытовали и в других, более сложных по составу, неразделенных семьях, где были мужчины, находившиеся между собой в боковом родстве (дядья, племянники, двоюродные братья), так как личные права обязательно переходили поколенно, от отцов к сыновьям, и строго сохранялись. В 1784 г. в Никольской вотчине, по-видимому, уже нетрудоспособный Семен Козьмин по договору с сыном Петром и его племянником, а своим внуком Кузьмой, каждый из которых имел свою семью, разделил скот, хлеб и «домашнюю рухлядь» на три части. Полевая и гуменная земля, а также двор были разделены пополам между Петром и Кузьмой; сам Семен предполагал жить с сыном или внуком и для своего обеспечения оставил себе только большую часть огорода¹⁰⁶. Таким образом, на представителя третьего поколения — Кузьму право равного раздела с дедом и дядей переходило от его уже умершего отца. В 1789 г. в с. Никольском в д. Лутошкиной два родных брата Степан и Дмитрий Федоровы делили с двоюродным братом Иваном Яковлевым «родительское имение» на три равные доли (землю, строения, скот, совместно нажитую одежду); долги и денежные рекрутские взносы они обязались пла-

¹⁰² ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 346, л. 2.

¹⁰³ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 252, л. 1.

¹⁰⁴ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 42—43.

¹⁰⁵ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 587, л. 2—20б.

¹⁰⁶ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 69, л. 17.

тить также равными долями, причем при взаимной друг за друга ответственности¹⁰⁷.

Те же имущественные отношения соблюдались в неразделенных семьях, состоящих только из дядьев и их племянников. В таких семьях племянники после смерти своих отцов становились вместе с дядьями равноправными совладельцами имущества, и при разделах оно делилось на соответственно равные доли, вне зависимости от состава малых семей и их рабочих возможностей¹⁰⁸. При этом дядья могли даже потерпеть ущерб, так как случалось, что их племянники претендовали не на долю своих отцов, а на пропорциональную с дядьями часть общего имущества. Так, в 1800 г. по мирскому приговору Елоховской вотчины Орловых крестьянин Дмитрий Демидов получил не половину, как можно было бы думать, имущества, а лишь четвертую долю при разделе с тремя племянниками — сыновьями его покойного брата Ивана¹⁰⁹. При возникавших разногласиях между дядьями и племянниками общинные сходы могли выносить примирительные решения, исходя не только формально из нормы обычного права, но из соображений чисто хозяйственного свойства. В 1780 г., по решению бурмистра Никольской вотчины, старосты и мирской комиссии, крестьянин д. Ветрово Петр Шкарин был разделен с племянником Петром Федоровым; все их имущество, а равно и имевшиеся долги делились пополам, но, учитывая, по-видимому, состояние здоровья племянника, мир решил, что если он не будет иметь «силы» «владеть» полевой землей, то она без всякой компенсации передается дяде¹¹⁰.

С другой стороны, и дядья, заключая с племянниками отдельные соглашения, стремились распространить на своих сыновей право на долю в имуществе. Этот правовой мотив прослеживается по «любителю письму», заключенному в 1786 г. между богатым крестьянином Никольской вотчины Михаилом Ивановым и его племянником Андреем Никоновым¹¹¹. Дядя уступал племяннику дом в Петербурге, скот и хлеб в деревне и обязывался выплатить ему в течение трех лет 700 р.; себе он оставил в Петербурге «торг и заведения», т. е. предприятия или лавки, а на «часть» своего сына вместо себя относил часть деревенской земли — дворовой, гуменной и полевой, которую должен был выделить Андрей. В подтверждение правомочности своего сына на долю имущества Михаил Иванов рядом со своей подписью на «любителюм письме» поставил и его подпись.

Обязательства по исправлению тяжелейшей для крестьянских семей рекрутской повинности определялись при разделах братских семей, по всей вероятности, в зависимости от степени дружелюбия между братьями. В с. Сидоровском в 1808 г. при выделе старшего брата Петра Герасимова от оставшихся вместе Василия и Сергея

¹⁰⁷ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 253, л. 19.

¹⁰⁸ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 39, л. 1; д. 253, л. 5—6; д. 544, л. 10 об.

¹⁰⁹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 344, л. 49 об.— 51.

¹¹⁰ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 28, л. 19.

¹¹¹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 114, л. 4—5.

было решено рекрутскую очередь, «сколькo за нами состоит, отправлять всем троим сообща». Разделявшиеся же с ними одновременно братья Федор и Никита Ивановы пришли к обратному и решили нести повинность каждый «но себе»¹¹².

Имущественные отношения в осколках неразделенных семей, где по каким-либо причинам не оставалось мужчин, определялись по-разному, но, как правило, мирские решения подчинялись перспективе создания тяглоспособного двора. Причем в этих случаях вдова-свекровь могла даже потерять свое главенство, которое переходило к невестке. Так, в Никольской вотчине в 1805 г. в д. Рукавово во дворе остались две вдовы — свекровь (с дочерью) и сноха с мальчиком. По обычаю главенство в семье оставалось за свекровью, но в данном случае, когда сноха решила второй раз выйти замуж и принять мужа как примака, возник вопрос о разделе двора. По «согласному письму» свекровь переселялась с дочерью в омшенник, приспособленный для жилья, и оставляла за собой корову, часть одежды и огорода, половину запаса зерна и муки и на «свое продовольствие» купленные ранее пашенный и сенокосный участки земли. Все остальное имущество передавалось внуку, снохе и ее мужу, причем за внуком после смерти бабки сохранялось право преимущественной покупки принадлежавших ей купленных участков земли¹¹³. В 1822 г. чухломское Аксеновское вотчинное управление, разрешая вопрос о разделе свекрови и снохи, поступило аналогичным образом — снохе было оставлено хозяйство, а свекрови предложено выделить житный амбар под жилье, корову, запас ржи, сена и соломы¹¹⁴.

В виде исключения допускался даже выдел вдов, имевших только дочерей. В 1788 г. мирское правление с. Никольского постановило разделить пополам все хозяйство — строения, земли и «пожитки» между вдовой Акулиной Ивановой с четырьмя дочерьми и ее племянником. В данном случае в основе решения лежал тот же рациональный взгляд на возможность существования отдельного двора, коль скоро какая-либо из дочерей могла выйти замуж, вести в дом примака и хозяйство стало бы тяглоспособным¹¹⁵.

Понятие о дворе как хозяйстве с общесемейным имуществом отражалось также в представлении об общей ответственности за долги. По обычному праву деревни каждый выделившийся из семьи мужчина или все они порывали между собой имущественные отношения, и полученное ими добро становилось собственностью тех самостоятельных семей, которые они возглавляли. Исключения, когда в совместном владении малых семей оставались отдельные строения (баня, колодец, гумно), оговаривались в отдельных актах. Между тем сплошь и рядом крестьяне, зани-

¹¹² ЦГАДА, ф. 1454, оп. 1, д. 1115, л. 21—23.

¹¹³ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 3 об.—4.

¹¹⁴ ЦГАДА, ф. 1268, оп. 3, д. 6, л. 12 об.

¹¹⁵ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 114, л. 13—14.

мавишеся ремеслом или торгом в отходе, дожили не в своей деревне, а на стороне, и после их смерти займодавцы далеко не сразу предъявляли свои иски; к тому же такие долги не всегда были известны семьям. В этих случаях, а также при несостоятельности должников мирские сходы обязывали возмещать долги ближайших родственников — матерей и даже братьев, к моменту иска живших отдельно.

В 1788 г. двое крестьян в с. Никольском подняли вопрос в общинном правлении о получении денег с должника, который давно бежал из вотчины. Общинное правление в принципе признало право займодавцев взыскать долг с двух братьев беглого, но ввиду отсутствия каких-либо документов, подтверждавших долг, и «неведения» о нем братьев отложило взыскание до поимки виновного¹¹⁶. В 1801 г. мирской сход чухломского с. Погорелки обязал своего крестьянина погасить денежный долг его умершего брата, взятый «на слово» при свидетелях¹¹⁷. В 1813 г. в одном из мирских приговоров общины Никольской вотчины было отмечено, что за, по-видимому, умершего Дмитрия Журавлева на «удовлетворение» мира и «претендателя» (т. е. займодавца) родственники внесли более 104 р. и поручились в уплате остальных 100 р. в течение года¹¹⁸. В 1814 г. в Никольском вотчинном правлении крестьянин Иван Семенов письменно подтвердил свое обязательство уплатить в течение года долг умершего сына; в случае же смерти отца до возмещения долга его должна была погасить мать должника¹¹⁹. Аналогичное решение приняло чухломское Аксеновское вотчинное управление в 1819 г., обязав мать и жену умершего крестьянина уплатить его долг¹²⁰. Впрочем, взыскивая эти долги, мирские правления стремились не разорять окончательно дворов своих же общинников. В 1788 г. Елоховское вотчинное правление ярославской вотчины Орловых взыскание долга с жены умершего крестьянина постановило отсрочить до тех пор, пока вдова не придет «в состояние»¹²¹. В Никольской вотчине в 1816 г. по мирскому приговору частный внутривотчинный долг покойного крестьянина Василия Назимова был частично удовлетворен за счет продажи житницы, сбруи и посуды, после чего займодавцам было предложено остаться «довольными»; мир сохранил за вдовой и дочерью Назимова дом и некоторые постройки¹²².

Поэтому, учитывая общесемейные обязательства, крестьяне при выделе сыновей или других родственников, а тем более при полных разделах скрупулезно фиксировали в актах степень участия каждого члена семьи в уплате долгов. В 1789 г. по «любительному письму», предъявленному в Никольское вотчинное

¹¹⁶ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 114, л. 42 об.

¹¹⁷ ЦГАДА, ф. 1369, оп. 1, д. 93, л. 6—6об.

¹¹⁸ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 583, л. 131—133.

¹¹⁹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 98 об.

¹²⁰ ЦГАДА, ф. 1268, оп. 3, д. 6, л. 9 об.

¹²¹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 113, л. 22—23.

¹²² ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 814, л. 4—4об.

управление, родные братья Степан и Дмитрий Федоровы и их двоюродный брат Иван Яковлев, разделяя «родительное имение», условились без оговорок платить долги всем троим равными частями¹²³. Эта скрупулезность позволяет вскрыть одну деталь, весьма важную для понимания внутрисемейных имущественных прав отдельных членов крестьянской семьи. Все, что составляло собственно крестьянское хозяйство, неизменно считалось общесемейным достоянием, а потому при разделах долги, сделанные среди своих общинников для поддержания этого хозяйства, в равных долях падали на всех мужчин-работников. Этот порядок уплаты «деревенских» долгов неизменно прослеживался в крестьянских актах. В 1797 г. при разделе в с. Никольском братья Королевы условились платить пополам те долги, по которым то или иное добро было взято «в дом»; за купленную землю долг выплачивался соответственно долям, на которые эта земля была между ними разделена, но «партикулярные» долги, что они «сами по себе забирали», выплачивались каждым индивидуально¹²⁴. В 1799 г. там же, когда Антип Матвеев выделил двух сыновей, а сам остался хозяйствовать с младшим, выделенные братья взяли на себя уплату долгов отца, которые, судя по их мелочности, были сделаны в селе, но обязались свои долги погашать «всякому за себя»¹²⁵. Наконец, в том же Никольском в начале XIX в. при разделе Карпа Чернухина с двумя сыновьями рассматриваемый принцип погашения долгов проявился еще более определенно. Крупный долг отца в 660 р. был оставлен за ним и тем сыном, с которым он собирался совместно жить. Судя по величине долга, он мог быть сделан отцом вне деревни и не ради собственно крестьянского хозяйства, а ради каких-то индивидуальных предпринимательских целей вне общины. Именно поэтому этот долг не распространялся при разделе на выделившегося сына. С другой стороны, оба сына обязались долги «по деревне», как касавшиеся их ранее совместного крестьянского хозяйства, платить поровну, но долги, связанные с предпринимательством в отходе — «по питерскому заведению, в лавках и капиталах», — единолично¹²⁶.

Как можно заметить, долговые обязательства по-разному оценивались крестьянским правопониманием; тем самым по-разному трактовалось и имущество, под залог которого брались деньги. Только в том случае, если предприятие, основанное в отходе, считалось семьей общей собственностью, оно делилось поровну, а потому внешние долги оплачивались тем же порядком. В 1781 г. братья Федор и Алексей Тякины, разделяя поровну в Никольской вотчине хозяйство, пополам делили и свою лавку в Петербурге¹²⁷. В 1806 г. в той же вотчине богатый крестьянин Николай Кон-

¹²³ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 253, л. 19.

¹²⁴ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 314, л. 1.

¹²⁵ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 346, л. 1—106.

¹²⁶ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 24—25 об.

¹²⁷ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 39, л. 3.

стаптин, выделяя одного из сыновей и внука, также поровну делил не только свое сельское хозяйство, но и весьма значительное «петербургское заведение — две лавки в собственных домах и три лавки, содержавшиеся по найму, с товарами на 8500 р.¹²⁸ Там же и в том же году, по «любительному письму», братья Гавриловы при уходе одного из них в примаки подтвердили свои взаимные обязательства, если «по петербургским торговым обстоятельствам» до 1807 г. возникнут долги¹²⁹.

* * *

Рассмотренные нормы имущественных отношений были свойственны не только крепостному крестьянству. Они были распространены и в среде государственного крестьянства европейской части страны, и в Сибири. По сведениям, собранным Министерством государственных имуществ в 1840-х годах и опубликованным в обработанном по отдельным губерниям виде Ф. Л. Барыковым, довольно отчетливо прослеживаются как общие черты семейно-имущественного обычного права, так и местные особенности в среде государственного крестьянства европейской части России. По этим данным, в малых семьях после смерти отца — главы семьи двор и все хозяйство передавались его жене и сыновьям вне зависимости от их возраста, но главенство определялось по-разному. Только в Орловской губ. главенство в семье безоговорочно оставалось за матерью-вдовой, а в Нижегородской, Пермской, Казанской, Тульской, Калужской, Тверской, Курской, Пензенской, Оренбургской — за старшим сыном¹³⁰. По данным Тульской губ. вдова-мать оставалась во главе только в том случае, если в семье не было «надежного» мужчины. Чаще — в Архангельской, Вологодской, Новгородской, Псковской, Петербургской, Вятской, Костромской, Саратовской, Владимирской, Тамбовской губерниях — руководство хозяйством оставалось за матерью и сыном, обычно старшим¹³¹. В частности, в Новгородской губ. оно переходило к матери «при управлении» старшего сына, в Псковской — «при участии матери как старшей в семействе», в Вятской — к старшему сыну под руководством матери. Повсеместно мать-вдова оставалась во главе хозяйства при малолетних детях или в качестве единоличного распорядителя или под опекой родственников и иных членов общины.

В неразделенных семьях руководство переходило или к брату покойного главы, или к старшему по возрасту — брату или сыну. Главенство следующего по возрасту брата прослеживалось в губерниях: Архангельской, Вологодской, Новгородской, Петербургской, Костромской, Владимирской, Калужской, Тамбовской, Ниже-

¹²⁸ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 10об.—11.

¹²⁹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, вкладка между л. 14 и л. 15.

¹³⁰ Барыков Ф. Обычай наследования у государственных крестьян. СПб., 1862, с. 63—65, 72, 73—75, 81—95, 97—99.

¹³¹ Барыков Ф. Обычай..., с. 47—51, 56—62, 65—72, 77—80, 84—88.

городской, Саратовской, Оренбургской¹³². В Казанской губ. переход хозяйства под управление брата был возможен только в случае малолетства сыновей покойного хозяина. Во Владимирской губ. преемство в руководстве часто зависело от воли умиравшего хозяина двора и могло быть передано или жене, или старшему брату, или старшему сыну¹³³. В ряде других губерний был распространен иной принцип: во главе хозяйства становился оставшийся в семье старший по возрасту мужчина, брат или сын (Смоленская, Олонецкая, Псковская, Пермская, Вятская, Тверская, Орловская, Пензенская губернии)¹³⁴. В Ярославской губ. таким главой мог оказаться даже племянник; в Курской губ. право на управление хозяйством обуславливалось не только старшинством лет, но и способностью к руководству, а в Рязанской это право могло быть доверено и младшему по летам мужчине — брату или сыну, если ранее глава семьи ему доверял более, чем другим. В случае малолетства братьев и сыновей хозяйством продолжала управлять вдова умершего (Олонецкая, Тверская, Орловская, Пензенская губернии). В Костромской губ. бытовали разные правила перехода хозяйства в руки нового главы; обычно им становился старший брат, но мог стать и старший по летам и наиболее доверенный умершего главы член семьи¹³⁵. При относительном разнообразии этих правил все же создается впечатление, что в неразделенных семьях главенство чаще определялось принципом старшинства «в роде» и передавалось по линии братьев, в результате чего в данном типе семей не могло упрочиваться главенство по одной нисходящей линии.

При разделах производящего хозяйства и домашнего добра имущественные отношения в малой семье подчинялись праву каждого сына на равную долю имущества.

В неразделенных семьях имущественные отношения почти повсеместно определялись правом каждого мужчины на равную долю, которая переходила посмертно и на его детей (Смоленская, Петербургская, Архангельская, Олонецкая, Псковская, Ярославская, Костромская, Вятская, Казанская, Тамбовская, Курская, Тульская губернии). Только в некоторых губерниях встречались иные имущественно-правовые принципы — поколенный, когда равенство долей устанавливалось только между лицами одного поколения (Калужская, Орловская, Рязанская, Тамбовская губернии) или только между работниками (Курская, Пензенская, Костромская губернии). В Вологодской и Новгородской губерниях при разделах братских семей соблюдался имущественный приоритет детей умершего главы, и они вместе с матерью получали половину имущества, а их дядья делили между собой по-

¹³² Барыков Ф. Обычай..., с. 47—51, 56—58, 60—62, 72—73, 77—82, 84—88, 92—93, 97—99.

¹³³ Барыков Ф. Обычай..., с. 76—77, 83—84, 87—92.

¹³⁴ Барыков Ф. Обычай..., с. 21—25, 51—56, 58—60, 63—76, 93, 99—100.

¹³⁵ Барыков Ф. Обычай..., с. 77—80, 94—97.

ровшу другую половину¹³⁶⁻¹³⁸. Поколенный принцип в имущественных правах прослеживался в семьях, состоявших из дядьев и племянников Владимирской и Саратовской губерний¹³⁹. Исследование причин бытования этих местных особенностей, безусловно, заслуживает внимания.

Данные целого ряда губерний подтверждают отмеченное выше стремление крестьянства сохранить при разделах дворовый хозяйственный комплекс в одних руках. По обычно-правовым порядкам в Олонецкой губ. дом и двор оставались во владении нового главы семьи, а все ее члены помогали выделившимся строить новое жилище и хозяйственные постройки; в Петербургской губ. двор мог оставаться в общем владении разделившейся семьи; в Пермской губ. зажиточные крестьяне исподволь старались выстроить отдельные жилища на случай ожидавшегося раздела, а в малодостаточных семьях оно оставалось в общем владении; в Вятской и Костромской губерниях при разделе братских семей дом оставлялся вдове умершего главы; в Тульской губ. существовало в некоторых местах при разделах братских семей правило оставлять дом младшему брату, в Тамбовской, наоборот, старшему брату, в Рязанской вопрос решался жребием, причем во всех этих случаях выделившиеся получали материальную компенсацию на постройку себе жилища¹⁴⁰.

В Сибири среди русского государственного крестьянства в XVIII — первой половине XIX в. прослеживались аналогичные семейно-имущественные отношения. За отцами сохранялось право распоряжения семейным имуществом; разделы совершались только с согласия родителей, и отцы «отпускали» и «благословляли» отделяемых сыновей, обеспечивали их жилищем, стремясь при этом сохранить свой «старинный» дом. Имущество при распаде неразделенной семьи делилось на равные доли, но отцы имели право на лучшую часть, а на мальчиков-сирот переходило имущественное право их отцов¹⁴¹.

§ 3. Имущественные права примаков

Примачество было весьма характерным явлением в русской деревне. Оно объяснялось прежде всего необходимостью поддержать хозяйство, если его существование в силу каких-либо несчастий или демографической случайности попадало под угрозу. Когда в крестьянском дворе оставались пожилые или вовсе неспособные мужчины и малолетние, единственным способом

¹³⁶⁻¹³⁸ Барыков Ф. Обычай..., с. 49—51, 56—58.

¹³⁹ Барыков Ф. Обычай..., с. 84—88.

¹⁴⁰ Барыков Ф. Обычай..., с. 51—56, 60—62, 64—72, 77—80, 88—92, 95—99.

По наблюдению Ф. Ф. Барыкова, дом у русских крестьян в западных и южных губерниях чаще доставался младшему сыну, так как старшие их братья выделялись большей частью при жизни отцов (Там же, с. 11).

¹⁴¹ Миненко Н. А. Русская крестьянская семья..., с. 151, 156—161, 164.

избежать хозяйственного и тем самым тяглого уладка был прием в дом мужа-примака к дочери, племяннице, внучке, свояченице, падчерице или вдовой снохе. Условия вхождения примака в семью заранее оговаривались, но вне зависимости от степени их детальности они в принципе отражали договор, на основе которого муж, становясь главой малой семьи, приобретал определенные права па неразделенное имущество, принадлежащее семье его жены. Необходимость таких договорных условий обуславливалась тем, что по обычному праву женщина, выходя замуж, приносила в дом мужа приданое; на этом ее материальные отношения с родной семьей прекращались, а какие-либо претензии со стороны мужа вовсе не допускались. В случае вхождения мужа в дом жены ситуация менялась, и по обычному праву предусматривались их обоюдные интересы. Жена не получала приданого, но ее имущественное положение определялось в известной степени со владением общесемейного имущества, а муж принимался родителями жены на правах сына с вытекавшими из этого обязательствами и преимуществами. В равной степени договорные условия устанавливались между мужем и женой, когда мужчина женился на вдове и поселялся в возглавляемом ей самой доме. Эти правовые положения отражали своеобразие имущественных отношений в примацких семьях.

Сплошь и рядом условия примачества фиксировались документами. Такие акты были широко распространены среди всего русского крестьянства. С XVI в. они известны в среде чернослошного северорусского крестьянства. Наиболее раннее из известных договорных условий между тестем и зятем-примаком отражено в «духовной грамоте» 1514—1515 г. Иева Михайлова из Ухтоostrova, оставлявшего «мимо» отдельно живших братьев свой «живот и вотчину» зятю и дочери и обязывавшего их после его смерти на поминование внести четыре гривны «попам на весь крилос»¹⁴². В других, опубликованных П. С. Ефименко актах поморских, преимущественно холмогорских крестьян («договорное письмо», «письмо духовное», «согласное сговорное письмо», «сговорное и полюбовное письмо», «вечное отступное письмо») второй половины XVII¹⁴³, XVIII — первой четверти XIX в.¹⁴⁴, четко прослеживаются два основных условия соглашения между примаком и родителями его жены. Примак обязывался работать и обеспечивать их существование до смерти, за что получал совместно с женой право на все имущество, движимое и недвижимое. В двух датированных 1810 г. «письмах» содержалось дополнительное условие, которое должно было укрепить владельческие права зятя и его жены на имущество; в одном случае, если родственники тестя после его смерти начали бы примака «из пожитков теснить», то обязаны были заплатить ему огромную сумму — «за пожилые

¹⁴² Ефименко П. С. Наследование зятьев-приемышей по обычаям Архангельской губернии.— СНЮО, 1900, т. 2, с. 216—217.

¹⁴³ Ефименко П. С. Наследование..., с. 211.

¹⁴⁴ Ефименко П. С. Наследование..., с. 218—226.

годы (т. е. за годы, прожитые зятем в семье тества.— В. А.) деньгами по сту рублей за каждой год и добиваться своих претензий только через государственный суд¹⁴⁵. По другому акту вдова оберегала права зятя и дочери от покушений родственников и соседей еще более высокой «неустойкой» — 150 р. за каждый прожитый ими совместно год¹⁴⁶. Договорные условия, зафиксированные в этих актах часто много позже свадьбы, взаимоуважительны и не допускали возможности их расторжения.

Исследователи северорусского крестьянства — А. Я. Ефименко, М. М. Богословский и М. Островская, анализировавшие подобные акты, рассматривали примачество как один из вариантов образования складнических семей. В состав таких семей могли входить и чужеродцы, и родственники (двоюродные братья, племянники)¹⁴⁷. Рассматривая такие акты конца XVI—XVII в., в которых фиксировались условия приема в дом зятя-примака (поемные, приемные, поступные, складные), нетрудно заметить, насколько подробно оговаривались взаимные обязательства в ведении хозяйства, поведении и имущественных отношениях. Когда интересы невесты представляли ее родители — отец или, если его уже не было в живых, мать, то договор заключался между ними и либо женихом, либо его родителями или братьями. Стороны обязывались жить «в любви и совете», примак должен был чтить родителей жены как своих собственных до самой смерти, быть у них в «послушании», всякие работы выполнять, не прекословя, а отец примака-сына «ни для какой своей работы прочь не отзывать». В документе перечислялось имущество примака, которое он приносил с собой в качестве приданого, и оговаривались его права на имущество дома, куда он входил. За обеими сторонами сохранялась возможность разойтись, если «совет» в семье нарушался, но, как правило, страдательной стороной в таком случае оказывался примак. По этим актам примак часто приобретал имущественные права в новой семье только по прошествии заранее оговоренных лет; если «совет» нарушался до их истечения, то примак мог даже лишиться своего принесенного добра¹⁴⁸. В тех случаях, когда договор заключался между примаком и вдовой или даже ее малолетними детьми, то большое внимание уделялось материальному обеспечению этих детей. Примак обязывался их воспитать, не растерять имущества и затем разделить его между собой и своими воспитанниками¹⁴⁹.

В среде крепостного крестьянства XVII — начала XIX в. условия принятия примака также фиксировались специальными до-

¹⁴⁵ Ефименко П. С. Наследование..., с. 223.

¹⁴⁶ Ефименко П. С. Наследование..., с. 225.

¹⁴⁷ Богословский М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909, т. 1, с. 155; Островская М. Земельный быт сельского населения Русского Севера в XVI—XVIII вв. СПб., 1913, с. 29 и сл.; Ефименко А. Исследования народной жизни. М., 1884, вып. 1, с. 222.

¹⁴⁸ Островская М. Земельный быт..., с. 42—48.

¹⁴⁹ Богословский М. Земское самоуправление..., с. 156.

кументами — «записями», «договорными письмами», «договорными записями», «условиями», по своему содержанию не отличавшимися от аналогичных документов черносошного крестьянства.

Условия о примачестве заключались или непосредственно между женихом и одним из родителей его невесты, т. е. имели личный характер, или между родными жениха (родителями, старшими братьями) и родителями его невесты, в последнем случае документ отражал межсемейные договорные отношения, и в нем могли быть условия, предусматривавшие интересы родственников жениха. Вероятно, в разных местностях по-разному подходили к этому вопросу. В с. Сидоровском в конце XVIII — начале XIX в. такие «условия» заключались между семьями¹⁵⁰.

В одних случаях примак надолго попадал в кабалу к тестю — главе семейства и мало чем отличался от простого работника, в других — сразу же возглавлял хозяйство и приобретал на него имущественные права, хотя при всех обстоятельствах его жена обычно сохраняла за собой личное право на значительную часть семейного добра, которое считалось ее собственностью. При всем разнообразии условий, согласно которым примачи приобретали право на семейное имущество дворов, куда они, заключив брак, переселялись, примачеством прежде всего преследовалась рациональная цель — обеспечить функционирование тяглого хозяйства, но вовсе не объединение «капитала и рабочих рук», как безоговорочно утверждали в конце XIX — начале XX в. некоторые исследователи крестьянского хозяйства. Прием примача диктовался крутой необходимостью, а не стремлением наживать капиталы. В 1804 г. немолодой вдовый крестьянин перехотской вотчины князя Д. М. Щербатова Исай Михайлов, оставшись с 18-летней дочерью, свою слезную просьбу разрешить ему принять в дом зятя мотивировал довлевшей над ним угрозой пойти по миру и просить милостыню¹⁵¹.

Наиболее ранние письменные соглашения в среде владельческого крестьянства между родными невест и примачами сохранились с середины XVII в. От 1648 г. известно два обязательства, по которым, «поряжаясь» в новгородскую поместную деревню, порядчики одновременно оговаривали свои права и обязанности в качестве примачков. В одном случае «вольный человек» Роман Афанасьев обязывался восемь лет прожить в доме тестя и получал после этого право на треть всего его имущества и земли; при нарушении Романом условия об урочных годах тесть уплачивал ему «за пожитые годы» по рублю за год¹⁵². В другом случае условия примачества были более предпочтительны; предполагая общее с зятем хозяйствование, тесть ограничивал урочный срок одним годом, после чего передавал примачу право на четвертую

¹⁵⁰ ЦГАДА, ф. 1454, оп. 1, д. 415, л. 1, 3 — 3об., 7—9 об.; д. 470, л. 1, 2; д. 616, л. 4; д. 1172, л. 1, 2.

¹⁵¹ ЦГАДА, ф. 1289, оп. 1, д. 711, л. 4, 8.

¹⁵² Дьяконов М. Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве. Юрьев, 1895, вып. 1, с. 42—43.

долю своего хозяйства и обязывался уплатить ему 5 р., если тот до истечения года не захочет жить совместно¹⁵³.

От более позднего времени сохранилось значительно больше актов о примачестве. В 1729 г. перехотской Писцовской вотчины князей Долгоруких крестьянин Василий Муратов, став примачом, дал своей теще вдове Соломониде Федоровой «запись» с обязательством почитать ее «вместо родной матери», а ее сына как брата и «всякую домовую работу работать». По истечении трех лет он получал право на половину имущества двора¹⁵⁴. В 1735 г. в серпуховской Оболенской вотчине С. Г. Нарышкина в с. Спаском крестьянин Ананий Акимов принял к свояченице мужем крестьянского сына Семена Фролова на более тяжелых условиях. Только через 12 лет Семен, обязанный быть во «всяком послушании» у Ананья и его жены, получал право на половину имущества и тяглой земли и мог отделиться. Если Семен своим «своевољством» до истечения этого срока захотел бы уйти, он ничего не получал; если же это он сделал бы «от изгона» тестя, то тесть ему уплачивал как работнику по 3 р. за каждый прожитый год¹⁵⁵. Впрочем, вряд ли примач когда-либо смог доказать, что тесть его обременял «безмерной и низкой» работой. В 1741 г. в той же вотчине крестьянин Игнат Иванов составил «запись» с крестьянским сыном Григорием Зазиным о женитьбе последнего на его дочери. Поселяясь в качестве примача, Григорий должен был наследовать после смерти Игната или все хозяйство, или половину его, если у Игната появились бы другие дети. После смерти Игната Григорий обязывался содержать тещу и не оказывать ей «никакой противности», а если бы она захотела отделиться, то обеспечить ее на условиях, определенных миром¹⁵⁶.

По актам второй половины XVIII — начала XIX в. примачество было широко распространено и в поволжских имениях Орловых с центрами в ярославском с. Никольском и костромском с. Сидоровском. В зависимости от обстоятельств условия примачества были различны. В 1780 г. крестьянская семья в Никольской вотчине, принявшая примачом Петра Федорова, даже извлекла сразу же выгоду за счет семьи, из которой он уходил. Петр жил вместе с дядей Петром Шкариным. Уходя, племянник отказался, как это всегда полагалось, от своей доли имущества, за что дядя обязался уплатить ему 50 р.; половина этой суммы шла в счет оброка, падавшего на хозяйство тестя, Петра Федорова¹⁵⁷. Точно так же в 1790 г. в с. Сидоровском Семен Григорьев, отпуская сына в примачи к Андрею Семенову, обязался уплатить за последнего 26 р. его долга¹⁵⁸. На иных условиях там же был заключен договор между Федором Григорьевым и Тихоном Его-

¹⁵³ Дьяконов М. Акты..., с. 44—45.

¹⁵⁴ ЦГАДА, ф. 1396, оп. 1, д. 81, л. 1—1об.

¹⁵⁵ ЦГАДА, ф. 1272, оп. 1, д. 1227, л. 1—1об.

¹⁵⁶ ЦГАДА, ф. 1272, оп. 1, д. 1227, л. 2—2об.

¹⁵⁷ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 28, л. 2.

¹⁵⁸ ЦГАДА, ф. 1454, оп. 1, д. 470, л. 1—2.

ровым в 1788 г. Федор отпуская к Тихону сына, за что отец невесты обязывался выкупить за примака рекрутскую очередь, а за его отца уплатить оброк за два текущих года¹⁵⁹.

Однако, провозглашая отчески-сыновьи отношения и вытекавшее из них право полного наследия, родители невесты, как правило, требовали десятилетнего совместного с ними проживания примака при условии его полной покорности. Так, упоминавшийся выше Андрей Семенов, обязавшийся, правда, не принимать к другим дочерям примаков, а отдавать их «на сторону», соглашался через пять лет отпустить примака с женой с одной третью имущества своего двора, через десять лет — с половиной и только затем, после неопределенного срока, обещал признать его «наследником без изъятия». В 1805 г. в никольской д. Слободка находившийся в отходе Емельян Филиппов разрешил своей жене Пелагее принять к дочери из соседней деревни Ивана Полякова на условиях «союза мира, любви и согласия». Только при отсутствии какого-либо «несогласия» с родителями жены Иван спустя восемь лет мог считаться владельцем трети имущества, а еще через восемь лет его доля возрастала до половины семейного добра. Вторая половина оставалась во владении его жены. Кроме того, примак обязывался самостоятельно выплатить свою рекрутскую долю в 150 р., треть долгов своего тестя и совместно с ним обеспечить жильем и коровой тетку жены, проживавшую с дочерью в их семье, если бы она захотела существовать самостоятельно¹⁶⁰.

Нередко примаки принимались при условии перехода на них всех имущественных прав, но только после смерти главы семьи. Так, в с. Сидоровском в 1797 г. принятый в дом Луки Алексеева к его дочери Петр Алексеев признавался полным наследником. Тесть брал на себя денежную выплату рекрутской «очереди», падавшей на примака, но требовал от него полной покорности — «всякого послушания, и без воли моей ничего делать не должен и до смерти как меня, так и жену мою поить и кормить и при старости лет содержать в покое без наималейшего оскорбления»¹⁶¹. На таких же условиях в 1798 г. в с. Сидоровском Иван Гадаев принимал к своей дочери крестьянского сына Федора Тимофеева, а Петр Макаров — Ивана Максимова. В последнем соглашении примака даже добился льготных для себя условий — падавшую на него рекрутскую «отправу» он выплачивал совместно с тестем, а последний к тому же обещал «зятя напрасно не обижать»¹⁶². В неразделенной семье двух братьев Степановых один из них, Степан, принимая к дочери примака, также обязывался считать его наследником своей доли имущества. В 1800 г. в с. Сидоровском примаческие отношения были установлены при браке Семена Щербакова с дочерью Кузьмы Горшечникова. В этом случае уход в примаки, по всей вероятности, объяснялся невозможностью

¹⁵⁹ ЦГАДА, ф. 1454, оп. 1, д. 415, л. 8—8об.

¹⁶⁰ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 2 об.—3.

¹⁶¹ ЦГАДА, ф. 1454, оп. 1, д. 701, л. 1—1об.

¹⁶² ЦГАДА, ф. 1454, оп. 1, д. 733, л. 2—4.

без ушерба для хозяйства разделить двум братьям — женатому Михаилу и холостому Семену. Семен отказался от каких-либо претензий на свою часть родительского хозяйства и перешел к тестю на правах его полного наследника¹⁶³. Наконец, в 1808 г. в с. Никольском полным наследником крестьянского хозяйства и лавки с наличным «капиталом» в 2600 р. в Петербурге был признан Тимофеем Варегиным примаком Григорий Егоров. Тесть обязывал примака после своей смерти лишь обеспечить свою жену (передать ей 1000 р., его одежду и содержать ее). Это «условие» завершалось весьма существенной для примака оговоркой, по которой родственники тестя после его смерти не могли предъявлять своих прав на переходившее к Григорию добро¹⁶⁴.

Бывали также случаи, когда примаки сразу же становились во главе хозяйства и признавались полностью или частично их владельцами. Чаще такие соглашения заключали вдовы. По «условию», заключенному в 1807 г. в с. Никольском между Аленой Шаминой и Иваном Беспаловым, примаком, женись на ее дочери, получил право на половину всех строений, скота, одежды и «всякого пожитка». Вторую половину этого имущества теща оставляла за собой с тем, чтобы после ее смерти оно перешло к дочери, жене примака. Это соглашение тем более интересно потому, что Арина, распоряжаясь судьбой своего двора, полностью исключала имущественные претензии со стороны своего же ранее выделенного сына¹⁶⁵. В том же 1807 г. в Никольском было заключено и другое соглашение, по которому примаком Василий Матвеев признавался правомочным на половину «всего крестьянского заведения» при жизни тестя и полным владельцем после его смерти. Примаком обязывался обеспечить тещу и тетку жены жилищем, хлебом, платьем и коровой, если он после смерти тестя желал бы выделить их и жить самостоятельно¹⁶⁶. В 1814 г. в с. Никольском в д. Дурково Семен Никитин с женой Аксиной приняли примака к дочери, признавая за ним право на половину своего имущества, кроме купленной земли, которая целиком оставалась за Семеном и затем могла перейти в распоряжение дочери. Точно на таких же условиях в той же деревне приняла в дом в 1815 г. вдова Маремьяна Ильина примаком к дочери Марфе крестьянина Ивана Тоскунова¹⁶⁷. Приблизительно такое же соглашение было заключено в Никольском в 1819 г. Петром Бабушкиным и примаком Гаврилой Петровым. Объявляя о «сыновлении» Гаврилы, Петр сразу же «награждал» его половиной всего хозяйства, но вторую половину оставлял за своей женой, и до нее ни Гавриле, ни его детям дела «не было». Кроме того, Гаврила обязывался сразу же обеспечить другую дочь Петра жилищем, выдав ей 200 р., и лично

¹⁶³ ЦГАДА, ф. 1454, оп. 1, д. 800, л. 19.

¹⁶⁴ ЦГАДА, ф. 1454, оп. 1, д. 544, л. 22.

¹⁶⁵ ЦГАДА, ф. 1454, оп. 1, д. 544, л. 16 об.— 17; д. 587, л. 6 об.

¹⁶⁶ ЦГАДА, ф. 1454, оп. 1, д. 544, л. 19.

¹⁶⁷ ЦГАДА, ф. 1454, оп. 1, д. 544, л. 79 об.— 80, 106.

отвечать перед миром за рекрутскую повинность¹⁶⁸. Приемом примака в 1814 г. поправила положение своего хозяйства в той же вотчине в д. Мениково вдова Авдотья Васильева. Она передала ему сразу же все хозяйство вплоть до купленной земли «в вечное владение». Примак обязывался, со своей стороны, обеспечивать тещу до ее смерти пропитанием «во всяком благопристойности» и, что было не менее важным условием соглашения, уплачивал за нее 100 р. долга¹⁶⁹. В с. Сидоровском, передав права на все хозяйство примаку Василию Рыбакову, Татьяна Герасимова свои личные, унаследованные ранее от дяди деньги оставляла в совместном владении дочери и ее мужа¹⁷⁰.

Своеобразное соглашение о примачестве в Никольском правлении было утверждено в 1808 г. В данном случае две вдовы — матери жениха и невесты объединяли в руках сына и зятя свои хозяйства. Теща оставляла за собой пожизненно только купленную пашенную и покосную земли, которые переходили после ее смерти в совместное владение зятя и дочери. Примак обязывался обеспечить тещу жильем и пропитанием, если она пожелает от него отделиться, а мать — денежной пенсией¹⁷¹. Такой случай не был исключением. Несколько ранее, в 1798 г., в с. Сидоровском соглашение о примачестве было заключено, по-видимому, вдовым крестьянином Хрисанфом Романовым с матерью примака, вдовой Афимьей, которая переходила в дом Хрисанфа вместе с сыном. Тогда же Сергей Сокерин принял в свой дом к свояченице на правах полного хозяина Петра Васильева, с которым переселились его мать и сестра¹⁷².

Иногда примак принимался в дом не только по хозяйственным соображениям. В 1720-х годах в серпуховской Оболенской вотчине С. Г. Нарышкина в с. Спасском в дом Петра Ешманова был принят Агап Прокофьев в качестве мужа падчерицы; по заключенному условию, после 10-летнего совместного хозяйничанья Агап получал право на половину имущества, кроме какой-либо части усадебного участка. У самого Петра был малолетний сын, и прием Агапа, возможно, объяснялся какими-то обязательствами Петра в отношении судьбы свояченицы¹⁷³.

Примачество стало «традиционным» в семье Еремея Иванова, проживавшего в д. Ветрово Никольской вотчины Орловых. Возможно, эта традиция объяснялась стремлением сохранить двор от раздела. С Еремеем жила его дочь Ульяна с мужем — примаком Антоном и дочерью Февроньей. Принимая Антона, Еремей обусловил равные с ним права на двор и все имущество. В 1813 г. Февронья была выдана замуж за Афанасия Терентьева, который также вошел в семью примаком. Его имущественные права были

¹⁶⁸ ЦГАДА, ф. 1454, оп. 1, д. 907, л. 3.

¹⁶⁹ ЦГАДА, ф. 1454, оп. 1, д. 544, л. 97.

¹⁷⁰ ЦГАДА, ф. 1454, оп. 1, д. 1494, л. 1.

¹⁷¹ ЦГАДА, ф. 1384, д. 544, л. 19 об. — 20.

¹⁷² ЦГАДА, ф. 1454, оп. 1, д. 733, л. 1—1об., 6—6об.

¹⁷³ ЦГАДА, ф. 1272, оп. 1, д. 32, л. 22 об.

определены соглашением между дедом Февронии, с одной стороны, и ее матерью и отцом — с другой. Каждая сторона гарантировала Афанасию право на половину числившегося за пей имущества (от икон до пашенной земли). Таким образом, за Афанасием закреплялась половина всего крестьянского двора, в чем дед и родители Февроньи выдали Афанасию для его «лучшего уверения» «расписку»¹⁷⁴.

Для мирских взглядов на имущество крестьянского двора и прав на него примача показательное решение общинной комиссии Сидоровского правления по делу о разделе имущества в богатой семье покойного крестьянина Василия Яковлева при вторичном выходе замуж его вдовы Катерины, принявшей нового мужа в свой дом. Василий не имел с Катериной детей, так как в мирском реестре о имевшемся имуществе не содержалось никаких указаний на их существование, и вопрос о разделе разрешался между Катериной и жившей с ней свекровью. По решению мира все крестьянское хозяйство изымалось из ведения свекрови и передавалось жене, с которой муж-примак «должен быть обще с нею хозяин». Половина имевшихся в семье ценностей (золотые, серебряные, медные кольца и перстни, а также деньги) переходила к Катерине, а другой половиной обеспечивалось существование свекрови. Одежда покойного Василия должна была быть разделена между ними и жившим отдельно его братом¹⁷⁵.

Обычай примачества был перенесен русскими переселенцами и в Сибирь, где основывался на тех же, описанных выше, принципах¹⁷⁶.

§ 4. Обеспечение нетяглых и нетрудоспособных членов крестьянских семей

Обеспечение в семьях крепостного крестьянства распространялось на престарелых родителей, которые не могли нести тягло, и на не вышедших замуж дочерей, сестер, своячениц, оставшихся вдовами сестер, теток, снох с малолетними дочерьми, на которых по мирским обычаям не распространялось право на долю хозяйственного комплекса. При некоторых обстоятельствах со стороны односельчан оказывалось также вспомоществование тем престарелым крестьянам, которые оставались одинокими в своих дворах и уже не могли нести тягло. По мирским представлениям, если перечисленные родственники оставались в составе семей, они на равных правах там питались, но если, особенно при разделах, желали жить самостоятельно, то им предоставлялась эта возможность и они обеспечивались минимальным для того имуществом.

¹⁷⁴ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 77 об.

¹⁷⁵ ЦГАДА, ф. 1454, оп. 1, д. 800, л. 26—27 (реестр не датирован; паходит-ся среди бумаг начала XIX в.).

¹⁷⁶ Миненко Н. А. Русская крестьянская семья..., с. 154.

Престарелые родители обладали в обеспечении существования, как правило, несравненно большими правами, нежели другие родственники в семье. Обычно отцы, предоставляя сыновьям возможность вести самостоятельные хозяйства и нести все тяглые обязательства, оставляли за собой, во-первых, некоторую часть имущества на праве личной собственности, а во-вторых, возлагали на них определенные обязательства в свою пользу. Эти условия ставились вне зависимости от того, оставались ли отцы жить в одном доме с одним из сыновей или поселялись отдельно; разница, впрочем, весьма существенная, заключалась в том, что в первом случае после смерти отца его имущество, если им не оставлялось завещание, могло перейти к сыну, с которым он жил, а в другом — отец безоговорочно распоряжался своим имуществом по личному усмотрению. В 1796 г. крестьянин Никольской вотчины Федор Ермолаев разделил все хозяйство (землю, хозяйственные строения, скот) между двумя женатыми сыновьями. Сам же он с женой остался жить с младшим сыном, но для личного обеспечения оставил себе участок земли, который после его смерти должен был быть разделен между сыновьями. В соглашении было оговорено, что эта земля оставалась за отцом вместо «пропитания» со стороны сыновей, а потому ему «денежного требования на пропитание с детей ничего не чинить»¹⁷⁷. В другом случае, там же в первые годы XIX в. Карп Чернухин, передав двум сыновьям все хозяйство и поровну разделив между ними движимое и недвижимое имущество (двор, землю, скот и т. д.), оставил за собой третью часть дворового участка и хлебного запаса, быка, телку и овцу. Оставшись жить с младшим сыном, Карп оставил в совместном с ним пользовании одну лошадь и лучшую житницу и обязал обоих сыновей выплачивать себе «на продовольствие по смерти пензию» по 25 р. в год с каждого¹⁷⁸. Точно так же, разделяясь в 1808 г. с сыном, крестьянин с. Никольского Лукьян Быков обязал его платить себе «на пропитание по смерти» 25 р. в год¹⁷⁹. В 1810 г. там же крестьянин Семен Кириллов, выделив обоим сыновей и переложив на них уплату государственных и господских податей, лишь обязал одного из них впредь платить родителям по 25 р. в год, если родители будут не в состоянии «иметь пропитание»¹⁸⁰. Даже оставаясь в тягле, другой никольский крестьянин, разделивший все хозяйство между собой и двумя сыновьями в 1811 г. и оставшийся жить с одним из них, письменно оговорил за собой право положить на сыновей «оброк на пропитание» себя и своей жены, их матери, если в том возникнет необходимость¹⁸¹. Как указывалось выше, в 1807 г. в с. Никольском крестьянский сын Иван Беспалов, даже уходя в прима-

¹⁷⁷ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 253, л. 15—15об.

¹⁷⁸ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 24—25 об.

¹⁷⁹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 21—21 об.

¹⁸⁰ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 45.

¹⁸¹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 46—47.

ки, обязался пожизненно выдавать отцу «на пропитание» по 15 р. ежегодно¹⁸².

Любопытным путем в 1808 г. обеспечивал свое существование зажиточный никольский крестьянин Николай Константинов, отделив с передачей тягла женатого сына и оставшись с женой и дочерью¹⁸³. К сыну Степану перешло почти все хозяйство — двор, пашия, земля, зерно, скот, «торговое заведение» в Петербурге с товарами и деньгами. Себе Н. Константинов оставил, помимо икон, одежды, постелей и посуды, свою долю зерна (ржи, овса, льна и гречи), двух коров, часть пустоши для их выпаса, а также часть огорода и «капустника». Степан обязывался на их же дворовом участке построить родителям и сестре «келью» для житья и помещение для «поклажи» хлеба и корма для скота, а также засеять для них ежегодно четверик льняного семени. Тем самым коровы, овощи и урожай с льняного поля должны были удовлетворять повседневные потребности родителей и их дочери. Основу же своего существования Н. Константинов видел в другом — он обязал сына одолжить ему в рассрочку на пять лет весьма значительную сумму в 1400 р. с тем, чтобы, по-видимому, с торговых или ростовщических операций выплачивать этот заем и иметь еще дохода по 100 р. в год. Никаких иных обязательств по отношению к отдельно поселившимся родителям на сына не возлагалось.

Иначе обусловил самостоятельное существование небогатый никольский крестьянин Елизар Стрюков в 1815 г. По разделу с двумя сыновьями Елизар оставил за собой половину дворового участка и перебрался жить в «келью» вместе с дочерью. За собой он оставил корову и ягнят, третью часть огорода, «капустника» и запаса зерна. Сыновья одновременно выдали отцу 50 р. и каждый обязался платить ему и сестре до их смерти «пензию» по четверти ржи в год, засеять по полчетверика льна и обеспечивать скот сеном и соломой. После смерти Елизара его часть двора, «келья» и скот должны были остаться дочери, а сыновьям до этого имущества «никому дела нет»¹⁸⁴. Известен случай, когда в нерехотской вотчине князя Г. А. Голицына с. Писцове в 1814 г. крестьянин Яким Давыдов обязал трех своих выделенных сыновей оказывать материальную помощь для «прокормления» их малолетних братьев и сестер; по раздельному акту взрослые сыновья должны были в течение пяти лет выплатить для этой цели отцу 1000 р.¹⁸⁵

Право обеспечения родителей со стороны выделившихся сыновей использовали даже очень богатые отцы. В 1798 г. в с. Споровском Иван Пискунов, выделив двух сыновей и выдав на обеспечение каждому по 6750 р., обязал их платить ему «на про-

¹⁸² ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 587, л. 6—6об.

¹⁸³ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 23 об.—24 (о подобном разделе см.: Преображенский В. Описание..., с. 92).

¹⁸⁴ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 122—122об.

¹⁸⁵ ЦГАДА, ф. 1396, оп. 1, д. 1379, л. 1—2.

кормлении» по 100 р. в год¹⁸⁶. Там же в 1795 г. Григорий Васильев, оставшись с двумя взрослыми сыновьями, обязал отделенного старшего не оставлять родителей «при их старости» «во всяких надобностях»¹⁸⁷.

На более скромных условиях обеспечивались сыновьями матери-вдовы, отошедшие от руководства хозяйством. При разделах, когда матери оставались с кем-либо из сыновей, случалось, что не оговаривалось даже имущество, которое бы восстанавливало приданое, принесенное ими когда-то в семью. В 1796 г. в с. Никольском при разделе двух братьев Феклиных их «родительнице» была предоставлена возможность лишь выбрать одного из сыновей, с кем она желала бы жить. В раздельном акте братья даже сочли нужным специально оговорить полное отстранение матери от участия в разделе между ними двора, хозяйства и прочего крестьянского добра¹⁸⁸. Таким образом, мать обеспечивалась одним из сыновей пропитанием, но не более того. Иначе сложились отношения в семье братьев Федоровых, разделявшихся в том же 1796 г. Старший брат Трофим остался в старом их доме, а двое младших совместно выселились в новый. Их мать Прасковья осталась с Трофимом и получила от всех сыновей 45 р. деньгами, несколько четвертей ржи, овса и пшеницы, корову, стог сена и особо ценившуюся в семье одежду — тулуп, полушубок, кафтан¹⁸⁹. Можно полагать, что в данном случае сыновья восстановили материнское приданое, а старший из них принял на себя обязанность по ее пропитанию. В иных случаях при разделах братских семей в с. Никольском в начале XIX в. матери, оставаясь в семье одного из сыновей и питаясь в ней, получали от своих детей только денежную «пензию». В 1811 г. каждый из трех братьев Журавлевых обязался выплачивать матери по 10 р. «на пропитание» в год¹⁹⁰; в 1811 г. при сопровождавшемся ссорами и спорами разделе двух братьев Чекуновых их мать Марфа Михайлова, принимавшая активное участие в составлении «дележного письма» и оставшаяся жить с одним из сыновей, обязала другого выплачивать ей 10 р. в год и взяла в свою собственность одну корову, причем только потому, что братья никак не могли договориться о ее судьбе¹⁹¹. В с. Сидоровском в 1808 г. вдова Авдотья Ильина, выделяя среднего сына и оставаясь с двумя другими, оставляла «в собственное свое владение» пасеку и корову¹⁹².

В некоторых семьях матери-вдовы, выделяя одних сыновей и оставаясь во главе хозяйства с другими, тем не менее считали вправе обуславливать в свою пользу ежегодную денежную помощь со стороны отделившихся детей. Так поступила в 1809 г. Прас-

¹⁸⁶ ЦГАДА, ф. 1454, оп. 1, д. 716, л. 11.

¹⁸⁷ ЦГАДА, ф. 1454, оп. 1, д. 616, л. 8—9.

¹⁸⁸ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 1.

¹⁸⁹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 253, л. 14об.

¹⁹⁰ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 48 об.— 49.

¹⁹¹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 50 об.— 51.

¹⁹² ЦГАДА, ф. 1454, оп. 1, д. 1115, л. 31.

ковья Емельянова, обязавшая выделявшегося старшего сына Михаила «для подкрепления и поддержания моей старости» платить ей «каждогодно» по 10 р.¹⁹³ Еще более жесткие условия поставила в 1824 г. Анна Бслова перед своими тремя сыновьями. Оставаясь со старшим сыном во главе дома, она по «любительной» записке получила единовременно с каждого из сыновей по 25 р. и обязала их выделять ей ежегодно по четверти ржи и по 10 р. деньгами¹⁹⁴.

Иногда главы семей — отцы, по-видимому, не желавшие при жизни выделять сыновей, но предвидевшие неизбежность раздела после своей смерти, заранее определяли его условия, оговаривая во избежание ссор обеспечение нетяглых членов семьи — жен, сестер, дочерей и др. Так, в 1812 г. никольский крестьянин Федор Власов оставил своей жене Афимье Семеновой «доходное завещательное письмо», по которому оставлял за ней, женатым сыном и сиротой-внуком дом, амбар, мякинницу, овин, житницу, погреб; на равных же правах за ними была оставлена дворовая тяглая земля, но жене передавался купленный участок в полдесятины; сестре Федор оставлял «келью», которая была ей поставлена еще их отцом и матерью¹⁹⁵. Тогда же Степан Константинов наказал в «духовном завещании» двум сыновьям жить совместно в согласии с матерью и сестрами, но в случае каких-либо «несогласий» разрешал с согласия жены разделиться. Поставленные им условия полностью отвечали нормам деревенского имущественного права — все крестьянское хозяйство с купленной пустошью, двор, лавки передавались в полное распоряжение сыновей; жена и две дочери обеспечивались отдельным небольшим жилищем — «кельей», им передавался запас зерна, корова и 2000 р.¹⁹⁶ Наконец, в «духовном завещании», относящемся к тому же времени, Степан Богданов разделил пополам все имущество, находившееся в деревне и Петербурге, между женой с малолетними детьми и женатым сыном; исключение составляла лишь купленная пустошь, которая целиком оставлялась в обеспечение жены и дочери¹⁹⁷.

При всех обстоятельствах, когда матери-вдовы хотели жить самостоятельно, сыновья должны были их обеспечить жильем и минимальными средствами к существованию. В 1809 г. два брата Бухаловых при разделе в Никольской вотчине ассигновали поровну на постройку матери «кельи» 100 р., выделили ей треть имевшегося во дворе запаса зерна, корову, и каждый обязался ежегодно платить по 10 р. и поставлять по четверти ржи и четыре четверика овса¹⁹⁸. На более скромных условиях в 1812 г. там же обеспечивалась двумя сыновьями Аграфена Иванова; она получила от них также 100 р. на постройку «кельи», корову, десять

¹⁹³ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 34 об.

¹⁹⁴ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 1135, л. 1—2.

¹⁹⁵ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 54—54об.

¹⁹⁶ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 71, 77.

¹⁹⁷ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 44 об.— 46 об.

¹⁹⁸ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 32 об.— 33.

четвертей ржи и овса и одежду покойного мужа. В их «дележном и договорном письме» предусматривалось содержание ее коровы за счет «общественного корма», но никаких иных обязательств сыновья впредь на себя не брали¹⁹⁹.

Подобное обеспечение матерей было распространено и в иных местностях. В 1827 г. крестьянка Екатерина Галактионова требовала в Аксеновском правлении чухломской вотчины графа М. А. Дмитриева-Мамонова, чтобы ее сын построил ей «келью» и выдавал ежегодно по 25 р. Община сочла это требование справедливым и обязала сына обеспечить мать²⁰⁰. По обычному праву деревни даже минимальное обеспечение вдов-матерей сыновьями подразумевалось, по всей вероятности, как компенсация их приданого, ибо ни в одном из рассмотренных отдельных актов оно как понятие не упоминалось.

На примакон распространялись обязанности по обеспечению не только своих матерей, но и тещ и своячениц, с которыми они проживали. В 1808 г. в Никольской вотчине примак Гаврила Егоров обязывался платить матери по 10 р. в год «на пропитание», а теще, если она пожелает жить отдельно, построить на огородной земле «келью с горенкой» и «двориком» и выделить корову и 15 четвертей ржи и овса²⁰¹. По другому соглашению примак Василий Матвеев должен был построить теще с ее сестрой «на задворке» «келью» и выделить им «хлебный запас» и корову (1807 г.)²⁰².

В 1805 г. с. Никольском примак Иван Поляков совместно с тестем обязался падчерице поставить «келью» и выдать «из общественного нажитка» корову. В 1807 г. там же крестьянин Михаил Никифоров с женой Варварой обеспечили двух ее взрослых сестер целым небольшим хозяйством — выстроили «келью» с горенкой, дали двух коров, 30 четвертей ржи и овса, пять сажень дров, выделили половину купленной земли под пашню и покос, небольшую житницу, а также разрешили в своей бане мять льняное волокно²⁰³. Сохранилось также обязательство (1819 г.) примака Гаврилы Петрова выдать падчерице Пелагее 200 р. на постройку «кельи»²⁰⁴.

Очень четко обычно-правовые нормы по обеспечению падчериц проявились в договоре о примачестве, заключенном в 1809 г. в с. Сидоровском. После смерти богатого крестьянина Евдокима Заковаева остались полными сиротами его две дочери Наталья и Мария. Чтобы сохранить хозяйство, их дядья-опекуны подыскали племяннице Марии жениха и заключили с его отцом «условие», по которому Степан, вступив в брак, становился владельцем дома и лавки в торговых рядах села и получал из денежных средств

¹⁹⁹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 53.

²⁰⁰ ЦГАДА, ф. 1268, оп. 3, д. 6, л. 56—56об.

²⁰¹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 19 об.— 20.

²⁰² ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 19.

²⁰³ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 17 об.

²⁰⁴ ЦГАДА, ф. 1268, оп. 1, д. 907, л. 3.

жены 150 р. «для заведения мастерства» и необходимую сумму для выплаты рекрутской очереди. Сестры делили пополам иконы, оставшиеся деньги и одежду отца, а «часть» их умершей матери передавалась Марии. Степан обязывался поить, кормить и «призирать» свояченицу, а в случае ее свадьбы обеспечить из своих средств «управу столов»; прочие необходимые для Натальи расходы по свадьбе оставались за ней²⁰⁵. Таким образом, ее приданое фактически обеспечивалось только «частью», оставшейся ей после отца, а примак — муж сестры брал на себя те свадебные расходы, которые касались непосредственно свадебной церемонии.

В крестьянском быту прочно удерживалась норма, отраженная еще в Пространной Русской Правде и сохранявшаяся в дальнейшем законодательстве, согласно которой отец обеспечивал дочерей приданым; эта правовая норма, функционировавшая в равной степени как в писаном, так и в обычном праве, после смерти отца переходила на братьев. Обычно приданое состояло из различного движимого имущества, причем его выделение не должно было нанести хозяйству ущерб и привести его к расстройству. Так, например, в 1806 г. в Никольской вотчине уже упоминавшийся Николай Константинов «наделил» свою сестру Анисью 200 р. и купленным ей платьем²⁰⁶. В 1809 г. разделявшиеся два брата Кирьяк и Иван Михайловы договорились о том, что обязательства по отношению к сестре берет на себя старший, у кого в доме она остается, а Ивану до нее «уже дела нет»; согласно «приказанию» покойных родителей братья выделили сестре в приданое часть имевшегося во дворе зерна и по ее выбору — корову; кроме того, судя по контексту «дележного письма» между братьями, Кирьяк и впредь должен был чем-то сестру «удовольствовать»²⁰⁷.

Обеспечение дочерей или сестер, если они по возрасту или каким-либо физическим недостаткам не могли выйти замуж, но хотели жить самостоятельно, несколько даже расширялось. Они прежде всего обязательно обеспечивались жилищем. В 1781 г. в Никольской вотчине братья Тякины, разделяя родительский дом между собой, решили сестре и тетке, если они пожелают жить отдельно, из «общего капитала» выстроить на тяглой своей земле «келью с особливым покоем» и «наградить» скотом, хлебом и платьем «без всякой обиды»²⁰⁸. В 1796 г. братья Федоровы обязались обеспечить сестру «кельей», зерном и деньгами²⁰⁹. В конце XVIII в. Алексей Егоров при продаже ранее купленного участка земли соседу — Ивану Петрову заранее частично обеспечил существование своей дочери Татьяны. Иван Петров, приобретая этот участок, обязался за себя и своих наследников засеять в пользу Татьяны ежегодно до ее смерти два решета льняного се-

²⁰⁵ ЦГАДА, ф. 1454, оп. 1, д. 1172, л. 1—2.

²⁰⁶ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 10 об.— 11.

²⁰⁷ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 39—40.

²⁰⁸ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 39, л. 3.

²⁰⁹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 253, л. 14—14об.

мени и один «загон» ренн²¹⁰. В 1812 г. братья Ивановы, исполнив волю покойного отца, обеспечивали самостоятельное существование сестры Пелагаи «кельей», коровой, запасом зерна и 150 р.²¹¹ Также обеспечивалась жильем по «духовному завещанию» 1815 г. никольского крестьянина Трофима Нащекина его дочь Авдотья. Ее два брата, оставшись владельцами двора, возводили на дворовой земле «келью с горницей», в которой вместе с Авдотьей могла жить ее золовка Пелагея с дочерью. Обе женщины получили запас зерна и двух коров²¹².

Те же обязательства сохранялись за племянниками в отношении теток. По всей вероятности, в спорном случае по мирскому приговору в с. Никольском в 1780 г. вдове Марье Григорьевой с дочерью определено было получить от племянника житницу, которую следовало перестроить для жилья, одну из пяти имевшихся в хозяйстве коров с телкой, 200 р. деньгами, запас зерна — десять четвертей ржи и пять четвертей овса, две гряды для посадки капусты, землю для ежегодного посева трех решет льна, а также четвертую часть семейной одежды (шубу «цветную», овечий полушубок, две нагольные шубы, тулуп, два синих кафтана и 4,5 аршина сукна «василькового»)²¹³. В следующем, 1781 г., как уже указывалось, в той же вотчине братья Тяковы обеспечивали вместе с сестрой и тетку «кельей», скотом, хлебом и платьем «без всякой обиды»²¹⁴. В 1793 г. мирская комиссия Никольской вотчины при разрешении спорного вопроса о разделе семьи санкционировала «награждение» тетки с дочерью жильем («келья»), запасом зерна, коровой, деньгами, а также иконами²¹⁵. На более скромных условиях была отделена в 1824 г. чухломским Аксеновским вотчинным правлением Капитолина Иванова после ее жалобы на племянника в «обидах». Мирским решением ей присуждалась «келья», более девяти четвертей разного зерна и одежда (полушубок, кафтан и проч.)²¹⁶.

В сложном материальном положении в неразделенных семьях оказывались невестки — солдатки или вдовы, оставшиеся с дочерьми, а тем более бездетные. На долю имущества в крестьянском дворе они претендовать не могли и всецело зависели от милости свекров и деверей.

По общинному мнению, невестки, оставшиеся с девочками, все же заслуживали обеспечения. Так, известны решения Никольского общинного правления, согласно которым свекры обязывались «в награждение и на воспитание» девочек обеспечить невесток «кельями», коровами и зерном²¹⁷. Там же в 1814 г. мирские «третейские люди», разделяя крестьянина Данилу Федорова

²¹⁰ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 347, л. 1 об.

²¹¹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 55.

²¹² ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 103, 104.

²¹³ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 28, л. 13 об.— 14.

²¹⁴ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 39, л. 3.

²¹⁵ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 253, л. 28, 29.

²¹⁶ ЦГАДА, ф. 1268, оп. 3, д. 6, л. 15.

²¹⁷ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 583, л. 108 об.— 110, 181 об.— 184.

со спохой Акулиной Григорьевой, присудили ей строившуюся во дворе повую избу, любую корову с теленком, третью часть имевшегося в хозяйстве зерна, а также долю урожая, который должен был быть собран, треть домашней птицы, «умеренную часть» посуды и даже почему-то денежную компенсацию за лошадиную сбрую²¹⁸. Такие решения выносились, когда в семьях возникали ссоры. Однако они основывались на опыте повседневной жизни. При отсутствии конфликтов подобные коллизии «полюбовно» разрешались порой именно таким же образом: В 1807 г. в Никольском вдова Афимья Дмитриева по «любительному письму» «поступилась» деверю всем, что «при доме имеется», кроме коровы и принесенного ею приданого — небольшого запаса ржи и овса. Деверь обязывался выдать ей в рассрочку на полгода 15 р. или отдать под жильё горницу, а также предоставить «полосу» земли для посева льна²¹⁹. Выше уже приводилось «духовное завещание» Трофима Нащекина (1815 г.), который совместно с дочерью обеспечивал невестку Пелагею с девочкой, своей внучкой, «кельей», коровами, зерном и одеждой. В 1814 г. на своеобразных условиях обусловил существование вдовы-невестки никольский крестьянин Федосей Борисов; он обязывался уплатить долг ее мужа, а ей отделить небольшую часть дворового участка, огораживать ее, ставил там «келью» с небольшой горенкой и сенцами, обязывался Катерину одевать, обувать и высевать по 1,5 четверика льна на ее нужды. На этих условиях она могла жить пять лет, после чего должна была или платить за жильё или уйти, получив от деверя две четверти ржи и одежду покойного мужа²²⁰.

Существенно облегчалось положение бездетных невесток, если их покойные мужья имели какое-то имущество вне родной деревни, приобретенное в отходе. На такое имущество они обладали с деверями равными правами, что, разумеется, отражалось на условиях их раздела. Так, в 1806 г. в с. Никольском при разделе Фрола Андреева с невесткой Федорой Васильевой деверь в течение года обязывался построить ей на своей земле «порядочную келью»; выдать более 12 четвертей разного зерна и корову; со своей стороны Федора отдавала Фролу и свекрови часть одежды своего мужа (тулуп, шелковый кушак, шляпу, кафтан, шесть овчин). Весь же «нажиток» ее мужа в Петербурге делился пополам между Федорой и Фролом²²¹.

На более скромных условиях материально обеспечивались невестки, оставшиеся с дочерьми, если они уходили к своим родственникам. В 1808 г. в с. Сидоровском вдова с девочкой, пожелавшая вернуться к своему отцу, получила от деверя свое платье и «в награду» по четыре пуда льняного семени, ржаного и ячменного зерна и две шубы — «китайчатую» и нагольную²²².

²¹⁸ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 92; д. 843, л. 2—2об.

²¹⁹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 587, л. 10—10об.; д. 544, л. 15—16.

²²⁰ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 91—91об.

²²¹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 15; д. 587, л. 8—8об.

²²² ЦГАДА, ф. 1454, оп. 1, д. 1115, л. 17—18.

В иных случаях положение бездетных солдаток и вдов стало-вилось жалким, и они могли рассчитывать только на свое приданое. В 1812 г. мирское правление Никольской вотчины, постановив об «отделении» вдовы Ульяны Борисовой от свекра, санкционировало «оставить ей во владении» 30 р., «шубейку» и два повойника. Вовсе в жалком положении в 1819 г. оказалась солдатка в чухломском сельце Аксеново, поссорившаяся с деверем. Ее просьба в мирское правление о постройке «кельки» не увенчалась успехом; мир обязал деверя лишь выдавать ей по две четверти ржи «на пропитание»²²³.

Обеспечение со стороны пасынков распространялось и на их овдовевших мачех, если они не имели детей мужского пола. Так, когда в 1816 г. уже упоминавшаяся невестка Трофима Нашекина Пелагея вышла второй раз замуж и вместе с дочерью переехала в соседнюю деревню, ее муж Андрей Синицын письменно оформил в общинном управлении ее имущественные права; в случае рождения Пелагеей сына он считался во всем имуществе «половинщиком» с Кузьмой, сыном Андрея от первого брака; если же у Пелагеи не будет сына, то Кузьма после смерти отца оставался единоличным владельцем двора, но обязывался передать мачехе 500 р., выстроить ей на дворе «келью», дать корову и пожизненно обеспечивать ежегодным посевом льна²²⁴. Аналогичное содержание имел «акт», заключенный между Степаном Константиновым и его второй женой Ольгой Тихоновой (1816 г.). Женившись второй раз, Степан не разделился с двумя сыновьями от первого брака. По условиям «акта» при бездетности Ольга в случае смерти мужа получала от пасынков 1000 р., платье Степана, иконы, три четверти зерна и корову²²⁵.

По общинным обычаям старые и нетрудоспособные крестьяне, порвавшие имущественные связи со своими родственниками, в случае необходимости также имели возможность получить средства к существованию. Правда, они были минимальны, и нет оснований думать, что отягченные феодальными повинностями крестьяне-общинники проявляли какой-либо альтруизм в отношении своих беспомощных соседей. Такая соседская помощь устанавливалась при сдаче тяговой земли или продаже двора.

Как уже указывалось выше, каждый крестьянин, если он не мог нести тягло и в его семье не было мужчины, который заменял бы его в качестве тяглеца, должен был сдать общинную землю — пашню и отказаться от своего права на деревенский покос. Обычно одновременно со сдачей тягой земли такие крестьяне вынуждены были поступаться и комплексом своих дворовых владений — огородом, капустником, гуменником. В то же время дворовый участок, на котором находились жилые и хозяйственные постройки, по общинным представлениям, находились в личном владении крестьянина, даже если он переставал быть тягле-

²²³ ЦГАДА, ф. 1268, оп. 3, д. 6, л. 9.

²²⁴ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 124—124об.

²²⁵ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 135—135об.

цом. Формально от пашенной падельной земли крестьянин отказывался безвозмездно, так как она считалась общинной; дворовые же владения могли продаваться членам общины. При ликвидации хозяйства крестьяне соблюдали это принципиальное различие между падельной и подворной землей. Однако в заключаемых актах, где фиксировались условия передачи земельных угодий двора из одних рук в другие, нередко можно заметить слитность представления о владении двором и тяглыми земельными угодьями; это отражалось в формулировках актов о «продаже» как двора, так и всей земли. Помимо денежной компенсации за двор, в таких случаях бывшие тяглецы оговаривали еще ряд условий; их следует рассматривать как отражение права на обеспечение сельского существования бестягольного члена общины.

Выше также указывалось на право каждого крестьянина, даже нетяглого, на поселение в родной деревне. Помимо этого, бывшие тяглецы оговаривали за собой, правда весьма ограниченные, возможности получения сельскохозяйственных продуктов. В 1806 г. в Никольском две наследницы умершего крестьянина Василия Головкина «поступились» соседу в «вечное владение» полевой и покосной землей. В их «договорном условии» подчеркивалось, что дом, где оставались жить эти две женщины, должен «вечно» стоять на своем месте, и, таким образом, дворовый участок оставался по-прежнему за старыми владельцами. Более того, сосед Федор Алексеев и его два сына обязывались поставить им новый дом на том же месте, если старый придет в ветхость, оставить за ними пожизненно гуменник под покос, часть огорода и капустника, засеять для них по своему усмотрению «в любом месте» ежегодно по четверику льна, «загон» репы и гороха²²⁶. В 1808 г. там же вдова Акилина Степанова при сдаче тягла Семену Ушакову получила от него в пожизненное пользование три гряды своего бывшего огорода и полосу пашни для посева четверика льняного семени²²⁷. От следующего, 1809 г., сохранилось «условие», по которому Иван Прокофьев «отдал» весь свой земельный тягольный комплекс «в вечное владение» соседу Степану Ильину и его наследникам, а дворовую, гуменную землю и капустник продал за 30 р. За собой и своей женой Иван оставлял пожизненно дом и огород и оговорил перед Степаном и соседями свое право на место под «келью», если вынужден будет продать свой дом; в последнем случае Иван обязывался отдать Степану и огород²²⁸. На почти аналогичных условиях в том же с. Никольском в 1813 г. крестьянин Сергей Забродин с женой отдал «всю без остатка» тягольную (полевую, луговую, лесную) и дворовую землю «в вечное владение» односельчанам братьям Конаковым с условием по-прежнему жить в своем доме, владеть амбаром, гумном и двумя грядами в капустнике²²⁹.

²²⁶ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 11—11об.

²²⁷ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 654, л. 25—29.

²²⁸ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 27об.—28; д. 675, л. 1—2.

²²⁹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 22об.

Значительно чаще, сдавая тягильную землю, крестьяне продавали и двор. В этих случаях обязательно оговаривалось их пожизненное поселение в «келье» на старом дворовом участке; когда «келья» пустела, ее стоимость могла быть выплачена родственникам, но та часть дворового участка, на котором она стояла, обязательно переходила во владение крестьянской семьи, принявшей на себя тягло и купившей двор. Такие бестяглые крестьяне или одинокие вдовы обычно обеспечивались в Никольском незначительными огородными участками и посевами на их нужды льна. Так, в 1806 г. вдова Дарья Егорова, сдавшая все земельное хозяйство и продавшая двор соседу Степану Степанову, обеспечивалась им пожизненно местом под «келью», а для «продовольствия и пропитания» — ежегодным посевом полчетверика льна, грядками в огороде и капустнике²³⁰. В 1808 г. на тех же условиях после продажи за 590 р. двора со всей тяглой землей обеспечивалось существование вдовы Анны Киселевой крестьянином соседней деревни Алексеем Ригиным²³¹. В 1809 г. такая же чисто хозяйственная сделка была заключена между «родными», по-видимому, сводными по матери братьями — Василием Чернухиным, с одной стороны, и Федором и Дмитрием Кононовыми. Василий так же продал двор со всеми постройками и «владеемые» тяглые и дворовые земли за 600 р. Кононовым, но оставил за собой небольшой, точно вымеренный дворовый участок для «кельи», весь свой довольно значительный огород и обязал братьев засеять в свою пользу два решета льняного семени. Это соглашение интересно тем, что в нем отразилось преимущественное право родственников на приобретение продаваемой дворовой земли; Чернухин оговорил владение огородом «вечно» за собой и своими наследниками, но сделал характерную оговорку — если этот огород его наследникам не понадобится, то они, кроме Кононовых, никому не могут его отдать²³². Такая же оговорка имелась в соглашении между Акулиной Васильевой и ее племянником Кузьмой Камагиным (1809 г.)²³³. За 1809—1815 гг. в делах Никольского вотчинного правления сохранилось еще несколько подобных же соглашений, условия которых отличались лишь незначительными деталями²³⁴.

В других общинах маленькие участки для «келей» выделялись общиной, по-видимому, на окраинах селений. Так, в первой половине XIX в. в Горбатовском уезде Нижегородской губ. в каждом селении имелись особые бобыльские слободы, где в «кельях» жили солдатки и бобылки. В Нижегородском уезде в то же время

²³⁰ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 10.

²³¹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 22об.

²³² ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 29об.

²³³ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 52об.

²³⁴ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 33об.— 34, 36об.— 37 об., 69об., 82об., 116об.

«келья» бестягального населения составляли шестую часть всех дворов в деревнях²³⁵.

Обеспечение малолетних членов общины определялось правовыми установлениями по опекунству и воспитанию сирот. В своей книге, посвященной сельской общине в России, я весьма кратко касался проблемы опекунского надзора в деревне в связи с мизерностью имевшегося тогда в моем распоряжении материала, поэтому вопрос об отношении общины к этому юридическому институту оставался открытым²³⁶. В настоящее время о нем можно судить более уверенно, хотя и сейчас его происхождение и нормы, бытовавшие в деревне, требуют дальнейшего изучения. Н. Бржеский на материалах, относившихся к пореформенной русской деревне, утверждал, что учреждение опекунского надзора еще до 1861 г. зависело от усмотрения помещиков, а народное правотворчество не выработало порядка опеки, и она не прослеживалась в крестьянской среде большинства губерний²³⁷. Мнение Н. Бржеского все же сомнительно уже потому, что опека над малолетними существовала, по данным 1840-х годов, в среде государственных крестьян Псковской, Петербургской, Пермской, Вятской, Нижегородской, Саратовской, Владимирской, Оренбургской и Курской губерний²³⁸. Обобщенных данных о распространении опеки среди крепостного крестьянства нет. Ее существование прослеживается в некоторых помещичьих «кодексах» по управлению имениями и регулированию бытовой жизни крестьян, но нет прямых оснований считать установление опеки барским нововведением. В «кодексах» содержались лишь отдельные и далеко не единообразные конкретные наставления по ее организации, которая возлагалась на общинные власти. Так, в инструкции П. Б. Шереметева 1764 г. предписывалось над имуществом людей «невоздержанных» и детей-сирот назначать опекунов из числа родственников («надежных людей») или, если таковых не имеется, из первостатейных, заслуживающих доверия крестьян, которые отвечали бы за сохранность этого имущества²³⁹. По инструкции князя Г. В. Грузинского (1785 г.) предусматривалось установление опекунства только над зажиточными вдовами с малолетними детьми; все их имущество описывалось и отдавалось «для соблюдения» первостатейному «доброму» крестьянину с обязательством материально отвечать за его сохранность и, пуская деньги в оборот, содержать на десятипроцентный с них доход детей до 20-летнего возраста. В случае растраты имущество должно было взыскиваться с опекуна, а если это было невозможно,

²³⁵ Бравина М. В. Село Оленино..., с. 166—167; Бабарыкин В. Сельцо Васильевское Нижегородской губернии Нижегородского уезда.— ЭС, 1853, вып. 1, с. 14.

²³⁶ Александров В. А. Сельская община..., с. 310—311.

²³⁷ Бржеский Н. Очерки юридического быта крестьян. СПб., 1902, с. 1—9.

²³⁸ Барыков Ф. Обычай..., с. 58—73, 81—82, 84—88, 94—95.

²³⁹ Щепетов К. Н. Крепостное право в вотчинах Шереметевых. М., 1947, с. 269—285 (п. 78).

то восполняться общиной²⁴⁰. По «Уложению» гр. В. Г. Орлова (1796 г.) опеке подлежал более широкий круг лиц — малолетние, умалишенные («дураки»), моты и шьяницы (люди «худого распоряжения»). У всех этих лиц, не способных к ведению хозяйства, по санкции мирского управления, производилась опись имущества и определялись средства к его приращению. Опекуны назначались конторой Орловых, по-видимому, по представлению мирского управления каждой вотчины из числа родственников или общинников, заслуживавших доверия²⁴¹. В «Положении» 1837 г. графов Строгановых более полно было раскрыто содержание опеки как общественного института. Ей подлежали малолетние сироты, если у них после смерти родителей остались достаточные средства для поддержания хозяйства. Опека обязательно устанавливалась и над малолетними детьми, если их мать вторично выходила замуж, а также по просьбе самих матерей, бабушек и родных теток, оставшихся единственными воспитателями; в равной степени она учреждалась по просьбе членов семей или «по всеобщей гласности» над «расточителями», умалишенными и не способными к управлению хозяйством. Жена главы семьи, попавшего в опеку, наравне с опекунами имела права в управлении хозяйством и осуществляла непосредственный надзор над мужем. Опекунами малолетних назначались общиной двое: один — из ближайших родственников, другой — из числа общинников. Опека над ними продолжалась до 18-летия старшего сына, над «расточителями» или умалишенными — до их исправления или выздоровления или совершеннолетия старшего сына²⁴².

Актовый материал, отражавший жизнь крепостных крестьян в вотчинах Орловых в начале XIX в., свидетельствует значительно полнее о бытовании в их среде опекунства, нежели «Уложение» графа В. Г. Орлова. Известно, что оно составлялось этим крупнейшим помещиком с учетом обычно-правовых норм, если они, конечно, не препятствовали его власти и ведению крепостнического хозяйства²⁴³. Поэтому можно предполагать, что в «Уложении» В. Г. Орлов отразил лишь общие положения об опеке, а ее конкретные формы определялись сложившейся общинной практикой. Коль скоро в большинстве из известных до сих пор вотчинных инструкций других помещиков по управлению имениями опека вообще не упоминалась, скорее можно предположить, что она подразумевалась ими, но не отсутствовала. По сохранившейся «Книжке опекунской», учрежденной в многолюдной костромской Сидоровской вотчине В. Г. Орлова, где фиксировались все случаи опекунства, видно, что в начале XIX в. оно там бытовало прочно. С 1795 по 1805 г. в вотчине было установлено 18 опе-

²⁴⁰ ДНГУАК, 1912, т. X, с. 55 (п. 22).

²⁴¹ *Довнар-Запольский М. В.* Материалы для истории вотчинного управления в России: «Уложение» для Поречья графа В. Г. Орлова.— УИ, 1910, № 11, с. 265.

²⁴² ЦГАДА, ф. 1278, оп. 2, ч. III, д. 4232, л. 191, 193—200 об.

²⁴³ Об этом см.: *Александров В. А.* Сельская община..., с. 72, 144.

кунств²⁴⁴, а по «регистру» 1811 г. сохранялось 10²⁴⁵. Судя по оценкам имущества, попавшего в опеку, она устанавливалась над разными по материальному состоянию хозяйствами (от 70 до 1500 р.), но преимущественно зажиточными. Опека чаще всего назначалась над малолетними сиротами или детьми крестьян, ушедших в армию. Ярославские и костромские вотчины Орловых были в конце XVIII в.— начале XIX в. втянуты в товарно-денежные отношения, и многие крестьяне занимались в отходе предпринимательством. Это, безусловно, накладывало специфический отпечаток на опекунство. При его установлении над малолетними, оставшимися сиротами, все их имущество продавалось, а полученные средства передавались с правом их обращения опекунам, которые ежегодно отчитывались перед общинным правлением и домашней конторой помещика. Так, в 1796 г. в с. Сидоровском вырученные за продажу дома девочки-сироты 60 р. через два года возросли до 98 р., а к 1805 г. эта сумма должна была достигнуть почти 138 р.²⁴⁶

Сохранился также отчет двух опекунов о состоянии вверенного им имущества за несколько лет, с конца 1806 по май 1809 г., в котором были скрупулезно учтены поступления и расходы²⁴⁷. По решению Сидоровского общинного правления в 1800 г. опекунские суммы пускались опекунами в рост, исходя из 12% годового дохода, своим же торгующим крестьянам²⁴⁸. В 1813 г. в с. Никольском после смерти солдатки Татьяны Алексеевой ее дети — два сына и две дочери были отданы на воспитание их деду, но так как он был беден, то по решению правления их дом постановлено было продать, а полученные таким образом деньги выдавать ему «на нужные издержки»²⁴⁹.

Случалось, что опекунство устанавливалось сразу же после отделения вдов с малолетними детьми от их родственников. В 1811 г. в Никольском правлении после раздела Павла Васильева со снохой над ней и ее детьми была установлена опека, порученная трем крестьянам. Опекуны должны были следить за их домом и хозяйством, денежную сумму в 568 р. передать в рост и «процентные доходы употреблять вдове на домашнее содержание»²⁵⁰. Почти одновременно там же был установлен опекунский надзор над домом и «наличной суммой», доставшихся вдове с мальчиком после их отделения от его дяди; опекуны должны были хранить деньги до совершеннолетия мальчика и выдавать его матери лишь средства «на прожиток нужного ее содержания»²⁵¹. Известны также иные условия опекунства; в 1815 г. в Никольском опекуны

²⁴⁴ ЦГАДА, ф. 1454, оп. 1, д. 808, л. 1, 2, 9—13, 21, 23, 29, 30, 32—34, 36—38, 42, 44.

²⁴⁵ ЦГАДА, ф. 1454, оп. 1, д. 1237, л. 1—2.

²⁴⁶ ЦГАДА, ф. 1454, оп. 1, д. 808, л. 9—12.

²⁴⁷ ЦГАДА, ф. 1454, оп. 1, д. 1173, л. 1—2.

²⁴⁸ ЦГАДА, ф. 1454, оп. 1, д. 800, л. 1—5, 11.

²⁴⁹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 583, л. 134 об.—138.

²⁵⁰ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 50.

²⁵¹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 583, л. 86—87.

обязывались нести мирские повинности (ставить городьбу, подводы) с участка земли, принадлежавшего опекаемому дому. Возможно, это обязательство было принято ими не безвозмездно, а с правом хозяйственно использовать этот участок²⁵².

Вовсе «недостаточных» сирот мирское правление с. Никольского определяло «на призрение» в семьи соседей и на общинный счет снабжало их одеждой и дровами²⁵³. Опекунство малолетних сирот могло превратиться в усыновление или удочерение опекаемых, но на несколько иных имущественных условиях. В 1808—1809 гг. в с. Сидоровском после смерти солдатки была установлена опека над имуществом ее оставшихся сыновей; один из них вскоре умер, а другой по просьбе бездетного крестьянина отдан был ему «навсегда во усыновление»; этому приемному отцу были переданы в распоряжение 230 р., вырученные от продажи сиротского дома, а прочее имущество по описи предписано сохранять, по всей вероятности, до совершеннолетия приемыша²⁵⁴. В с. Никольском в 1811 г. мирским решением к вдове Татьяне Васильевой с малолетними сыном и пасынком было «определено» трое опекунов, которым предписано иметь «бдительное смотрение» над домом и имевшимися деньгами и не допускать мать «до лишних издержков, кроме нужного содержания»; через полгода один из опекунов, дед пасынка Татьяны, усыновил его; по мирскому приговору половина находившейся в опеке денежной суммы как имущество, принадлежащее мальчику, была передана деду, а его опекунские обязанности прекращены²⁵⁵. Опекунство родственников над имуществом малолетних сирот бытовало также и в чухломской вотчине М. А. Дмитриева-Мамонова в с. Аксенове²⁵⁶.

Таким образом, опекунство над малолетними, насколько можно проследить по общинной практике, преследовало цель не только предохранить, но и приумножить их имущество; обеспечивая имущество малолетних и тем самым их существование, общины гарантировали в дальнейшем функционирование тяглого крестьянского двора. В рассмотренных актах и мирских приговорах трудно усмотреть какую-либо материальную выгоду, которую извлекали опекуны лично для себя. Опекунство было мирской службой, хотя, конечно, выгода от ее несения не исключалась, особенно когда опекаемая сумма пускалась в оборот. В некоторых случаях, например когда оговаривался 10—12%-ный доход с такого оборота на содержание опекаемых, все полученное свыше того могло оставаться у опекунов.

Ту же цель преследовала опека, устанавливавшаяся общинами над взрослыми людьми. Известно, что она устанавливалась в виде контроля жены над мужем-пьяницей или мотом²⁵⁷. Опекуны над

²⁵² ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 108.

²⁵³ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 583, л. 156 об.— 158.

²⁵⁴ ЦГАДА, ф. 1454, оп. 1, д. 1176, л. 3—4.

²⁵⁵ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 583, л. 87 об.— 89, 104—105.

²⁵⁶ ЦГАДА, ф. 1268, оп. 3, д. 6, л. 10—10об.

²⁵⁷ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 583, л. 162 об.— 163.

престарелыми людьми могли выступать и в роли душеприказчиков по духовным завещаниям своих подопечных. Так, в 1812 г. в с. Никольском после смерти Ульяны Григорьевой ее две сестры, будучи опекунами, исполняли последнюю волю умершей и распределяли оставшееся имущество между собой и своими сыновьями²⁵⁸.

В отдельных случаях в отходе крестьяне становились крупнейшими предпринимателями и оставляли после себя огромное богатство. Сельскую общину оно ни в какой степени не касалось, но представляло немалый интерес для феодальных владельцев как источник оброчных поступлений. Такие опеки контролировались непосредственно домовыми конторами феодалов и их представителями в городах, где имелись предприятия крепостных крестьян. Например, в 1820 г. после смерти в Петербурге крестьянина графини А. А. Орловой-Чесменской Никиты Окладнова там осталось его движимое и недвижимое имущество, оцененное в огромную сумму — 194 262 р. 82 к. Сыновей у Никиты не было. Надзор за всем этим богатством, оставшимся вдове и его двум дочерям, был поручен трем опекунам, избранным в петербургской конторе А. А. Орловой из числа торговавших там ее же крепостных крестьян, под неусыпным контролем действительного тайного советника Ф. А. Голубцова, доверенного лица помещицы по управлению этой конторой²⁵⁹.

* * *

Выделение ограниченных и по обычаю заранее точно не обусловленных средств к существованию нетяглых и престарелых членов общины широко бытовало в среде не только крепостного, но и государственного крестьянства. По актовому материалу XVIII — начала XIX в. известно, что в Сибири на крестьянских детей возлагалась обязанность содержать престарелых родителей и обеспечивать существование сестер²⁶⁰. В европейской части страны в неразделенных семьях государственных крестьян (по данным 1840-х годов) бездетные невестки, помимо своего приданого, лично заработанных вещей и содержания («попечения»), только в отдельных местностях могли рассчитывать на какое-либо имущество, которое им семья выделила бы по своей доброй воле (Калужская, Пермская губернии; в Архангельской и Вятской губерниях — «награда») ²⁶¹. В Тверской губ. вдовым невесткам с малолетними дочерьми полагалась «малая часть»²⁶². Те же имущественные права распространялись в неразделенных семьях на незамужних сестер и теток; в семье они получали содержание, при выходе замуж — приданое, но при семейных разделах претендовать ни на что не могли. По обычаю в Петербургской губ.

²⁵⁸ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 63—64.

²⁵⁹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 1029, л. 2—2об., 12—12об., 14, 19—22.

²⁶⁰ Миненко Н. А. Русская крестьянская семья..., с. 151—153, 159, 168.

²⁶¹ Барыков Ф. Обычай..., с. 47, 48, 63—72, 92—93.

²⁶² Барыков Ф. Обычай..., с. 73—76.

только пожилым женщинам полагалась «некоторая часть»; в Костромской — такую же часть сестры и тетки могли получить по воле братьев и племянников; в Вологодской губ. после смерти главы семьи проживавшие с ним сестры в получении приданого целиком зависели от оставшейся во главе хозяйства вдовы²⁶³.

Итак, в обычном праве отразились взгляды крестьян, с одной стороны, на имущественные права нетяглых и нетрудоспособных членов семей, а с другой стороны, — на свои обязательства по обеспечению их существования. В этих взглядах отсутствовало представление о праве нетяглых членов семьи на определенную долю какого-либо имущества. Если престарелый отец, передавая хозяйство сыновьям, мог оставить за собой какую-то его часть и обязать их его материально поддерживать даже вне зависимости от своего достатка, то уже у престарелой матери такие возможности были более ограничены; при ее выделении когда-то принесенное в дом приданое ей не всегда даже восстанавливалось; она могла рассчитывать на жилье, пропитание и иногда на «пенсию» со стороны сыновей. Прочие же нетяглые члены семей — сестры, падчерицы, тетки, племянницы вне зависимости от своего родственного положения обладали только правом на жилье и единовременное обеспечение минимальными средствами к существованию, что зависело от доброй воли главы семьи и имущественных возможностей крестьянского двора. Эта особенность обычного права, допускавшего обеспечение существования нетрудоспособных и нетяглых членов семей, но не предусматривавшего за ними фиксированной доли общесемейного имущества, резко отличала его от писаного права, в процессе кодификации которого на первом плане стоял вопрос о личных правах членов семьи. Можно думать, что в ряде случаев именно в силу известной неопределенности в обеспечении нетяглых крестьян и членов их семей община выступала в роли суперопекуна, бравшего на себя разрешение вопроса об их существовании.

§ 5. Личное имущество в крестьянской семье

Общесемейная собственность, заключенная в крестьянском дворе, тем не менее не исключала понятия о личном имуществе отдельных членов семьи. Понятие личного имущества традиционно сохранялось за приданым, которое приносила в семью мужа его жена. Учитывая правовую психологию крестьянства XVIII — первой половины XIX в., можно думать, что приданое рассматривалось как имущественное обеспечение женщины, входившей в новую семью, как гарантия ее обеспечения на склоне лет. В крестьянских актах второй половины XVIII — первой половины XIX в., фиксировавших условия разделов или выделов, приданое упоминалось редко, ибо когда неразделенным семьям приходила

²⁶³ Барыков Ф. Обычай..., с. 49—51, 60—62, 77—80.

пора раздроблялась, приданое жены главы семьи, состоявшее, как правило, из движимого имущества, за давностью лет уже настолько сливалось с бытовым и хозяйственным комплексом двора, что возможна была только его реституция (восстановление). Необходимости такого восстановления сплошь и рядом не было, так как обеспечение матери-вдовы в той или иной форме обуславливалось обязательно. Только в виде исключения можно встретить в мирских приговорах указание на реституцию материнского приданого при разделе с сыновьями, как это произошло в с. Никольском в 1811 г. в семье Журавлевых, где мать «в надел себе» брала «из имения своего» по своему усмотрению²⁶⁴. Что же касается приданого молодых снох, то при разделах его принадлежность считалась само собой разумеющейся, и оно обычно не упоминалось в актах. Впрочем, в 1789 г. разделявшиеся в том же селе братья Степан и Дмитрий Федоровы и их двоюродный брат Иван Яковлев сочли почему-то нужным специально оговорить сохранность приданого их жен за каждой из них²⁶⁵. Точно так же в 1799 г. в с. Сидоровском при выделении Иваном Пискуновым двух сыновей в «раздельном письме» оговаривалось личное владение ими и их женами одежды, хранившейся в особых сундуках²⁶⁶.

По обычному праву, отраженному, в частности, в рассматриваемых актах крепостного ярославского крестьянства, приданое наследовалось как личное имущество и переходило прежде всего к дочерям или, если их не было, — к мужу. Так, из заключенного в 1786 г. в с. Никольском «любительского письма» Михаилом Ивановым с племянником Андреем Никоновым следовало, что приданое жены Михаила, содержавшееся в коробках и сундуках (по-видимому, одежда), должно было быть передано его дочери²⁶⁷. Наследование дочерью приданого матери отразилось и в других актах, заключавшихся крестьянами с. Никольского. В 1814 г. мирским приговором был утвержден уход от отца со всем материнским имуществом его дочери, переселявшейся на постоянное жительство к тетке-вдове²⁶⁸. По одному духовному завещанию (1815 г.) жене в случае смерти мужа возвращалось ее приданое — платье; по другому «акту» (1816 г.) приданое жены полностью переходило к мужу²⁶⁹; в данном случае эти нормы совпадали с законодательными.

²⁶⁴ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 583, л. 86—87.

²⁶⁵ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 253, л. 19.

²⁶⁶ ЦГАДА, ф. 1454, оп. 1, д. 716, л. 11.

²⁶⁷ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 114, л. 4.

В некоторых местностях европейской части России (в частности, в Горбатовском уезде Нижегородской губ.) и в Сибири приданое после смерти женщины переходило к ее детям и ими делилось, а приданое бездетной женщины возвращалось ее родителям или, если они уже умерли, передавалось другим ее родственникам (*Бравина М. В. Село Оленино...*, с. 170—171; *Миненко Н. А. Русская крестьянская семья...*, с. 168—170).

²⁶⁸ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 583, л. 205 об.—207 об.

²⁶⁹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 123—124, 135.

Сложная ситуация складывалась в крестьянской семье относительно права принадлежности одежды. Во многих актах крестьян ярославских вотчин графов Орловых, заключенных в связи с разделом семьи, не содержится конкретных указаний о принадлежности одежды кому-либо из ее членов; но коль скоро в таких актах прослеживается общий принцип равенственного раздела имущества бытового и хозяйственно-производственного назначения, то вряд ли можно впасть в ошибку, утверждая, что и одежда в этих случаях рассматривалась общесемейной собственностью. Другие отдельные акты четко свидетельствовали об общности одежды, причем в разных по составу семьях — делились ли между собой братья²⁷⁰, свекор со снохой и ее детьми²⁷¹ или племянник с теткой²⁷². Очень четко общность одежды в семье отразилась в двух примацких договорах, заключенных в конце XVIII в. в с. Сидоровском. По одному из них, Логин Екимов, принимая зятя, даже «получал» одежду, выданную ему старшим братом «в награждение». В другом случае отец, отпуская сына в примаки, также «награждал» его шубами, суконным кафтаном, сапогами, плисовой шапкой и каламянковым кушаком²⁷³.

Представление об общности одежды определялось, во-первых, тем, что в крестьянской семье она была прежде всего домодельной, а во-вторых, тем, что, кроме нательной и обрядовой, находилась в общем пользовании (шубы, тулупы). Общей могла считаться одежда «нажитая», т. е. приобретенная на совместные семейные средства. В 1789 г. именно так делили одежду равными долями уже упоминавшиеся Степан и Дмитрий Федоровы и Иван Яковлев в с. Никольском. Там же при разделе в 1797 г. братьев Петра и Тимофея Королевых общей считалась только мужская одежда, а одежда их жен, что в «их коробьях», — личной, не подлежащей дележу²⁷⁴. В семье же вдовы Агафьи Васильевой и трех ее сыновей личным считалось только «цветное», по всей вероятности, купленное «праздничное платье» (1810 г.)²⁷⁵.

Нередко при семейной общности одежды взрослые сыновья на заработанные деньги приобретали в личную собственность как праздничную, так и «вседневную» одежду²⁷⁶. Так, в 1796 г. разделившиеся братья Кузьмины сочли возможным сыну одного из них оставить «свое платье». Тогда же в семье братьев Михаила и Федора Елизаровых их одежда считалась общей, а одежда сына

²⁷⁰ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 39, л. 3; д. 253, л. 4, 7; д. 544, л. 42—43; д. 907, л. 4—5.

²⁷¹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 83, л. 17об.—18; д. 253, л. 21; д. 587, л. 4—4об.

²⁷² ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 28, л. 13об.

²⁷³ ЦГАДА, ф. 1454, оп. 1, д. 415, л. 1, 7.

²⁷⁴ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 314, л. 1.

²⁷⁵ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 587, л. 3.

²⁷⁶ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 347, л. 1об.; д. 544, л. 20—21, 24—25об.; д. 1092, л. 1—1об.

Михаила Прокофия и его жены принадлежала им и при разделе семьи была оставлена за ними²⁷⁷.

Однако значительно чаще в конце XVIII — начале XIX в. одежда считалась личной собственностью, причем в разных по составу семьях, состоявших из отцов и их сыновей²⁷⁸, матерей и сыновей²⁷⁹, из братьев²⁸⁰, из племянников и дядьев²⁸¹, деверей и невесток²⁸², из одних снох²⁸³ и т. п. Мирское правление чухломского сельца Аксеново в 1815 г., санкционируя изгнание отцом сына из дома без наделения его каким-либо имуществом, все же сочло необходимым выдать ему «платье»²⁸⁴. Если до 1780—1790 гг. по рассмотренным актам чаще прослеживалась семейная общность одежды, то к рубежу XIX в. стало заметно преобладать личное начало в ее владении. Поэтому можно предполагать, что именно с этого времени, разумеется, постепенно, среди оброчного, связанного с отходом на промыслы крепостного крестьянства стала изживаться в их семьях общность одежды. При этом даже там, где одежда безоговорочно признавалась личной, отцы, отделяя своих сыновей, все же традиционно подчеркивали свою власть распоряжения имуществом и считали нужным подчеркнуть, что сыновью одежду они им «отдают», а некоторые еще добавляли — «и ничего не отбираю».

Появление личной собственности на одежду можно считать определенным этапом ее истории. В некоторых актах личное право объяснялось именно тем, что одежда была куплена или шита персонально для того или иного члена семьи. По формулировке акта, согласно которому мать-вдова Фекла Иванова в 1799 г. в костромском с. Сидоровском за «умножением семейства» выделяла старшего сына, такой порядок можно даже считать устоявшимся — «одежда по обыкновению кому какая шита»²⁸⁵. Та же мысль проводилась в «дележном письме», составленном в 1811 г. в с. Никольском в связи с разделом вдовы Марфы Михайловой и ее двух сыновей; в нем говорилось, что каждый владеет тем «необщественным платьем», которое куплено именно ему²⁸⁶. Такую одежду каждый держал в «своих коробках»²⁸⁷. Однако и при личном праве на одежду в семьях стремились соблюдать известную равенственность владения ею. В 1796 г. при разделе в с. Никольском дяди с племянником было решено одеж-

²⁷⁷ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 253, л. 4.

²⁷⁸ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 253, л. 15—15об.; д. 346, л. 1—1об.; д. 544, л. 10об.—11, 21—21об.; 23 об.—24, 36, 45—47; д. 1129, л. 1—1об.

²⁷⁹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 651, л. 6об.; д. 1135, л. 2.

²⁸⁰ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 253, л. 3, 13; д. 544, л. 2—2об.; 39—41, 48об.—49, 94; д. 587, л. 2—2об.

²⁸¹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 253, л. 5—6.

²⁸² ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 586, л. 1—1об.

²⁸³ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 253, л. 12—12об.

²⁸⁴ ЦГАДА, ф. 1268, оп. 3, д. 6, л. 5об.

²⁸⁵ ЦГАДА, ф. 1454, оп. 1, д. 778, л. 1.

²⁸⁶ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 50об.—51.

²⁸⁷ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 16об.

ду взятъ каждому своему, а «излишнюю» — разделить; в 1798 г. там же при разделе трех братьев Серебряковых один из них получил от других денежную компенсацию «за умалением против нас одежды»²⁸⁸. Наследовалась одежда, как правило, между членами малой семьи — жены получали одежду покойных мужей, а мужья — жеп²⁸⁹. В 1820 г. чухломское Аксеновское правление весьма категорично отклонило иск одного крестьянина, требовавшего от зятя кошулю, кокошники и повязку его умершей жены — «ничего не требовать и в чем решено свято и нерушимо»²⁹⁰. Лишь изредка в неразделенных семьях сыновья «мимо» матери делили одежду отца, а родители и братья наследовали одежду сыновей и братьев на равных правах с их женами²⁹¹.

Далеко не всегда в общесемейное имущество входили иконы, непреходящая принадлежность каждого крестьянского жилища. Личными считались те из них, которыми родители благословляли сыновей при женитьбе²⁹². Личными они считались и в других исключительных случаях. Так, при разделе в 1812 г. в с. Никольском братья Михайловы, вероятно иконописцы, унаследованные иконы разделили поровну, а «что от своего усердия написал, тот тем и владей»²⁹³. Не случайно также женщинам принадлежали иконы во имя богородицы и Параскевы Пятницы — покровительницы женских работ.

Становится очевидным, что и в малых, и в неразделенных тяжелых семьях право на личное имущество до XIX в. развито было очень слабо. Ситуация менялась и право личного распоряжения имуществом намечалось в тех семьях, где не оставалось наследников, могущих возглавить тягло. Такая ситуация могла создаваться в семьях, где не было сыновей или племянников, в семьях, откуда они уже выделились, а также во дворах, где жили одиночки. Помимо передачи приданого, только в этих случаях проявлялось право наследования в его прямом понимании, причем в разных местностях — не идентично.

Теоретики «трудового начала» — и среди них прежде всего И. Тютрюмов — доказывали, что оно не способствовало развитию духовных завещаний в крестьянском быту, а отсюда — и права личной собственности. Отзвуки этой мысли можно услышать и в настоящее время. П. И. Зырянов полагает, что завещательное право у русского крестьянства начало развиваться только в пореформенную эпоху. «В общинах, где по тем или иным причинам длительное время отсутствовали переделы, начинали развиваться зачатки наследственного и завещательного права», — писал он²⁹⁴.

²⁸⁸ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 253, л. 5—6; д. 317, л. 1—10б.

²⁸⁹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 53, 54—54об.; 76—77, 91—91об.; 123, 124, 135—135об.; ф. 1268, оп. 3, д. 6, л. 14об.—15.

²⁹⁰ ЦГАДА, ф. 1268, оп. 3, д. 6, л. 11.

²⁹¹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 253, л. 13; д. 544, л. 15; ф. 1454, оп. 2, д. 784, л. 1.

²⁹² ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 46—47, 50об.—51, 54—55.

²⁹³ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 39—40.

²⁹⁴ Зырянов П. И. Обычное гражданское право в пореформенной общине. — ЕПАИ, с. 96.

Практика крестьянской жизни XVIII — начала XIX в. свидетельствует об обратном. Уже в указанное время завещательное право существовало, но имело свою специфику. Среди актов распорядительного характера следует различать «духовные завещания», в которых глава семьи во избежание ссор между домочадцами после своей смерти по рассмотренным выше нормам обычного права предусматривал раздел дворового комплекса между тяглыми членами семьи и обеспечивал существование нетяглых членов, и документы, где в прямом смысле он завещал имущество по своему усмотрению. В юридической практике крестьян ярославских и костромских вотчин Орловых такие акты не составляли исключения. Примером первого рода «духовного завещания» может служить документ, составленный в 1809 г. в с. Никольском зажиточным крестьянином Иваном Ястребовым. Все имущество — двор, деньги, две купленных пустоши он оставлял жене и жившей с ними снохе с внучатами; по расчетам Ивана, его хозяйство должен был в ближайшем будущем возглавить его внук — «отрок»; внучке оставлялись деньги, по-видимому, на приданое, а жена обеспечивалась «полным правом» жить в доме и 1000 р. Сыну же Андрею, «как отделенному и довольно награжденному», отец передавал лишь родительское благословение и категорический паказ ни на что не претендовать²⁹⁵. Там же в 1815 г. вдова Анастасия Тимофеева, передавая тяглое хозяйство дочери и внуку, запретила двум своим сыновьям их «притеснять» и касаться хотя бы «малейшей части» имущества²⁹⁶. Несколько ранее, в 1809 г., в с. Сидоровском вдова Матрена Полякова «уведомляла» вотчинное правление о том, что все доставшиеся ей после смерти брата деньги она оставляет «без остатка во владение» малолетним внучатам «мимо» своего сына Никифора, так как он ранее «отделен и награжден достаточным имуществом»²⁹⁷. В данных случаях, следуя традиционным нормам обычного права, тяглое хозяйство передавалось подраставшим внукам, минуя сыновей, которые были уже ранее обеспечены долей общесемейного имущества.

Норма, согласно которой выделенный член порывал всякие имущественные отношения с родной семьей и терял право на какие-либо материальные претензии, способствовала развитию завещательного права в весьма своеобразном направлении. Некоторые «духовные письма» и «завещания» создают реальное впечатление того, что крестьяне, не имевшие в семье наследников мужского пола, вовсе не были связаны представлением о каком-либо приоритете в наследовании родственных линий или мужчин над женщинами и, не придерживаясь при передаче имущества в иные руки принципа близости родства, исходили или из личностных оценок возможных наследников, или оставляли свое добро прожи-

²⁹⁵ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 100об.— 101об.

²⁹⁶ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 115—115об.

²⁹⁷ ЦГАДА, ф. 1454, оп. 1, д. 1115, л. 11—11об.

вавшим с ними, минуя более близких себе по родству людей. Это правовое представление в огромной степени определялось тем, что выделившийся из семьи член ее рассматривался «отрезанным ломтем», который, получив свою долю, впредь ни на что не мог претендовать²⁹⁸. Поэтому глава семьи по своей воле путем завещания мог распорядиться судьбой того или иного имущества в пользу любого родственника или родственницы, жившего совместно с ним или отдельно. В результате имущественные права определялись в индивидуальных случаях по-разному.

В 1811 г. по «духовному расписанию» крестьянина Никольской вотчины Ивана Алексеява весь его двор и 500 р. оставались проживавшей с ним дочери — девице; другая, замужняя дочь получала 200 р., а двоим выделенным сыновьям оставались только поручения о передаче 400 р. в церковь и разделе на поминовение души отца 1000 р.²⁹⁹ Точно так же поступил в 1815 г. Трофим Нащекин. Он завещал дом и небольшое хозяйство дочери и невестке с внучкой, а своих выделенных сыновей обязывал в случае необходимости позаботиться об их сестре³⁰⁰. Одновременно там же престарелый Данило Федоров, по «завещательному условию», своей снохе — солдатке Ефимье Григорьевой, перешедшей жить к нему и его «призирать во всякой исправности», обещал владение домом и всем имуществом «мимо» любого возможного наследника³⁰¹.

По воле мужа жена могла даже не наследовать имущество, оставшееся после его смерти. В 1800 г. по «духовной» никольского крестьянина Герасима Дементьева весь двор, коровы, запас зерна, купленная пустошь и 2000 р. должны были перейти на равных правах к двум его незамужним дочерям; третья, замужняя дочь получала 200 р., а ее дочь, внучка Герасима, — 50 р. За женой оставалась лишь житница, которая и ранее считалась ее собственностью³⁰². В 1815 г. другой богатый никольский крестьянин, Константин Богданов, будучи, по всей вероятности, бездетным, на одре болезни считал своим «законным наследником» брата Ивана, совместно с которым он вел торговлю в Петербурге. Ему он оставлял «родительский» дом, оценивавшийся в 4000 р., весь скот, «капитал» в Петербурге на 6000 р. и обязывал по наказу их покойного отца выделить «приличное» приданое двум сестрам. Свою жену Константин обеспечивал 3000 р., но с тем, чтобы она поселилась отдельно и никаких иных претензий не предъявляла³⁰³. Наконец, известен случай, относящийся к тому же времени, когда в чухломском с. Аксеново крестьянин Иван Григорьев за-

²⁹⁸ Преображенский В. Описание..., с. 94; Лебедев Н. Быт крестьян Тверской губернии Тверского уезда.— ЭС, 1853, вып. 1, с. 197; Бравина М. В. Село Оленино..., с. 170.

²⁹⁹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 113.

³⁰⁰ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 103—104.

³⁰¹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 120об.

³⁰² ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 133—133об.

³⁰³ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 124—124об.

вещал дом и «все имение» внучке, а жене была предоставлена лишь возможность в доме доживать свой век³⁰⁴.

Подобная практика признавалась общественным мнением деревни, и ей следовали и одинокие люди. В 1795 г. по раздельному акту мирской комиссии Никольской вотчины две вдовы, Аксинья и Анна Григорьевы, вероятно, снохи, оставшиеся вместе после смерти своих мужей, разделили двор и все находившееся в нем имущество, кроме одежды, точно пополам³⁰⁵. Следует думать, что вдовы были или вовсе одиноки, или их дети уже выделились из семьи. Мирская комиссия, санкционировавшая раздел, тем самым признавала право этих вдов на все имущество двора и устраняла возможные претензии на него со стороны вышедших детей или родственников их мужей. Право полного распоряжения матерью имевшимся у нее имуществом было подтверждено мирским правлением Сидоровской вотчины в 1809 г., когда ее сын Никифор Никифоров, ранее отделенный родителями, попытался опротестовать передачу доставшегося ей по наследству от брата имущества внучатам, детям ее другого, умершего сына³⁰⁶. В 1810 г. в с. Сидоровском одинокая Катерина Поснова «учинила условие» с племянником Василием Михайловым в том, чтобы он, если ему будет позволено отделиться от отца, поселился с семьей с ней «навсегда» и после ее смерти владел домом; а кроме них, по словам Катерины, «из родственников моих никому до одного моего дому дела не иметь»³⁰⁷. В 1811 г. «по духовной» в с. Никольском вдова Пелагея Антонова завещала все оставшееся после смерти ее мужа имущество (дом, скот, деньги, одежду) родной племяннице Матрене Якимовой «на поминование души своей и сродников», без права кого бы то ни было на него претендовать. Однако мирское Никольское правление усмотрело права на это имущество и брата покойного мужа Пелагеи. Поэтому дом был передан племяннице, а все прочее поделено между ним и Матреной³⁰⁸. Наконец, в 1812 г. никольский крестьянин Петр Шувалов «отказал» и «препоручил» все движимое и недвижимое деревенское имущество, в том числе и купленную землю племяннице девице Евдокии; тяглую землю он передал крестному сыну; за родного брата уплачивал только долг в 300 р., а племяннику оставил 100 р.³⁰⁹

Завещание женщинам недвижимого имущества не ограничивалось только жилищем; случалось, что в их владение переходило и основное средство производства — земля, если она была не общинная, а купленная. В данном случае крестьяне исходили из того, что земля была куплена на те деньги, которые были личной собственностью. В 1805 г. никольский крестьянин Матвей Прокофьев завещал двум дочерям «в вечное и потомственное

³⁰⁴ ЦГАДА, ф. 1268, оп. 3, д. 6, л. 10об.

³⁰⁵ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 253, л. 12об.

³⁰⁶ ЦГАДА, ф. 1454, оп. 1, д. 1176, л. 5—6.

³⁰⁷ ЦГАДА, ф. 1454, оп. 1, д. 1219, л. 1—1об.

³⁰⁸ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 45об.; д. 583, л. 90об.— 91.

³⁰⁹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 55об.— 57.

владении» купленную им пустошь³¹⁰, а в 1813 г. Петр Гусев передал своей впучке в приданое часть его «собственной» земли с лесом и покосом³¹¹. Мирское правление не видело в таких завещаниях нарушения обычных норм и в 1813 г. утвердило в «вечное владение» землю за Аписьей Пикифоровой как за наследницей ушедшего в солдаты брата, которому эта земля была по завещанию оставлена дедом³¹².

Развитию понятия личной собственности способствовало имущество, появлявшееся вне деревни в результате занятий ремеслами и торговлей в городах. Выше уже указывалось, что имущество, созданное в отходе, могло принадлежать всей семье и ее члены совместно отвечали за долговые обязательства, возникшие в их предпринимательской деятельности. Разумеется, доходы, полученные в результате этой деятельности, серьезно поддерживали тяглое деревенское хозяйство, но целиком они не «переливались» в него, а тем более широко не использовались в целях его расширения, так как это влекло за собой увеличение тяглых и мирских повинностей.

Однако имущество, находившееся вне собственно крестьянского двора, не всегда рассматривалось безусловно составной частью хозяйственного деревенского комплекса. Как ни сильна была власть главы семьи, его сыновья или племянники, постепенно в отходе накапливая средства, затем могли обрести известную материальную самостоятельность и становились фактически владельцами предприятий³¹³. Таким путем происходило правовое обособление имущества, которое из семейного превращалось в лично благоприобретенное и уже вовсе не обязательно способствовало функционированию деревенского хозяйства. Это обособление могло быть даже основной причиной семейного раздела или ускорять его. Подобная ситуация прослеживается в отдельных раздельных актах. В 1799 г. в с. Никольском при разделе Антипа Матвеева с сыновьями было установлено, что каждый его сын самостоятельно отвечает за свои долги³¹⁴, которые могли возникнуть только за пределами их единого хозяйства. Значительно облегчалось такое обособление в неразделенных семьях между братьями. В 1795 г. там же при разделе сводных братьев Василия Иванова и Николая Михайлова было оговорено, что Василий самостоятельно владел лавкой и Николаю до нее «не было дела»³¹⁵. В иных случаях делившиеся братья даже не считали нужным говорить о находившемся на стороне своем имуществе и лишь

³¹⁰ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 44об.

³¹¹ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 544, л. 70об.

³¹² ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 583, л. 136—136об.

³¹³ По данным 1870—1880 гг., в Казанской и Уфимской губерниях существовал даже порядок, что отходник приносил в неразделенную семью $\frac{1}{2}$ — $\frac{1}{4}$ часть своего заработка, а остальное делалось его собственностью (Соловьев Е. Т. Гражданское право..., с. 66).

³¹⁴ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 346, л. 1—1об.

³¹⁵ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 253, л. 13.

условливались, что за свои долги они впредь отвечают самостоятельно³¹⁶.

Обособление в имущественно-правовом мышлении крестьянства имущества сельского и нажитого в отходе отчетливо проявилось в родственном споре относительно имущества бездетного богатого сидоровского крестьянина Максима Дрыгина, имевшего в Петербурге хлебный лабаз и дом с разными службами, конным выездом и т. п. Через год после смерти Максима, в 1790 г., его вдова Прасковья вышла замуж вторично за овдовевшего, уже упоминавшегося выше крестьянина с. Сидоровского Ивана Пискунова. Тогда сестра и брат Максима со своими детьми, считая себя также его наследниками, предъявили свои права на имущество покойного и обратились в «домовую» контору Орловых. Контора предписала общинным властям с. Сидоровского провести «законный» раздел. По всей вероятности, в это время В. Г. Орлов считал возможным в подобных случаях конкретное разрешение вопроса оставлять на мирское рассмотрение. Во избежание «хлопот» последовала «полюбовная сказка» заинтересованных сторон, согласившихся на то, чтобы все имущество на стороне, в Петербурге, а равно все долговые обязательства переходили к мужу Прасковьи Ивану Пискунову, а все оставшееся в Сидоровском — дом, лавки и амбары в торговых рядах — сельской прямой родне Максима³¹⁷.

О правовых коллизиях в семьях государственных крестьян Тверской губ., возникавших при разделе имущества, находившегося вне деревни (земли, промышленные предприятия, а также деньги), об индивидуализации этого имущества и развитии понятия личной собственности свидетельствуют и данные 1840-х годов; такое имущество там «редко разделяется миролюбиво и домашним образом по причине несходства понятий крестьян о правах наследства с гражданскими законами», почему разделы обычно производятся по решению государственных судебных органов³¹⁸. В Нижегородской губ. такое имущество более определенно подлежало личному владению и делилось по духовному завещанию³¹⁹.

Порядок личного распоряжения имуществом, свойственный ярославской и костромской крепостной деревням, проявлялся не повсеместно. В некоторых губерниях имущество, оставшееся после одиноких стариков (мужчин и женщин) и в семьях, состоявших из одних женщин, подлежало наследованию отдельно живших родственников. В Смоленской губ. в государственной деревне в 1840-х годах имущество умершего одинокого крестьянина делилось поровну между бывшими членами семьи мужского пола и только в случае их отсутствия — между его дочерьми и сестрами;

³¹⁶ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 316, л. 1; д. 544, л. 16—16об., 94; д. 587, л. 2—3.

³¹⁷ ЦГАДА, ф. 1354, оп. 1, д. 464, л. 10—11.

³¹⁸ Барыков Ф. Обычай..., с. 75.

³¹⁹ Барыков Ф. Обычай..., с. 82.

в Вятской же губ. оно делилось между отдельно жившими сестрами и детьми покойного. В Олонецкой губ. в семье одиноких стариков после смерти мужа вдова должна была делить имущество с его братом, который иногда присваивал его даже целиком, а в Пермской губ. все оставалось ей, но в случае протестов со стороны даже отдаленных родственников (вылоть до третьего колена) мог последовать раздел³²⁰. По обычно-правовым нормам имущество одинокой вдовы наследовалось ее сыновьями или вообще «ближними родственниками» (Вологодская, Вятская, Нижегородская, Орловская губернии)³²¹. В Петербургской губ. при отсутствии прямых наследников имущество переходило родственникам по мужской линии и лишь только если их не было, то по женской³²².

Тем не менее в некоторых ситуациях прослеживалось право личного распоряжения имуществом. В Нижегородской и Пензенской губерниях при распаде неразделенных семей их главы обеспечивали своих жен и дочерей только по духовным завещаниям, причем в Нижегородской и Пермской губерниях благоприобретенное имущество приближалось к личной собственности хозяина двора, так как наследовалось только по его «духовным», т. е. по личной воле. В Вятской губ. одинокие мужчины и женщины были вправе завещать свое добро кому угодно из родственников, а замужние их дочери могли наследовать только по их завещанию³²³.

Таким образом, личное владение имуществом, даже купленной землей, было известно крестьянству довольно широко, и по обычному праву того времени согласно воле владельца оно могло передаваться вовсе не обязательно по родственным, восходящим или нисходящим линиям в порядке близости родства. Проявление воли завещателя тем не менее не нарушало несравненно более существенного для производственной жизни деревни правового принципа, по которому каждый мужчина в семье был наследником двора или его части, а потому — потенциальным тягелом.

Совершенно иной характер сплошь и рядом приобретало крестьянское имущество вне деревни, прежде всего в городах; нажитое в XVIII — начале XIX в. в отходе в результате предпринимательской деятельности. Именно оно способствовало развитию представления о личной собственности, хотя и не подрывало еще незыблемости общесемейного владения двором как хозяйственным комплексом; обычно-правовые основы собственно в деревне оставались в силе и продолжали препятствовать материальной дифференциации внутри крестьянской семьи, а тем самым и в общине.

³²⁰ Барыков Ф. Обычай..., с. 21—25, 51—56, 63—72.

³²¹ Барыков Ф. Обычай..., с. 49—51, 65—72, 81—82, 93.

³²² Барыков Ф. Обычай..., с. 60—62.

³²³ Барыков Ф. Обычай..., с. 63—72, 81—82, 99—100.

§ 6. Влияние на обычное право помещичьих инструкций и законодательства

Ошибочно думать, что обычное право и его нормы сохранялись на протяжении столетий в неизменявшемся виде. В сфере семейно-имущественных отношений правовые нормы могли пополняться новыми или подвергаться серьезным изменениям как под влиянием владельцев поместий, так и извне, со стороны законодательства. Разумеется, в разных вотчинах такое влияние ощущалось по-разному и зависело как от взглядов помещика на систему управления подвластными им мирами, так и от степени замкнутости феодальной деревни от внешнего мира.

Помещики, правда, в разной степени, в зависимости от принятого порядка управления и эксплуатации вотчин так или иначе интересовались взаимоотношениями крестьян между собой и состоянием их семей. В своих инструкциях и положениях по управлению имениями, кодифицируя свои феодальные права, они обычно оставляли эти сферы крестьянской жизни на традиционных основах обычая. Весьма показательно, что даже наиболее подробно разработанные помещичьи «кодексы» XVIII — начала XIX в. содержат крайне скудные положения о нормах семейной крестьянской жизни и наследования имущества. Складывается впечатление, что эти нормы само собой подразумевались, и авторы «кодексов» считали нужным о них упоминать лишь тогда, когда они затрагивали материальные интересы вотчинного хозяйства³²⁴. Чаще всего это случалось в целях поддержания семейного правопорядка и имущественного состояния крестьян; так, например, если помещик допускал разделы крестьянских семей, то эта возможность оговаривалась; если он не возражал против выхода замуж крестьянок за крестьян других помещиков, то для бездетных вдов или дочерей покойного крестьянина, не имевшего сыновей, такие браки запрещались, чтобы перешедшее к ним имущество двора не вышло за пределы поместья; могла оговариваться обязательность заключения браков между крестьянами только равного имущественного состояния и т. п. Однако даже во всех этих случаях, ограничивавших частную жизнь крестьян, собственно правовые нормы не формулировались даже при допускаемых разделах. Такой подход свойствен был, судя по известным «кодексам», большинству помещиков, как бы подробно они ни регламентировали управление своими владениями. Даже граф В. Г. Орлов, создавший подробнейшее «Уложение», обошел в нем молчанием порядок наследования и имущественные права членов крестьянских семей (1796 г.). То же самое можно заметить и в других помещичьих «кодексах», в которых регламентировался порядок повседневной жизни крепостной деревни (П. А. Румянцев, 1751 г.; М. М. Щербатов, 1758 г.; Н. П. Панин, 1820 г. и др.).

³²⁴ Александров В. А. Сельская община..., с. 115.

П. А. Румяшцев даже приказал своим приказчикам вмешиваться в заключаемые крестьянами браки.

Однако некоторые помещики, «регулируя» внутрисемейные отпошения, своими «узаконениями» серьезно вторгались в обычное право. Наиболее ярким примером «реформирования» обычно-правовых семейно-имущественных отношений может служить инструкция графа П. Б. Шереметева (1764 г.), богатейшего помещика России. В этом документе бросается в глаза приоритет, отводимый в имущественной сфере малой семье. Наследование даже в неразделенной семье должно было осуществляться строго в рамках семьи малой. Только при отсутствии в малой семье наследников предусматривалось участие в нем жившего совместно «рода» — племянников, дядьев, дедов и внучат и «ближних» родственников главы малой семьи по линии отца и матери, проживавших отдельно; в последнем случае линия родства кончалась на правнучатах, но только по мужской линии. Права главы семьи по распоряжению имуществом строго ограничивались. Глава семьи при жизни путем завещания не мог обусловить условия наследования или раздела имущества после его смерти. Ему лишь разрешалось составить «челобитье» с просьбой о разделе семьи после его смерти; условия раздела не зависели от его воли, а вытекали из строго установленных правил. Вдова при детях не могла претендовать на распоряжение имуществом. Ее права в бездетной семье ограничивались четвертой долей движимого имущества, оставшегося после мужа. Сыновья поровну делили движимое и недвижимое имущество; если их не было, то этот порядок распространялся на дочерей. При наличии сыновей и отсутствии матери дочерям выделялась поровну четвертая часть стоимости недвижимого и четвертая часть движимого имущества, а остальное поровну переходило к сыновьям. Если в наследовании участвовали мать, сыновья и дочери, то четвертая часть имущества делилась между матерью и дочерьми — матери оставалось три четверти этой части, а дочерям — одна четверть, т. е. $\frac{1}{16}$ доля всего имущества. Таким образом, сыновья получали три четверти всего имущества, а женская часть семьи — четверть. Дочери, вышедшие из семьи — замужние или вдовы, в наследовании отца участвовали в равных долях, если, кроме них, некому (из детей, по-видимому) было наследовать. Племянники, дядья, деда, внуки, жившие вместе с главой семьи до его смерти, при наличии у него детей устранились от наследства; они делили наследство на тех же основаниях, что и сыновья, лишь тогда, когда после главы семьи не оставалось детей. «Ближние» родственники покойного, жившие отдельно, могли наследовать при отсутствии других наследников³²⁵. Таким образом, отрицая у крепостного крестьянина право завещания, т. е. право распоряжения чем бы то ни было, феодальный владетель вносил в свои огромные владения упрощенные нормы го-

³²⁵ Щенетов К. Н. Крепостное право..., с. 269—285; Довнар-Запольский М. В. Материалы..., 1904, № 7.

сударственного права, отouchавшие интересам только малой семьи без учета специфики семейного крестьянского строя. Наследование мужчинами и женщинами в малой семье строго регламентировалось, в неразделенной — права других ее членов на имущество в целях предотвращения разделов практически исключались.

Наследование исключительно в интересах малой семьи утверждалось также в нижегородских владениях князя Г. В. Грузинского (1785 г.), причем содержавшиеся в его инструкции по управлению вотчиной нормы семейно-имущественных прав по своему содержанию отличались от установлений П. Б. Шереметева. За отцом, главой семьи, оставлялось право раздела имущества между сыновьями по своему усмотрению. Сыновья, которые считали себя обделенными, в момент раздела могли апеллировать к мнению родственников и первостатейных крестьян, т. е. фактически к общинному собранию. Письменно оформленный раздел санкционировал прекращение каких бы то ни было имущественных отношений между отцом и выделенными сыновьями. Только при отсутствии раздельного акта, зарегистрированного вотчинной администрацией, выделенные сыновья после смерти отца могли предъявить имущественные иски к своим братьям, оставшимся в родительском доме. Более предпочтительно определялось положение матери-вдовы. Она объявлялась «повелительницей в доме», т. е. обладала правом пожизненного пользования всем имуществом и управления хозяйством. Отчуждать оставшее семейное имущество она не могла, но от ее воли зависел выдел сыновей. Бездетная вдова по «духовной» мужа также оставалась пользовательницей оставшегося имущества до своей смерти или вторичного выхода замуж. При всех обстоятельствах, в частности при разделах с сыновьями, право собственности вдовы после смерти мужа — главы дома простиралось, помимо приданого, на четвертую часть движимого и седьмую часть недвижимого имущества. Все остальное переходило к сыновьям, которые из своих долей обязывались обеспечить своих сестер «приличным приданым». Бездетная вдова при вторичном браке сохраняла указанные части имущества, перешедшие к ней в наследство от первого мужа, а остальное передавалось наследникам, «кому следует», т. е., по всей вероятности, родственникам мужа по боковым линиям. После смерти вдовы ее приданое и части унаследованного ею имущества переходили к детям, но кому конкретно (сыновьям, дочерям) — неизвестно. Приданое бездетной женщины после ее смерти возвращалось наследникам, «кому следует все обратно», т. е., судя по смыслу инструкции, — ее родителям или, если их не было уже в живых, иным родственникам; только иконы и постельные принадлежности оставались мужу. Вдова с малолетними детьми подлежала опеке, которая устанавливалась общиной над всем оставшимся имуществом — домом, хозяйством и землей — до 20-летия старшего сына³²⁶. Никаких норм наследования представителями

³²⁶ ДНГУАК, 1912, т. X, с. 50—51, 55.

боковых линий внутри неразделенной семьи (дядя, племянники, двоюродные братья и т. д.) или жившими отдельно инструктория Г. В. Грузинского не предусматривала. В целом ее положения сочетали в себе действовавшие государственные и обычно-правовые нормы и допускали право главы крестьянской семьи завещать имущество сыновьям.

Итак, в обоих случаях помещики, устанавливая по своему усмотрению семейно-имущественные нормы, препятствовали разделам неразделенных крестьянских семей, так как ставили в неразделенных семьях совсем в бесправное положение тех их членов, которые находились в положении боковых родственников по отношению к главе семьи и его сыновьям. Из-за отсутствия данных трудно сказать, насколько соблюдались правовые установления П. Б. Шереметева и Г. В. Грузинского в крестьянской среде. Однако как бы ни единичны были случаи кодификации помещиками семейно-имущественных отношений крестьян, но владения Г. В. Грузинского, а тем более П. Б. Шереметева охватывали десятки тысяч крепостных центральной полосы европейской части страны. Коль скоро акты о разделах утверждались общинными или вотчинными правлениями, в жизни крестьян волей господ внедрялись рассмотренные правовые нормы, почему в крестьянской среде отдельных вотчин своеобразие норм могло объясняться именно этим обстоятельством.

Иные принципы семейно-имущественных и наследственных отношений проводились в жизнь в первой половине XIX в. в огромных уральских владениях графов Строгановых. В проекте «Положения об управлении Пермским имением» 1827 г. были учтены такие отношения только между ближайшими родственниками — родителями и их детьми, т. е. в рамках малой или неразделенной отцовской семьи. По этому проекту сыновья наследовали на равных основаниях все, что входило в хозяйственный и бытовой комплекс двора, но отец при жизни мог письменно завещать или просто передать дочери или ее сыпу часть движимого имущества. Отделенные братья и племянники не могли претендовать после смерти брата или дяди на участие в наследстве. Мать после смерти мужа признавалась хозяйкой дома и распорядительницей тяглого хозяйства, а непокорные дети по первому ее требованию подвергались в вотчинном управлении наказанию, какое она сама назначит, «не приемля от них никакого оправдания». Бездетной вдове оставались дом, все дворовое хозяйство и до трех десятин земли, а прочие земельные угодья передавались ближайшим родственникам покойного мужа, разумеется, мужчинам. Она обладала личной властью над всем оставшимся ей движимым имуществом, а недвижимым могла распорядиться с разрешения вотчинного правления; только в случае, если она перешла в дом родственников мужа, которые обязывались обеспечивать ее до смерти, ее имущество наследовалось ими³²⁷. Таким образом, в проекте 1827 г.

³²⁷ ЦГАДА, ф. 1278, оп. 2, д. 4294, л. 45—48об.

учитывались, по существу, обычно-правовые нормы, которые бытовали в уральской деревне. Спусти 10 лет во введенном в действие «Положении» об управлении уральскими вотчинами (1837 г.) Строгановы иначе подошли к кодификации семейно-имущественных отношений в крестьянских семьях и существенно расширили соответствующие разделы своего «кодекса»³²⁸.

Во вступлении к разделу «Положения» 1837 г. о личных частных и общественных отношениях в деревне указывалось, что все эти отношения и обязанности определяются государственными законами, а помещик, «как попечитель подвластных» ему людей, обязан наблюдать за их исполнением и «преподносить способы к ненарушимуому соблюдению обязанностей, сими законами предписанных». Однако, провозглашая приоритет государственного права, Строгановы учли особенности семейного строя крестьянства и отношений в семье. «Положением» предусматривалось существование неразделенных семей, во главе которых стоял «старший в роде» — отец, брат, дядя (при племянниках) или за их отсутствием старшая в «роде» женщина — бабка, мать, тетка, старшая сестра или невестка. Все члены семьи независимо от степени и дальности родства обязывались повиноваться главе семьи, который распоряжался всеми хозяйственными делами и работами и отвечал за исполнение повинностей; без его воли никто не мог распорядиться каким-либо имуществом, принадлежавшим дому и обеспечивавшим существование семейства, отлучаться из дома или наниматься на работы³²⁹. Дети обязывались быть в совершенном повиновении у родителей; по решению крестьянского суда, существовавшего при земской избе, «злонравные» дети могли быть телесно наказаны при мирском собрании, как пожелают родители, или ими самими «в полную свою волю»³³⁰. Родители могли по завещанию лишить детей доли общесемейного имущества за непокорство, непочтительность или за их пороки (пьянство, мотовство), но не были «властны» без особых причин передать кому-либо из детей все имущество или его большую часть.

Крепостной крестьянин не был лишен права завещания. Бездетный мог назначить своим наследником любого человека (подвластного, разумеется, Строгановым), но его жена сохраняла право на пожизненное пользование всем оставшимся недвижимым имуществом (дом, строения, земля). При отсутствии такого завещания главы семьи после смерти вдовы оставшееся имущество наследовалось родственниками мужа по степени близости родства. Вдове, оставшейся с детьми, переходила вся власть в доме, и до ее смерти без особого разрешения раздел детей не допускался.

Утверждая единовластие в крестьянской семье, «Положение» Строгановых допускало, с одной стороны, право на личное имущество каждого члена семьи, а с другой — подтверждало право

³²⁸ ЦГАДА, ф. 1278, оп. 2, д. 4232.

³²⁹ ЦГАДА, ф. 1278, оп. 2, д. 4232, л. 159—162об.

³³⁰ ЦГАДА, ф. 1278, оп. 2, д. 4232, л. 251—252об.

всех членов неразделенной семьи на общее имущество. С учетом положений определялся порядок наследования. Вдова, помимо всегда сохраняемого за ней приданого, владела на правах собственности всем тем, что она могла получить, будучи замужем, по наследству или в виде дара от своих родственников. Неотделенные дети также могли иметь собственное имущество, но оно находилось под контролем или на сохранении у их отца. При разделе семейства каждый член семьи сохранял при себе свою собственность, а все остальное делилось по принципу — вдова-мать и сыновья получали поровну, но вдвое более дочерей (сестер); при этом внуки, племянники и племянницы получали ту часть, которая следовала их умершим родителям. Дети от разных матерей после смерти отца на равных основаниях наследовали общесемейное имущество, но приданое матери переходило только к ее родным детям. Отделенные сыновья и замужние дочери наследовали после родителей только в случае, если с последними до их смерти не проживали другие дети. При отсутствии родителей и детей имущество умершего поступало к жившим отдельно братьям и сестрам (родным или, если их не было, двоюродным). В равной степени после бездетных, вдовых или холостых наследовали их родители, т. е. предусматривалось наследование и по восходящей линии.

Таким образом, по «Положению» Строгановых 1837 г. ясно прослеживается на основе обычного права бытование общесемейного имущества и права на него всех членов неразделенных семей, а также высокое положение матери — главы хозяйства; с другой стороны, в «Положении» довольно отчетливо проявились понятия, свойственные государственному гражданскому праву, а именно — существование внутри семьи личного имущества и наследование по нисходящим и восходящим линиям родства.

Помимо помещичьих «кодексов», систематически внедрявших в вотчинах государственно-правовые нормы, распространению этих норм в крепостной деревне способствовали распоряжения вотчинных контор, когда на их рассмотрение поступали дела о крестьянских имущественных спорах. В 1774 г. контора графа П. В. Салтыкова при решении вопроса о доле купленной крестьянами с Мануйлова (Смоленской губ. Зубцовского уезда) земли, которая должна была быть отдана одной вдове, опиралась на норму наследования недвижимого имущества, утвержденную Соборным Уложением и подтвержденную при Анне Иоанновне: «Всегда муж после жены или жена после мужа бездетна берет наделу седмую часть»³³¹.

Той же практике в начале XIX в. следовала домовая контора графа В. Г. Орлова, хотя до этого времени он старался не изменять обычно-правовых норм в бытовой жизни своих оброчных деревень. Так, в 1808 г. в Москве умер бездетный владелец

³³¹ ЦГАДА, ф. 1262, оп. 1, д. 54, л. 1—1об. См.: *Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор...*, с. 513, 520.

мастерской по производству утвари Алексеей Ратьков, выполнивший заказы из различных провинциальных городов России вплоть до Иркутска. В Москве он имел два дома и своих «услужающих» людей. Судя по интереснейшему с бытовой стороны делу по учету его имущества, которое вела домовая контора его владельца, оборот предприятия к моменту кончины достигал более 20 тыс. р. В 1810 г. умерла и его жена, и на имущество предъявили права его сестра Матрена с сыном и внуками (детьми другого, уже умершего сына), дочери умершего брата Герасима и крестная дочь, проживавшие в с. Сидоровском. По решению конторы, имущество было разделено на доли соответственно степени родственной близости наследников к владельцу имущества. Крестной дочери была выделена четвертая часть, а все остальное поделено пополам между сестрой Матреной и ее потомством, с одной стороны, и потомством брата Герасима — с другой³³².

Спустя пять лет, в 1815 г., домовая контора В. Г. Орлова после доклада бурмистра с. Сидоровского о судьбе имущества умершей крестьянской «девки» Акулины Хахановой вступила в любопытный юридический спор с общинным правлением и опротестовала его мнение. Акулина жила одиноко и перед смертью по «духовной» пожертвовала все свое немалое имущество в окрестные церкви. Но на это наследство объявили права ее родственники со стороны отца — двоюродная сестра и два троюродных племянника. После этого предъявили права и родственники со стороны матери — брат, дочь двоюродного брата и дочь племянника. Бурмистр и выборные крестьяне традиционно считали, что подавляющая часть имущества, оцененная в 2846 р., должна быть согласно воле завещательницы передана церквям, а наследники могут претендовать на образа, платье, посуду. Домовая контора аннулировала «духовную» Акулины и приказала все имущество разделить между наследниками, причем оно почти целиком поступило в наследование родственникам со стороны отца, доля каждого из которых определялась близостью его родства с покойной. Аргументировалось это решение тем, что имущество Акулины принадлежало ее отцу, а не матери³³³. В 1825 г. петербургская контора Орловых по аналогичному вопросу опротестовала мирской приговор торговавших в Петербурге крестьян ярославской Никольской вотчины. После смерти крестьянина Петра Варыгина в Петербурге осталось его имущества на 10 тыс. р. Его два сына попытались полностью захватить «капитал», отстранив мать и несовершеннолетнюю сестру. Мирское собрание этому воспротивилось и постановило «на часть» сестры как приданое положить 2000 р. Однако управляющий конторой потребовал, чтобы мир следовал общим «гражданским узаконениям» и выделил из этого дви-

³³² ЦГАДА, ф. 1454, оп. 1, д. 1115, л. 28—28об.; д. 1132, л. 5, 6, 93—93об. и др.

³³³ ЦГАДА, ф. 1454, оп. 1, д. 1437, л. 7—10, 15—16, 19—23.

жимого имущества матери четвертую часть (2500 р.), а дочери — восьмую (1250 р.)³³⁴.

Таким образом, влияние законодательных норм проникало в деревню опосредованно, через крестьян, имевших торговые и промысловые предприятия в городах, и помещичьих представителей, следивших там в интересах феодального владельца за их деятельностью. После смерти сколько-нибудь крупного крестьянина-предпринимателя его имущество на стороне поступало под контроль этих представителей. При передаче оставшегося имущества они исходили из норм писаного права, что, разумеется, становилось известно в родной деревне покойного крестьянина и создавало там юридический прецедент. Поэтому вовсе не случайно крестьянин с. Писцово Иван Алексеев в прошении к управляющему подчеркивал, что он по определению мирского общества *имеет право* получать в наследство после смерти бабушки движимое и недвижимое имущество, и просил отобрать части пустошей, захваченных другим крестьянином³³⁵.

Влияние писаного (гражданского) права прослеживается и в обобщающих данных 1840-х годов по губерниям европейской части страны об обычаях наследования у государственных крестьян. Судя по этим материалам, понятие *общесемейное имущество* в общем дворовом комплексе в некоторых местностях стало раздробляться и в правовом сознании крестьянства выделяться как движимое, недвижимое, благоприобретенное. Можно заметить, что стала проявляться тенденция рассматривать благоприобретенное имущество как личную собственность, наследуемую по законодательным нормам. Так, в Архангельской, Нижегородской и Владимирской губерниях возникавшие споры при разделах такого имущества, находящегося в городах (предприятия и торговые заведения), разрешались не общинными властями, а судебными органами. Представляется очевидным, что в имущественных вопросах на писаное право было предпочтительнее опираться крестьянам-предпринимателям, занимавшимся вне своих общин торгово-промышленной деятельностью. По-видимому, влияние писаного права на обычное в более значительной степени проявилось в фиксации определенных долей общесемейного имущества, на которые могли претендовать в семье лица женского пола — прежде всего вдовы (матери и бездетные) и дочери. Если, как указывалось выше, они из недвижимого имущества по обычному праву в лучшем случае обеспечивались жилищем — «кельей» и каким-то движимым добром, то к середине XIX в. в некоторых губерниях утвердились довольно идентичные правила, согласно которым им полагались точные доли, определявшиеся путем денежной оценки разных видов общесемейного имущества.

Так, матери, отделяясь от сыновей, бездетные вдовы, выделяясь из семей братьев мужа, а также незамужние сестры, обо-

³³⁴ ЦГАДА, ф. 1384, оп. 1, д. 1153, л. 3—4.

³³⁵ ЦГАДА, ф. 1396, оп. 1, д. 1639, л. 1 (не ранее 1823 г.).

сбоящая от братьев, получали $\frac{1}{4}$ часть движимого и $\frac{1}{7}$ недвижимого имущества (Саратовская, Курская, Казанская губернии); в Вятской губ. эти доли полагались мачехе от детей ее мужа); в Рязанской губ. матерям и бездетным вдовам выделялась общая $\frac{1}{7}$ часть всего имущества; в Саратовской губ. бездетным вдовам определялась $\frac{1}{8}$ часть движимого и $\frac{1}{14}$ часть недвижимого имущества. В Смоленской губ. после смерти главы семьи его жене и дочерям полагалась треть всего имущества³³⁶. Эти правила, вероятно, прочно укоренились в отдельных местностях во второй половине XIX в.³³⁷, так как некоторые исследователи того времени (да и позднее) без каких-либо оговорок видели в них обычнo-правовые нормы³³⁸.

Значительно труднее уловить роль законодательства в подчинении воли наследователя порядку наследования по родственным линиям. По наблюдению Н. А. Миненко, в среде сибирского государственного крестьянства влияние гражданского права проявлялось также в ограниченных масштабах. «Вообще говорить о сколько-нибудь серьезных изменениях в порядке наследования имущества у сибирских крестьян на протяжении XVIII — первой половины XIX в. не приходится», — писала она³³⁹, хотя и отмечала отступления от обычного порядка отношений. В частности, у сибирского крестьянства получил распространение обычай передачи не только женам, но и дочерям недвижимого имущества — земельных участков, с которых даже при отсутствии сыновей следовало нести тягло. В таких случаях миры стремились этого не допустить и передать основную часть наследства не женам и дочерям покойных тяглецов, а их родственникам мужского пола. Правда, это не всегда удавалось, и сибирские крестьянки отстаивали свои установившиеся права³⁴⁰.

Опосредованно деятельность государственной власти отразилась в имущественно-правовой сфере деревни в отношении лиц, взятых на военную службу. Рекрутская повинность, установленная в самом начале XVIII в. и распространенная на все слои податного населения, стихийно породила в общинной деревне определенные порядки и даже системы выделения требовавшегося для военной службы количества людей³⁴¹. Не менее сложный вопрос возникал, хотя и по разным причинам, перед общинным крестьянством и помещиками относительно отставных солдат, вернувшихся в родные деревни. По закону солдат переставал быть тяглецом, а, будучи выходцем из крепостной деревни, осво-

³³⁶ Барыков Ф. Обычай..., с. 21—25, 47, 48, 56—58, 65—72, 82—88, 95—97.

³³⁷ Тютрюмов И. Имущественные отношения супругов по обычному праву русского народа. — РР, 1879, февр., с. 298.

³³⁸ См. например: Соловьев С. Т. Гражданское право...; Очерки народного юридического быта. Казань, 1888, вып. 1, с. 61, 82, 86, 89; Шейн В. Очерки народно-общинного права Вологодской губернии. — СНЮО, 1900, т. 2, с. 146—161.

³³⁹ Миненко Н. А. Русская крестьянская семья..., с. 170.

³⁴⁰ Миненко Н. А. Русская крестьянская семья..., с. 166—168.

³⁴¹ Об этом см.: Александров В. А. Сельская община..., гл. V, § 1.

бождался и от личной зависимости. Поэтому помещику отставной солдат был неподвластен, да к тому же еще и опасен из-за полученного опыта жизни. Вотчинные и общинные власти даже наставлялись помещиками изгонять таких солдат, если их присутствие создавало в деревне какие-либо «неприятности» и становилось неуютным³⁴². Для общин отставной солдат в тяглом отношении был бесполезен, но перед ними вставал вопрос о его имущественных правах, и в разных местностях при его решении правовые нормы вырабатывались по-разному. О положении отставных солдат в вотчинах графов Орловых материалов сохранилось очень мало. Известно лишь, что, отправляясь на службу, они получали от семьи или от мира «наградные»; складывается впечатление, что после этого они порывали имущественные отношения с семьей и могли стать изгоями.

В среде государственного крестьянства материальные права отставных солдат в разных местностях определялись по-разному. В большинстве губерний им после возвращения для заведения самостоятельного хозяйства выделялась отцами или братьями причитавшаяся равная часть дворового комплекса, которая определялась по наличию имущества к моменту их ухода на военную службу или, в других случаях, по его состоянию ко времени возвращения. В некоторых местностях при выделении этой части вычитались деньги, выданные в «награду» при уходе в армию и послышавшиеся из дома во время службы. В ряде губерний (Архангельская, Вологодская, Новгородская, Псковская, Костромская, Калужская) вырабатывались более жесткие нормы — отставной солдат лишался права на долю имущества, нажитого в его отсутствие, а его обеспечение зависело от воли родственников. Наконец, в Олонецкой, Новгородской, Московской, Владимирской губерниях он вообще лишался каких-либо имущественных прав и мог рассчитывать только на родственные милости³⁴³.

Разнообразие имущественных прав отставных солдат, прослеживаемое в разных местностях, может быть свидетельством того, что обычное право не заключало в себе сумму закостеневших правовых норм, но под давлением действительности изменялось и приспособлялось к ней³⁴⁴. Однако в целом влияние писаного права на обычное вплоть до первой половины XIX в. нельзя не признать ограниченным, почему оно не претерпевало сколько-нибудь существенных изменений.

³⁴² Александров В. А. Сельская община..., с. 291—292.

³⁴³ Барыков Ф. Обычай..., с. 21—100.

³⁴⁴ Заслуживает внимания наблюдение Н. Добротворского о трансформации в Вязниковском, Гороховецком, Шуйском и Ковровском уездах Владимирской губ. после 1861 г. имущественных прав отставных солдат; во времена дореформенной рекрутчины они не сохраняли за собой никаких прав на имущество после отца, которое все переходило братьям. С сокращением же службы до четырех лет солдат оставался полноправным членом семьи (Добротворский Н. Крестьянские юридические обычаи в восточной части Владимирской губернии. — ЮВ, 1889, т. II, кв. 1, с. 273, 291—292).

Можно полагать, что бытовавшая в среде крепостного крестьянства совокупность имущественных и наследственных норм отражала общую для всего русского крестьянства систему обычного права. Эту систему никак нельзя признать элементарной. Более того, нельзя согласиться с выводом Н. Бржеского о том, что крестьянская жизнь не выработала каких-либо постоянных, определенных и единообразных правил и порядка семейных разделов³⁴⁵. На самом деле система имущественных норм была достаточно развитой и — самое главное — хозяйственно жестко рационально целенаправленной, в которой выделялись три основных системообразующих принципа действия этих норм: 1) обеспечение функционирования отдельного крестьянского хозяйства-двора; 2) обеспечение существования нетрудоспособных членов крестьянской семьи или не могущих вести самостоятельное хозяйство и нести тягло; 3) условность в разграничении между общим хозяйственным и личным имуществом. На основе этих принципов определялись имущественные отношения между отдельными членами семьи и их права.

Крестьянский двор заключал в себе разнообразное движимое и недвижимое имущество, которое в совокупности обеспечивало функционирование отдельного хозяйства. Семейно-имущественные отношения в среде крестьянства прежде всего были подчинены необходимости обеспечить функционирование двора как хозяйственной единицы, основы всего земледельческого труда мелкого сельского производителя, тягла и воспроизводства хозяйства. Все виды имущества (движимое и недвижимое), составлявшие крестьянское хозяйство, в правовом мышлении крестьян представлялись единым комплексом, обеспечивавшим хозяйственную деятельность двора и существование семьи. Эта общность имущества определялась потребностью производства. Хозяйственная дееспособность двора поддерживалась юридическими обычно-правовыми нормами. Общесемейная имущественная собственность была основным традиционно сохранявшимся положением обычного права. Именно оно принципиально отличало обычное право от права писаного. Если право писаное развивалось в определении индивидуальных прав членов семьи на тот или иной вид имущества, то крестьянский хозяйственный и имущественно-бытовой комплекс в обычном праве выступал прежде всего как общесемейное добро и слитное целое. В малой семье основу этого комплекса составляла доля главы семейства, перешедшая к нему от отца.

Это правовое представление в социальных и хозяйственных условиях, характерных для феодального общества, поддерживало устойчивость крестьянского двора, предохраняло деревню от пауперизации, с одной стороны, и имущественного преобладания внутри деревни ее отдельных членов — с другой. Общность иму-

³⁴⁵ Бржеский Н. Очерки..., с. 155.

щества сохранялась как в малых семьях, состоявших из родителюй и их детей, так и в неразделенных, которые могли иметь различный состав — состоять из родителей и женатых сыновей, либо из женатых братьев, иногда с женатыми же племянниками. Имущественная семейная общность нередко отражалась в крестьянских актах в понятии «родовое имущество». При разделе крестьянской неразделенной семьи выделявшиеся доли из общего имущества становились общей собственностью отдельно хозяйствовавшей малой семьи. Поэтому при разделах речь шла не о наследовании имущества, находящегося в личной собственности. Из представления об общности крестьянского семейного имущества вытекало и правило, по которому за долги отвечала вся семья. Поэтому при разделах порядок их уплаты неизменно и скрупулезно определялся в крестьянских актах.

По обычаю право на долю хозяйственного комплекса имел тот, кто мог возглавить хозяйство двора и обеспечить тягло. Поэтому в основе имущественных отношений в крестьянской семье было право каждого мужчины в перспективе возглавить самостоятельное хозяйство, из которого вытекала обязанность нести тягло и отвечать за него. Это право распространялось на всех мужчин — членов семьи, связанных родством, вне зависимости от ее структуры — малой или неразделенной. В силу производительного характера крестьянской семьи право боковых родственников — мужчин, входивших в ее состав, на долю комплекса имело принципиальное значение, а потому стойко сохранялось. Если государственное законодательство последовательно сохраняло и развивало одну из основных норм древнерусского гражданского права, отраженную в Пространной Русской Правде, а именно наследование имущества на равных основаниях сыновьями, то по обычному праву в силу своеобразия крестьянского семейного строя, проявлявшегося в широком бытовании неразделенных семей, доля имущества сохранялась за каждым лицом мужского пола. Эта норма отражала дуалистическую основу семейно-имущественных отношений, в которых при господстве общего имущества уживалось представление об индивидуальных правах в обеспечении малой семьи даже в перспективе ее образования. В рассматриваемое время этот дуализм еще не перерастал в открытую борьбу внутри семьи двух начал, общесемейного и индивидуалистического. Генезис личной имущественной собственности сдерживался бытованием именно долевого равенственного раздела, который касался только глав малых семей.

При выделах или разделах сыновья (при отцах) или братья обеспечивались, как правило, именно комплексом имущества — как движимого, так и недвижимого, который позволял основать новое хозяйство. При этом не наблюдалось различия между «родовым» и благоприобретенным имуществом³⁴⁶.

³⁴⁶ Только в отдельных местностях, в частности в Оренбургской губ. в неразделенных семьях благоприобретенное имущество считалось, по данным 1840-х годов, собственностью входивших в них малых семей и не под-

Право каждого мужчипы (или его потомства мужского пола) на долю общесемейного имущества, на основе которого начинало функционировать отдельное самостоятельное хозяйство, противоречит «трудовой» теории, созданной в народнических кругах и преследовавшей цель доказать, что русская крестьянская семья представляла собой трудовую ассоциацию или артель, где имущественные права принадлежали только тем, кто своим трудом способствовал приобретению добра. Сам Ф. Л. Барыков, один из первых, кто положил начало этой теории, в своих материалах, относящихся уже к 1840-м годам, фиксировал, что только в Тульской и Владимирской губерниях прослеживались лишь элементы трудового начала, когда при распаде неразделенных семей отдавалось преимущество тем, кто наиболее содействовал приобретению имущества³⁴⁷. Возможно, что после 1861 г. под влиянием товарно-денежных отношений, бурно развивавшихся в деревне, трудовой принцип получил большее развитие, но для доказательств его широкого бытования потребуется специальное исследование³⁴⁸.

При выделении отцами сыновей их доля зависела от субъективного фактора — воли главы семьи как распорядителя всей ее деятельности и ее имущества. Эта воля обладала определенной самостоятельностью, но как бы ни велика была власть главы семьи, какие бы преимущества ни оставлял он за собой, выделяя и «награждая» своих домочадцев, даже при неблагоприятных отношениях в семье каждый выделявшийся обеспечивался хотя бы минимальным комплексом имущества, движимого и недвижимого, необходимого для начала функционирования нового двора, возникновение которого подразумевалось.

Полный раздел семьи или выдел из нее одного члена был возможен только при согласии со стороны главы. Если при выделении из семьи какого-либо одного члена отец мог проявить всевластие, то при полных разделах за ним, как правило, оставалась доля, мало чем отличавшаяся от долей других. Что же касается имущественных прав братьев или родственников, находящихся в боковом родстве и оставшихся совладельцами двора, то норма обычного права о равенстве долей во всех видах имущества соблюдалась строго и неуклонно. На представителей младшего поколения переходили права их отцов. Таким образом, при наличии в деревне разных типов семей — малых и неразделенных — имущественные отношения все же подчинялись интересам малой семьи как основы семейного строя. При этом принцип имущественной равенственности распространялся именно на глав выделявшихся

лежало общему разделу (Барыков Ф. Обычай..., с. 72—73). То же явление прослеживалось в пореформенное время во Владимирской губ. (Пахман С. В. Обычное гражданское право..., т. I, с. 26).

³⁴⁷ Барыков Ф. Обычай..., с. 87—92.

³⁴⁸ С. В. Пахман на основании данных 1870-х годов считал, что этот принцип имел очень ограниченное распространение (Пахман С. В. Обычное гражданское право..., т. II, с. 221).

при разделах малых семей, независимо от их состава и наличия в них работников мужского пола.

Стремление сохранить хозяйственный комплекс при семейных разделах между отцом и сыновьями или братьями между собой отражалось на судьбе родительского дома и двора; силошь и рядом и дом и двор оставлялись отцу или одному из братьев, а прочие выделявшиеся члены семьи строили себе, часто при поддержке родственников, новое жилище. Подобное стремление отразилось и в таком характерном для семейного строя русского крестьянства явлении, каким было примачество. Оно объяснялось прежде всего необходимостью поддержать хозяйство, если его существование в результате неблагоприятной внутрисемейной демографической ситуации попадало под угрозу. При отсутствии во дворе трудоспособных мужчин или подраставших работников единственным способом избежать хозяйственного, а тем самым и тяглого упадка был прием в дом мужа-примака к дочери, племяннице, внучке, свояченице, падчерице или вдовой снохе. Условия вхождения примака в семью часто фиксировались письменно в своеобразном договоре, имевшем значение юридического документа. В зависимости от обстоятельств в одних случаях примак надолго попадал в кабалу к главе семейства, но часто, особенно когда в нем оставалась мать-вдова, он сразу же получал право возглавить хозяйство и приобретал на него имущественные права.

По мировоззрению крестьянства, право на имущество крестьянского двора определялось ведением хозяйства внутри общины. По обычному праву, если кто-либо (вольнотпущенник, а часто и солдат) порывал отношения с общиной, то он терял и свои семейно-имущественные права, которые переходили к его ближайшим родственникам (детям).

Существование нетрудоспособных членов общины или уже не могущих нести тягло и вести производящее крестьянское хозяйство, в свою очередь регулировалось определенными обычно-правовыми нормами. На тех, кто в семье не мог возглавить и обеспечить тягло, по правовым представлениям деревни, распространялись имущественные нормы, которые можно объединить в понятие «обеспечение существования». В этом отношении весьма показательным было положение матери-вдовы в качестве главы семьи. Древнерусская норма о возможности вдовы-матери пользоваться всем оставшимся после мужа имуществом прочно удерживалась в крестьянском быту при одном весьма существенном условии — распоряжение ею имуществом продолжалось не пожизненно, а лишь до тех пор, пока она фактически могла возглавлять хозяйство и управлять им. После этого, как бы ни был высок пиетет к ней детей, ей обеспечивалось только существование.

В нормах по обеспечению существования отражались взгляды крестьян на имущественные права нетяглых членов семей и на свои обязательства по отношению к ним. Существенно отметить отсутствие представления о праве любого нетрудоспособного члена семьи на определенную долю какого-либо деревенского иму-

щества, а тем более на долю хозяйственного коммлекса. Выделенные минимальных средств на обеспечение нетрудоспособных и нетяглых членов семей так или иначе преследовало в целом все ту же цель — максимально предохранить тяглосьпособность крестьянского двора, не раздробить его хозяйственную основу. Если престарелый отец, передавая хозяйство сыновьям, мог оставить за собой какую-то его часть, обязывая их при этом заботиться о своем пропитании, то у матери-вдовы такие возможности уже были ограничены: она могла рассчитывать лишь на жилье и пропитание со стороны сыновей. Прочие же нетяглые члены семей — незамужние или вдовы сестры, падчерицы, тетки, племянницы — в равной степени обладали только правом на жилье и единовременное обеспечение минимальнейшими средствами к самостоятельному существованию. Эта особенность обычного права обуславливала появление договорных условий между общинниками, по которым нетрудоспособные крестьяне, сдавая тяглую землю, получали за это некоторую поддержку (трудоую и материальную) со стороны соседей. Ими могли быть родственники, но в принципе эта поддержка имела общинно-соседский характер, и в этом случае община выступала в роли суперопекуна.

В отличие от законодательно оформленных узаконений, предопределявших права отдельных членов семьи на имущество и его отдельные части, в обычном праве понятие о личном имуществе, обособлявшемся от общесемейного, занимало второстепенное место и проявлялось скорее в виде не четко выраженной, хотя и развивавшейся, тенденции³⁴⁹. Понятие личного имущества традиционно сохранялось за приданым, которое приносила в семью мужа его жена, но со временем оно настолько сливалось с комплексом двора, что при разделах или выделении нетрудоспособной матери-вдовы была возможна только его реституция (восстановление); это восстановление не всегда производилось, ибо, как можно полагать, приданое засчитывалось в счет обеспечения дальнейшего существования матери со стороны ее сыновей.

Очевидная слабость лично-имущественного начала в крестьянской среде определила в ряде местностей отсутствие по обычному праву наследования вне семьи по восходящим и нисходящим линиям. В отличие от государственной юридической мысли обычное право не выработало определенных норм наследования по порядку родства. Этим объясняется своеобразие завещательных актов крестьянства, по которым имущество могло передаваться не обязательно ближайшим родственникам. Право личного распоряжения имуществом, т. е. распоряжения по завещанию, возникало в семьях, где не оставалось наследников, могущих возглавить тягло; распространялось оно и на самостоятельно живших одиночек. В подобных случаях любое имущество, кроме общинной земли, могло завещаться любому родственнику вне зависимости от

³⁴⁹ Эта черта правосознания русского крестьянства отражена и в книге М. О. Косвена «Семейная община и патронимия» (М., 1963, с. 76—77).

степени родства, причем даже мимо более близких по родству людей. Такое завещанное добро, в том числе даже купленная земля, считалось личной собственностью того, кому оно было завещано и в свою очередь могло завещаться по воле владельца. Завещание как гражданский акт было известно в крестьянской среде XVIII в., по им определялось наследование личного, а не общесемейного имущества. Право завещания подчеркивалось в таких актах формулой, по которой никому иному до передаваемого кому-либо имущества «дела нет».

О стойкости существования обычно-правовых семейно-имущественных норм можно судить по тому, что они сохранялись в XVIII — начале XIX в. у зажиточного крестьянства, в частности у втянутого в отход, у которого чаще возникали имущественные семейные конфликты. Его экономическая деятельность способствовала развитию личного имущественного начала в крестьянской среде; тем самым возникает возможность уловить связь между социально-экономическими условиями хозяйственной деятельности крестьянства и нарушением практики обычного права.

И тем не менее в рассматриваемое время предпринимательство вне родной деревни еще не подрывало незыблемости общесемейного владения двором. Имущество, в том числе недвижимое, созданное в отходе, вне деревенской общины, могло принадлежать всей семье, и ее члены (отцы — дети — братья — племянники) совместно отвечали за долговые обязательства, возникшие в их предпринимательской деятельности. Однако такое имущество далеко не всегда рассматривалось составной частью хозяйственного комплекса двора и при разделах вовсе не обязательно делилось по нормам обычного права. Таким образом, именно в отходе, вне пределов родных деревень, у крестьян прежде всего происходило обособление имущества, которое из семейного превращалось в личное, благоприобретенное. Придерживаясь обычно-правовых установлений в отношении собственно деревенского, подворного имущества, владельцы благоприобретенного, основанного в отходе имущества, распоряжаясь им, начинали опираться на нормы писаного права, которое тем самым усваивалось крестьянством и проникало в жизнь деревни. В известной степени этому способствовали также помещики, внедрявшие законодательные нормы имущественного и завещательного права в среду своих крестьян. Вместе с тем в обычное право порой в модифицированном виде входили отдельные законодательные нормы, в частности обеспечивавшие наследование женщинами точно определенных долей общесемейного имущества, которые становились их личной собственностью. В целом же личное, в том числе благоприобретенное, имущество было в деревне по сравнению с общесемейным весьма незначительным; оно сплошь и рядом находилось в руках нетяжелых членов общины и в условиях общинного землепользования и контроля мира над тяглом тем более не могло способствовать экономическому выделению его владельцев.

Итак, исследование обычного права крепостной деревни XVIII — начала XIX в. можно обобщить несколькими основными наблюдениями. Вряд ли может возникнуть сомнение в том, что в условиях феодального общества обычай отражал социальную и сословную действительность. Совокупность обычаев составляла систему правовых представлений, свойственных крестьянству как классу-сословию. Эта система, отражая специфичность социально-экономического, хозяйственного и семейного положения крестьянства, регулировала повседневное функционирование его основных институтов — сельской общины и семьи. На протяжении многовекового существования крестьянства как класса-сословия феодального общества стабильность норм его внутриобщинного права бытовала постольку, поскольку они соответствовали реально существовавшим социальным, хозяйственным и семейным условиям жизни крестьянства. Вместе с тем, как показало исследование комплекса норм, регулировавших земельные и семейно-имущественные отношения в крепостной деревне, т. е. основу ее хозяйственной жизни, обычное право не могло оставаться неизменным.

Анализ семейной структуры русского крестьянства свидетельствует, что в основе микроструктуры сельской общины была семья малая (родители — дети), периодически временно разраставшаяся до семьи неразделенной в разных ее, не очень сложных формах (отцовская или братская, чаще всего трехпоколенного состава).

Хозяйственное функционирование крестьянского двора поддерживалось обычно-правовыми нормами, которые отвечали условиям существования сельской общины, инкорпорированной в состав феодального общества и на разных этапах истории приспособившейся к изменявшейся реальной действительности. Так, разные формы феодальной зависимости сельской общины, порожденные ее непосредственной подчиненностью феодальному государству или помещикам, определяли специфику земельных общинных отношений в разных регионах страны. Историографический анализ позволяет думать, что до XVI в. у русского крестьянства повсеместно сложилось наследственно подворное общинное право владения землей. В дальнейшем, в процессе развития вотчинного и поместного землевладения, крестьянство явно проигрывало в борьбе за сохранение своих земельных прав и обычаев. Кодифицировавшееся феодальное право все более и более игнорировало юридическое значение обычая, который сохранял свою роль лишь в практике повседневной жизни деревни.

Черносошная, а затем государственная деревня — прежде всего на Севере, Урале и в Сибири — вплоть до XIX в. сохраняла подвор-

ное право владения земельным комплексом, необходимым для ведения сельского хозяйства. Государственная власть как верховный собственник земли с середины XVII в. последовательно стремилась ограничить крестьянское распоряжение землей, хотя в условиях системы государственного феодализма вплоть до XIX в. это распоряжение, особенно в Сибири, так или иначе допускалось.

Иная земельно-социальная ситуация складывалась в средней полосе России, где поместно-вотчинное землевладение приобрело господствующее положение. Государство, обеспечивавшее монопольное право помещиков на землю, оказывало огромное давление на общинное землепользование. В условиях поместного землевладения и развития крепостничества на протяжении XVII — первой половины XIX в. обычное земельное право совершило любопытную эволюцию, отражавшую трансформацию общинно-подворного землепользования в общинно-передельное. Крепостное общинное крестьянство в XVIII — первой половине XIX в. сохраняло за собой традиционно установившееся право владения «своими» участками на «своем» деревенском поле и потомственной его передаче, право сдачи соседям части или всего комплекса угодий отдельного двора при невозможности нести тягло, т. е. очень ограниченное право распоряжения в рамках общины и с согласия общинных властей, право росчисти общинной земли с условием подворного использования; наконец, по общинным представлениям за крестьянином сохранялось право покупки земель на стороне вне общины.

Однако в крепостной деревне все эти общиннообычные нормы приобретали строго условную форму. Феодальное право земельной собственности не только социально довлело над крепостной деревней. Ограничение земельных площадей общинного хозяйства, тем более при барщинной эксплуатации крестьянства, заставляло общину ради выполнения тяглых обязательств сплошь и рядом самой трансформировать свои понятия о земельном владении и систематически регулировать свое землепользование. В результате так или иначе права отдельного двора все более подчинялись общинному, «коллективистическому», началу. Таким образом, в одних случаях в прямом, в других — в опосредствованном виде феодальное земельное право подчиняло и трансформировало в крепостной деревне обычай во имя интересов господствующего класса¹. При сохранявшемся дуализме земельно-общинных отношений, когда общинное регулирование коллективного использования земель сочеталось с семейно-наследственным использованием угодий, необходимых каждому двору, русская

¹ В этой связи уместно вспомнить наблюдение М. А. Барга, писавшего об английской феодальной действительности XIII в., что при возникновении конфликтной ситуации в землепользовании между лордом и виланом лорды «преодолевали» обычно-правовую традицию, ранее регулировавшую их феодальную эксплуатацию крестьян, и подчиняли ее практике вотчинных судов (Барг М. А. О природе феодальной собственности. — VII, 1978, № 7, с. 99—100).

крепостной деревне на протяжении XVIII в. ради тягло-хозяйственного самосохранения все более строго переходила к регулированию землепользования, что в свою очередь способствовало возникновению тенденций перехода к собственно передельной системе в том или ином ее варианте. В отдельных случаях, когда сельские общины испытывали острую необходимость в жестком регулировании своего землепользования, они переходили собственно к передельному механизму, при помощи которого все угодья, от полевой земли вплоть до приусадебных участков, переделывались между дворами не на временном (условном), а на безусловном праве использования. Такие случаи, по данным Н. А. Горской, наблюдались в монастырских центральнорусских вотчинах уже в 1680-х годах², где феодальные владельцы уже в то время стремились оставить у общины угодья, минимально обеспечивавшие простое хозяйственное воспроизводство крестьянских дворов.

Однако ограниченность подобных фактов, известных до настоящего времени, позволяет считать, что при регулировании своего землепользования сельские общины на протяжении XVIII в. преимущественно уравнивали тяглые возможности дворов путем временной передачи участков, не нарушая тем самым подворного принципа, по которому за двором по обычному праву сохранялось право владения определенным комплексом угодий.

Если еще до XVII в. обычай мог признаваться юридической нормой в государственном судопроизводстве, то в дальнейшем он приобрел сугубо внутривотчинное бытование, с которым помещичья администрация считалась, если он не противоречил принципам управления и эксплуатации поместий. Помещиков вполне устраивало, что сельская община сама в деревне подавляла представление о праве личного земельного владения, а тем самым и о крестьянской собственности.

Личное крестьянское владение крайне затруднялось создавшейся традицией общинного землепользования. Тем не менее в мировоззрении крестьян частнособственническое представление о личном владении сохранялось. Оно проистекало из существования подворного наследственного землепользования, сколь бы ограничено и условно оно в крепостной деревне ни было. Поэтому понятие «своего», «домашнего» владения сохраняло в деревне реальное содержание, и трудно согласиться с С. В. Пахманом, считавшим, что в среде крепостного крестьянства не могло выработаться понятия о земельной собственности, так как оно «сидело» на «чужой» земле; субъектом права была только община, а крестьянин обладал лишь правом пользования³. В начавшемся процессе разложения крепостной деревни частнособ-

² Горская Н. А. Монастырские крестьяне Центральной России в XVII в. М., 1977, с. 217, 231—232.

³ Пахман С. В. Обычное гражданское право в России. СПб., 1877, т. I, с. 2, 6, 12—14, 20. Тот же мотив прослеживается в современной работе П. Н. Зырянова (Зырянов П. П. Обычное гражданское право в пореформенной общине.— ЕПАИ, 1976, с. 92—93, 96—97).

стevensкие стремления опирались именно на сохранившиеся обычно-правовые представления о подворном владении и его традиционном существовании. В этой связи нельзя не вспомнить слова В. И. Ленина о том, что «капитализм сам создает себе соответствующие формы земельных отношений из старых форм — из феодального помещичьего, из крестьянски-общинного, кланового землевладения и т. д.»⁴.

Более традиционно сохранялись и бытовали обычно-правовые нормы, регулировавшие крестьянские семейно-имущественные отношения. В отличие от позднефеодального законодательства, все более точно разрабатывавшего личные права отдельных членов семей, обычно-правовые нормы стояли на страже материальных интересов всей семьи в целом, т. е. на страже сохранения ее производственной деятельности. Именно поэтому эти нормы приспособлялись к специфике структуры крестьянской семьи (малая и неразделенная). Они предусматривали возможность дальнейшего функционирования хозяйства путем передачи всего хозяйственно-имущественного комплекса или его долей главам малых семей младшего поколения и очень слабо — элемент личного владения и распоряжения имуществом. Обычно-правовые нормы, регулировавшие семейно-имущественные отношения в крестьянской среде, отвечали взглядам помещиков о необходимости сохранения тягоспособности всех крестьянских семей. Только в начале XIX в. в крестьянскую среду, причем в ее наиболее зажиточную часть, связанную с отхожим предпринимательством, начали проникать, не без давления помещичьей администрации, законодательные принципы писаного гражданского права, прежде всего в сфере завещания и наследования. Но так или иначе в крестьянской — даже в зажиточной — семье в очень ограниченной степени проявлялось право личного владения имуществом, и генезис личной собственности протекал замедленно. Тот факт, что обычно-правовые нормы регулировали отношения и в среде оброчного крестьянства, связанного с товарно-денежными отношениями, свидетельствует о стойкости бытования обычного права.

Постоянно «работая» на стабилизацию и воспроизводство личных общественных, общинных и семейных отношений в деревне, притормаживая имущественное расслоение внутри деревни и нивелируя имущественное состояние отдельных семей, обычно-правовые общинные нормы в условиях феодализма играли очень серьезную, но в принципе только защитную роль, будучи инструментом сословия, боровшегося за существование своего хозяйства; тональность этого инструмента не оставалась неизменной, а соответствовала складывавшимся обстоятельствам существования сословия. Вместе с тем обычное право как надстроечное явление тормозило проникновение в деревни капиталистических отношений даже в период кризиса феодальной формации.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 252.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВГКВР — Вопросы генезиса капитализма в России. Л.
ВИ — Вопросы истории
ВИС — Вопросы истории Сибири. Томск
ВП — Вестник права
ДНГУАК — Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии
ЕПАИ — Ежегодник по аграрной истории. Вологда, 1976. Вып. VI
ЖМЮ — Журнал Министерства юстиции
ЗРГО — Записки Русского Географического общества
ИА — Исторический архив
ИЗ — Исторические записки
КОВС — Крестьянская община в Сибири XVII — начала XX в. Новосибирск, 1977
МПИСХИК — Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М.
ОЗ — Отечественные записки
ПКЗИВПР — Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972
ПСЭИР — Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971
ПТВЭ — Проблемы типологии в этнографии. М., 1979
РИН — Расы и народы. М.
РМ — Русская мысль
РНЦ — Россия на путях централизации. М., 1982
РР — Русская речь
РС — Русская старина
СВ — Северный вестник
СНЮО — Сборник народных юридических обычаев. СПб.
СЭ — Советская этнография
ТАКМАО — Труды археографической комиссии Московского археологического общества
ТВУАК — Труды Владимирской ученой архивной комиссии
УИ — Университетские известия (Киев)
УЗГУ — Ученые записки Саратовского государственного университета
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
ЧИОНЛ — Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца (Киев)
ЧОИДР — Чтения в обществе истории и древностей российских (Москва)
ЭС — Этнографический сборник. СПб.
ЮВ — Юридический вестник

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР И ПОСТАНОВКА

ПРОБЛЕМЫ	3
§ 1. Обычное право в отечественной науке XIX — начала XX в.	3
§ 2. Марксистская постановка проблемы обычного права	30

ГЛАВА ВТОРАЯ

ТИПОЛОГИЯ КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬИ	42
--	----

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЕ

ПО ОБЫЧНОМУ ПРАВУ	70
§ 1. Крестьянское землепользование (основные историографические и типологические аспекты вопроса)	71
§ 2. Земельное обычное право сложной и деревенской общинной организации в крепостной деревне	110
§ 3. Земельное обычное право крестьянского двора в крепостной общине	137

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

СЕМЕЙНО-ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ПО ОБЫЧНОМУ ПРАВУ В КРЕПОСТНОЙ ДЕРЕВНЕ	
§ 1. Имущественные отношения в малых и отцовских неразделенных семьях	
§ 2. Имущественные отношения в неразделенных братских семьях	186
§ 3. Имущественные права примаков	198
§ 4. Обеспечение нетяглых и нетрудоспособных членов крестьянских семей	206
§ 5. Личное имущество в крестьянской семье	223
§ 6. Влияние на обычное право помещичьих инструкций и законодательства	234

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	250
----------------------	-----

**Вадим Александрович
Александров**

**ОБЫЧНОЕ
ПРАВО
КРЕПОСТНОЙ
ДЕРЕВНИ
РОССИИ**

XVIII— начало XIX в.

Утверждено к печати
ордена Дружбы народов
Институтом этнографии
г-м. Н. И. Миклухо-Маклая АН СССР

Редактор издательства
С. Н. Романова

Художник
А. Г. Кобрин

Художественный редактор
Н. А. Фильчагина

Технический редактор
Е. Н. Евтянова

Корректоры Ю. Л. Косорыгин,
О. В. Лаврова

ИБ № 28505

Сдано в набор 17.01.84

Подписано к печати 03.04.84

Т-09601. Формат 60×90^{1/16}

Бумага типографская № 2

Гарнитура обыкновенная

Печать высокая

Усл. печ. л. 16. Уч.-изд. л. 19

Усл. кр. отт. 16,25. Тираж 2250 экз. Тип. зак. 3601

Цена 2 р.

Издательство «Наука»

117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., №

2-я типография издательства «Наука»

121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 13